

РОМУЛ

Михаил
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Эта книга рассказывает о непростой жизни и удивительных подвигах первого римского царя Ромула. В раннем детстве он и его брат-близнец Рем лишились матери и были вскормлены волчицей. Повзрослев, Ромул преодолел множество невзгод и основал Рим — Вечный город, который и поныне привлекает толпы туристов со всего мира. Одержав победу в кровопролитных войнах с жестокими соседями, Ромул не только утвердил силой оружия право римского народа на существование, но и заложил крепкий фундамент для будущего процветания Римского государства. Долгое время исследователи совершенно незаслуженно считали первого римского царя вымышленным героем. Благодаря новым данным, полученным итальянскими учеными в результате археологических раскопок в центре Рима на рубеже XX–XXI веков, стало ясно, что свидетельства античных авторов об основателе Вечного города содержат достоверную информацию и поэтому можно уже не сомневаться, что Ромул — историческая личность.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Михаил Бондаренко](#)
 -
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Беглец из Трои](#)
 - [Обретение родины](#)
 - [Династия Альба-Лонги](#)
 - [Древний Лаций](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Тайна рождения](#)

- [«Дети-маугли»](#)
- [Причуды судьбы](#)
- [Город на крови](#)
- [Глава третья](#)
 - [Похитители девушек](#)
 - [В кольце врагов](#)
 - [Два соправителя](#)
 - [Последние годы](#)
- [Глава четвертая](#)
 - [Народ](#)
 - [Земля](#)
 - [Армия](#)
 - [Власть](#)
 - [Законы](#)
 - [Религия](#)
- [Глава пятая](#)
 - [Загадочное исчезновение](#)
 - [Ромул — бог](#)
- [Вместо послесловия](#)
- [Приложение 1](#)
 - [АВТОРЫ](#)
 - [1. ЛИКОФРОН](#)
 - [2. ЭННИЙ, КВИНТ](#)
 - [3. ЦИЦЕРОН, МАРК ТУЛЛИЙ](#)
 - [4. ВАРРОН, МАРК ТЕРЕНЦИЙ](#)
 - [5. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ](#)
 - [6. КОРНЕЛИЙ НЕПОТ](#)
 - [7. ВЕРГИЛИЙ, ПУБЛИЙ ВЕРГИЛИЙ МАРОН](#)
 - [8. ГОРАЦИЙ, КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК](#)
 - [9. ТИБУЛЛ, АЛЬБИЙ](#)
 - [10. ПРОПЕРЦИЙ, СЕКСТ](#)
 - [11. ВИТРУВИЙ, МАРК ВИТРУВИЙ ПОЛЛИОН](#)
 - [12. ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ](#)
 - [13. ТИТ ЛИВИЙ](#)
 - [14. ОВИДИЙ, ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН](#)
 - [15. СТРАБОН](#)
 - [16. ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, ГАЙ](#)
 - [17. КОНОН](#)
 - [18. ВАЛЕРИЙ МАКСИМ](#)

- [19. СЕНЕКА, ЛУЦИЙ АННЕЙ](#)
- [20. ЛУКАН, МАРК АННЕЙ](#)
- [21. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ](#)
- [22. КВИНТИЛИАН, МАРК ФАБИЙ](#)
- [23. СТАЦИЙ, ПУБЛИЙ ПАПИНИЙ](#)
- [24. ФРОНТИН, СЕКСТ ЮЛИЙ](#)
- [25. МАРЦИАЛ, МАРК ВАЛЕРИЙ](#)
- [26. ПЛУТАРХ](#)
- [27. ТАЦИТ, ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ](#)
- [28. ЮВЕНАЛ, ДЕЦИМ ЮНИЙ](#)
- [29. СВЕТОНИЙ, ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ](#)
- [30. АННЕЙ ФЛОР, ЛУЦИЙ](#)
- [31. АППИАН](#)
- [32. ПОЛИЭН](#)
- [33. АВЛ ГЕЛЛИЙ](#)
- [34. ПСЕВДО-ГИГИН](#)
- [35. ФЕСТ, СЕКСТ ПОМПЕЙ](#)
- [36. ЛУЦИЙ АМПЕЛИЙ](#)
- [37. ДИОН КАССИЙ, КАССИЙДИОН КОКЦЕЯН](#)
(КОККЕЯН) (около 155–235 н. э.)
- [38. ТЕРТУЛЛИАН, КВИНТ СЕПТИМИЙ ФЛОРЕНС](#)
- [39. МИНУЦИЙ ФЕЛИКС, МАРК](#)
- [40. ЭЛИАН, КЛАВДИЙ](#)
- [41. ЮСТИН, МАРК ЮНИАН](#)
- [42. КИПРИАН КАРФАГЕНСКИЙ](#)
- [43. ПОРФИРИОН](#)
- [44. ЦЕНЗОРИН](#)
- [45. СОЛИН, ГАЙ ЮЛИЙ \(III век н. э.\)](#)
- [46. АРНОБИЙ](#)
- [47. ЛАКТАНЦИЙ, ЛУЦИЙ ЦЕЦИЛИЙ ФИРМИАН](#)
- [48. ЕВСЕВИЙ](#)
- [49. СОЧИНТЕЛИ ИСТОРИИ АВГУСТОВ](#)
- [50. ЕВТРОПИЙ](#)
- [51. АВРЕЛИЙ ВИКТОР, СЕКСТ](#)
- [52. СЕКСТ РУФ](#)
- [53. «НОЧНОЕ ПРАЗДНЕСТВО ВЕНЕРЫ»](#)
- [54. ВЕГЕЦИЙ, ФЛАВИЙ ВЕГЕЦИЙ РЕНАТ](#)
- [55. СЕРВИЙ, МАВР СЕРВИЙ ГОНОРАТ](#)
- [56. АВГУСТИН, АВРЕЛИЙ АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)

- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)

- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)

- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)

- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)

- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)

- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)

- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)

- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)

- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)

- [466](#)
 - [467](#)
 - [468](#)
 - [469](#)
 - [470](#)
 - [471](#)
 - [472](#)
 - [473](#)
 - [474](#)
 - [475](#)
 - [476](#)
 - [477](#)
 - [478](#)
 - [479](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2031

(1831)

Михаил Бондаренко

РОМУЛ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Бондаренко М. Е., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

*Светлой памяти замечательного писателя и
ученого-антиковеда Александра Иосифовича
Немировского посвящается эта книга*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шел 771 год до н. э. Весна в Италии наконец-то вступила в свои права, и бурные ручьи, переполненные свежей влагой, весело устремились с гор и холмов в зеленеющие долины, чтобы влиться во вздувшиеся от половодья реки.

Старая волчица, как и положено, оценилась в начале весны. Пять маленьких, еще слепых шерстяных комочков наполняли ее сердце безмерной радостью и материнской гордостью. Сухая и теплая пещера на склоне холма близ Тибра, которую она выбрала для будущего логова еще зимой, стала для нее настоящим домом. Каменные своды являлись надежной защитой от дождя и ветра, а множество сухих листьев, лежавших на полу, служили мягкой подстилкой. В самом дальнем углу пещеры струился небольшой родничок, благодаря которому волчица была избавлена от нужды постоянно наведываться к водопою.

Ее самца, который частенько совершал нападения на овечьи стада, пасшиеся в окрестностях холма, еще в конце зимы убили пастухи. Волчица постаралась стойко пережить его смерть, почти так же, как и гибель своих прошлогодних волчат, из-за чего ей пришлось минувшим летом покинуть свою родину и перебраться на берега Тибра в поисках лучшей доли.

Однажды поутру волчица отправилась на охоту. Ведь самец погиб, и кормить ее было некому, а от отсутствия пищи у нее могло пропасть молоко. Обычно она ненадолго оставляла волчат и, спустившись к берегу реки, пыталась поймать ящериц или мелких грызунов. На этот раз волчицу постигла неудача, и ей пришлось преодолеть довольно большое расстояние в поисках пищи. В конце концов она настигла крупного зайца, ошалевшего от лучей весеннего солнца. Насытившись, волчица отправилась к логову: пора было кормить детенышей молоком.

Уже подходя к холму, она учуяла знакомый запах — запах ее злейших врагов — людей. Вбежав в пещеру, волчица с ужасом обнаружила, что волчата исчезли. Обезумев от горя, она выскочила наружу и стала напряженно втягивать воздух, нюхать землю, пытаясь выяснить, куда понесли ее детей. Учувя, наконец, их запах, волчица побежала в нужном направлении, надеясь настигнуть похитителей.

Следы вели в соседнюю деревню. Уже по дороге волчица с ужасом поняла, что ее волчата, вероятно, мертвы. Об этом явно говорили многочисленные следы крови и клочки шерсти, которые она встретила по

пути. Добравшись до деревни, волчица почти сразу же была вынуждена повернуть назад, так как ее слышали собаки и подняли жуткий лай. Волчат она так больше и не увидела.

Всю ночь волчица надрывно выла, оплакивая гибель своих детенышей. Следующие несколько дней она неподвижно лежала в пещере на слежавшихся старых листьях, которые еще сохраняли запах ее волчат. Ей хотелось умереть, но звериный инстинкт заставлял жить, и поэтому она постепенно начала выходить из пещеры, чтобы добывать пищу и не умереть от голода. Однако волчица никак не могла позабыть о своем горе, вдобавок ее сосцы разрывались от переполнявшего их молока, что причиняло ей боль.

В один из дней волчица, уже по привычке, неподвижно лежала на полу пещеры, как вдруг внезапно до ее ушей долетели странные, незнакомые звуки. Она медленно подняла голову и прислушалась. Вопли не утихали, даже время от времени усиливались, заставляя ее волноваться, поскольку тот, кто издавал их, явно взывал о помощи. Наконец волчица через силу поднялась и, выйдя из пещеры, отправилась к Тибру, — туда, откуда доносился шум.

Выйдя к стремительно текущей реке, раздувшейся от половодья, волчица учуяла знакомый запах людей, и шерсть на ее загривке встала дыбом. Однако крики слышались как раз оттуда, откуда шел зловещий запах, и она, переборов себя, двинулась в ту же сторону.

У корней огромной смоковницы, росшей на берегу Тибра, лежало опрокинутое деревянное корытце, а рядом с ним — два младенца в белых льняных пеленках, заливавшиеся жалобным плачем. Увидев детей, волчица сначала смутилась и отступила, так как ее пугал исходящий от них запах. Но затем ее материнский инстинкт переборол страх: она подошла к одному из младенцев и подставила ему переполненные молоком сосцы, а когда он насытился, с нежностью вылизала его лицо своим шершавым языком. Приласкала она и второго ребенка. Поев, дети тут же успокоились. Умиротворенная волчица легла рядом с младенцами и больше уже не обращала внимания на их запах.

Солнце тем временем клонилось к закату. Над водой стал стелиться туман, и заметно похолодало. Дети, лежавшие в подмокших пеленках, вновь стали плакать. Они были сыты, но им было холодно и неудобно. Тогда волчица решила отнести их в свою пещеру. Она ухватила зубами сверток, в который был завернут первый ребенок, и осторожно потрусилась вместе с ним к холму. Затем вернулась за вторым ребенком и тоже перенесла его в логово.

После этого волчица улеглась в пещере около детей, а они, выбравшись из пеленок в поисках пищи, вновь прильнули к ее сосцам и довольно зачмокали. Согревшись и насосавшись жирного волчьего молока, младенцы быстро уснули.

На притибрские холмы тем временем опустилась ночь, и в небе зажглись яркие звезды. И никто на целом свете не предполагал тогда, что одному из этих детей суждено стать основателем Рима — Вечного города и родоначальником величайшего из всех государств античного мира — Римского государства.

Глава первая

ПРЕДКИ И РОДИНА

Беглец из Трои

Историю Ромула и его брата-близнеца Рема, которых нашла на берегу Тибра волчица, по традиции принято начинать с рассказа о самом известном их предке — знаменитом троянском герое Энее, сыне богини Афродиты (Венеры) и Анхиза, представителя младшей ветви династии троянских царей^{1}. Дело в том, что сами близнецы, по словам античного историка Аппиана, вели «свой род с материнской стороны от Энея, так как род отца был неизвестен, относясь с презрением к этому, они всегда более хвалились своим происхождением от Энея»^{2}.

В детстве этот троянский герой воспитывался у нимф в горах Малой Азии, а затем в доме своей старшей сестры Гипподамии и ее мужа Алкафоя^{3}. Присматривая в юности за стадами, он не блистал особыми дарованиями. Когда разразилась Троянская война (1193–1184 или 1240–1230 до н. э.), Эней присоединился к троянцам лишь после того как Ахилл со своим отрядом напал на его владения на горе Ида и вынудил спасаться бегством^{4}. Однако позднее, принимая участие в защите Трои, Эней отважно сражался с данайцами и совершил немало подвигов. Он даже вступил в единоборство с Ахиллом и чудом избежал гибели от руки последнего благодаря вмешательству бога Посейдона. Вообще в сражениях с греками Энею постоянно оказывали покровительство разные боги — Афродита, Аполлон и Посейдон^{5}. Более того, он рассматривался как второй по значению после Гектора троянский герой и будущий царь троянцев^{6}.

О странствиях Энея и о его прибытии в Италию подробно рассказывают многие античные авторы, но их версии часто весьма отличаются друг от друга^{7}. Окончательную обработку легенда об этом герое получила в «Энеиде» — произведении величайшего древнеримского поэта Вергилия (70–19 до н. э.). Внимательно вчитавшись в текст этой эпической поэмы, можно восстановить хронологию приключений Энея.

Итак, однажды данайцы, долгое время безуспешно осаждавшие Трою, решили обмануть троянцев, построив деревянного коня якобы по обету в дар богине Минерве. В его пустотелое чрево они спрятали отряд отборных воинов, а затем сняли осаду, бросили лагерь и отплыли на своих кораблях, укрывшись в бухте близлежащего острова Тенедос. Троянцы, обрадованные уходом врагов, открыли городские ворота и, увидев коня,

высившегося посреди покинутого стана данайцев, решили затащить его в город. Этому воспротивился жрец Лаокоонт (Лаокоон), который напомнил согражданам о вероломстве греков и призвал взломать утробу коня.

В это же время пастухи привели к троянскому царю Приаму аргосца Синона, который сдался в плен по собственной воле, желая обмануть жителей Трои. Он рассказал царю о том, как ему удалось бежать от своих соратников, которые якобы предназначили его в жертву богам. На вопрос Приама о деревянном коне Синон ответил, что конь принесен по обету в дар Минерве, а сами данайцы отплыли на родину. Вероломный аргосец посоветовал ввезти коня в город, чтобы тот своей священной силой защитил Троию. После этого на глазах троянцев в страшных муках погиб призывавший уничтожить коня Лаокоонт — на него и его сыновей напали две огромные змеи, появившиеся из моря.

Устрашенные троянцы решили немедленно втащить коня в крепость, для чего разобрали часть городской стены. Их не смутило даже то, что конь трижды останавливался, задевая за порог, и внутри него звенел металл. Ночью данайцы на своих кораблях покинули остров Тенедос и возвратились к Трое. Синон же выпустил из чрева деревянного коня скрывавшихся там воинов, которые перебили стражников и открыли городские ворота для подошедшего греческого войска.

Той же ночью, когда данайцы обманом проникли в Троию, Энею во сне явился призрак погибшего героя Гектора и велел ему немедленно спастись из захваченного врагами города, взяв с собою семью и изображения богов-хранителей Трои, дабы найти для них новое место и воздвигнуть новый великий город. Эней тут же проснулся и увидел, что город горит, а на улицах идет жестокий бой. Он не решился выполнить наказ Гектора и, созвав своих соратников, вступил в бой с данайцами. Но его усилия были напрасны! Многих друзей Энея убили в кровавой схватке, а сам он с несколькими уцелевшими соратниками отступил к дворцу Приама. Однако несмотря на отчаянное сопротивление троянцев, Пирр (Неоптолем), сын Ахилла, со своим отрядом все же ворвался во дворец. Он погнался за царским сыном Политом, который упал и скончался на глазах отца и матери, искавших спасения у священного алтаря. Когда же несчастный царь Приам, призывая богов, стал обвинять Пирра в этом злодеянии и бессильной рукой метнул в него копьё, тот зарубил его прямо на алтаре.

Увидев, как безжалостно был убит престарелый царь, Эней пришел в ужас. Он понял, что Троя окончательно погибла, и испугался за судьбу своей семьи. Случайно обнаружив спартанку Елену, скрывающуюся в храме Весты, Эней решил ее убить, чтобы таким образом отомстить за все

страдания троянцев. Ведь именно из-за нее началась Троянская война! Но тут перед ним предстала его мать богиня Венера, напомнила ему о семье и велела немедленно бежать из города.

Эней с трудом добрался до отчего дома и велел всему семейству немедленно собираться. Однако ему воспротивился его отец Анхиз, который заявил, что уже очень стар и должен погибнуть вместе с Троей, а не отправляться в изгнание в чужие края. Эней попытался уговорить отца, но безуспешно. Тогда он вновь облачился в доспехи и приготовился погибнуть, защищая родной дом и семью. Внезапно у Аскания (Юла), сына Энея, вспыхнуло на голове священное пламя. Анхиз, пораженный этим чудом, обратился к всемогущему Юпитеру и попросил явить новое божественное знамение. И в тот же миг раздался удар грома и с неба упал огненный метеорит. Узрев это знамение, Анхиз согласился, наконец, покинуть Троию, поскольку такова была воля богов.

Эней посадил отца к себе на плечи и вручил ему священные изображения богов-пенатов, затем взял Аскания за руку и в сопровождении своей жены Креусы, дочери Приама, направился к давно заброшенному храму Цереры, который находился за городскими стенами. Здесь он вместе с верными друзьями рассчитывал найти убежище и спастись от мечей разъяренных данайцев.

По дороге Энею пришлось спасаться от преследования врагов, которых заметил близ городских ворот Анхиз, и поэтому Креуса отстала или потерялась. Поскольку дело было ночью, Эней обнаружил, что она пропала, только когда подошел к храму. Герой вернулся в город и безуспешно пытался отыскать жену. Внезапно он узрел ее призрак, который велел ему не горевать понапрасну, поскольку все свершилось по воле богов, а затем предрек далекое странствие. Убитый горем Эней вернулся в храм Цереры, где его ждали отец и сын, а также многие другие троянцы, спасшиеся из охваченного пламенем города. На рассвете следующего дня он собрал всех, кто укрылся в храме, взвалил на свои плечи отца и двинулся в горы. Все эти события произошли примерно в 1184 году до н. э.

В лесах у подножия горы Иды Фригийской Эней построил флот и весной отплыл вместе с уцелевшими троянцами в поисках новой родины. Первую остановку он сделал у берегов Фракии, где решил основать город Энеаду. Во время жертвоприношения богам в честь закладки города Эней попытался сорвать несколько ветвей с двух деревьев, росших на близлежащем пригорке, чтобы покрыть листвой священные алтари. Внезапно из-под поврежденной коры потекла черная кровь, а из-под земли послышался голос Полидора, сына Приама. Он поведал, что его

предательски убили на этом самом месте по велению местного фракийского царя, а из дротиков, которыми его пронзили, выросли деревья. Узнав об этом, троянцы оцепенели от ужаса и решили, что на оскверненной убийством земле нельзя оставаться. Они совершили необходимые погребальные обряды, насыпали большой холм над могилой Полидора и отплыли восвояси.

Вторую остановку троянцы сделали в гавани острова Делос. В местном храме Аполлона-Феба Эней и его товарищи получили божественное знамение: голос бога велел им искать ту древнюю землю, где некогда возник их род. Старец Анхиз решил, что речь идет о Крите, где когда-то жил предок троянцев Тевкр, и троянский флот направился к берегам этого острова. Здесь Эней основал город Пергамену, и троянцы поверили, наконец, что обрели новый дом. Внезапно начался мор, в результате которого погибли не только все всходы на полях, но и множество людей. Анхиз велел сыну вновь плыть на Делос и вторично спросить божество. Но тут, по воле Аполлона, Энею во сне явились боги-пенаты Трои. Они приказали герою немедленно покинуть Крит, который не предназначен для троянцев, и плыть на запад, в Гесперию (Италию), где некогда родился предок троянцев Дардан. Наутро Эней сообщил об этом Анхизу, и троянцы вновь сели на корабли и оставили обжитую было землю.

В море флот Энея попал в жестокий шторм, и троянцы были вынуждены пристать у Строфадских островов, пользовавшихся дурной славой. Здесь обитали гарпии — ужасные злые птицы с девичьими лицами. Когда троянцы высадились на один из островов, то увидели стадо коров и решили устроить пир. Внезапно на приготовленное мясо набросилась стая гарпий и начался жестокий бой. В это же время предводительница гарпий Келено, усевшись на скале, предрекла троянцам, что хотя они и достигнут Италии, но заложат там город только тогда, когда от голода съедят свои столы. Услышав эти мрачные слова, Анхиз повелел принести жертвы богам, а затем садиться на корабли и отплывать. Следующую остановку троянцы сделали у мыса Акции, где устроили пышные жертвоприношения у храма Аполлона-Феба и провели Илионские игры, а затем отправились к берегам Эпира.

Здесь Эней узнал, что Эпиром правит прорицатель Гелен, сын Приама, отобравший власть у Пирра (Неоптолема) и освободивший из плена Андромаху, жену Гектора. Сойдя на берег, герой встретил Андромаху, которая приносила жертвы в честь покойного мужа на пустом кургане близ двух алтарей. Увидев Энея, она не поверила своим глазам и упала в обморок. Придя в себя, Андромаха залилась слезами и стала расспрашивать

предводителя троянцев о его судьбе. Он, в свою очередь, услышал от нее, что частью Эпира (Хаонией) теперь действительно правит Гелен.

После этого Эней встретился с Геленом, который радушно принял его во дворце и устроил пир. Через несколько дней, уже собираясь отплыть, он попросил Гелена совершить предсказание. Тот охотно согласился и предрек, что троянцам суждено еще долго плавать по морям, прежде чем они достигнут желанных берегов Италии и высадятся близ города Кумы. Там Эней должен встретить знаменитую пророчицу Сивиллу и добиться у нее предсказания. Город же он заложит в том месте, где увидит лежащую у реки огромную белую свинью с тридцатью поросятами. Поблагодарив Гелена, который снабдил флот троянцев всем необходимым, и сердечно простившись с ним и Андромахой, Эней вновь отправился в путь.

Наконец троянцы достигли восточных берегов Италии, но, согласно предсказанию Гелена, не стали здесь задерживаться. Совершив жертвоприношение богине Юноне, они поплыли к острову Сицилия. Пристав к берегу близ огнедышащей горы Этны, троянцы встретили Ахеменида, одного из спутников Одиссея (Улисса), который рассказал им, как Одиссей с товарищами попал в пещеру циклопа Полифема и как ему удалось выбраться оттуда, повредив единственный глаз великана. Самого же Ахеменида друзья случайно «позабыли» в пещере. Он молил троянцев немедленно покинуть берег, прежде чем на них нападут циклопы. И действительно, вскоре они увидели Полифема, который спустился к воде, чтобы промыть свой глаз, проколотый Одиссеем. Заслышав шум весел спешно отплывающих кораблей, Полифем поднял крик, на который сбежались другие циклопы и стали угрожать троянцам.

Обогнув Сицилию, флот Энея пристал к берегу в Дрепанском заливе. Здесь, не вынеся долгих скитаний, умер престарелый Анхиз. Убитый горем Эней всё же решил покинуть Сицилию и отплыть в Италию. Однако его флот попал в сильную бурю, которую устроил по просьбе Юноны владыка ветров Эол. Богиня давно ненавидела троянцев и постоянно вредила им, стремясь не допустить их прибытия в Италию. Дело в том, что, согласно предначертаниям судьбы, в далеком будущем город Карфаген, которому всячески покровительствовала Юнона, должны уничтожить обосновавшиеся в Италии потомки троянцев.

Итак, Эол выпустил на волю ветры, и они буквально смешали море с небесами. На глазах Энея разбилось несколько кораблей, на которых плыли его друзья, и он впал в отчаяние. По счастью, бог моря Нептун (Посейдон) услышал, что без его ведома началась буря, поднялся на своей колеснице из морских глубин и разогнал ветры, не дав им утопить флот троянцев.

Спасенные Нептуном корабли Энея пристали к берегам Ливии, войдя в небольшую и уютную гавань. На суше троянцы разбили лагерь рядом с пещерой, в которой струился родник с пресной водой. Отправившись на охоту, Эней убил несколько оленей, и троянцы устроили пир.

На следующий день богиня Венера, приняв обличье девы-охотницы, внезапно предстала перед Энеем, который с утра в раздумьях бродил по лесу вместе со своим верным другом Ахатом и пытался выяснить, в какой край их занесло. Венера сообщила Энею, что его флот прибило к берегам Пунийского царства, где правит царица Дидона, бежавшая в эти края из города Тира. Некогда она была замужем за тирийцем Сихеем, вероломно убитым ее братом Пигмалионом. Когда Дидона узнала об убийстве, она вместе с верными людьми погрузила на корабли казну, прибыла в эти места, купила у местных племен землю и основала город Карфаген. В ответ Эней рассказал Венере о своей нелегкой судьбе. Герой сразу догадался, что под маской девы скрывается бессмертная богиня. Однако лишь когда она ушла, предварительно ободрив его и посоветовав отправляться к Дидоне, он понял, что это была его мать.

Скрытые от любопытных глаз волшебным облаком, которым их окружила Венера, Эней и Ахат незамеченными достигли Карфагена. Пока они любовались новой мощной крепостью, замечательным храмом Юноны с его чудесными рельефами, изображающими сцены Троянской войны, к святилищу богини прибыла царица Дидона в окружении толпы придворных. Она села на трон и приготовилась вершить суд. И тут Эней с Ахатом заметили в толпе своих друзей, корабли которых разметала буря и которых они считали погибшими. Те предстали перед царицей и рассказали о своей нелегкой судьбе и пропавшем царе Энее, а также попросили дать им материалы для починки кораблей. Дидона согласилась им помочь и даже предложила остаться в Карфагене. В это время облако, созданное Венерой, внезапно рассеялось и перед изумленными пунийцами предстал Эней, который тут же сообщил Дидоне о том, кто он и откуда. Царица с радостью приняла троянцев, снабдила их скотом и вином, а Энея пригласила во дворец на большой пир, устроенный в его честь.

Эней незамедлительно отправил Ахата в лагерь троянцев за своим сыном Асканием, а также за богатыми дарами для Дидоны. В это же время Венера, желая обезопасить Энея от будущих козней Юноны, усыпила Аскания и тайно заменила его на своего сына Купидона, который в облике Аскания прибыл с Ахатом на пир. Гости стали дивиться роскошным дарам Энея, а Дидону привлек мальчик Купидон-Асканий, который забрался к ней на колени и, следуя приказу Венеры, зажег страсть в сердце царицы и

заставил ее влюбиться в предводителя троянцев.

Под влиянием волшебных чар Купидона Дидона без памяти влюбилась на пиру в Энея и почувствовала, что с каждым часом в ней все сильнее и сильнее разгорается огонь любви. Наутро она обратилась за советом к своей сестре Анне и пожаловалась, что троянский герой пробудил в ней любовную страсть. После гибели мужа Сихея Дидона дала обет безбрачия и теперь не знала, как ей поступить. Анна успокоила сестру и посоветовала ей не противиться своим чувствам. Она также убедил Дидону, что брачный союз с Энеем будет очень выгоден для Карфагена.

Ободренная царица с радостью последовала советам Анны и принесла благодарственные жертвы богине Юноне. С каждым днем любовная страсть к Энею всё сильнее терзала ее, и она стала забывать обо всем, даже о необходимых приличиях. Так, однажды Энея и Дидону во время охоты застала гроза, и они были вынуждены укрыться в пещере, где впервые познали друг друга. Устроила все это богиня Юнона, заручившаяся согласием Венеры. Юнона желала, чтобы троянцы навсегда остались в Карфагене, укрепили его мощь и никогда не добрались бы до берегов Италии.

Счастливая Дидона более не скрывала своих чувств на людях, но внезапно события приобрели неблагоприятный для нее оборот. О любовной связи царицы узнал ливийский царь Ямба, бывший в свое время ее женихом. Уязвленный, он с мольбой обратился к Юпитеру и попросил наказать любовников. Узнав о недопустимой сердечной связи предводителя троянцев, верховный бог страшно разгневался и отправил к Энею Меркурия с приказом, чтобы троянцы покорились судьбе и немедленно отплыли в Италию, где должны основать великую державу.

Услышав из уст бога Меркурия строгое повеление Юпитера, потрясенный Эней пришел в ужас и понял, что ему придется бросить царицу и бежать. Он приказал троянцам тайно готовиться к отплытию, а сам стал думать о том, как сообщить о своем отъезде Дидоне, чтобы не обидеть ее. Однако царица сама обо всем догадалась и пришла к Энею. Сначала она стала обвинять его в обмане, а потом со слезами на глазах умолять остаться, упрекая в том, что он обесчестил ее и теперь хочет бросить на произвол судьбы. Эней, страдающий не меньше Дидоны, неудачно оправдывался, заявляя, что не вступал с ней в официальный брачный союз. Он также пытался объяснить царице, что должен отправиться в Италию не по своей воле, ибо не может противиться приказам Юпитера. Дидона не поверила Энею и в гневе осыпала его упреками и проклятиями.

Удрученный троянский герой начал готовить флот к отплытию, а несчастная царица, придя в себя, послала к нему сестру Анну с мольбой не спешить и отложить отъезд хотя бы на некоторое время. Однако Эней остался непреклонен, и убитая горем Дидона решила покончить жизнь самоубийством. То тут, то там она лицезрела зловещие предзнаменования: жертвенное вино на алтаре превращалось в кровь, из храма раздавался голос ее покойного мужа Сихея, на кровле дворца по ночам завывал филин. Сломленная душевной болью, царица начала готовиться к смерти. Скрывая свой замысел от сестры, она предложила Анне устроить некий магический обряд, который якобы должен вернуть Энея или избавить от страсти к нему. Для проведения обряда Дидона велела сестре подготовить костер во дворце, положить на него оружие и одежды Энея, а также брачное ложе. Ничего не подозревая, Анна безропотно выполнила все ее просьбы.

Глубокой ночью царицу стали одолевать мучительные сомнения. Дидона попыталась принять окончательное решение — жить или умереть, и даже порывалась бежать к Энею на корабль, но в конце концов все же выбрала смерть. В это же самое время к предводителю троянцев во сне явился бог Меркурий, который вновь напомнил ему о воле Юпитера, предостерег от козней оскорбленной царицы и потребовал немедленно отплывать. Тотчас проснувшись, устрешенный Эней приказал троянцам рубить причальные канаты и поскорее выходить в открытое море.

На рассвете, поднявшись на высокую башню дворца, Дидона заметила плывущие на горизонте корабли троянцев. Ее охватило безумное отчаяние. С гневом царица обратилась к верховным богам, проклиная Энея и всех его потомков. Затем, обезумев, она помчалась к высокому жертвенному костру, на котором были сложены вещи Энея. Взойдя на него, Дидона опустила на брачное ложе, обнажила меч Энея и вонзила его себе в грудь. На крик служанок прибежала Анна и стала горько оплакивать сестру, которая в мучениях умерла у нее на руках. Юнона послала с Олимпа на землю богиню Ириду, чтобы та отрешила от тела душу несчастной Дидоны.

Покидая берега Ливии, Эней обернулся, чтобы в последний раз бросить взгляд на Карфаген, и увидел ярко горящий погребальный костер — костер погибшей Дидоны. Мрачные предчувствия томили и терзали его душу. Флот Энея держал курс к берегам Италии, но из-за бури ему вновь пришлось пристать к Сицилии. Здесь троянцев гостеприимно встретил местный царь Акест, троянец по происхождению.

На другой день Эней созвал общую сходку и заявил троянцам, что решил устроить священную тризну и погребальные игры в честь своего отца Анхиза, почившего здесь год назад. В сопровождении множества

троянец он поднялся на погребальный холм и начал совершать жертвоприношение на могиле отца. И тут из гробницы внезапно выползла огромная блестящая змея и, обвив холм семь раз и отведав жертвенной пищи с алтарей, вновь скрылась в гробнице. Эней воспринял это явление как благоприятный знак и принес в жертву овец, быков и свиней. Затем началась священная тризна.

На девятый день были назначены погребальные игры. Сначала прошли гонки кораблей, а затем состоялись состязания в беге, в кулачном бою, в стрельбе из лука и, наконец, так называемые Троянские игры — конные ристания юношей. Все участники состязаний получили богатые дары из рук Энея, все были счастливы и не предчувствовали беды.

Богиня Юнона, со злостью наблюдавшая за веселящимися троянцами, стала вновь строить им козни. Она послала на землю Ириду, которая превратилась в старуху Верою и отправилась к троянкам, собравшимся оплакать старца Анхиза на морском берегу. Бероя-Ирида начала убеждать женщин, что нужно остаться на земле гостеприимной Сицилии, основать здесь город и больше не думать об опасных путешествиях. А чтобы мужа не смогли выйти в море, необходимо сжечь флот. Уставшим от семилетних скитаний троянкам ее слова пришлись по душе. Ирида же, внезапно сбросив обличье старухи, на крыльях вознеслась на небо, оставляя после себя радугу. Потрясенные божественным знамением женщины схватили факелы и подожгли флот. Увидев пожар, троянцы бросились к кораблям и тщетно пытались их потушить. Тогда отчаявшийся Эней воззвал к Юпитеру и тут же на корабли обрушился невиданный ливень, полностью залив огонь.

Потрясенный пожаром царь долго предавался раздумьям: обосноваться ли на сицилийских землях или все же плыть в Италию. Его сомнения разрешил мудрый старец Навт, который предложил основать в Сицилии город — Акесту (Сегесту) и оставить в нем всех немощных мужчин, стариков и недовольных жен, а молодые и сильные мужи пусть плывут в Италию. Ночью Энею во сне явился его отец Анхиз и велел последовать мудрому совету Навта. Кроме того, Анхиз потребовал от сына, чтобы тот, достигнув Италии, вместе с кумской Сивиллой спустился в подземное царство и повидался с ним, дабы узнать предначертания судьбы.

Утром Эней созвал всех троянцев на сходку и, договорившись с царем Акестом, объявил о своем решении основать город. Тут же в списки граждан были занесены все те, кто желал остаться в новом городе. Затем Эней провел обряд основания города, заложил храм Венеры Идалийской, окружил могилу Анхиза священной рощей, а Акест торжественно утвердил

законы для нового города. Через девять дней, принеся необходимые жертвы богам и попросившись с Акестом и остающимися на Сицилии троянцами, Эней с попутным ветром отплыл в Италию.

В это же самое время Венера обратилась к богу Нептуну и попросила его сделать так, чтобы Эней со спутниками беспрепятственно добрался до Италии. Нептун успокоил богиню и пообещал, что выполнит ее просьбу и в качестве платы возьмет жизнь лишь одного человека. Когда наступила ночь, бог Сон усыпил кормчего Палинура, корабль которого возглавлял флот троянцев, и столкнул его за борт. Через некоторое время Эней заметил, что флот сбился с пути, и принял командование на себя. Узнав, что Палинур утонул, он горько оплакал его смерть. Нептун же, получив свою жертву, полностью выполнил данное Венере обещание, и флот Энея благополучно достиг берегов Италии.

Пристав к итальянскому берегу близ греческого города Кумы, троянцы разбили лагерь. Эней со спутниками направился к местному святилищу Аполлона-Феба и Гекаты и принес здесь благодарственные жертвы богам. Затем троянцы отправились к глубокой пещере на склоне Эвбейской горы, где обитала кумекая Сивилла.

Когда Эней еще только подходил к пещере, в Сивиллу внезапно вселился Феб, и ее тут же охватило божественное безумие. Она почувствовала приближение предводителя троянцев и назвала его по имени. В ответ на мольбу Энея к ней и к Аполлону-Фебу о том, чтобы троянцам было позволено, наконец, обосноваться в Италии, Сивилла дала довольно мрачное предсказание, в будущем суля герою большие беды и кровопролитные битвы.

Эней воспринял грозные слова Сивиллы со спокойствием, достойным героя, и лишь просил ее указать вход в подземное царство, чтобы он мог навестить отца. Прорицательница ответила, что спуститься в Тартар нетрудно, а вот вернуться — почти невозможно. Для того чтобы вновь увидеть белый свет, Энею нужно раздобыть золотую ветвь (омелу), растущую на священном дубе, и принести ее в дар подземной богине Прозерпине. Кроме того, Сивилла сообщила герою, что только что умер один из его друзей, которого необходимо достойно похоронить, а затем принести искупительные жертвы.

Опечаленные троянцы покинули пещеру Сивиллы и, достигнув своего лагеря, узнали, что трубач Мизен погиб в состязании с морским божеством Тритоном. Чтобы сложить для погибшего друга погребальный костер, Эней с товарищами отправился за дровами в темную лесную чащу. Здесь герой узрел двух голубок — посланниц богини Венеры, которые и привели его к

золотой ветви, растущей на дубе. Он немедленно сорвал ветвь и отнес ее в пещеру Сивиллы. Тем временем троянцы провели необходимые погребальные обряды, сожгли тело Мизена на костре и насыпали над его могилой большой холм. Эней, простившись с другом и возложив на его курган трубу, весло и доспехи, направился к входу в подземное царство.

Глубокой ночью Эней и Сивилла совершили жертвоприношения подземным богам, а на рассвете начали спуск в преисподнюю. При входе они увидели ужасных богов: Скорбь, Болезни, Старость, Страх, Позор, Голод, Муки и др. Далее встретили целый сонм чудовищ: Сциллу, Химеру, Лернейскую гидру, гарпий, кентавров, ужасных великанов. Эней испугался и обнажил меч, но Сивилла успокоила его, напомнив, что это всего лишь тени.

Подойдя к подземной реке Ахеронт (Ахерон), они заметили огромную толпу теней усопших, стремящихся оказаться в лодке страшного, грязного и заросшего седой бородой старца. Сивилла сообщила Энею, что старец этот — Харон, и в своем челне он перевозит на другой берег тени только тех усопших, тела которых были погребены. Непогребенные же обречены скитаться по берегу Ахеронта. Затем Эней увидел среди неприкаянных теней кормщика Палинура, который пожаловался ему на свою судьбу и попросил отыскать его тело, лежащее на берегу Ведийской гавани, и похоронить. Заметив Энея и Сивиллу, старец Харон страшно разгневался, заявив, что живым в подземном царстве не место. Сивилла успокоила старика и показала ему золотую ветвь, после чего он безропотно перевез путников на другой берег.

Сойдя на сушу, они встретили сидящего у входа в пещеру трехглавого пса Цербера, которого Сивилла усыпила сладкой лепешкой с сонной травой. Миновав логово ужасного пса, Эней и Сивилла увидели места, где обитали тени младенцев, самоубийц, людей, погибших от лживых наветов, от несчастной любви, на войне — то есть всех тех, кто умер раньше срока. Тут же царь Минос творил свой суровый суд над душами. В миртовом лесу, где томились погибшие от любви, Эней внезапно заметил тень Дидоны и со слезами на глазах обратился к ней, но царица, бросив гневный взгляд, ускользнула от него. На пути Эней также встретил тени троянских воинов, с одной из которых — тенью Деифоба — он долго беседовал.

Сивилла напомнила Энею, что нужно спешить, и указала ему на две дороги. Одна из них вела в обитель праведных теней — Элизий, а другая — в Тартар, где томились тени преступников. Из-за мощных тройных стен неприступного города Тартара доносились стоны, скрежет, лязг цепей и свист плетей. На вопрос Энея о судьбе нечестивцев Сивилла подробно

рассказала, какие ужасные муки претерпевают титаны, пытавшиеся свергнуть Юпитера, обманщики, братоубийцы, клятвопреступники, скупые, прелюбодеи, цареубийцы, богоотступники, предатели родины и др. Вскоре они подошли к стенам Элизия. По приказу прорицательницы Эней совершил омовение чистой водой, а затем прибил к воротам золотую ветвь в дар богине Прозерпине.

Наконец путники вступили в Элизий, где обитали тени праведников. Здесь сияло солнце и шелестели зелеными ветвями дубы, а тени проводили время во всяческих забавах. Эней увидел тени великих героев и своих предков, отдыхающие в рощах на берегу многоводной реки Эридан. Заметив путников, они собрались вокруг Сивиллы, которая попросила тень певца Мусея указать, где можно найти старца Анхиза. Мусей охотно согласился стать провожатым и показал им путь через гору. Взобравшись на горный хребет, Эней издали заметил отца и бросился к нему. Отец и сын со слезами на глазах долго радовались встрече.

Затем Эней увидел реку забвения Лету, около которой, как пчелы, вились сонмы душ. Анхиз объяснил, что этим душам вновь предстоит вселиться в тела людей и среди них много потомков Энея. Вместе с Сивиллой они отправились к Лете и поднялись на большой холм, чтобы удобнее было рассматривать души, пьющие воду забвения из реки. Анхиз долго и подробно рассказывал о великих потомках Энея, поочередно указывая на их души. Кроме того, он рассказал сыну о том, что ждет его впереди.

Наконец, простившись с Анхизом, Эней и Сивилла прошли через ворота снов, сделанные из слоновой кости, и вновь оказались на земле. Эней возвратился к своим кораблям, проплыл вдоль италийского берега и достиг Кайетской гавани (ныне Гаэта). Здесь умерла его кормилица Кайета, ее имя и получила впоследствии эта гавань. После похорон флот троянцев вновь отправился в путь, а затем причалил к берегу в области Лаций.

Обретение родины

Вергилий пишет, что, высадившись на территории Ла-ция, троянцы разбили лагерь и устроили большой пир. За неимением столов они разложили пищу на больших полбяных лепешках. Когда воины, мучимые голодом, съели и эти лепешки («столы»), Эней внезапно осознал, что пророчество гарпии Келено сбылось, и троянцы обрели, наконец, родину, отчизну их предка Дардана. Вне себя от радости, герой тут же велел принести благодарственные жертвы богам, а утром послал воинов разведать окружающую местность.

Узнав, что эти земли принадлежат царю латинов (аборигинов) Латину — правителю города Лаврента, Эней отправил к нему послов с предложением мира и богатыми дарами. В то же время троянцы начали строить для себя дома, окружая будущую крепость частоколом и валом.

Согласно данным поэта Гесиода, царь Латин был сыном Одиссея (Улисса) и волшебницы Кирки (Цирцеи)^{8}, а по сведениям Вергилия — сыном италийского царя-бога Фавна и лаврентской нимфы Марики^{9}. Существует также множество других версий происхождения Латина, одна из которых, например, утверждает, что он приходился сыном Гераклу (Геркулесу)^{10}. Если принять последнюю версию, получается, что Ромул был дальним родственником этого великого древнегреческого героя, а через него — родственником самого бога Зевса (Юпитера).

До Латина в Лации поочередно царствовали Янус, Сатурн, Пик и Фавн. Исконными жителями этой области, по данным ряда античных авторов, были некие дикие люди. Вот что пишет о них Вергилий:

Жили в этих лесах только здешние нимфы и фавны;
Племя первых людей из дубовых стволов тут возникло.
Дикие нравом, они ни быков запрягать не умели,
Ни запасаться ничем, ни беречь того, что добыто:
Ветви давали порой да охота им скудную пищу.
Первым пришел к ним Сатурн с высот эфирных Олимпа,
Царства лишен своего, утрачен оружием сына.
Он дикарей, что по горным лесам в одиночку скитались,
Слил в единый народ, и законы им дал, и Латинской
Землю назвал, в которой он встарь укрылся надежно.
Век, когда правил Сатурн, золотым именуется ныне:

Мирно и кротко царил над народами бог, — но на смену
Худший век наступил, и людское испортилось племя,
Яростной жаждой войны одержимо и страстью к наживе^{11}.

Согласно наиболее распространенной версии, первым царем Лация был Янус, который радушно принял у себя Сатурна и разделил с ним власть. Об этом, например, сообщает в «Фастах» поэт Овидий, вкладывая в уста Януса следующие слова:

...На тускскую реку
Бог серпоносный пришел, круг исходивши земли.
Помню я, как приняла страна эта бога Сатурна,
Что из небесных краев изгнан Юпитером был.
Долго здешний народ сохранял Сатурново имя;
Лацием после того божий назвался приют.
Но благочестный народ на меди корабль отчеканил
В память о том, как сюда прибыл низвергнутый бог.
Сам поселился я там, где Тибра песчаные струи
Левого берега край ласковой моют волной.
Здесь, где возвысился Рим, зеленела нерубленой чаща
Леса и мирно паслось скромное стадо коров.
Крепость моя была холм, который поэтому люди
Стали Яникулом звать и до сих пор так зовут.
Царствовал там я тогда, когда боги землю владели
И в поселеньях людских жили еще божества^{12}.

Со временем Янус был обожествлен и стал считаться покровителем всякого начала, двуликим богом входа и выхода, а также дверей и ворот. В его честь был назван месяц январь, ему же был посвящен первый день каждого месяца и первая половина каждого дня.

В правление Сатурна в Италии наступил подлинный «золотой век». По словам писателя Юстина, Сатурн «был до такой степени справедлив, что при нем никто никому не был рабом и никто не имел никакой частной собственности, но все было общим и неразделенным, как будто бы все владели сообща одним общим отцовским наследием. В память этого образа жизни до сих пор сохранился обычай, чтобы во время праздника Сатурналий права всех уравнивались и чтобы рабы возлежали на пирах вместе с господами. По имени царя своего Италия была названа Сатурнией, а холм, на котором обитал царь, — Сатурнийским. Теперь на этом холме

находится Капитолий, как бы в знак того, что Сатурн был свергнут Юпитером со своего престола»^{13}. По преданию, на Сатурнийском холме Сатурн воздвиг город, который стал именоваться Сатурнией^{14}. Во времена Энея он уже лежал в развалинах. Впоследствии Сатурна, как и Януса, обожествили, и он стал почитаться в качестве бога времени, плодородия, земледелия и обильного урожая.

Следующим правителем Лация, царствовавшим уже в городе Лавренте, стал Пик^{15}, сын Сатурна. Согласно истории, подробно изложенной Овидием в «Фастах», в Пика влюбилась волшебница Цирцея, но он отверг ее любовь, поскольку отдавал предпочтение нимфе Каненте. Разгневавшись, волшебница превратила Пика в дятла^{16}, ставшего впоследствии лесным божеством.

Пику наследовал его сын Фавн^{17} — второй царь Лаврента, отец Латина. Он тоже со временем был обожествлен и почитался как покровитель полей, лесов и пастбищ, а также скотоводства и сельской жизни.

Вернемся к «Энеиде» Вергилия. Итак, царь Латин благосклонно принял посольство троянцев и согласился выделить им землю для поселения. Более того, он отправил Энею в дар прекрасных коней и золотую колесницу, а также предложил ему в жены свою дочь Лавинию, хотя она и была ранее просватана за Турна, юного царя италийского племени рутулов.

Увидев с небес, что троянцы благополучно добрались до устья Тибра, богиня Юнона пришла в ярость. Она решила развязать кровопролитную войну между троянцами и италийцами, для чего отправила в Италию злобную фурию Аллекто, покровительницу ярости, гнева и раздоров. Аллекто наслала безумие на царицу Амату, жену Латина, которая явилась к мужу и стала пылко защищать интересы своего племянника Турна, настойчиво требуя, чтобы царь не отдавал их дочь замуж за Энея. Так и не убедив Латина, царица, уже полностью охваченная безумием, похитила Лавинию и спрятала ее в лесистых горах, чтобы расстроить предстоящую свадьбу дочери.

Сделав свое черное дело, Аллекто полетела в город рутулов Ардею. Она нашла Турна спящим во дворце и, обернувшись старой жрицей Юноны Калибой, предстала перед ним во сне. Мнимая Калиба пыталась разжечь гнев царя и направить его против троянцев и царя Латина. Однако Турн не воспринял слова старой жрицы всерьез и посмеялся над ее страхами. Тогда разъяренная Аллекто открыла свой истинный лик,

превратившись в грозную фурию, а затем вселила в сердце юного царя гнев и буйство. Проснувшись, взбудораженный Турн решил немедленно начать войну против Латина и Энея и велел спешно собирать войска.

Покинув Турна, Аллекто полетела к лагерю троянцев и сделала так, чтобы юный Асканий, сын Энея, на охоте смертельно ранил ручного оленя, принадлежащего Тирру, пастуху царя Латина. Узнав о гибели оленя, Тирр немедленно созвал односельчан и, подстрекаемый Аллекто, повел их к лагерю троянцев. Они схватились с троянцами, и началось настоящее сражение, в ходе которого погибло несколько пастухов. Довольная Аллекто взмыла в небо и гордо похвасталась Юноне, что блестяще выполнила ее приказание и война между троянцами и италийцами теперь неизбежна. Юнона отправила ее обратно в подземное царство, заявив, что все остальное доделает сама.

В это же время пастухи с телами убитых устремились в Лаврент, где стали винить троянцев в злодеянии и требовать от царя Латина, чтобы он немедленно наказал иноземцев. В город прибыл и возмущенный Турн со своей дружиной, и стал еще более будоражить народ. Опечаленный Латин заявил беснующейся толпе, что не пойдет против воли богов и не будет воевать с троянцами. После этого он отказался от власти и затворился в своем дворце. Обычай требовал, чтобы царь в знак начала войны распахнул двери храма бога Януса, но, поскольку он отрекся от власти, за него это сделала богиня Юнона.

По призыву Турна со всей страны в Лаврент стали собираться военные отряды. Многие италийские племена прислали своих воинов: сабины (сабиняне), оски, марсы, аврунки, вольски и др. Кроме того, Турн отправил посольство в Южную Италию к могущественному греческому царю Диомеду с просьбой о помощи.

Энея очень беспокоили все эти приготовления италийцев, и он много размышлял о предстоящей войне. Однажды ночью к нему во сне явился увитый тростником старый речной бог Тиберин — покровитель Тибра. Он велел не страшиться войны и предсказал герою (как в свое время и Гелен), что тот заложит новый город (Лавиний) на том месте, где увидит лежащую на земле огромную белую свинью с тридцатью поросятами. А через 30 лет его сын Асканий возведет еще один город — Альбу. Кроме того, Тиберин посоветовал Энею отправиться к предводителю колонии аркадцев царю Эвандру и заключить с ним военный союз.

Эвандр, сын бога Гермеса (Меркурия) и прорицательницы Карменты (Никостраты, или Фемиды), по совету своей матери однажды покинул родной аркадский город Паллантий и отправился с нею и верными

соратниками в Италию. Это произошло за 60 лет до Троянской войны^{18}, то есть примерно в первой половине XIII века до н. э. В Италии Эвандр был гостеприимно принят царем Фавном и получил от него во владение земли на берегу Тибра. Опять же по совету своей матери Карменты он основал укрепленный город Палантий у подножия одного из притибрских холмов (или на самом холме), почти на том самом месте, где спустя несколько столетий возникнет Рим^{19}. Эвандр назвал этот город либо в честь метрополии, либо в честь своего предка, либо в честь внука Паланта^{20}. Кроме того, он познакомил жителей Лация с некоторыми музыкальными инструментами (лирой, флейтой) и с искусством письма (вероятно, это было греческое линейное письмо Б), а также ввел несколько новых культов, привезенных им из Греции, — это культы Пана Ликейского, Гермеса (Меркурия), Деметры (Цереры), Посейдона (Нептуна) Конника, Ники (Виктории) и Геракла (Геркулеса)^{21}.

Итак, на рассвете Эней проснулся и, вспомнив свой сон, горячо помолился Тиберину. Внезапно он заметил на берегу большую белую свинью с тридцатью поросятами, лежащую среди тенистых деревьев. Ликующий Эней тут же принес свинью и поросят в жертву Юноне и велел немедленно снаряжать корабли. По сообщению древнеримского ученого Варрона, при императоре Августе еще сохранялась память об этой свинье и поросятах: «...медные изображения их и сейчас выставлены в общественных местах, а тело свиньи, лежащее в рассоле, показывают жрецы»^{22}.

На двух кораблях Эней со спутниками отправился в плавание по Тибру и к вечеру благополучно достиг владений царя Эвандра. Город аркадцев располагался как раз на том месте, где в будущем вырастут мощные стены Рима. Царь вместе с горожанами приносил жертвы богам в священной роще у городских стен, отмечая ежегодный религиозный праздник. Палант, сын Эвандра, заметил корабли троянцев и устремился к ним. Встретившись с Энеем и расспросив его, он проводил троянцев к царю. Старец Эвандр приветливо встретил героя и благосклонно выслушал его просьбы о помощи и союзе. Он пригласил троянцев присоединиться к празднику и занять места за пиршественным столом. Во время пира Эвандр рассказал Энею о празднике, который они отмечали, и изложил историю о том, как герой Геркулес (Геракл), сын Юпитера (Зевса), посетил эти края.

Некогда Эврисфей, царь Тиринфа и Микен, приказал Геркулесу совершить очередной подвиг (десятый по счету) — доставить к царскому двору коров трехголового великана Гериона, живущего на далеком острове

Эрифия в Океане (Атлантическом океане). Благодаря помощи бога солнца Гелиоса Геркулес благополучно прибыл на остров, убил великана и забрал его знаменитых коров^{23}. На обратном пути в Пелопоннес герой перегонял коров через Италию и остановился отдохнуть на берегу Тибра у римских холмов, где в те времена находился маленький городок Палантий, населенный прибывшими из Греции аркадцами, царем которых был Эвандр.

Пока Геркулес, отягощенный усталостью после долгого путешествия, сладко спал на лугу, несколько его коров похитил местный разбойник (или великан) по имени Как. Вергилий в «Энеиде» устами царя Эвандра довольно подробно описывает это событие:

Прежде, троянский мой гость, погляди на утес тот нависший:
Видишь, — отброшены вдаль обломки скал, и покинут
Дом на склоне горы, и с откоса осыпались камни.
Там пещера была, и в глубинах ее недоступных
Прятался Как-полужверь и скрывал от света дневного
Гнусный свой лик. У пещеры его увлажненная теплой
Кровью дымилась земля, и прибиты над дверью надменной
Головы были мужей, оскверненные гноем кровавым.
Чудище это Вулкан породил, — потому-то из пасти
Черное пламя и дым изрыгал великан кровожадный.
Время, однако, и нам принесло желанную помощь,
Бога к нам привело. Появился мститель великий:
Подвигом гордый, сразив Гериона трехтелого в битве,
Прибыл в наш край победитель Алкид и добычу, ликуя, —
Стадо огромных быков — вдоль реки он гнал по долине.
Кака неистовый дух соблазняло любое злодейство,
Хитрость любая; не мог он и тут удержаться от козней:
Самых прекрасных быков четырех увел он из стада,
Столько же телок украл, отобравши самых красивых.
Но, чтобы след их прямой похитителя тотчас не выдал,
Чтобы указывал он в обратную сторону, — вел их
Дерзкий разбойник за хвост, и упрятал в недрах пещеры.
Ищущим путь указать не могли никакие приметы.
С пастбища тою порой погнал Юпитера отпрыск
Сытое стадо свое, чтобы дальше в дорогу пуститься.
Тут замычали быки, огласив призывом протяжным
Роци окрест, и с холмов побрели они с жалобным ревом.

Голос в ответ подала из пещеры глубокой корова,
Сделав напрасными вмиг сторожившего Кака надежды.
Гневом вспыхнул Алкид, разлилась от обиды по жилам
Черная желчь; узловатую он хватает дубину,
Мчится по склонам крутым к поднебесной горной вершине.
Тут-то впервые мы все увидали испуганным Кака:
Бросился тотчас бежать в испуге он прямо к пещере,
Эвра быстрее полетел, словно выросли крылья от страха.
Цепи железные он оборвал, на которых над входом
Камень тяжелый висел, прилаженный отчим искусством,
Глыбою дверь завалил и в пещере заперся прочно.
Но приближался уже, скрежеща зубами свирепо,
Славный тиринфский герой и рыскал яростным взором
В поисках входа везде. Обежал он, гневом пылая,
Трижды весь Авентин, понапрасну трижды пытался
Камень-затвор отвалить и садился трижды, усталый.
Глыба кремня на хребте над пещерой Кака стояла,
Между утесов крутых выдаваясь острой вершиной;
Там, как в удобном доме, гнездились гнусные птицы.
Влево клонилась она, над рекой нависая высоко, —
Справа налег Геркулес и скалу расшатал, обрывая
Корни в недрах горы, и, со склона обрушившись, глыба
Пала; паденье ее отдалось словно громом в эфире,
Дрогнули берег и дол, и поток отхлынул в испуге.
Кака подземный чертог открылся взору Алкида,
Новый провал обнажил глубины темной пещеры, —
Так разверзает порой напор неведомой силы
Пропасть в толще земной, и богам ненавистное царство
Взору является вдруг в глубине зияющей бездны,
И от проникших лучей трепещут бледные маны.
Вор, застигнут врасплох внезапно хлынувшим светом,
Заперт в полой скале, метался с воем истошным;
Стрелами сверху его осыпал Геркулес и любое
В ход оружие пускал — и огромные камни, и сучья.
Видит Как, что ему от погибели некуда скрыться;
Начал он дым изрыгать из пасти, — дивное дело! —
Все свое логово мглой непроглядной наполнил поспешно.
Зренья героя лишив, сгустилась под сводом пещеры
Дымная тьма — лишь порой прорезал ее пламени отблеск.

Тут не стерпел Геркулес и в провал, огнем полыхавший,
Прыгнул стремглав — туда, где сильней колыхался волнами
Дым, где черный туман по пещере бурно клубился.
Кака во тьме он настиг, изрыгавшего дым бесполезный,
Крепко руками обвил, и прижал, и сдавил его, так что
Вылезли тотчас глаза, пересохло бескровное горло.
Двери сорвав, отворил Геркулес пещеру злодея,
Небо увидело вновь похищенный скот (отпирался
Вор понапрасну) и труп безобразный, который Алкидом
За ноги вытащен был. А мы, наглядеться не в силах,
Страшным дивимся глазам и мохнатой груди полузверя,
Смотрим в раскрытую пасть, из которой не бьет уже
пламя^{24}.

Узнав от своей матери Карменты, что Геркулесу в будущем суждено стать богом, царь Эвандр (по другой версии, сам герой) воздвиг алтарь Геркулеса (знаменитый Великий алтарь, *Ara Maxima*) и стал первым, кто учредил его культ и начал воздавать этому герою божеские почести^{25}. По свидетельству древнеримского историка Тита Ливия, «тогда-то впервые и принесли жертву Геркулесу, взяв из стада отборную корову, а к служению и пиршеству призвали Потичиев и Пинариев, самые знатные в тех местах семьи. Случилось так, что Потичии были на месте вовремя и внутренности были предложены им, а Пинарии явились к остаткам пиршества, когда внутренности были уже съедены. С тех пор повелось, чтобы Пинарии, покуда существовал их род, не ели внутренностей жертвы. Потичии, выученные Эвандром, были жрецами этого священнодействия на протяжении многих поколений — покуда весь род их не вымер, передав священное служение общественным рабам. Это единственный чужеземный обряд, который перенял Ромул, уже в ту пору ревностный почитатель бессмертия, порожденного доблестью, к какому вела его судьба»^{26}.

Кроме того, во время пребывания в гостях у Эвандра Геркулес убедил местных жителей отказаться от человеческих жертвоприношений и взамен в майские иды сбрасывать в реку Тибр со священного деревянного моста лишь соломенные чучела, изображающие людей^{27}.

По версии древнегреческого историка Дионисия Галикарнасского, Геркулес (Геракл) являлся не мифическим героем, а реально существовавшим, весьма талантливым греческим полководцем, завоевавшим множество земель. Завоевал он и Италию, перед этим

предварительно разбив в кровопролитном сражении племена лигуров, которые препятствовали его вторжению на Апеннинский полуостров: «Когда же Геракл, покорив лигуров, овладел горными проходами, некоторые из их союзников добровольно открывали ему города, особенно те, что имели эллинское происхождение или не обладали достаточными силами для сопротивления, большая же часть была подчинена войной и осадой. Среди побежденных в битве оказался Как, отмеченный в римских преданиях, вождь вполне варварский, предводительствовавший совершенно дикими людьми; обитал он в неприступных местах и в силу этого представлял немалую трудность для соседей. Когда же Как узнал, что Геракл расположился лагерем в соседней долине, он, по-разбойничьи изготовившись, совершил внезапный набег, пока войско спало, окружил и угнал все, что сумел захватить из неохраняемой добычи. Позже Как был осажден элинами, охрана его силой взята была в плен, а затем и он сам был уничтожен в своих укреплениях. Когда крепости были уничтожены, спутники Геракла — аркадцы, которые были с Эвандром, и Фавн, царь аборигинов — взяли и поделили между собой окрестные земли. Пожалуй, можно предположить, что те эллины, что остались там, а это эпеи и аркадцы из Фенея, а также троянцы, были оставлены победителем для защиты страны»^{28}.

Несколько отрядов греков, пришедших вместе с Геркулесом в Италию, — эпейи из Элиды и фенеаты с Пелопоннеса — уговорили его отпустить их с воинской службы и разрешить им остаться в Лации. Затем они основали поселение на так называемом Сатурнийском холме, который впоследствии был переименован в Капитолийский^{29}.

Вновь вернемся к «Энеиде». Закончив свой рассказ о Геркулесе, Эвандр предложил троянцам почтить его жертвоприношением. После окончания праздника царь повел троянцев в город, по пути рассказывая об окрестных местах, где некогда обитало дикое племя людей и правил древний бог Сатурн, принесший на землю «золотой век». Затем Эвандр показал Энею знаменитые в будущем достопримечательности Рима: Карментальские ворота, Луперкал, Аргилет, Тарпейскую гору (Капитолий), Форум. Наконец они подошли к дворцу, и царь предложил гостям расположиться на ночлег в его скромном жилище.

Ранним утром Эвандр поспешил в покои троянцев и обратился с речью к Энею. Он посетовал, что силы аркадцев слишком малы, и поэтому троянцам нужно обязательно заручиться поддержкой многочисленного и воинственного племени этрусков. Эти выходцы из малоазийской Лидии

долгие годы страдали под властью жестокого царя

Мезенция, пока, наконец, не свергли его. Мезенций с сыном бежали, укрывшись у царя Турна, и этруски, пылая мстью, до сих пор безуспешно требуют их выдачи. Эвандр предложил Энею отправиться к этрускам и возглавить их войска, ибо, согласно предсказанию, в бой они могут пойти только под предводительством чужеземца. Кроме того, царь передал Энею на попечение своего сына Палланта и 400 аркадских всадников.

Троянцев несколько разочаровали слова Эвандра, но тут богиня Венера явила им чудесное небесное знамение, свидетельствующее о том, что они обязательно выиграют войну. Воспрянув духом, Эней принес жертвы богам и поблагодарил царя за посильную помощь и гостеприимство. Он велел троянцам грузиться на корабли и возвращаться обратно в лагерь, а сам с небольшим отрядом отправился на лошадях в Этрурию.

На пути к этрусскому стану Эней со спутниками разбил лагерь близ священной рощи бога Сильвана и предался отдыху на берегу Церейской реки. Внезапно перед ним предстала Венера и преподнесла ему замечательные доспехи, созданные по ее просьбе богом Вулканом.

В это же время Юнона послала к царю рутулов вестницу богов Ириду с требованием не медлить и неожиданно напасть на троянцев, пока Эней гостит у царя Эвандра. Турн с радостью повиновался богине и повел отряды италийцев к укрепленному троянскому лагерю. Троянцы же, верные приказу Энея, спешно укрылись за стенами. Царь рутулов попытался выманить их на равнину, чтобы дать бой, для чего решил поджечь флот троянцев, стоящий рядом с лагерем.

Однако Турн не знал, что корабли Энея находились под защитой богов. Дело в том, что троянский флот был сделан из древесины священного леса, некогда росшего на Иде Фригийской. Деревья пожертвовала троянцам Мать богов Кибела. При этом она заручилась обещанием Юпитера, что те корабли, которые достигнут Италии, обретут бессмертие и станут морскими божествами. И вот, когда италийцы уже приготовились поджечь флот, с неба раздался грозный голос Кибелы. Она успокоила троянцев, а затем велела кораблям уплывать. Погрузившись под воду, корабли чудесным образом превратились в морских нимф и скрылись в пучине. Италийцев охватил ужас, но Турн ободрил их, заявив, что исчезновение кораблей — это счастливый знак богов, поскольку теперь у врагов уже нет пути к отступлению. Он пригрозил назавтра полностью уничтожить троянцев, а затем велел воинам разбить лагерь неподалеку, чтобы отдохнуть перед предстоящей битвой.

Следующим утром армия Турна устремилась на приступ лагеря

тroyанцев, и началось кровавое сражение. Итальянские воины замечательно сражались, поскольку в битве им покровительствовал бог войны Марс. Троянцы же терпели одно поражение за другим, и лишь судьба спасала их от поражения. В этот день юный Асканий, сын Энея, впервые принял участие в бою. Ему сопутствовала удача — своей стрелой он сразил героя Нумана. Но тут внезапно с неба спустился бог Аполлон, приняв облик старика Бута, оруженосца Аскания, и посоветовал юноше поберечь себя для будущих сражений.

В это же время Турн прорвался на территорию лагеря троянцев, но при этом оказался отрезанным от своего отряда. Смерть и ужас сеял он в троянском стане, но затем, теснимый врагами, прямо в тяжелых доспехах бросился в реку Тибр и лишь так спасся от неминуемой гибели.

Пока итальянцы осаждали троянский лагерь, Эней прибыл к царю этрусков Тархону, заключил с ним военный союз и принял командование над этрусскими войсками. По его приказу они погрузились на корабли и отплыли. Глубокой ночью, сидя у кормила своего судна, плывущего по реке, Эней заметил в воде прекрасных нимф. Одна из них — Кимодокея — подплыла к борту судна и поведала герою о судьбе оставленных у троянского лагеря кораблей, превращенных Кибелой в морских божеств, одним из которых стала и она. Кроме того, нимфа велела герою поспешать, ибо Турн осадил его лагерь. Эней с благодарностью вознес молитвы Кибеле и приказал воинам готовиться к битве.

Утром флот Энея причалил близ троянского лагеря, и этрусски высадились на берег. Царь рутулов, вдохновляя своих соратников на битву, повел войско к берегу, но не успел помешать высадке. Эней, спеша на выручку своим товарищам, запертым в лагере, первым напал на войско Турна. Началась кровавая битва, в которой от рук предводителя троянцев погибло множество итальянских героев.

В разгаре битвы разъяренный Турн заметил юного Палланта, сына Эвандра, разящего одного за другим лучших итальянских воинов, и вызвал его на бой. Герои сошлись в роковой схватке. Паллант метнул копье в Турна, но промахнулся. Настал черед рутула, который метким ударом поразил юношу копьем в грудь. Затем Турн великодушно отдал аркадцам тело мертвого Палланта, предварительно сняв с него богатую золотую перевязь. Узнав о гибели юного сына Эвандра, разгневанный Эней бросился в гущу битвы и лишил жизни многих доблестных итальянцев. Троянцы вместе с Асканием устремились из лагеря ему навстречу и прорвали кольцо осады.

В это же время Юнона, желая спасти Турна от меча Энея, с позволения

Юпитера спустилась с Олимпа на землю. Она создала из тумана призрак троянского героя, который внезапно появился перед рутулом и поманил его. Турн безуспешно погнался за призраком и взбежал вслед за ним на корабль. Юнона оборвала причальные канаты, и судно, влекомое отливом, унеслось в море. Призрак же Энея внезапно растворился в воздухе и пропал без следа. Негодующий Турн воззвал к Юпитеру и стал корить громовержца за то, что тот опозорил его и выставил трусом перед лицом товарищей. Юнона пожалела скорбящего царя рутулов, и вскоре корабль прибило к берегу.

Пока Турн отсутствовал, в битву вступил бывший царь этрусков Мезенций. Этруски окружили его и пытались убить, но царь отчаянно разил мечом направо и налево, не зная промаха. В гуще боя Эней заметил Мезенция, вступил с ним в схватку и ранил его копьем, а затем, обнажив меч, попытался добить. Но тут Лавз, юный сын Мезенция, бросился между отцом и Энеем и геройски погиб от рук троянского царя.

Узнав, что сын убит, Мезенций пришел в ужас и отчаяние. Несмотря на раны, он нашел в себе силы, чтобы оседлать коня, и устремился к троянскому строю, охваченный безумием и скорбью. Он трижды громко воззвал к Энею, желая отомстить за гибель сына, и троянский герой, вознеся молитву богу Аполлону, вступил с ним в бой. Эней успешно отразил все удары Мезенция, а затем убил под ним коня. Мезенций рухнул на землю и, придавленный конем, осознал, что проиграл. Он сам подставил свое горло под меч героя и перед смертью лишь смиренно попросил Энея похоронить его вместе с сыном в одной могиле.

Наутро после битвы Эней принес жертвы божествам и воздвиг трофей богу Марсу, украсив его оружием, снятым с трупа царя Мезенция. Затем он обратился к троянцам и этрускам с речью, призвав их готовиться к походу на Лаврент, но прежде достойно похоронить своих убитых товарищей. Вернувшись в дом, Эней горько оплакал погибшего Палланта и велел с почетом отправить тело юноши к отцу в сопровождении тысячи самых доблестных воинов. Он также послал Эвандру часть военной добычи, боевых коней и несколько пленников, предназначенных в жертву богам-манам. Тело Палланта положили на погребальные носилки, обрядили в самые дорогие одежды, и скорбная процессия отправилась в путь. Следом несли оружие врагов, побежденных Паллантом, и вели его коня, печально понурившего голову.

Простившись с Паллантом и проводив погребальное шествие, Эней возвратился в лагерь и увидел послов латинов, которые прибыли к нему из Лаврента. Они попросили позволения забрать тела убитых италийских воинов, чтобы предать их земле. Эней дал им разрешение и спросил, зачем

они начали эту войну. Он заявил, что всегда стремился к миру и даже сейчас готов примириться с италийцами, поскольку ведет борьбу не с ними, а с их нечестивыми царями. Намного справедливее было бы, продолжил он, если бы Турн сошелся с ним в единоборстве и положился на волю судьбы, нежели заставлял страдать от войны множество неповинных людей. Послов крайне изумила речь Энея и один из них — престарелый Дранк — пообещал, что они обязательно передадут эти слова италийцам и сделают всё от них зависящее, чтобы разорвать союз с Турном и примирить Энея с царем Латинном. Затем послы заключили с троянцами перемирие на 12 дней и удалились.

Вечером похоронная процессия с телом Палланта прибыла в город Эвандра. Увидев убитого сына, престарелый царь с рыданиями припал к нему. Он в отчаянии корил богов за несправедливость, а затем обратился к троянцам, сопровождающим процессию, и потребовал передать Энею, что тот непременно должен отомстить за смерть Палланта и убить Турна.

На следующее утро в троянском лагере начались похороны воинов. Этруски и троянцы возвели на побережье огромные погребальные костры и с почестями сожгли на них многочисленные тела павших в бою.

Погребальные костры для своих погибших воинов соорудили и италийцы. Весь город Лаврент наполнили стоны и плач женщин, лишившихся своих сыновей, мужей и отцов. Все проклинали войну и царя Турна. То тут, то там раздавались требования, чтобы Турн сошелся в поединке с Энеем и избавил, наконец, италийцев от войны.

Когда послы латинов возвратились от греческого царя Диомеда ни с чем, удрученный Латин собрал в своем дворце большой совет. Он велел послам рассказать, что же ответил им Диомед. Один из них — Венул — сообщил, что греческий царь, утраченный божественными знаменами, наотрез отказался участвовать в войне и посоветовал италийцам заключить мир с Энеем. Выслушав посла, Латин предложил, пока не поздно, помириться с троянцами и послать им богатые дары, а также уступить часть земли для поселения и снабдить всем необходимым. Царя горячо поддержал Дранк, который вдобавок предложил немедленно отдать Энею в жены Лавинию. Он упрекнул Турна в кровожадности и потребовал, чтобы тот, если ему так хочется добыть власть и царевну, сам вступил в поединок с троянским героем, а не заставлял понапрасну гибнуть народ. Взбешенный Турн тут же обвинил Дранка в трусости и, обратившись к царю Латину, заявил, что сил у италийцев еще много и он будет сражаться до победного конца и скорее умрет, нежели заключит мир с врагом. Более того, если троянцы вызывают на бой его одного, он сейчас же готов сойтись в

поединке с Энеем, чтобы доказать всем свою доблесть!

Пока члены царского совета препирались между собой, Эней с войсками оставил свой лагерь и двинулся в сторону Лаврента с целью захватить город. Узнав об этом, Турн немедленно покинул дворец и приказал своим воинам готовиться к бою. Царица Амата с дочерью Лавинией укрылись в храме Минервы и вместе с другими женщинами стали молить богиню о победе. Перед боем Турн встретился с девой-воином Камиллой — царицей и предводительницей конного отряда вольсков. Она заявила, что хочет первой напасть на троянцев и уничтожить их конницу. Царь рутулов одобрил план Камиллы и сообщил ей, что устроил для пехоты Энея засаду в узком горном ущелье, поэтому пусть она уничтожит конницу врага, а он тем временем разобьет пехоту троянцев.

Когда конница троянцев и этрусков прибыла к Лавренту, то сразу же вступила в схватку с конницей италийцев. Камилла храбро сражалась и без счета разила вражеских воинов. Увлечшись преследованием воина Хлорея, бывшего жреца Кибелы, облаченного в золотые доспехи, она забыла об осторожности и погибла от руки юного этрусского всадника Аррунта. Умирая, Камилла успела обратиться к своей подруге Акке и велела ей передать Турну, чтобы тот заменил ее на поле боя и отбросил троянцев от стен города.

После гибели Камиллы битва у стен Лаврента разгорелась с новой силой. Троянцы и этруски перешли в наступление, а италийцы в панике обратились в бегство, пытаясь укрыться за стенами города. Когда Турн, подстерегающий пехоту Энея в горном ущелье, узнал от прибывшей Акки, что Камилла погибла, конница вольсков разбита, а троянцы рвутся в город, он немедленно покинул засаду и со своими воинами поспешил к Лавренту. Тем самым царь рутулов сделал большую ошибку и позволил войску Энея без помех преодолеть ущелье и двинуться следом. Издали Турн заметил идущих по пятам троянцев, и лишь близость ночи не дала противникам начать битву. С наступлением темноты оба войска остановились на ночлег под самыми стенами города.

На следующее утро после конной битвы под стенами Лаврента Турн с негодованием осознал, что силы италийцев почти иссякли и все окружающие глядят на него с упреком. Тогда он гневно заявил Латину, что готов сразиться с предводителем троянцев и пусть всё решит поединок. Царь попытался отговорить Турна от безрассудного шага, предлагая заключить мир с троянцами, но тот остался непреклонен, и даже царице Амате не удалось его переубедить. Турн велел послу Идмону идти в лагерь троянцев и назначить поединок на следующее утро, а затем удалился в свои

покои и начал подготавливать оружие и доспехи для боя. Эней, получив вызов, тоже стал готовить оружие и ободрять друзей. Кроме того, он сразу же отправил к Латину послов с условиями мира.

На рассвете следующего дня воины расчистили у стен Лаврента поле для поединка и подготовили алтари для жертвоприношений. Вожди троянцев и италийцев вывели свои войска и выстроили их на равнине, а женщины и старики заняли места на стенах Лаврента, желая воочию лицезреть схватку двух героев.

В это же время богиня Юнона, надеясь помешать поединку и спасти царя рутулов, призвала к себе нимфу озер, рек и источников Ютурну, сестру Турна. Она попросила ее защитить брата и отсрочить час его смерти, а также попытаться нарушить договор, заключенный между италийцами и троянцами, чтобы вновь развязать войну.

Цари, облаченные в парадные доспехи, прибыли на поле боя на роскошных колесницах, в сопровождении своих ближайших друзей. Они принесли благодарственные жертвы божествам и стали готовиться к поединку. Эней воззвал к богам и поклялся, что в случае его смерти троянцы покинут Лаций, уйдут в город Эвандра и никогда более не будут тревожить италийцев. Если же он победит Турна, то не будет насильно подчинять италийцев своей власти и заключит с ними равноправный союз, а для троянцев построит город Лавиний, назвав его в честь дочери царя латинов. В ответ царь Латин поклялся богами, что заключенный мир и союз между италийцами и троянцами нерушим и тверд и отныне никакая сила не сможет его разрушить. Договор цари скрепили обильными жертвоприношениями.

И вот, когда Турн и Эней уже приготовились вступить в единоборство, нимфа Ютурна услышала ропот среди рутулов, которые, видя превосходство троянского героя, стали сомневаться в справедливости поединка. Тогда она приняла облик доблестного бойца Камерта и начала еще более разжигать недовольство воинов. Ютурна всячески стыдила их, обвиняя в трусости, и призывала не допустить несправедливого убийства Турна, ибо в противном случае италийцы станут рабами троянцев. Среди воинов возникло волнение, и, чтобы еще более помутить умы италийцев, хитрая нимфа явила ложное знамение в небе: орел Юпитера напал на прекрасного лебедя и впился в него острыми когтями, но стая лебедей отбила своего товарища и обратила хищника в бегство. Увидев этот божественный знак, гадатель Толумний тут же призвал италийцев к оружию, первым бросил копье в сторону троянского войска и убил одного из юных воинов. Возмущенные троянцы, пылая жаждой мести, напали на

италийцев, и начался жестокий и кровопролитный бой.

Эней безуспешно пытался остановить своих воинов, призывая к миру, но внезапно в него впилась чья-то стрела и он, раненый, покинул поле боя. Турн, увидев уходящего Энея, зажегся новой надеждой и задумал уничтожить войско троянцев. Вскочив на колесницу, он устремился в самую гущу битвы и лишил жизни множество храбрейших троянских воинов.

Пока Турн сеял смерть и ужас на поле боя, раненый Эней добрался с помощью друзей до лагеря. Лекарь Япиг попытался извлечь из его раны стрелу, но безрезультатно. Тогда богиня Венера решила помочь сыну и тайно добавила волшебных трав в чашу с водой, которой Япиг омывал рану Энея. Стрела легко вышла из тела, и чудесным образом исцеленный герой вновь взялся за оружие.

Эней бросился в битву и стал искать на поле боя Турна, дабы вступить с ним в единоборство. Тут нимфу Ютурну охватил страх и она, сбросив возницу Турна с колесницы, сама взяла в руки вожжи, чтобы не допустить встречи брата с троянским героем. А Эней, видя ускользящую колесницу Турна, безуспешно преследовал ее. Наконец, взбешенный недосыгаемостью царя рутулов, он вступил в бой с италийскими воинами, многие из которых погибли от его меча. Турн же, не уступая в гневе троянцу, тоже уничтожил на своем пути множество врагов.

Наконец, по внушению Венеры, Эней решил напасть на Лаврент и приказал своим воинам приготовить факелы, чтобы поджечь город. Троянцы устремились к стенам Лаврента с лестницами и горящими ветками. Эней же, шествуя в первых рядах, начал громко корить царя Латина за повторное предательство, заявляя, что ведет войну против своей воли. Услышав его слова, жители города пришли в смятение: одни стали требовать отворить ворота перед троянцами и потащили на стену старца Латина, а другие стали спешно готовиться к обороне и собирать оружие. Царица Амата, увидев с крыши дворца идущих на приступ троянцев и бездействующих рутулов, решила, что Турн погиб в поединке с Энеем. Охваченная скорбью и безумием, она спустилась во дворец, связала из мантии петлю и повесилась. Горько скорбели, потрясенные ее смертью, царица Лавиния и царь Латин, а италийские воины совсем упали духом.

В это же время мчащийся по полю на колеснице Турн слышал шум, доносящийся со стороны города, и попытался направить коней к Лавренту. Но возница, под маской которого скрывалась его сестра Ютурна, стал ему перечить. Узнав свою сестру, Турн с укоризной заявил ей, что готов скорее погибнуть, нежели оказаться трусом и безучастно смотреть на то, как враг

сжигает дома италийцев. Внезапно к ним подлетел на коне один из рутулов и известил, что Эней с троянцами начал штурм пылающего Лаврента, царица Амата удавилась, а царь Латин бездействует. Охваченный стыдом и гневом, Турн спрыгнул с колесницы и, покинув Ютурну, устремился к городским стенам. Он громко воззвал к италийцам и потребовал остановить битву, чтобы один на один сразиться с Энеем. Воины тут же повиновались и немедленно расчистили пространство для поединка.

Эней и Турн вышли на поле и вступили в единоборство, а толпа воинов, собравшихся вокруг, с тревогой и надеждой стала наблюдать за ними. Оба героя долго сражались, но силой и доблестью они были почти равны, поэтому всё зависело от их судьбы. И вот при ударе о доспехи Энея, выкованные Вулканом, меч Турна подобно хрупкому льду раскололся на части (в начале боя царь рутулов по ошибке схватил меч своего возницы, а свой забыл). После этого безоружный Турн в панике побежал от троянца по равнине, истерично призывая столпившихся вокруг воинов дать ему меч. Эней тут же устремился за ним в погоню, громко грозя смертью всякому, кто осмелится помочь Турну. Преследуя рутула и обежав пять раз поле боя, троянский герой заметил свое копьё, вонзенное в пень оливы, некогда посвященной богу Фавну, и попытался вырвать его, чтобы метнуть в убегающего врага. Увидев это, Турн с мольбой воззвал к Фавну и попросил его помешать троянцу высвободить копьё. Бог внял его просьбам, и пока Эней медлил, силясь вырвать копьё, Ютурна передала Турну его настоящий меч, закаленный в волнах мрачной подземной реки Стикс. Тогда богиня Венера, разгневанная тем, что нимфа вмешалась в поединок, своей рукой освободила копьё Энея из дерева.

После этого бог Юпитер, желая изгнать с поля боя нимфу Ютурну, несправедливо помогающую Турну, послал на землю злобную фурию, вестницу смерти. Она превратилась в небольшую ночную птицу — одну из тех, что сидят по ночам на могильных холмах и поют зловещие песни — и стала с шумом носиться вокруг Турна, колотясь о его щит. Рутула охватил суеверный ужас, а Ютурна, увидев птицу и узнав в ней фурию, поняла, что ее брат обречен, и со стенаниями покинула его. Тогда Эней начал теснить находящегося в смятении Турна и наконец ударом копья сбил его с ног. Царь рутулов рухнул на землю и стал молить троянца о пощаде. Эней уже готов был помиловать Турна, но тут заметил на нем перевязь Палланта и в гнев пронзил врага мечом.

На этом обрывается рассказ Вергилия об Энее. Впрочем, о дальнейших подвигах троянского героя можно узнать из работ других античных авторов. Известно, что после победы над Турном троянцы и

латины объединились в один народ: «...они смешали обычаи, законы, святилища богов, а также священнодействия богам, завязали родство друг с другом, и стали сообща воевать. Все они вкуче обозначили себя по имени царя аборигинов (Латина. — М. Б.) латинами и нерушимо соблюдали условия соглашения, так что уже никаким обстоятельствам не суждено было отторгнуть их друг от друга»^{30}.

Эней наконец-то взял в жены царевну Лавинию и, как и обещал, назвал основанный им новый город в ее честь — Лавинием^{31}. Дионисий Галикарнасский пишет, что «согласно легендам относительно города Лавиния, троянцев посетили следующие знамения: когда самопроизвольно вспыхнул огонь, волк, таща в пасти сухое полено из рощи, бросил его в огонь, а прилетевший орел раздул взмахами крыльев пламя. Лиса же, замышляя обратное, стала бить намоченным в реке хвостом и тушить разгорающийся пожар; и тогда те, что поджигали, брали верх, а лиса старалась им помешать, но в конце концов эти двое победили, и та удалась, в бессилии что-либо еще сделать. Эней, узрев такую картину, объявил, что колония станет и знаменитой и дивной, и шествующей к вершинам славы, но с ростом превратится в предмет зависти и укоризны для соседей, однако все же осилит противников, обрета по воле богов лучшую долю, невзирая на людскую корысть. Таким образом, говорят, были явлены полису ясные знаки грядущего. И на форуме лавинийцев сохранились памятники этих знамений в виде медных фигурок животных, издревле оберегаемые»^{32}.

Некоторое время спустя царь Латин умер, и Эней как его зять наследовал латинский престол^{33}. По другой версии, Латин был убит в решающем сражении с рутулами или с этрусским царем Мезенцием^{34}. Последний, по мнению большинства античных авторов, не погиб во время войны Энея с Турном, как считал Вергилий.

Надо сказать, что в процессе раскопок городов Этрурии было найдено несколько предметов, свидетельствующих о знакомстве этрусков с легендой об Энее. Это, прежде всего, терракотовая статуэтка из города Вейи, изображающая Энея, несущего на плечах своего отца Анхиза, этрусский скарабей с аналогичным изображением, а также несколько керамических сосудов с подобной же сценой. Все эти предметы, правда, относятся к более позднему времени — к VI–V векам до н. э.

После смерти Латина, который был обожествлен под именем Юпитера Лациарского, Эней три года правил объединенным народом троянцев и латинов и сила его крепла год от года^{35}. Это очень не нравилось рутулам

и царю Мезенцию, которые в итоге объявили латинам войну. Во время решающего сражения с врагами на берегу реки Нумик Эней погиб (или таинственно исчез) и впоследствии был обожествлен латинами под именем Юпитера Индигета^{36}. Вот что пишет об этом Аврелий Виктор: «Тогда Эней, поскольку он был слабее в военном отношении, снес в город много имущества, которое необходимо было сохранить, и разбил лагерь у Лавиния. Оставив во главе его сына Еврилеона (Аскания. — М. Б.), он сам, выждав удобное время для сражения, поставил своих воинов в боевой строй близ устья реки Нумик. Там в разгар горячей битвы вдруг поднялся в воздухе ураган, и небеса излили столько дождя и столько было ударов грома и блеска молний, что у всех пострадали не только глаза, но помрачились даже умы. Вскоре всех на той и другой стороне охватило желание положить конец этой битве. Но этим порывом бури был подхвачен Эней, который больше никогда не объявился. Говорят, но это осталось недоказанным, что он стоял близко к реке; сбитый с берега, он упал в реку, и это будто бы и положило конец битве; затем, когда тучи рассеялись и небо прояснилось, стали думать, что он живым был взят на небо. Другие утверждают, что его потом видели Асканий и некоторые другие над рекой Нумиком в таком же одеянии и вооружении, в каком он вышел в бой. Это обстоятельство укрепило веру в его бессмертие. Итак, в том месте ему был посвящен храм и его называли Отцом Индигетом»^{37}.

А вот как описывает превращение Энея в бога поэт Овидий:

Но небожителей всех и даже царицу Юнону
Старый свой гнев отложить побудила Энеева доблесть.
А между тем, укрепив молодого державу Иула,
Предуготовленным стал для Олимпа герой Кифереин.
Стала богов обходить всеблагая Венера и, шею
Нежно обвив у отца, говорила: «Ко мне ты жестоким
Не был, отец, никогда, — будь ныне, молю, добрее!
Дай ты Энею теперь моему, которому дедом
Стал ты по крови моей, божественность, пусть небольшую!
Лишь бы ты что-нибудь дал! Довольно того, что он видел
Раз тот мрачный предел и прошелся по берегу Стикса!»
Боги сочувствует все; и царицы-супруги недвижимым
Не остается лицо; и она соглашается кротко.
«Оба, — отец говорит, — вы достойны небесного дара,
Тот, о ком просишь, и ты, просящая. Все ты получишь», —
Он провещал. В восторге она и отцу благодарна.

Вот по воздушным полям, голубиной влекомая стаей,
К берегу Лаврента спешит, где вьется, одет камышами,
К близкому морю стремясь речною волною, Нумикий.
Повелевает ему, что смерти подвластно, с Энея
Смыть и бесшумной волной все смытое вынести в море.
Рогоноситель приказ выполняет Венеры; что было
Смертного в сыне ее, своей очищает волною,
Что же осталось — кропит. Так лучшая доля — сохранна.
Преображенную плоть натирает она благовоньем,
Что подобает богам, и, амброзией с нектаром сладким
Уст коснувшись его, в божество превращает. Квириты
Бога зовут «Индигет», алтари ему строят и храмы^{38}.

Известно, что индигетами латины называли тех богов, которые изначально являлись древними царями, героями или родоначальниками, впоследствии обожествленными. Среди них оказался и Эней. По свидетельству Дионисия Галикарнасского, позднее «латины устроили ему героон, отмеченный таким посвящением: «Отцу и подземному божеству, который разгоняет воды реки Нумик»... От него остался небольшой холмик, а вокруг него — деревья, выросшие в ряд, приятно ласкают взор»^{39}.

Этот героон (святилище над могилой героя) археологи обнаружили во второй половине XX века во время раскопок Лавиния (близ современного города Пратика-ди-Маре), лежащего всего в нескольких километрах от моря. В процессе изучения акрополя Лавиния была найдена керамика XII–XI веков до н. э., которая указывает на глубокую древность этого города.

Исследования показали, что героон Энея был воздвигнут в VII–VI веках до н. э., а в IV веке до н. э. подвергся существенной перестройке. Он представляет собой большое курганное погребение с камерой, сооруженной из обработанных камней. Рядом находилась площадка для жертвоприношений духу умершего. Кроме того, неподалеку археологами была найдена стела с посвящением Энею, которая относится ко второй половине IV века до н. э.

На расстоянии четырех с лишним километров к югу от Лавиния, почти на самом морском побережье археологи обнаружили 13 массивных алтарей, сложенных из местного туфового камня. Самый древний из них был воздвигнут еще в VI веке до н. э. Алтари вытянуты в ряд по одной линии и образуют нечто вроде аллеи. Поблизости находились хранилище для священных предметов и небольшой храм. Кроме того, у одного из

алтарей была найдена бронзовая пластина с посвящением божественным братьям Диоскурам — Кастору и Поллуксу, относящаяся к началу V века до н. э. По мнению некоторых ученых, все эти алтари и здания составляли часть большого святилища (храмового комплекса), которое функционировало здесь в VI–II веках до н. э. и, вероятно, принадлежало богам-пенатам, культ которых привез из Трои Эней и которые в дальнейшем особо почитались римлянами^{40}.

Некоторую информацию об этом святилище можно почерпнуть у Дионисия Галикарнасского, который пишет, что «вначале те троянцы, которые пристали в Лаврентской бухте (или бухте Лавиния. — М. Б.) и разбились на морском берегу палатки, страдали от жажды, так как место было безводным (я сообщаю то, о чем узнал от местных жителей). Но затем они узрели родники с вкуснейшей водой, бьющие сами по себе прямо из-под земли. Из них потом утоляло жажду и все воинство, а участок стал орошаем до моря, куда стекала вода из всех ключей. Однако ныне родники уже не так полноводны, чтобы переливаться через край, но лишь немного воды собирается во впадине, которую местные жители зовут Солнечным святилищем. А близ него показывают два алтаря троянцев: один — обращенный к востоку, другой же — к западу. На алтарях, рассказывают, Эней совершил первое благодарственное жертвоприношение богу за воду»^{41}. Очевидно, во времена Дионисия, то есть в I веке до н. э., это святилище находилось в запустении, и на поверхности виднелись только два алтаря, а остальные 11 находились уже под землей.

Первый лагерь, который троянцы разбились на италийской земле и который получил впоследствии наименование «Троя», располагался, по сообщению Дионисия Галикарнасского, примерно в четырех стадиях (около 740 метров) от морского побережья и в двадцати четырех стадиях (около 4440 метров) от того места, где со временем был основан город Лавиний^{42}. Надо сказать, что почти на таком же расстоянии от моря и от Лавиния находится вышеупомянутый храмовый комплекс с аллеей алтарей, который, очевидно, благодарные потомки возвели на месте «Трои» в честь высадки Энея.

Династия Альба-Лонги

После исчезновения Энея царем латинов стал его сын Асканий. Он был вынужден продолжить нелегкую войну с Мезенцием. Когда Лавиний подвергся осаде, Асканий проявил себя как хитрый политик и талантливый полководец. Ему удалось не только снять осаду с города и разгромить лагерь этрусков, но и заставить царя Мезенция по собственной воле заключить перемирие с латинами^{43}.

Как уже говорилось, Эней, согласно предсказанию, заложил город Лавиний на том месте, где увидел лежащую на земле огромную белую свинью с тридцатью поросятами^{44}. В соответствии с этим же предсказанием, через 30 лет (по числу поросят) после основания Лавиния Асканий заложил в Лации новый город «и назвал его от цвета свиньи Альбой, потому что на языке латинян Альба значит «Белая». Второе же название, Лонга, что в переводе значит «Длинная», он дал потому, что в ширину город был узким, а в длину — протяженным»^{45}.

Впрочем, современные ученые считают, что название «Альба-Лонга» скорее следует переводить как «Горный длинный город», поскольку слово «альба» в переводе с древнего лигурийского языка означает «гора», да и сам город протянулся вдоль хребта Альбанских гор. По словам Дионисия Галикарнасского, этот «город был выстроен между горой и озером, и они служили как бы оборонительной стеной города, делающей его неприступным. Ведь гора в тех краях очень крутая и высокая, а озеро глубокое и широкое, и равнина принимает его словно через открытые ворота, так что люди пользуются водой вдоволь. А раскинувшиеся вокруг долины — дивные на вид, плодородные и обильные виноградом и всяческими плодами, нисколько не уступающими дарам природы остальной Италии»^{46}.

Во время строительства Альба-Лонги произошло «великое чудо» со священными изваяниями пенатов — богов-покровителей городской общины Лавиния. Дионисий Галикарнасский пишет, что «после того как в неприступном месте был сооружен храм для богов, статуи которых Эней вывез из Трояды и водрузил в Лавинии, а затем кумиры были перенесены во внутреннее помещение святилища, с наступлением ночи — при том, что двери были заперты, стены ничуть не повреждены и крыша не тронута — они были обнаружены поставленными на прежних постаментах в Лавинии. А когда их опять переправили из Лавиния с молитвами и

умиловительными жертвами, они вновь заняли прежнее положение. И люд терялся в догадках, как поступить в подобных обстоятельствах, не желая ни разделить людей и богов на две части, ни вернуться на покинутое поселение. Вдруг их осенила мысль, способная утолить обе возможности: дозволить богам пребывать на старом месте, а людей для попечения о них возвратить из Альбы в Лавиний для проживания. И были выделены шестьсот блюстителей священнодействий, которые перебрались обратно вместе со своими домочадцами»^{47}.

Упомянутые изваяния пенатов вместе со статуей богини Афины Паллады (Палладием), по преданию, упавшей с неба, Эней привез из Трои^{48}. По данным Дионисия Галикарнасского, «после того как была захвачена низовая часть Трои, Эней продолжал удерживать крепость и спас из неприступных укрытий святыни великих богов и Палладий, еще сохраненный (ведь существуют домыслы, что следующей ночью проникнув в Илион, его выкрали Одиссей с Диомедом). Эней же вынес Палладий, покидая город, и доставил его в Италию»^{49}. Впоследствии Палладий был перенесен в Рим и долгое время хранился в храме Весты.

Асканий процарствовал 38 лет^{50} и умер, оставив наследником своего сына Юла. Однако последний не получил престола альбанских царей, поскольку латины избрали царем Сильвия, младшего сына Энея, которого Лавиния родила уже после смерти мужа, в силу чего он получил прозвище Постум («Посмертный»).

Вот что рассказывает о судьбе Сильвия Дионисий Галикарнасский: «Ведь после того как Асканий вступил на царствование, Лавиния, будучи в тягости, опасалась какой-либо каверзы с его стороны, поскольку приходилась ему лишь мачехой. Поэтому она вверила себя попечению некоего Тиррена из царских свинопасов. Она знала, что он слыл самым близким советником у Латина. Тиррен же отвел ее в непролазный лес, словно простолюдинку, из опасения, как бы не углядели знакомые. Там он содержал ее в срубленном им домишке в мало кому известной лесной долине. Родившееся у нее дитя Тиррен забрал к себе и стал воспитывать, нарекши его Сильвием от слова «лес», что на эллинском языке звучит как «Лесовик». По прошествии срока он проведал, что латины сбились с ног в поисках царицы, а в глазах простонародья на Аскании лежит вина за убиение младенца. Тогда Тиррен раскрыл народу правду и привел Лавинию вместе с ребенком из леса. Таким вот образом благодаря уготованной ему необычайной судьбе Сильвий обрел означенное имя, а после него и весь его род. Когда его брат (Асканий. — М. Б.) скончался, возникло сомнение в

правах на царство одного Юла, старшего из детей Аскания, считавшего себя достойным принять отеческую власть. Но народ вынес справедливое решение не без влияния всяческих соображений и более всего того, что мать Сильвия была единственной наследницей царства.

Юл же вместо царской власти был наделен некой священной силой и почетом, как для безопасности, свойственной монархии, так и для приятной жизни, чем еще и в мою пору пользуется пошедший от него род Юлиев»^{51}.

Сильвий царствовал 29 (по другим данным 49) лет и не совершил ничего, достойного упоминания^{52}. Тем не менее после него все альбанские цари стали носить династическое имя «Сильвий»^{53}.

Престол Альба-Лонги унаследовал его сын Эней Сильвий, правивший более тридцати лет (или 31 год)^{54}.

Потом 50 лет (или 51 год) царствовал Латин Сильвий, который известен тем, что подчинил окружающие земли и 18 соседних городов: Тибур, Пренесте, Габии, Тускул, Кору, Помецию, Ланувий, Лабики, Скаптию, Сатрик, Арицию, Теллены, Крустумерию, Ценину, Фрегеллы, Камерию, Медуллию и Болу^{55}. Ученые до сих пор спорят о точном местоположении большинства городов, упомянутых в этом списке.

Далее следует череда альбанских царей, о деяниях которых почти ничего не известно: Альба Сильвий правил 38 (или 39) лет^{56}, Эпит (Атис, Капет) Сильвий — 26 лет^{57}, Капис (Апис) Сильвий — 28 лет^{58}, Кальпет (Карпент, Капет) Сильвий — 13 лет^{59}.

Следом восемь лет царствовал знаменитый царь Тиберии (Тиберий) Сильвий, который известен тем, что организовал большой военный поход против этрусков и, «переправляясь с войском через реку Альб (Альбулу. — М. Б.), попал в водоворот и погиб, отчего эта река стала называться Тибр»^{60}.

Затем 41 год правил Агриппа Сильвий^{61}, а после него 19 лет царствовал Аррамулий (Аллодий, Ромул, Ремул, Аремул) Сильвий. Последний был очень гордым и надменным человеком. Диодор Сицилийский пишет, что он «вел себя высокомерно и враждебно против могущества Зевса. Так, во время осеннего сбора урожая, когда гремели частые и сильные громы, он велел войскам ударять всем вместе по приказу мечами в щиты и утверждал, что производимый таким образом грохот сильнее самого грома. Однако за презрение к богам он понес наказание, поскольку был поражен ударом молнии, а дом его погрузился полностью в

Альбанское озеро. Римляне, живущие у озера, до сих пор показывают как свидетельство этого события видимые под водой колонны, стоящие в глубине на том самом месте, где был царский дворец»^{62}.

После этого царем стал Авентин Сильвий, который правил 37 лет. Однажды во время битвы с соседями он был вынужден отступить на один из притибрских холмов, где погиб и был похоронен. В честь него этот холм был назван Авентином^{63}.

Вслед за ним престол Альба-Лонги занял Прока Сильвий, который царствовал 23 года^{64}. Сохранилась история о том, как в раннем детстве Прока счастливо спасся от когтей зловещих ночных птиц благодаря вмешательству италийской богини-нимфы Краны:

Хищных порода есть птиц, не тех, что томили Финея
Голодом жутким, но тех, что происходят от них:
Головы их велики, очи зорки, а клюв беспощаден,
В крыльях видна седина, крючьями когти торчат.
Ночью летают, хватают детей в пеленах колыбельных
И оскверняют тела этих младенцев грудных.
Клювами щиплют они, говорят, ребячьи утробы
И наполняют себе выпитой кровью зобы.
Это сипухи. Их так по сипению все называют,
Ибо от них по ночам жуткий разносится сип.
Так что иль птицы они от рожденья, иль старые ведьмы,
Силой марсийских словес преображенные в птиц,
Только явились они в спальню Проки. Родившийся Прока —
Было ему лишь пять дней — свежей добычей им стал.
Новорожденного грудь сосут они, жадно терзая,
Мальчик несчастный вопит, криком на помощь зовет,
В страхе на голос его кормилица мчится к малютке
И на щеках у него видит следы от когтей.
Что же ей делать? Лицо младенца такого же цвета,
Как замерзает листва поздняя в ранний мороз.
Крану на помощь зовет, а та в ответ: «Успокойся:
Будет твой сосунок снова и жив и здоров».
К люльке она подошла, и мать и родитель рыдают,
Крана же им говорит: «Я излечу его вам!»
Тотчас же, трижды она земляничником тронувши двери,
Трижды листвою его тронула также порог;

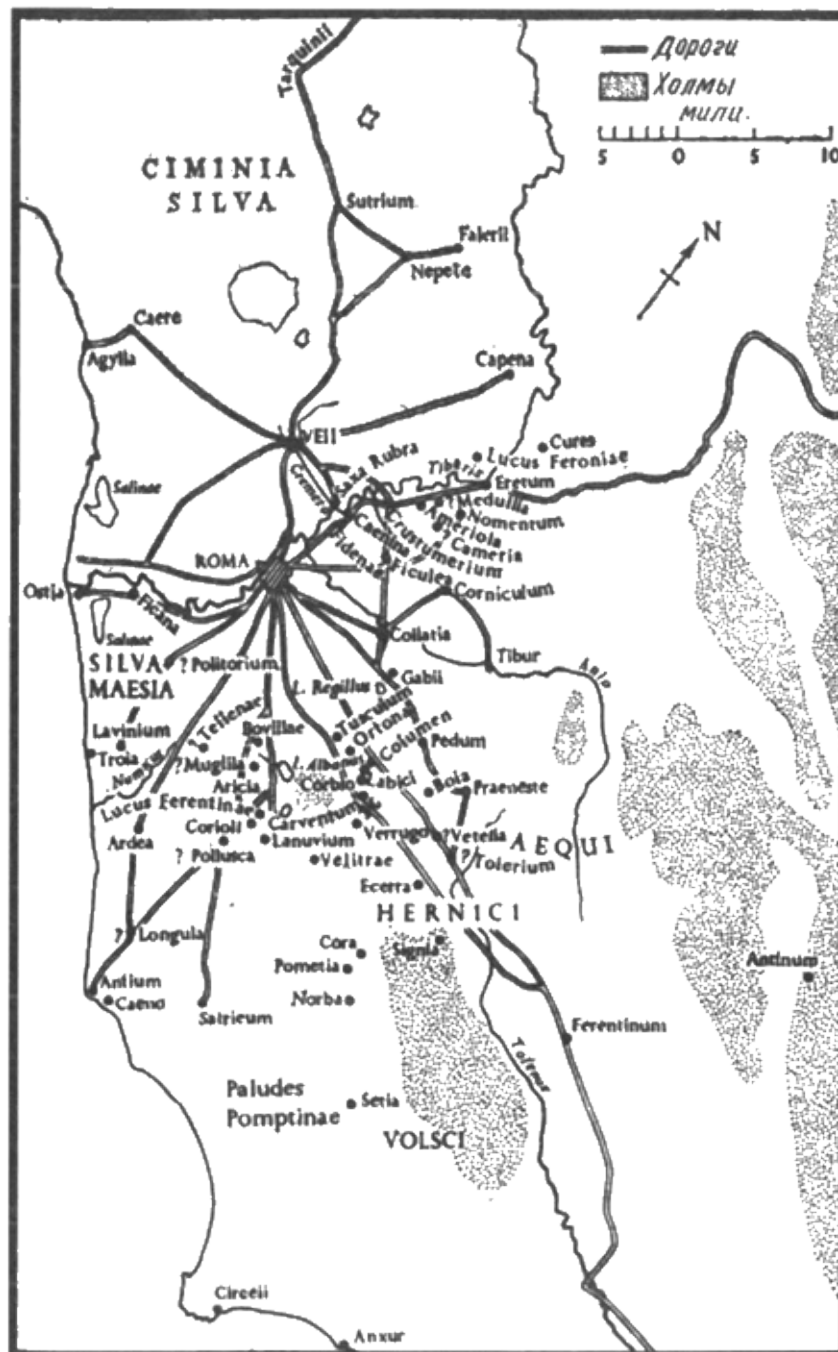
Вход окропляет водой (а в воде этой было и зелье);
И от двухмесячной был потрох свиньи у нее.
«Птицы ночные, — она говорит, — пощадите младенца
Чрево: за малого вам малая жертва идет.
Сердце за сердце, молю, нутро за нутро вы берите:
Этот жизнью плачу вам я за лучшую жизнь».
Жертвуя так, все нутро рассекает, на воздух выносит
И оглянуться назад тем, кто с ней был, не велит.
Януса белую ветвь с колючкой она прикрепляет
К щели оконной, где мог в комнату свет проникать.
После того, говорят, колыбели не трогали птицы,
А у младенца опять стало румяным лицо^{65}.

Прока оставил двух сыновей — старшего Нумитора и младшего Амулия. Править должен был Нумитор, но Амулий оттеснил брата от власти и сам утвердился на престоле Альба-Лонги на долгих 43 (или 42) года^{66}. Время его правления приходится на первую половину VIII века до н. э.

Древний Лаций

Вышеупомянутые события происходили на территории древнего Лация, которому в VIII веке до н. э. суждено было стать колыбелью Римского государства.

Область Лаций (*Latium*) лежит в Центральной Италии, между Этрурией и Кампанией. В древности она занимала небольшую территорию, ограниченную устьем Тибра и его притоком Аниеном (Анио), отрогами Апеннинских гор и Тирренским морем. Это довольно холмистая равнина, посреди которой высятся Альбанские горы, была когда-то сплошь покрыта лесами и имела весьма богатую растительность благодаря плодородной почве, содержащей вулканический пепел, и более влажному, чем сейчас, климату. Так, по словам Феофраста, «Лаций представляет собой местность сплошь сырую; на равнине там растут лавры, мирты и изумительные буки. Там рубят деревья такой длины, что одного бревна хватает на весь киль для тирренского судна. На горах растут сосна и пихта»^{67}. Ему вторит географ Страбон: «Весь Лациум — благодатный край, богатый всевозможными плодами, кроме немногих местностей на побережье, которые болотисты и нездоровы... или некоторых горных и каменистых областей. Впрочем, даже и последние не совсем бесплодны и бесполезны, а имеют тучные пастбища, леса и дают некоторые плоды, растущие на болотистой и каменистой почве»^{68}. Судоходный в то время Тибр связывал Лаций с внутренними частями Италии и способствовал оживленной торговле между соседними народами.

Древний Лаций

Лаций был заселен уже в эпоху палеолита (древнекаменного века). В то далекое время люди в основном обитали в пещерах или гrotах,

занимались охотой, собирательством и рыболовством, использовали каменные и костяные орудия труда (топоры, скребки, наконечники стрел). А вот в эпоху неолита (новокаменного века) они уже стали строить долговременные хижины-землянки, пользоваться грубой глиняной посудой, совершенствовать орудия труда из камня, кости и рога. Наряду с охотой и рыболовством начинают развиваться скотоводство и земледелие. В III тысячелетии до н. э. происходит переход от неолита к энеолиту (медному веку). Люди начинают применять медь для изготовления оружия, орудий труда и украшений.

Примерно в первой половине II тысячелетия до н. э. в Италии наступает бронзовый век — период, когда люди широко использовали всевозможные изделия из бронзы. С этого же времени (около 1600 до н. э.) в Средней и Южной Италии появляется апеннинская археологическая культура. Жильем для носителей этой культуры служили овальные или круглые, углубленные в землю хижины, которые располагались группами на вершинах холмов. Покойников своих они хоронили по обряду трупоположения. Апеннинцы более активно занимались сельским хозяйством: выращивали пшеницу, ячмень, просо, бобы, лен и огородные культуры. Важную роль играло и скотоводство. По находкам костей археологи определили, что люди держали собак, лошадей, коз, овец, коров и свиней. При этом занимались тогда в основном перегонным скотоводством — в начале лета скот отправляли на горные пастбища, а осенью возвращали в низины. В то же время продолжал процветать охотничий промысел, поскольку в лесах Италии в изобилии водились медведи, кабаны, олени, волки, зайцы, дикие козы и пр.

Согласно античной традиции древнейшими обитателями Лация, помимо неких мифических туземцев, являлись сикулы (*греч.*, сикелы), обосновавшиеся здесь с незапамятных времен. Считается, что они принадлежали к одной из ветвей лигурийских племен. В конце II тысячелетия до н. э. сикулы были вынуждены покинуть Лаций и в целом Центральную Италию из-за давления пришедших сюда племен аборигинов (латинов) и пеласгов. Сикулы, двинувшись на юг, прошли весь Апеннинский полуостров, но отовсюду их изгоняли и нигде они не смогли найти пристанища. В конце концов они переправились на Тринакрию (Сицилию), где обрели свою новую родину, но для этого им, в свою очередь, пришлось потеснить коренных обитателей острова — сиканов. Со временем Тринакрия по имени сикулов (сикелов) стала называться Сицилией (Сикелией)^[69].

Лигуров (лигиев), которых иногда отождествляют с сикулами, считают

одним из самых древних народов Италии, населявших этот регион еще с эпохи неолита. Во II тысячелетии до н. э. они проживали на основной части Апеннинского полуострова, в том числе и в Лации^{70}, но в первой половине I тысячелетия до н. э. были вытеснены другими племенами в Северо-Западную Италию, на берега Лигурийского залива и в предгорья Альп. Занимались лигуры в основном скотоводством и земледелием. Как полагают ученые, им принадлежала археологическая культура раннего железного века, получившая название Голасекки. Для нее характерны погребения с трупосожжениями: глиняную урну с пеплом покойника накрывали сверху глубокой чашей, служившей крышкой, и опускали в небольшую яму, выложенную камнями, а рядом с урной ставили маленький сосуд с питьем, чтобы умерший не испытывал жажды в загробном мире; изредка в яму клали еще фибулу и оружие (наконечники копий и пр.).

Аборигины, которые в древности именовались энотрами, прежде обитали в Реатинской земле. Они пошли войной против сикулов и в союзе с пеласгами изгнали их с родных земель, в том числе из Лация^{71}.

По свидетельству Дионисия Галикарнасского, часть аборигинов захватила земли сикулов в соответствии с обычаем «священной весны» (*ver sacrum*): «...некая, посвященная для этого молодежь — немного людей — была послана родителями в мир искать счастья; это было, как мне известно, древним обычаем и у многих варваров, и у эллинов. Ведь когда в городах скапливалось чрезмерное множество народа, так что возникал недостаток в жилье и пропитании для всех, или когда из-за ниспосланных небом перемен земля не приносила обычных урожаев, или иная беда такого рода постигала города и возникала нужда в сокращении численности населения, эллины, посвящая тем или иным богам поколение молодежи соответствующего года, высылали юношей из своей земли, снабдив их оружием. Если же они воздавали должное богам за доблесть и победу в войне, принося заранее установленные жертвы, то при благоприятных ауспициях выводили колонии. Если же они ощущали гнев божеств, то моля об избавлении от бедствий, совершали такие же обряды, но в печали прося прощения у юношей, изгоняя их. А переселившиеся, понимая, что им не приобрести отчей земли, если они не смогут добыть новую, рассматривали другие края, которые их принимали либо по дружбе, либо в силу завоевания, как свое новое отечество. И божество, которому были посвящены эти изгнанники, как кажется, большей частью содействовало им и укрепляло поселение в соответствии с ожиданиями людей. В самом деле, основываясь в те времена на этом самом законе, иные из аборигинов,

по мере того как места обитания оказывались перенаселенными (поскольку они считали, что нельзя убивать никого из потомства, полагая, что нет вины худшей, чем такое убийство), посвятив кому-нибудь из богов потомство определенного года, после его возмужания выселяли из своей земли в колонию, а те, оставив свои пределы, постоянно теснили и грабили сикелов»^{72}.

Дионисий явно соотносит этот обычай с практикой греческой колонизации и несколько модернизирует его предназначение, а вот Фест, напротив, подчеркивает его местное происхождение и указывает на более конкретную причину изгнания юношей, которых в действительности просто приносили в жертву богам: «У италиков был обычай давать обет священной весны. Ведь побужденные великими опасностями, они обещали принести жертву из числа всех живых существ, что народятся ближайшей весной. Но так как казалось жестоким убивать невинных мальчиков и девочек, то они скрывали их до совершеннолетия и затем изгоняли за пределы своих границ»^{73}. При этом очень часто покровителем изгнанной молодежи становилось некое священное животное. Например, известно, что племена гирпинов и луканов получили свои наименования от волка: *[h]irpus* — волк по-самнитски и *λύκος* (*lykos*) — волк по-гречески, а пиценты — от дятла: *picus* на латыни — дятел^{74}. В связи с этим некоторые ученые полагают, что обряд «священной весны» был тесно связан с богом Марсом, так как волк и дятел были именно его животными.

Итак, прогнав сикулов, аборигины заняли Лаций и прочно там обосновались. По Варрону, они даже поселились на одном из римских холмов, назвав его Палатием^{75}. Со временем, уже после прибытия в Лаций героя Энея, аборигины стали именоваться латинами в честь их знаменитого царя Латина^{76}.

Пеласги появились в Италии примерно в конце II тысячелетия до н. э. Пришли они, вероятно, с территории Балканской Греции, из Фессалии. Античные авторы свидетельствуют, что в древности этот народ проживал в Лации, на землях Пицена, а также в Лукании^{77}. По словам Дионисия Галикарнасского, «те пеласги, которые продвинулись во внутреннюю область Италии, перевалили через хребет и прибыли в землю омбриков (умбров. — М. Б), граничащую с аборигинами. Омбрики населяли много и других мест в Италии. И был этот народ в те времена многочисленным и древним. Так что пеласги сперва овладели землями, где утвердились поначалу, и захватили некоторые городки омбриков. Когда же на пеласгов двинулось огромное войско, они испугались численного перевеса врагов и

отступили, приблизившись к аборигинам. А аборигины посчитали, что к ним приближаются враги, и поэтому быстро сошлись из ближайших окрестностей, чтобы изгнать пеласгов. Пеласги же по воле божества оказались в ту пору в окрестностях Котилии, города аборигинов, расположенного близ священного залива. Уразумев, что островок в нем действительно крутится, и услышав от захваченных в поле пленных название места, пеласги поняли, что для них сбылось прорицание. Ведь в Додоне им был дан оракул... Оракул этот был высечен древними письменами на одном из треножников, находившихся на священном участке Зевса, и вот в чем он состоит:

Идите, стремясь в Сатурнийскую землю сикелов
И в Котилию аборигинов, где движется остров;
С ними смешавшись, пошлите десйтину Фебу
И головы Зевсу Крониду, и мужа пошлите отцу.

Когда же аборигины выступили крупным войском, пеласги устремились безоружными навстречу, протягивая знаки мольбы; толкуя о своей участи и умоляя по-дружески принять их под свой кров, разъясняя изречение в том смысле, что не послужат они коренным жителям в тягость, недаром ведь божество направляет их именно в эти пределы. Когда аборигины убедились в их добрых намерениях, они рассудили, что следует повиноваться оракулу и заключить общеэллинский союз против враждебных им варваров, тем более что в то время сами они вели тяжкую войну с сикелами. И, соответственно, установив мир с пеласгами, аборигины выделяют им уголья из собственных земель, раскинувшихся вокруг священного залива...»^[78]. Со временем часть пеласгов рассеялась по другим землям, а часть, вероятно, смешалась с аборигинами.

Спустя некоторое время в Лации появились греческие торговцы и колонисты, что нашло отражение в легендах об Эвандре и Геркулесе. Вообще греки познакомились с землями Италии и Сицилии, вероятно, еще в период существования микенской цивилизации (XVI–XII века до н. э.).

Об этом, например, косвенно свидетельствует «Одиссея» Гомера (около IX–VIII века до н. э.), повествующая о событиях позднемикенского времени. В ней, в частности, упоминается Сикания — так в древности назывался остров Сицилия, а также населявший ее народ — сикелы^[79].

Уже около 1400 года до н. э. греки-ахейцы установили тесные торговые связи с Апеннинским полуостровом, особенно с южной его частью. Это подтверждается многочисленными фрагментами микенских

(ахейских) керамических изделий, которые были обнаружены итальянскими учеными в ходе археологических раскопок древнейших поселений и погребений в Италии и на Сицилии.

Известно, что в это же время на территории Апеннинского полуострова и близлежащих к нему островов возникают микенские поселения. Одним из опорных пунктов греков-ахейцев были римские холмы, где уже во второй половине II тысячелетия до н. э. имелась, вероятно, небольшая греческая колония или торговая фактория, о чем свидетельствуют найденные на территории Рима многочисленные обломки микенской керамики XIV–XIII веков до н. э. Следовательно, легенды о царе Эвандре и Геркулесе вовсе не сказочный вымысел, поскольку имеют явное археологическое подтверждение и указывают на желание ахейских греков закрепиться в Лации.

Впрочем, греки продолжали поддерживать связи с Италией и позднее. В VIII веке до н. э. началась уже активная греческая колонизация южных берегов Апеннинского полуострова и Сицилии. Древнейшей греческой колонией в этом регионе считается поселение на острове Питекуссы (ныне Искья) в Неаполитанском заливе, основанное примерно в 775 году до н. э. Следом, уже на материке, в середине VIII века до н. э. появился город Кумы. Затем греки основали несколько колоний на Сицилии — это Наксос (734 до н. э.), Сиракузы (733), Занкла (730–720 годы; ныне Мессина), Леонтины (729), Катана (729 год; ныне Катания), Мегары Гиблейские (728). На юго-восточном побережье Италии почти в это же время возникли такие колонии, как Регий (730–720 годы; ныне Реджо-ди-Калабрия), Сибарис (720), Кротон (709 год; ныне Кротоне), Тарент (706 год; ныне Таранто).

Греческие колонии в основном располагались на побережье, в местах с удобными гаванями, и были вполне самостоятельными полисами, политически и экономически независимыми от своих метрополий, с которыми, Впрочем, поддерживали тесные связи и вели взаимовыгодную торговлю. Земли Сицилии и Южной Италии превосходили своим плодородием каменистую почву Эллады, поэтому в экономике древнегреческих колоний главное место сразу же заняло сельское хозяйство; большую роль играло и скотоводство, в особенности разведение лошадей и свиней.

Взаимоотношения же греков с местным населением не всегда были дружескими, поскольку колонисты стремились захватить наиболее плодородные земли и нередко силой изгоняли с них туземцев. С другой стороны, местные племена часто были весьма заинтересованы в торговле с греками, поскольку от последних они получали очень качественные

изделия ремесленного производства (например, керамику) в обмен на сырье, рабов, скот, сельскохозяйственные продукты и дары природы.

По мнению ученых, все народы, которые в то или иное время проживали на территории Лация, внесли определенный вклад в формирование местного этноса. Ведь еще Дионисий Галикарнасский писал: «В итоге, сошлись вместе и объединили свой жизненный уклад следующие народы, от которых пошел римский корень, прежде чем населить существующий ныне город (Рим. — М. Б.): во-первых, это были аборигины, которые изгнали из этих мест сикелов, они родом были древними эллинами из Пелопоннеса (после того как они вместе с энотрами переселились из области, называемый ныне Аркадией, в чем я лично убежден); затем из тогдашней Гемонии, ныне Фессалии, пришли пеласги; третий же поток перебрался вместе с Эвандром в Италию из города Паллантия; вслед за ними появились воевавшие вместе с Гераклом пелопоннесцы — эпейи и фенеаты, с которыми смешалась какая-то часть троянцев; наконец, прибыли с Энеем спасенные троянцы из Илиона, Дардана и других троянских городов»^[80].

Известно, что примерно в X–VIII веках до н. э. в Лации сложилась особая латинская археологическая культура (или культура Лация, 1000—580 до н. э.) позднего бронзового — раннего железного века, которая, впрочем, была довольно близка к существовавшим в Центральной Италии археологическим культурам Протовилланова (XII–X века до н. э.) и Вилланова (IX–VIII века до н. э.). Последняя была названа так по местечку близ современной Болоньи, где в 1853 году ученые впервые обнаружили ее следы.

Культура Лация представлена многочисленными погребениями в Альбанских горах (могильники Гротгаферрата, Кастель-Гандольфо и др.), на холмах Рима, в Лавинии, Пренесте, Габиях и пр. Основным погребальным обрядом первоначально являлась кремация (трупосожжение). Пепел засыпали в глиняную урну, которую опускали (иногда в керамической бочке-долии) в небольшую колодцеобразную могилу, выложенную камнем. Сопроводительный инвентарь был небогат: посуда, украшения, орудия труда и миниатюрное оружие. Часто урны делали в виде глиняных моделей круглых хижин с островерхой крышей и боковой дверкой, типичных для того времени. Исследуя подобные хижиньки-урны, можно понять, в каких жилищах обитали не только предки Ромула, но и он сам.

Ученые установили, что уже в IX–VIII веках до н. э. обряд кремации в Лации стал постепенно вытесняться ингумацией (труположением). Тела

покойников теперь помещали в обычные земляные могилы в сопровождении небогатого погребального инвентаря (керамические сосуды, бронзовые украшения и пр.). Кремировать продолжали только высокопоставленных мужчин-воинов, в погребениях которых с VIII века до н. э. появляется очень богатый инвентарь, что, как считается, свидетельствует о социальной дифференциации и начале формирования аристократии.

В это же время в Лации активизируется процесс роста деревень, в которых обитали латины (носители латинской археологической культуры). Происходит их явное укрупнение, расширение или объединение с более мелкими селениями, располагающимися по соседству. Одновременно разросшиеся поселки окружаются земляными оборонительными сооружениями, а кое-где и примитивными стенами. Основным занятием жителей Лация продолжают оставаться скотоводство и земледелие. Совершенствуются ткацкое и гончарное ремесла, а также металлообработка.

Интересно, что при раскопках некрополя у Остерии-дель-Осы близ древних Габий в одной из женских кремационных могил был обнаружен сосуд с прочерченными на нем греческими буквами, которые, предположительно, читаются как *EYAIN (Euliri)*. Вероятно, это личное имя и, возможно, даже не греческое. Найденная надпись датируется примерно первой четвертью VIII века до н. э. (или около 770 до н. э.) и считается одной из самых ранних греческих надписей, до сих пор открытых в Италии. Некоторые ученые, опираясь на данную находку, полагают, что жители Лация еще до основания Рима умели писать и читать по-гречески.

В VIII веке до н. э. на территории Лация уже прочно укоренились латины (прежние аборигины) и родственные им мелкие племена. Главным их городом в то время считалась Альба-Лонга, расположенная у подножия Альбанских гор и являвшаяся политико-религиозным центром союза тридцати независимых латинских общин.

Римские холмы, на которых Ромулу суждено было основать Рим, лежат на левом (или восточном) берегу Тибра, примерно в 27 километрах от впадения этой реки в Тирренское море. Холмов всего семь — Паладин, Капитолий, Квиринал, Виминал, Эсквилин, Целий, Авентин. Позднее с ними будут объединены холмы на правом берегу Тибра — Яникул и Ватикан. Высота римских холмов в среднем составляет 50–55 метров над уровнем моря. В древности они были довольно крутыми и обрывистыми, а между ними лежали сырые и заболоченные долины.

Холмы эти были заселены уже в глубокой древности, задолго до

появления на них города. Они привлекали людей тем, что благодаря своим обрывистым склонам обеспечивали надежную защиту от диких животных и врагов. К тому же холмы постоянно обдувались свежим ветром и, обитая на них, можно было не опасаться вредных испарений из сырых низин, несущих лихорадку и малярию. Кроме того, рядом был удобный брод через Тибр, связывающий не только два берега, но и владения двух народов — этрусков и латинов. Вдобавок река обеспечивала связь по воде с Тирренским морем и с глубинными районами Апеннинского полуострова.

Судя по данным археологических раскопок, самые ранние временные поселения на некоторых римских холмах (Палатине, Капитолии, Виминале и Квиринале) появились еще в каменном веке. Люди жили здесь и в бронзовом веке, примерно с середины II тысячелетия до н. э. (1600–1500 до н. э.), о чем свидетельствуют находки не только каменных, но и бронзовых орудий труда, а также характерной керамики, принадлежавшей носителям апеннинской археологической культуры. Постоянные же деревни, как определили ученые, возникли на римских холмах только в X веке до н. э. и обитали в них представители латинской археологической культуры, то есть латины.

Одним из первых в X веке до н. э. был заселен Палатин. Благодаря своим отвесным скалистым склонам он был надежнее других холмов защищен от нападений врагов. Кроме того, в древности его окружали болота, что также способствовало безопасному проживанию людей. Наличие заливных лугов с сочной травой в пойме Тибра благоприятствовало разведению домашнего скота, поэтому здесь предпочитали селиться пастухи и скотоводы.

Древнейшие обитатели Палатина, как и другие носители культуры Лация, в основном практиковали трупосожжение и засыпали пепел своих покойников в обычные глиняные урны или урны-хижины, которые затем помещали в колодцеобразные могилы вместе с сопутствующим погребальным инвентарем. Их некрополь в IX — начале VIII века до н. э. располагался на склонах и у подножия Палатина, на месте будущего римского Форума. Установлено также, что на Палатине находились две деревни, жители которых обитали в примитивных хижинах (круглых или прямоугольных) — найдены следы оснований этих хижин в туфовом грунте (углубления от столбов), относящиеся к VIII веку до н. э. Из-за сходства захоронений на Палатине (по составу инвентаря и обряду) с альбанскими погребениями IX–VIII веков до н. э. многие ученые считают, что Палатин населяли латины, пришедшие из Альба-Лонги.

В IX веке до н. э. на соседних холмах Эсквiline, Квиринале и

Виминале появились деревни, жители которых в основном ингумировали своих покойников. Усопшего, лежащего на спине, помещали в деревянную колоду, которую затем опускали в прямоугольную могилу (или терракотовую гробницу, повторявшую форму колоды). Погребальный инвентарь был разнообразным: керамические сосуды, фибулы, одежда, пряслица, веретена, украшения, бронзовое оружие. Для захоронений использовались склоны вышеуказанных холмов и низины между ними. Долгое время считалось, что жителями этих деревень были представители племени сабинов, которые также обитали к северо-востоку от Лация и для которых указанный погребальный обычай являлся весьма характерным. Однако в последнее время исследователи стали отказываться от этой гипотезы, полагая, что все первоначальное население римских холмов следует считать латинами, которые в рамках развития археологической культуры Лация просто перешли от кремации к ингумации. Появление же сабинов на римских холмах следует относить к середине VIII века до н. э.

Так или иначе, но во второй половине IX — начале VIII века до н. э. деревни на римских холмах начали объединяться. Однако этот процесс, по мнению ученых, шел очень медленно, о чем косвенно свидетельствует древний римский праздник Септимонтий (*Septimontium*, Семихолмие). Ведь в нем участвовали только жители Палатинского холма и его отрога Гермала, седловины Велии и холма Целия, а также трех отрогов Эсквилинского холма — Фагугала, Циспия и Оппия. Позднее к ним присоединились жители долины Субуры^{81}. Обитатели других холмов в этом празднике не участвовали, что говорит о его глубокой древности и указывает на первоначальную разобщенность ранних поселенцев.

Последние исследования итальянских археологов позволили установить, что город на римских холмах появляется уже в середине VIII века до н. э. Именно к этому времени относятся основание первых храмов, выравнивание площади Форума и, самое главное, возведение крепостной стены, остатки которой обнаружены на северном склоне Палатинского холма. Эта стена представляла собой довольно своеобразную конструкцию из дерева и необожженной глины, которая покоилась на основании из туфовых камней и земли.

В VIII веке до н. э. Лаций ни в коей мере не был изолированным регионом. Напротив, он был связан, в том числе и благодаря реке Тибру, со многими племенами, обитавшими по соседству. Так, к северо-западу от Лация жили этруски, к северу — фалиски, умбры и пицены. На северо-востоке соседями латинов были сабины, а на востоке и юго-востоке — эквы, герники, вольски и аврунки.

Особое внимание следует обратить на этрусков, которые, наряду с сабинами, сыграли в истории Римского государства очень важную роль. Они были самыми близкими соседями римлян (их владения начинались на противоположном берегу Тибра) и серьезно повлияли на раннюю историю и культуру Рима. Достаточно сказать, что, судя по находкам этрусской керамики, этруски появились на римских холмах задолго до основания города.

В VIII веке до н. э. этруски (тогда ещё протоэтрусски) населяли территорию Этрурии, с юга ограниченную Тибром, с севера — рекой Арно, с востока — Апенниннами, а с запада — Тирренским морем.

Древнегреческий историк Диодор Сицилийский в «Исторической библиотеке» дал очень емкую характеристику этому замечательному народу: «Нам еще остается рассказать о тирренах (этрусках. — М. Б.), поскольку в древности они, прославившись своим мужеством, покорили огромную страну и основали много значительных городов. Равным образом достигнув могущества благодаря своим боевым кораблям, они установили господство на морях, почему омывающее Италию море и стали называть Тирренским, а усовершенствуя сухопутные силы, изобрели в высшей степени полезную на войне боевую трубу, которая получила от них название «тирренской», кроме того, изобрели звания для полководцев, должность сопровождающих полководцев ликторов, кресло из слоновой кости и тогу с пурпурной каймой, а для домов изобрели круговые портики, весьма полезные для избавления от сутолоки прислуживающей черни: большинство из этих изобретений заимствовали римляне и, усовершенствовав их, приспособили для нужд своего государства. Кроме того, тиррены разработали письменность, учение о природе и учение о богах, и более всех народов разработали наблюдение за молниями. Поэтому до сих пор римляне, установившие свое господство почти во всем в мире, восхищаются этими мужами и обращаются к ним как к толкователям Зевсовых знамений, являемых молниями. Обитая в необычайно плодородной стране, они обрабатывают землю и получают обильные урожаи, достаточные не только для того, чтобы прокормиться, но и чтобы вести роскошный и изнеженный образ жизни. Два раза в день они накрывают богатый стол, пользуясь всем, что необходимо для изысканных удовольствий, приготовив разукрашенные покрывала и множество всевозможных серебряных сосудов, а также немалое число домашних слуг, из которых одни замечательны пригожим видом, а другие — одеждami более роскошными чем те, которые подобает носить рабам. Разного рода особые жилища имеют среди них не только прислужники, но и

большинство свободных. Вообще же, поскольку тиррены утратили воинский дух, к которому ревностно стремились в древности, и проводят жизнь за вином и в недостойной мужей изнеженности, то вполне закономерно, что они утратили и славу, добытую в войнах отцами. Появлению у них роскоши в немалой степени способствовали и замечательные условия их страны, поскольку, живя на земле, которая приносит всевозможные урожаи и необычайно плодородна, они получают в изобилии самые разные плоды. В целом Тиррения, будучи необычайно плодородной, располагает обширными равнинами, которые отделяют друг от друга пригодные для земледелия гористые местности, а дожди идут здесь соразмерно не только зимой, но и в летнюю пору»^{82}.

Историческая область Этрурии

Уже в античное время появилось несколько гипотез происхождения народа этрусков. Первую из них выдвинул известный греческий историк

Геродот. Он был убежден, что этруски являются выходцами из Лидии (Малая Азия), покинувшими в XIII веке до н. э. родину из-за разразившегося голода: «...при царе Атисе, сыне Манеса, во всей Лидии наступил сильный голод от недорода хлеба. Сначала лидийцы терпеливо переносили нужду, а затем, когда голод начал все более и более усиливаться, они стали искать избавления, придумывая разные средства. Чтобы заглушить голод, они поступали так: один день все время занимались играми, чтобы не думать о пище, а на следующий день ели, прекращая игры. Так лидийцы жили 18 лет. Между тем бедствие не стихало, а еще даже усиливалось. Поэтому царь разделил весь народ на две части и повелел бросить жребий: кому оставаться и кому покинуть родину. Сам царь присоединился к оставшимся на родине, а во главе переселенцев поставил своего сына по имени Тирсен. Те же, кому выпал жребий уезжать из своей страны, отправились к морю в Смирну. Там они построили корабли, погрузили на них всю необходимую утварь и отплыли на поиски пропитания и новой родины. Миновав много стран, переселенцы прибыли в землю омбриков (умбров. — М. Б.) и построили там город, где и живут до сей поры»^{83}. От имени своего царя Тирсена (Тиррена) они получили прозвище «тирсены» («тиррены»). Римляне же называли этот народ «этрусками» или «тусками», а сами этруски именовали себя «расеннами» (*rasenna*)^{84}.

Согласно другой гипотезе, предложенной Геллаником Лесбосским, предками этрусков являлись пеласги, которые некогда «были изгнаны эллинами и, оставив корабли у реки Спинет в Ионийском заливе, захватили город Кротону (Кортону. — М. Б.) во внутренней части страны и, двигаясь оттуда, дали начало области, называемой теперь Тирсенией»^{85}.

Дионисий Галикарнасский, напротив, считает, что этруски являются коренным населением Италии: «Я пришел к убеждению, что пеласги отличны от тирренов. И я не думаю, что тиррены были выходцами из Лидии. Так как тиррены не имеют общего языка с ними, и нельзя сказать, что они пусть даже не употребляют близкое наречие, но сохраняют какие-то следы языка метрополии. Ведь тиррены не признают тех богов, каких почитают лидийцы, и не пользуются схожими законами и установлениями, но во всем этом больше отличаются от лидийцев, чем от пеласгов. Сдается мне, что те, кто объявляет этот народ ниоткуда не пришедшим, но туземным, более близки к правде, потому что народ сей очень древен и ни на какое другое племя не похож по языку и образу жизни»^{86}.

Пока ни одна из этих гипотез не была окончательно опровергнута или

подтверждена, поэтому споры ученых о происхождении этрусков не утихают до сих пор. Тем не менее многие современные исследователи полагают, что этруски были коренными жителями Италии и начальной ступенью в развитии их цивилизации являлась археологическая культура Вилланова (IX–VIII века до н. э.), которой предшествовала Протовилланова (XII–X века до н. э.).

Культура Вилланова некогда процветала в Италии на обширной территории между реками Тибр и Арно. В целом же эта археологическая культура железного века охватывала Южную Этрурию и Тоскану к югу от Апеннин, Центральную Эмилию и Восточную Романью к северу и частично области Марке и Кампанию.

Носители культуры Вилланова (протоэтруски) жили в укрепленных родовых поселках, обнесенных рвом и валом, часто в тех местах, где впоследствии выросли знаменитые этрусские города. Занимались земледелием и скотоводством, были прекрасными воинами и искусными ремесленниками. Своих покойников они кремировали, а пепел засыпали в особые глиняные биконические урны, украшенные своеобразным геометрическим орнаментом (иногда урны делали в виде хижин). Внутри урны порой клали мелкие вещи покойного, уцелевшие после кремации (женские украшения, бронзовые бритвы), а сверху ее накрывали миской или бронзовым боевым шлемом (или его глиняной копией). Затем урну помещали на дно глубокой колодцеобразной могилы, стенки которой иногда выкладывали камнями. Кроме того, в могилу ставили керамические сосуды с пищей и питьем для загробной трапезы, а также клали бронзовое и железное оружие, ножи, бритвы, женские украшения, фибулы и пр. Сверху могила накрывалась тяжелой каменной плитой.

В течение VIII века до н. э. обряд кремации у протоэтрусков, как и у некоторых других архаичных народов Италии, постепенно заменяется ингумацией. Сжигать продолжали только высокопоставленных мужчин-воинов. Кроме того, резко увеличивается количество погребального инвентаря, что свидетельствует о появлении класса аристократии: в мужских могилах всё чаще встречаются боевые шлемы, удила, фрагменты колесниц, роскошные импортные вещи. Последнее указывает на установление торговых связей с другими народами.

Находки оружия в погребениях позволили выяснить, что воины того времени были вооружены мечами, копьями, кинжалами, топорами и дротиками, облачены в бронзовые нагрудники, боевые шлемы с металлическими гребнями, использовали круглые или овальные щиты. На колесницах же сражались, очевидно, только очень знатные люди или

вожди.

Археологи установили, что уже в IX–VIII веках до н. э. в Италии начинают возникать первые (прото-) этрусские города. Располагались они, как правило, на природных возвышенностях (плато) или высоких холмах, господствующих над равниной, поблизости от водных источников или при слиянии рек. В большинстве своем города эти лежали вдали от морского побережья, но обязательно владели портами или были связаны с морем речными путями. Наиболее известными из этрусских городов являются Вейи, Цере (ныне Черветери), Тарквинии, Вульчи, Рузеллы, Ветулония, Вольтерра, Арретий (ныне Ареццо), Кортонна, Клузий (ныне Кьюси), Перузия (ныне Перуджа), Вольсинии (ныне Орвието), Фалерии (ныне Чивита-Кастеллана) и др.

Высшая политическая власть в этрусских городах принадлежала царям, которые обладали не только военными, но и религиозными полномочиями. Символами их высокого статуса являлись золотая корона и скипетр с орлом на навершии, пурпурная туника и тога с пурпурной каймой, кресло из слоновой кости и фасции. Впоследствии эти символы власти у них заимствовали римляне^[87]. Цари опирались на ближайших помощников и советников, происходивших из правящего слоя городской аристократии, которая, в свою очередь, опиралась на своих челядинцев и дружинников, благодаря чему простой народ и рабы держались в повиновении.

Плодородные земли Этрурии способствовали процветанию сельского хозяйства. Земледельцы выращивали не только зерновые (пшеницу, полбу, ячмень) и огородные культуры, но и технические, например лен, из которого делали одежду и паруса. Развито было скотоводство. Обилие строительного леса позволяло строить хорошие корабли и налаживать морскую торговлю с другими народами.

Благодаря месторождениям меди на территории Этрурии близ города Популонии, а также железа на острове Ильва (ныне Эльба) этруски имели возможность производить значительное количество очень качественных металлических изделий (орудия труда, оружие, статуэтки, сосуды, треножники, украшения, бронзовые зеркала), пользовавшихся большим спросом у соседних народов. Процветали и другие ремесла, в особенности производство керамики буккерио (сосуды с черной блестящей поверхностью), славившейся во всем Средиземноморье.

Известны были этруски и как искусные строители и живописцы. Например, им принадлежат монументальные камерные гробницы, которые снаружи выполнены в виде круглого или конусообразного холма, а внутри

имеют несколько каменных погребальных камер. Стены этих камер украшали изумительными фресками с изображениями мифологических персонажей и бытовых сцен из жизни этого народа. Чтобы усопший ни в чем себе не отказывал в загробном мире, этруски оставляли в погребальной камере принадлежавшие ему при жизни вещи — бронзовое и железное оружие, орудия труда, одежду, золотые и серебряные ювелирные изделия, а также сосуды с пищей и питьем.

Глава вторая
РОМУЛ И РЕМ

Тайна рождения

Ромул и его брат-близнец Рем появились на свет на территории Лация в первой половине VIII века до н. э. История их рождения весьма необычна и загадочна. Как уже говорилось, у альбанского царя Проки было два сына — старший Нумитор и младший Амулий. После смерти Проки царем стал Нумитор, однако Амулий силой отнял у брата власть, возможно, воспользовавшись его временным отъездом в дальние земли. Так считают некоторые античные авторы, в том числе и Тит Ливий: «Нумитору, старшему, отец завещал старинное царство рода Сильвиев. Но сила одержала верх над отцовской волей и над уважением к старшинству: оттеснив брата, воцарился Амулий»^{88}.

По другой версии, которую излагают Плутарх и другие авторы, после смерти царя Проки его сыновья должны были править вместе: «Порядок наследования привел к власти двух братьев — Нумитора и Амулия. Амулий разделил отцовское достояние на две части, противопоставив царству богатства, включая и золото, привезенное из Трои, и Нумитор выбрал царство. Владея богатством, которое давало ему больше влияния и возможностей, нежели те, которыми располагал брат, Амулий без труда лишил Нумитора власти»^{89}.

Тем не менее, поскольку у Нумитора были дети — сын Эгест (Лавз, Энит) и дочь Рея Сильвия (Илия), которые имели право наследования, Амулий не мог быть спокоен за свою власть и вознамерился уничтожить потомство брата. По свидетельству Дионисия Галикарнасского, Амулий «сперва завлекает только еще взрослеющего сына Нумитора Эгеста в лес и подбивает на охоту, предварительно устроив в потайном месте засаду. Решившего же поохотиться племянника он приказывает убить и подстраивает все так, чтобы после злодеяния разнесся слух, будто юноша погиб от рук разбойников. Однако надуманная ложь не заслонила Амулия от правды, которую он пытался скрыть, и у многих вопреки опасности достало смелости говорить о том, что было действительно содеяно. Нумитор прознал об этом, но предпочтя расчет чувству, притворился, что ничего не ведает, решив отложить возмездие до более подходящего случая. Амулий же в уверенности, что преступления в отношении отрока остались сокрыты в тайне, совершает второе, вот какое деяние: дочь Нумитора Илию, а, как именуют ее некоторые, Рею и по прозвищу Сильвию, находящуюся в брачном возрасте, он назначает жрицей Весты, так, чтобы

она не вошла в сношения с мужчиной и не родила мстителей за свой род. Не менее пятилетнего срока нужно было священным девам оставаться безбрачными. На них была возложена обязанность поддержания неугасимого огня, и все другие таинства, что были установлены законом и исполнялись девами ради общего блага. Амулий же воспользовался для своих целей благовидным предлогом, как бы во имя чести и славы рода. Притом, он не сам вводил закон, а принудил брата последовать общему правилу, ведь в обычае (причем добром) у альбанцев было назначать служительницами Весты самых знатных девственниц. Нумитор же почувал, что брат руководствуется в этом отнюдь не лучшими побуждениями, но не стал проявлять гнев, чтобы не вызвать недовольства народа, и затаил в себе обиду за эту каверзу»^{90}.

Культ Весты существовал в Италии с глубокой древности. Как известно, Веста считалась богиней, олицетворявшей огонь домашнего очага, а также огонь очага всей общины. Прислуживали богине особые жрицы — весталки, главной обязанностью которых было поддержание вечного огня на священном очаге в храме Весты. Огонь должен был гореть постоянно, день и ночь в течение целого года. Если вследствие невнимательности одной из весталок или по какой-то другой причине он потухал, это считалось весьма мрачным предзнаменованием. Провинившуюся весталку, как правило, жестоко наказывали, а огонь возобновляли путем проведения особых священных обрядов. Кроме того, весталки собственноручно мололи муку и готовили соль, из которых составляли особую смесь, использовавшуюся во время праздничных жертвоприношений.

Все весталки должны были соблюдать непорочность, поскольку сама богиня была девственно чистой, как и олицетворявший ее священный огонь. Нарушившая обет целомудрия весталка не имела права прикасаться к очагу общины и поддерживать неугасимый огонь, так как считалось, что она неминуемо осквернит его своей нечистотой. За потерю невинности весталок в древности забивали палками или сбрасывали со скалы; позднее их стали заживо закапывать в особую могилу и оставляли умирать.

Сделав Рею Сильвию весталкой, Амулий как будто бы обезопасил себя от притязаний потомства Нумитора на трон Альба-Лонги. Нумитор же в этой истории показал себя, прямо скажем, слабым и безвольным человеком, даже не пошевелившим пальцем, чтобы отомстить за своих детей.

Но, судя по дальнейшим событиям, Амулий рано праздновал победу. По словам Дионисия Галикарнасского, «четыре года спустя Илия посещает как-то священную рощу Марса ради святой воды, которую она

намеревалась использовать для жертвоприношений, и в этом святом месте подвергается насилию со стороны кого-то. Некоторые рассказывают, что это был один из женихов девушки, влюбленный в нее с детства. Иные же сообщают, что это был сам Амулий, скорее не из похоти, а по злому умыслу, прикрытый доспехами, в которых он собирался выглядеть устрашающе, так что смог сделать свою известную всем внешность неузнаваемой. Большинство же предпочитает сказ о явлении божества, которому принадлежала эта роща, и наряду с этим о многих других божественных знаменьях, возбуждающих чувства, а именно: о затмении солнца, о тьме и мраке в небе. Видение имело необычайно дивный облик, который превосходил человеческий статью и очарованием. И, говорят, что надругатель, утешая горюющую деву, произнес нечто такое, что прояснило его божественную сущность, — что нечего огорчаться из-за приключившегося, ибо она вступила в союз с божеством, владеющим этой местностью, и произведет на свет двух мальчиков, самых могучих среди людей по доблести и по воинственности. Изрекши такие слова, он окутался облаком и, оторвавшись от земли, вознесся ввысь»^{91}.

Кто же надругался над Реей Сильвией в роще Марса? Кто отец близнецов? Это был человек или бог? Над этими вопросами ломали головы многие античные авторы, в большинстве склоняясь, правда, к версии о божественном происхождении близнецов^{92}. Ведь в древности было принято приписывать великим людям происхождение от того или иного божества.

Однако совершенно ясно, что сама Рея могла указать только на бога Марса, поскольку в противном случае ее ждала немедленная казнь за потерю девственности и осквернение священного огня Весты. По совету матери, после изнасилования «она уже не приближалась к святыням, но пребывала среди других дев, которые исполняли все те обязанности, что были возложены на нее»^{93}. Овидий очень поэтично описал грехопадение Реи Сильвии:

Сильвия, Весте служа (почему не начать бы отсюда?),
Вышла помыть поутру утварь богини в воде
И подошла по тропе к отлогому берегу речки,
Где она ставит сосуд глиняный, с темени сняв.
На землю сев отдохнуть, вдохнула открытою грудью
Ветер и поправлять волосы стала себе.
Лишь она села, ивняк тенистый, и пение птичек,

И лепетанье воды дрему навяли ей.
Сладкий тихонько покой смежил ей усталые очи,
И с подбородка ее томно упала рука.
Марс тут ее увидал, пожелал, желанную обнял
И обладания миг силой божественной скрыл.
Сон улетел, и она на траве тяжела остается,
Ибо во чреве у ней Рима зиждитель лежал.
Томно встает и сама не знает, откуда томленье,
И, прислонившись к стволу дерева, так говорит:
«Пусть на пользу и пусть на счастье мне будет виденье
Этого сна! Или нет, это яснее, чем сон!
У илионских огней я была, когда вдруг соскользнула
Долу повязка моя перед священным огнем.
Тут одинаково две из нее, удивительно, пальмы
Выросли вдруг, и одна выше другой поднялась,
И обняла целый мир могучими тотчас ветвями,
И достигнула до звезд пышной вершиной своей.
Вот мой дядя на них заносит стальную секиру —
В ужасе я, и дрожит трепетно сердце мое.
Марсов дятел и с ним волчица, вдвоем ополчаясь,
Оберегают стволы; пальмы стоят, спасены».
Так говорила она, во время рассказа наполнив
Урну водой, и с трудом снова ее подняла.
А между тем возрастает и Рем, и Квирин возрастает:
И, округляясь, живот бремя небесное нес.
Год же своим чередом неуклонно к концу приближался:
Светлому богу в пути две оставались меж.
Сильвия ныне уж мать. Говорят, изваяние Весты
Девственною рукой очи прикрыло свои.
Дрогнул богини алтарь, когда разродилась жрица,
И, ужаснувшись, огонь скрылся под белой золой^{194}.

Впрочем, не лишена правдоподобности и версия о том, что изнасиловал Рею Сильвию сам царь Амулий, скрывавшийся под обликом Марса^{195}. В этом случае он получил бы отличную возможность уничтожить дочь Нумитора. И действительно, как сообщает Дионисий Галикарнасский, «Амулий, то ли зная о том, что случилось, то ли одолеваемый подозрениями о вероятном ходе дел, учинил следствие, по какой-то причине происходит столь длительное воздержание

племянницы от святынь, и пригласил наиболее доверенных знахарей. А когда женщины принялись растолковывать, что существует неведомая для мужчин хворь, он приставил к деве соглядатаем собственную жену. Она-то сумела изобличить причину тягости девушки, с женской сообразительностью догадавшись о непонятном для мужчин, и сообщила об этом мужу. Тогда Амулий приставил к девушке вооруженную стражу, чтобы она не родила тайно, ведь она была на сносях. А сам он, призвав брата на совещание в сенате (совете старейшин. — М. Б.), стал обличать скрытую для остальных пагубу потери девственности и обвинять родителей в сообщничестве с ней, а также потребовал от Нумитора не прятать виновника и привести его на суд. Нумитор возразил, что слышит чудовищные речи и что дочь неповинна в предъявленных прегрешениях. Он потребовал времени для выяснения истины. С трудом добившись отсрочки, Нумитор выведал подробности дела от своей жены, которая сообщила, что именно рассказала сама девушка. После этого он объявил о насилии, совершенном божеством, и сообщил о его словах по поводу рождения близнецов, а также потребовал установить их истинность — окажется ли потомство после родов именно таким, как предсказал бог. Ведь дева вот-вот родит, так что, если она бесчестна, это скоро обнаружится. Поэтому он приставил к девушке прислужниц в интересах расследования, дабы ни одна из улик не была оставлена без внимания. Во время речи Нумитора большинство сената склонилось к признанию правоты его доводов, но Амулий не признал его требования здоровыми, а изо всех сил старался погубить роженицу. Пока суть да дело, примчались отряженные наблюдать за родами и доложили, что дева произвела на свет младенцев — близнецов мужского пола. И Нумитор тотчас же в пространной речи объявил это делом бога и потребовал не подвергать девушку противозаконным карам, ибо она невиновна в своем позоре. Однако Амулию почудились какие-то людские махинации в связи с родами, будто бы кто-то из повитух тайком от стражи или при ее содействии подложил второго младенца, и он долго распространялся на этот счет. Когда же члены сената уяснили, что царь преисполнен непреклонной решимости, они также осудили запятнанную, как он того и требовал, то есть что надлежит применить закон, предписывающий опозорившую свое тело весталку забить палками до смерти, а ее отродье выбросить в речной поток»^[96].

Рея Сильвия должна была неминуемо погибнуть, но сведения о ее судьбе у античных авторов разнятся. По одной версии, после родов она была заключена в темницу, о чем ясно пишет Дионисий Галикарнасский: «Ведь одни говорят, что дева была умерщвлена немедленно, другие — что

она сгинула в неизвестной темнице, что дало народу повод подозревать о тайной казни. Амулий же был подвигнут на это из-за своей собственной дочери, которая умоляла его пощадить двоюродную сестру, ибо они вместе воспитывались, были ровесницами и любили друг друга, как родные сестры. И будто бы Амулий из любви к дочери, поскольку она была у него единственной, избавляет Илию от казни, но запирает ее в темницу. Однако со временем после смерти Амулия, она была освобождена»^{97}. Согласно другой версии, Рея Сильвия была сброшена вместе с детьми в Тибр и превратилась в речную нимфу, став женой бога этой реки — Тиберина, либо бога реки Аниен, притока Тибра^{98}.

Так или иначе, но Рея Сильвия более в этой истории не фигурирует, и ее дальнейшая судьба покрыта мраком. Доподлинно известно лишь то, что Амулий не побоялся гнева бога Марса и приказал слугам отнести детей Реи к Тибру, чтобы бросить их в бурные воды^{99}. И дело не только в том, что царь стремился избавиться от возможных претендентов на престол. Он просто действовал в соответствии с обычаями того времени.

Парадоксально, но заявление Реи Сильвии о том, что отцом близнецов является не обычный человек (в противном случае ее бы немедленно казнили), а бог Марс, не только не облегчило ее судьбу, но, что самое ужасное, обрекло и ее детей на неминуемую гибель. При этом, если бы Рея Сильвия родила от бога Марса не близнецов, а одного ребенка, история могла бы пойти совершенно другим путем и Рим, возможно, вообще не был бы основан.

Как известно, в древности люди очень настороженно относились к появлению близнецов. Считалось, что от одного мужчины за один раз может родиться только один ребенок. Появление же второго ребенка, как две капли воды похожего на первого, явно свидетельствовало о том, что женщиной дополнительно овладел какой-то дух или бог. И при этом овладел не обязательно с добрыми намерениями. Иногда таких детей обоготворяли и почитали, но в большинстве случаев боялись, и поэтому стремились поскорее от них избавиться. Считалось, что они могут принести несчастье и навлечь на людей различные беды. Порой убивали не только близнецов, но и их мать.

Впрочем, иногда несчастные родители делали вид, что убивают близнецов или топят в реке, а потом прятали их и тайно воспитывали. Например, по одной из версий, переданных Дионисием Галикарнасским и Аврелием Виктором, Ромул и Рем счастливо избежали смерти путем именно такого обмана: «Нумитор в надежде на будущее и на то, что если эти

младенцы вырастут, они явятся когда-нибудь мстителями за перенесенные ими обиды, заменил их другими, а тех, своих настоящих внуков, дал на воспитание старшему пастуху Фаустулу»^{100}. Тем не менее подавляющее большинство античных авторов склоняются к версии, что Ромул и Рем не избежали казни и были сброшены в Тибр. Они были близнецами и представляли угрозу не только для Амулия, но и для всех жителей Альба-Лонги, поскольку могли принести людям несчастье.

Итак, едва родившись, Ромул и Рем сразу же оказались приговоренными к смерти. Несмотря на то, что близнецам отказали в праве на жизнь, нам известно время их рождения. По словам Плутарха, знаменитый этрусский философ, математик и астролог Тарутий, «всмотревшись в деяния Ромула и выпавшие ему на долю бедствия, уточнив, сколько он прожил и как умер, сопоставив все эти и им подобные сведения, весьма отважно и уверенно объявил, что основатель Рима был зачат в первый год второй олимпиады, в двадцать третий день египетского месяца хеака, в третьем часу, в миг полного затмения солнца, родился в двадцать первый день месяца тоита на утренней заре»^{101}. Иными словами, близнецы Ромул и Рем были зачаты 24 июня 772 года до н. э., а родились 24 (или 25, 27) марта 771 года до н. э.

Поскольку Амулий приказал утопить близнецов, царские слуги взяли детей, положили в деревянное корыто (лохань) и «отнесли к реке на расстояние от Альба-Лонги примерно в сто двадцать стадиев (более 22 километров. — М. Б.)»^{102}. По данным Фабия Пиктора, переданным Дионисием Галикарнасским, «приблизившись к Тибру, слуги застали его в разгар половодья вздувшимся от непрерывных бурь и затопившим долины. Они спустились с вершины Паллантия (Палатина. — М. Б.) к поднявшейся воде, — ведь они сумели приблизиться лишь к тому месту, где разлив реки достигал предгорья, — и бросили корыто в воду»^{103}. А вот как описывает это душераздирающее событие Овидий:

Скорбный исполнить приказ отправляются нехотя слуги,
Плачут они, близнецов в гибели место неся.
Альбула та, что потом по утопшему в ней Тиберину
Тибром была названа, вздулась от зимних дождей:
Где теперь форумы, где Большого цирка долина,
Там, как увидел бы ты, плавали лодки тогда.
Лишь туда слуги пришли, а пройти нельзя было дальше,
Тотчас, взглянув на детей, так восклицает один:

«О, как похожи они друг на друга! Как оба прекрасны!
Все же, однако, из них будет один посильней.
Если порода видна по лицу, то, коль нет в нем обмана,
Думаю я, что в одном некий скрывается бог.
Если же вас породил какой-нибудь бог, то, наверно,
В этот отчаянный час он к вам на помощь придет.
Мать к вам на помощь пришла б, да сама ведь без помощи
стонет,
Матерью став и своих тут же утратив детей.
Вместе вы родились и вместе вы на смерть идете,
Вместе тоните!» Сказал и положил близнецов.
Оба заныли они, как будто все поняли оба.
Слезы текли по щекам у возвратившихся слуг.
Полый ковчег с детьми речная вода поддержала.
О, какую судьбу крыл этот жалкий челнок!
В тине застрявший ковчег, к дремучему лесу прибитый,
При убывавшей воде сел потихоньку на мель.
Было там дерево, пень которого цел и доселе:
Румина это, она Ромула фигой была^{104}.

Итак, речной поток прибил корыто с близнецами к смоковнице, росшей неподалеку, у подножия Палатинского холма (Гермала). Когда вода спала, корыто с близнецами, зацепившись за камни, перевернулось, и дети, оказавшись на холодной земле, тут же принялись громко кричать и плакать^{105}. Надо сказать, что слуги царя Амулия, очевидно, как люди не глупые, прекрасно понимали, что, даже если дети каким-то чудом не утонут в бурном Тибре, их неминуемо съедят дикие звери. И действительно, заслышав крики детей, к ним подбежала огромная волчица.

На этом, собственно, история о Ромуле и Реме могла бы закончиться, поскольку дикие млекопитающие относятся с состраданием только к детенышам своего вида, да и то не всегда. Детенышей же других видов они рассматривают только в качестве пищи.

«Дети-маугли»

Близнецам сказочно повезло, поскольку нашедшая их волчица недавно оценилась, но детеныши ее погибли, и поэтому она, влекомая материнским инстинктом, спустилась с холма и подставила детям свои набухшие, переполненные молоком сосцы^{106}. Когда дети наелись, она вылизала их, как своих волчат, и стала о них заботиться, словно родная мать. Вот как описывает это Овидий:

С выменем полным пришла к близнецам несчастным
волчица:

Чудо? Как мог дикий зверь не повредить малышам?
Не повредить, это что! Помогла и вскормила волчица
Тех, кто родными на смерть верную был обречен.
Остановилась она и хвостом завияла младенцам,
Нежно своим языком их облизавши тела.
Видно в них Марса сынов: они тянутся к вымени смело
Оба, сосут молоко, что назначалось не им.
Лупа-волчица дала месту этому имя Луперкаль:
Мамке в великую честь было ее молоко^{107}.

Кроме того, близнецов кормил еще и дятел, прилетавший к ним с полным клювом пищи^{108}. В древности считалось, что волчица и дятел пользуются особым покровительством Марса, поэтому в том, что эти животные кормили близнецов, люди усмотрели вмешательство этого бога.

Дионисий Галикарнасский и некоторые другие античные авторы полагают, что близнецы были обнаружены пастухами почти сразу же после их чудесного спасения из вод Тибра: «Случайно в это время пастухи выгоняли стада на пастбище — поскольку луга уже обнажились для прохода, — и один из них, увидав как волчица ласкала младенцев, на какое-то время застыл с разинутым ртом от изумления, не веря глазам своим. Затем, он бросился прочь, собрал, сколько мог из людей, пасших поблизости скот, и повел их взглянуть на это чудо, ибо словам его не поверили. Когда же и остальные пастухи приблизились и увидели, что волчица обходится с близнецами, как со своими детенышами, а они льнут к ней, как к матери, то они возомнили, что узрели нечто божественного рода, и всем скопом подступили поближе, пугая зверя криком. А волчица, не

озлившаяся при виде людей, но словно ручная, спокойно отошла от младенцев и удалилась с полным безразличием к толпе пастухов»^{109}. Большинство же авторов утверждают, что волчица все же какое-то время самостоятельно воспитывала близнецов^{110} и даже перетащила их в пещеру на склоне Палатина:

Вот волчица лежит в зеленой Марса пещере
Щенная; возле сосцов у нее играют без страха
Мальчики — два близнеца — и сосут молоко у мохнатой
Матери; нежно она языком их лижет шершавым,
Голову к ним повернув, и телам их расти помогает^{111}.

Эта пещера впоследствии получила название Луперкал, поскольку была посвящена древнеиталийскому богу Луперку, которого отождествляли с греческим Паном Ликейским (Паном Волчьим). Место, где когда-то находился Луперкал, очень подробно описал в конце I века до н. э. Дионисий Галикарнасский: «Неподалеку имелось священное урочище, густо заросшее дремучим лесом, а в нем — полая скала с бьющими из нее родниками. Поговаривали, что роща принадлежит Пану и помещался там алтарь этого бога. В этом-то месте волчица и скрылась. Так вот, священная роща уже не существует, но пещера, из которой изливается струя, расположенная рядом с Паллантием по дороге, ведущей к Цирку, еще виднеется. И поблизости расположен священный участок, где стоит бронзовое изделие старинной работы, изображающее это явление — волчица, протягивающая сосцы двум детям»^{112}. В настоящее время точное местоположение Луперкала неизвестно (однако итальянские археологи утверждают, что нашли его). Предполагают, что эта пещера могла находиться на юго-восточном, западном или северо-западном склоне Палатинского холма.

Бронзовая статуя волчицы, упомянутая Дионисием Галикарнасским, была установлена в 296 году до н. э. братьями Огульниями: «В том же году курульные эдилы Гней и Квинт Огульнии привлекли к суду нескольких ростовщиков; их лишили имущества, и на деньги, поступившие в казну, поставили медные пороги на Капитолии и серебряные сосуды на три престола внутри храма Юпитера, а также изваяние Юпитера на колеснице четверней на вершине его храма, а возле Руминальской смоковницы — изображения младенцев — основателей Города у сосцов волчицы»^{113}.

Еще одна скульптура, изображающая волчицу, кормящую близнецов,

находилась на Капитолии и в 65 году до н. э. была поражена молнией:

... Ведь бессмертный Отец Громовержец
Храмы свои и холмы, на Олимп опирался звездный,
Сам же тогда поразил, в Капитолий, ему посвященный,
Молнию кинув; при этом и медная статуя Натты,
Издавна чтимая, рухнула наземь. Расплавилась также
Медные древних законов таблицы, и молнии пламень
Изображенья богов погубил. А еще там стояла
Статуя Марции — дикой кормилицы племени римлян,
Из своих полных сосцов животворною влагой питая
Маворса семя, младенцев, от бога рожденных.
Вместе с младенцами молнии страшным ударом
Сшиблена была волчица, остались на основаньи
Тогда следы от их ног... {114}

Долгое время считалось, что знаменитая «Капитолийская волчица», которая ныне хранится во Дворце консерваторов в Риме, является произведением этрусских мастеров конца VI — начала V века до н. э., и что некогда именно она украшала Капитолий. Некоторые ученые, напротив, отождествляли эту бронзовую волчицу с той самой скульптурой, что установили братья Огульнии. Однако, согласно проведенным в начале XXI века исследованиям, «Капитолийская волчица» была отлита в период Средневековья, не ранее XI–XII веков. Фигурки же близнецов, как известно, были добавлены к ней только в конце XV века итальянским скульптором Антонио дель Поллайоло.

Дикая смоковница, под которой волчица обнаружила и накормила близнецов, впоследствии была названа Руминальской (*Ficus Ruminalis*). Плутарх приводит несколько версий, объясняющих это название: «...либо в честь Ромула (таково мнение большинства), либо потому, что в ее тени прятались от полуденного зноя жвачные животные [*ruminales*], либо — всего вернее — потому, что новорожденные (Ромул и Рем. — М. Б.) сосали там молоко: сосок древние называли «рума» [*ruma*], а некую богиню, надзирающую, как они думали, за вскармливанием младенцев, — Руминой, и жертвоприношения ей совершали без вина, окропляя жертву молоком» {115}. Как полагают некоторые ученые, смоковница была посвящена богине Румине потому, что сок этого дерева напоминает молоко, а плод по форме походит на женскую грудь.

По свидетельству Плиния Старшего, впоследствии Руминальская

смоковница «таинственным» образом переместилась на Форум: «Почитается смоковница, родившаяся в Риме на самом Форуме, в Комиции, так как там путем совершения священного обряда были захоронены молнии, а особенно в память той смоковницы, которая, кормилица Ромула и Рема, первая дала кров в Луперкале этим основателям державы и которая была названа Руминалис, потому что под ней застали волчицу, кормившую младенцев своей румис (так называли сосцы), — это чудесное событие представлено в изображении из меди, которое посвятили рядом, поскольку будто бы смоковница сама перешла в Комиций, когда Атт Навий совершал авгурские наблюдения»^{116}. Со временем близ этой смоковницы было сооружено святилище Румины. Например, Варрон пишет, что «смоковницу у святилища божественной Румины посадили пастухи. Там обычно приносят жертвы, но не вином и животными-сосунками, а молоком. Раньше вымя называли *rumis*»^{117}. Тацит отмечает, что указанная смоковница все еще существовала в 58 году н. э.: «В том же году у дерева богини Румины на форуме, за восемьсот тридцать лет перед тем прикрывавшего своей тенью младенцев Рема и Ромула, стали отмирать ветви и сохнуть ствол, что было сочтено дурным предзнаменованием, но дерево ожило и пустило молодые побеги»^{118}.

Как долго волчица воспитывала близнецов? На этот вопрос нет ответа. Младенцы или маленькие дети, которые в силу разных обстоятельств оказались в дикой природе и воспитывались дикими животными (чаще всего волками), именуются «детьми-маугли». Каждому школьнику хорошо известна сказка английского писателя Р. Киплинга о воспитанном стаей волков индийском мальчике Маугли. Однако эта сказка очень сильно отличается от ужасной действительности, а «детей-маугли» продолжают находить в дремучих лесах даже в начале XXI века, и не только в Индии, но и в других странах.

По наблюдениям современных ученых, маленькие дети, которые долгое время воспитывались среди животных, не владеют навыками прямохождения, не умеют говорить и, соответственно, не понимают человеческой речи, не желают носить одежду и пользоваться столовыми приборами, едят только сырую пищу. Кроме того, попадая в человеческое общество, они становятся агрессивными из-за постоянного страха перед незнакомым окружением, поскольку людей они воспринимают как животных иного, враждебного им вида. При этом такие дети, подобно животным, обладают отменным здоровьем, выносливостью и силой. К сожалению, в большинстве случаев «дети-маугли» не поддаются

полноценной реабилитации и их крайне сложно адаптировать к человеческому обществу.

Ромул и Рем, очевидно, совсем недолго находились у волчицы и поэтому не превратились в «маугли». Однако, как представляется, волчье воспитание наложило определенный отпечаток на их физическое и психическое развитие. Античные авторы недаром указывают на вспыльчивый характер, «неустранимость» близнецов, на их необыкновенную силу и потрясающее здоровье^{119}.

Так или иначе, но однажды царский свинопас Фаустул случайно наткнулся на волчицу, кормящую близнецов, и недолго думая взял детишек к себе^{120}. Впрочем, существует иная версия, согласно которой он не случайно нашел близнецов, поскольку ранее, будучи с okazji в Альба-Лонге, слышал о страшной судьбе Реи Сильвии и видел, как царские слуги понесли топить Ромула и Рема. Фаустул проследовал за слугами до самой реки и потом упросил пастухов, обнаруживших детей, отдать их ему^{121}. Эта версия, очевидно, примыкает к другой, совсем уж невероятной версии, согласно которой сам Нумитор решил спасти своих внуков от гибели и, подменив их другими младенцами, передал Фаустулу на воспитание^{122}.

Представляется все же, что события развивались следующим образом: Фаустул слышал о выброшенных по царскому приказу младенцах, но нашел их совершенно случайно, когда они уже какое-то время вскармливались и воспитывались волчицей. Он, вероятно, убил волчицу, а затем отнес младенцев к себе в хижину на вершине Гермала (северо-западный склон Палатина) и передал своей жене Акке Ларенции, которая совсем недавно потеряла ребенка^{123}. Она стала Ромулу и Рему кормилицей и приемной матерью. Более того, впоследствии, когда Фаустул умер, «в правление Ромула она была выдана замуж за какого-то богатого этруска Карутия и получила наследство от мужа. Потом она оставила его Ромулу, которого воспитала, и им из благочестия были установлены для нее паренталии и праздничный день»^{124}.

Бронзовое зеркало из Больсены с изображением Ромула и Рема.

IV в. до н. э. Рим

Некоторые античные авторы посчитали историю о волчице откровенной выдумкой и, чтобы как-то объяснить ее возникновение, объявили Акку Ларенцию блудницей, которая якобы отдавалась всем пастухам без разбора, отчего ее впоследствии и называли «волчицей»:

«Добавляют, что выкормившая детей и давшая им сосцы была не волчицей, но, вероятно, женщиной — сожительницей Фаустула по имени Ларенция. Так как она предоставляла свое цветущее тело в общее пользование тем, кто проживал около Палантия, то ей дали прозвище «Лупа». Это эллинское древнее наименование, которым наделяются те, кто получает плату за любовные утехы — ныне они называются более пристойным именем гетер. Некоторые же неосведомленные писатели сочинили миф о волчице, так как на языке латинского народа этот зверь зовется «лупой»^{125}. Поэтому публичные дома в Риме и назывались «лупанариями». Впрочем, эта версия стала пользоваться популярностью в основном в позднеантичное время, особенно у христианских писателей, желавших всячески очернить основателя Рима, будто бы воспитанного распутной женщиной.

Однако еще Плутарх, желая обелить Акку Ларенцию, утверждал, что ее спутали с Ларенцией Фабулой, которая действительно была блудницей: «Римляне чтут еще одну Ларенцию, и вот по какой причине. Однажды блюститель храма Геракла, не зная, по-видимому, чем себя развлечь, надумал сыграть с богом в кости, оговорившись, что если он выиграет, бог ниспошлет ему милость, о которой он попросит, а если проиграет, то выставит богу щедрое угощение и приведет красивую женщину. На таких условиях он бросил кости за бога, потом за себя и проиграл. Желая сдержать слово и честно выполнить уговор, он приготовил богу обед и, наняв Ларенцию, милостивую и еще не предававшуюся блуду открыто, сначала потчевал ее, постлав ложе в храме, а после обеда замкнул ее там, словно бог действительно намеревался ею овладеть. Но рассказывают, что Геракл и в самом деле возлег с женщиной, а затем приказал ей рано поутру выйти на форум, поцеловать первого, кто встретится на пути, и сделать его своим возлюбленным. Встретился же ей человек преклонного возраста, богатый, бездетный и холостой, по имени Тарутий. Он познал Ларенцию, привязался к ней и, умирая, оставил ее наследницей большого и богатого имущества, большую часть которого Ларенция завещала народу. Она была уже знаменита среди сограждан и считалась любимицей богов, когда внезапно исчезла подле того места, где покоился прах первой Ларенции. Это место зовется теперь Велабр...»^{126} Впрочем, хотя Ларенция Фабула и жила при римском царе Анке Марции, в большинстве случаев этих двух женщин все же отождествляли.

Еще в древности в честь Акки Ларенции были учреждены празднества — Ларенталии, отмечающиеся римлянами 23 декабря и посвященные еще и

Юпитеру. В этот день жрецы, в том числе и фламин Квирина, совершали перед ее могилой, находившейся в Велабре, в низине между Палатинским и Капитолийским холмами, жертвоприношения^{127}.

Итак, близнецы были усыновлены Фаустулом и Аккой Ларенцией и получили имена Ромул и Рем. Происхождение этих имен вызывало споры еще у античных писателей. Так, например, Плутарх считал, что «имена Ромула и Рема — от слова, обозначающего сосок (*ruma*. — М. Б.), ибо впервые их увидели сосавшими волчицу»^{128}. То есть имя Ромул можно перевести как «Сосунок», «Молокосос», «Грудничок».

У Аврелия Виктора отмечено, что «Ромул получил свое имя от большой физической силы, так как известно, что по-гречески *goma* значит «сила». Другой назван был Ремом, по-видимому, по причине своей медлительности, потому что людей с таким характером древние называли *remores*»^{129}. Иногда считается также, что имя Рем (*Remus*) произошло от глагола *remoror* и тоже означает «медлительный».

У Дионисия Галикарнасского и Аппиана имя Рем воспроизводится как Ром^{130}, то есть сначала были Ром и Ромул. Сервий же, напротив, сообщает, что первоначально близнецов звали Рем и Ром, а имя Ромул появилось позднее как уменьшительно-ласкательное от Рома^{131}. Поэтому римляне (*Romani*) и, очевидно, сам город Рим (*Roma*) были названы по имени Рома, то есть Ромула.

Среди современных ученых тоже нет единства. Некоторые из них считают, что не город получил название по имени Ромула, а напротив, сам Ромул получил название по имени города. Настоящее же имя Ромула якобы со временем было забыто.

Многие исследователи-этрускологи утверждают, что имя Ромул по своему происхождению является этрусским. Считается, что об этом, во-первых, свидетельствует название римской трибы Ромулия (*Romulia*; *Romilia*), которая находилась на правом берегу Тибра, то есть на территории Этрурии. Во-вторых, одна этруская надгробная надпись конца VI века до н. э. из Орвието, этрусских Вольсиний, содержит имя в родительном падеже — *Rumelnas*, откуда ученые восстанавливают именительный падеж — *Rum(e)l*, соответствующий латинской форме имени Ромул (*Romulus*). Однако триба получила свое название позднее, когда она уже вошла в состав Рима, и явно была названа в честь Ромула, а не наоборот. А указанное имя в надписи из этрусского некрополя, скорее всего, принадлежало не этруску, а эмигранту из Рима, очевидно, выходцу из упомянутой уже трибы Ромулия.

Изображений Ромула и Рема не сохранилось, поэтому о их внешности ничего сказать нельзя. Впрочем, у Овидия есть указание на то, что в юности «пробивался пушок желтой у них бороды»^{132}, то есть близнецы, вероятно, были блондинами.

Причуды судьбы

Пастушеская жизнь в VIII веке до н. э. была сурова и полна лишений. Жили близнецы на вершине Палатина в обычной сельской хижине, покрытой тростником, и помогали своим приемным родителям пасти скот и ухаживать за молодняком^{133}. Диодор Сицилийский отмечает, что когда Ромул и Рем повзрослели, то «значительно выделялись среди сверстников красотой и силой. Поэтому они надежно охраняли все стада и легко отражали разбойников, убивая многих нападавших, а других захватывая живыми в плен. Они не только проявляли рвение в этих делах, но и пользовались дружбой всех пастухов в округе, принимая участие в их сходках и выказывая непритязательность и общительность своего нрава всем, кто нуждался в них. Поэтому все видели в братьях свою защиту, причем большинство народа подчинялось им, исполняя их распоряжения и собираясь незамедлительно в указанных местах»^{134}. Ему вторит Плутарх: «С первых лет жизни мальчики отличались благородной осанкой, высоким ростом и красотой, когда же они стали постарше, оба выказали отвагу, мужество, умение твердо глядеть в глаза опасности, одним словом — полную неустрашимость. Но Ромул был, казалось, крепче умом, обнаруживал здравомыслие государственного мужа, и соседи, с которыми ему случалось общаться — по делам ли о пастьбе скота или об охоте, — ясно видели, что он создан скорее для власти, нежели для подчинения. Поэтому братья были в добрых отношениях со своей ровней и с теми, кто стоял ниже их, но с царскими надсмотрщиками, начальниками и главными пастухами, которые нимало не превосходили молодых людей силою духа, держались высокомерно, не обращая внимания ни на их гнев, ни на угрозы. Они вели жизнь, приличествующую свободным людям, считая, однако, что свобода — это не праздность, не безделье, а гимнастические упражнения, охота, состязания в беге, борьба с разбойниками, ловля воров, защита обиженных»^{135}. Со временем Ромул и Рем собрали вокруг себя целую шайку юношей, вместе с которыми они наводили ужас на местных разбойников, нападая на них и отнимая награбленное^{136}.

Правда, существует версия, согласно которой Нумитор якобы знал о судьбе близнецов, тайно заботился о них, и когда они подросли, отправил внуков в город Габии, чтобы они обучились там греческому и латинскому языкам, литературе, музыке, владению греческим оружием, то есть всему

тому, что приличествовало людям благородного происхождения^{137}. Понятно, что на самом деле дети пастуха Фаустула не могли учиться в Габиях, в этом богатом городе, который располагался на берегу небольшого озера, примерно в 20 километрах от Рима. Ведь «доброжелатели» сразу бы донесли царю Амулию, что отпрыски его свинопаса обучаются в школе, которая в те далекие времена была доступна очень немногим. Очевидно, античным авторам было стыдно, что основатель Рима был неграмотным человеком, и они придумали эту красивую легенду, которая совершенно не стыкуется с остальными историческими данными и вступает в явное противоречие с дальнейшим развитием событий.

Ромул и Рем, как и их приемный отец Фаустул, являлись пастухами царя Амулия, который владел землями Палатинского холма. Рядом на Авентинском холме находились земли Нумитора, и там, в свою очередь, его пастухи пасли принадлежавший ему скот. И вот, как передает Дионисий Галикарнасский, когда «близнецам исполнилось около восемнадцати лет, у них возник спор с пастухами Нумитора, которые держали загоны вокруг Авентина, — холма прямо напротив Паллантия. Они нередко обвиняли друг друга то в делении пастбища ненадлежащим образом, то в том, что только одна группа занимает общий луг, то в чем-то еще. И из-за этих перепалок вспыхивали драки то врукопашную, а то и с оружием. Люди же Нумитора, получив множество увечий от юношей и потеряв нескольких своих людей и будучи изгнаны уже силой соперников с этой земли, стали строить козни против них»^{138}. По версии же Плутарха, как-то раз пастухи Нумитора сильно повздорили с пастухами Амулия и угнали часть царского стада. В ответ Ромул и Рем напали на обидчиков, избили их, отобрали скот и «завладели большой добычей»^{139}. Пастухи Нумитора затаили злобу на братьев и стали ждать удобного момента, чтобы поквитаться с ними. И такой момент наступил очень скоро.

Однажды Ромул отправился с несколькими пастухами совершать жертвоприношение в близлежащий городок Ценину, а Рем остался и был схвачен людьми Нумитора, устроившими засаду. Дионисий Галикарнасский так пишет об этом событии: «Они устроили засаду в скрытой части лощины и, условившись о времени нападения с теми, кто поджидал юнцов в засаде и остальные целой толпой ночью набросились на их загоны. Так вышло, что Ромул в это самое время вместе с наиболее уважаемыми из поселян направился в местечко под названием Ценина, собираясь справить там священнодействия на общее благо в соответствии с обычаями отечества. Ром же (Рем. — М. Б.), проведав о нападении

противников, быстро схватил оружие, собрал немногих из поселян и бросился на выручку брату. Но враги уклоняются от боя с ними и отступают туда, куда хотели, чтобы, развернувшись в удобном для себя месте, напасть на преследователей. Ром же, не подозревая до поры до времени об их кознях и преследуя их, минует место засады, тотчас же оттуда выскакивают люди, а бегущие разворачиваются назад. И все они, окружая соратников Рома и забрасывая их градом камней, захватывают в полон попавших в их руки, так как они получили приказание от хозяев доставить юношей живыми. Вот таким образом схваченный Ром и был ими уведен»^{140}.

Согласно другой версии, близнецы вместе с прочими пастухами Амулия праздновали Луперкалии, когда на них напали люди Нумитора.

Существуют две основные гипотезы происхождения этого праздника. Одни античные авторы считают, что Луперкалии еще в давние времена принес из Аркадии в Италию царь Эвандр^{141}. Другие утверждают, что праздник был учрежден Ромулом и Ремом^{142} или, по мнению Овидия, несколько видоизменен ими из-за кражи скота разбойниками:

Но к иноземным прибавь и латинские, Муза, причины,
Чтобы мой конь поскакал дальше в родимой пыли.
Как полагалось, козу козлоному режали Фавну
И приглашенных на пир скромный толпа собралась.
Тут, покамест жрецы потроха натывают на прутья
Ивы, готовя еду, солнце к полудню пришло.
Ромул, и брат его с ним, и все пастухи молодые
В поле на солнца лучах были тогда нагишом,
И состязались там в кулачном бою, и метали
Копья и камни, смотря, чьи были руки сильней.
Сверху пастух закричал: «По окольным дорогам, смотрите,

Где вы, Ромул и Рем! — воры погнали ваш скот!»
Не до оружия тут; они врозь разбежались в погоню,
И, налетев на врага, Рем отбивает бычков.
Лишь он вернулся, берет с вертелов он шипящее мясо
И говорит: «Это все лишь победитель поест».
Сказано — сделано. С ним и Фабии. А неудачник
Ромул лишь кости нашел на опустелых столах.
Он усмехнулся, хотя огорчен был, что Фабии с Ремом

Верх одержали в борьбе, а не Квинтилии с ним.
Память осталась о том; вот и мчат бегуны без одежды,
И об успешной борьбе слава доселе живет^{143}.

Что касается наготы луперков, то она, по мнению Гая Ацилия, которого цитирует Плутарх, объясняется тем, «что еще до основания города у Ромула и Рема однажды пропали стада. Помолвившись Фавну, они побежали на поиски совсем нагими, чтобы их не беспокоил стекающий по телу пот; вот почему-де и луперки раздеваются донага»^{144}.

Луперкалии праздновались ежегодно 15 февраля и посвящены были пастушескому богу Луперку или богу полей и лесов Фавну, или же богу оплодотворения животных Иную, с которыми отождествлялся греческий бог Пан Ликейский^{145}. Как полагают большинство ученых, это был пастушеский праздник. Важнейшей его целью было стимулирование плодовитости скота, а также защита животных от волков. Само наименование луперков свидетельствует об этом: слово *lupercus* складывается из *lupus* (волк) и *arcere* (гнать) — «гнать волков».

Со временем жрецы-луперки стали собираться в уже упоминавшейся пещере Луперкал на склоне Палатинского холма, посвященной богу Луперку. Здесь они приносили в жертву коз и собак^{146}. Затем, как пишет Плутарх, к жрецам «подводят двух подростков знатного рода, и одни луперки касаются окровавленным мечом их лба, а другие немедленно стирают кровь шерстью, смоченной в молоке. После этого мальчики должны рассмеяться»^{147}. Эти два подростка, скорее всего, отождествлялись с Ромулом и Ремом, которым в детстве грозила смерть (их лба символически касаются окровавленным мечом), но они счастливо спаслись и были вскормлены молоком волчицы (кровь вытирают шерстью, смоченной в молоке). Их смех, очевидно, символизирует окончательную победу над злом. Далее, продолжает Плутарх, «располозовав козьи шкуры, луперки пускаются бежать, обнаженные, в одной лишь повязке вокруг бедер, и своими ремнями бьют всех, кто попадает на пути. Молодые женщины не стараются увернуться от ударов, веря, что они способствуют легким родам и вынашиванию плода»^{148}.

Разбившись на две группы (Фабии и Квинтилии), луперки начинали свой бег от Луперкала, с того самого места, где некогда лежали спасшиеся Ромул и Рем. Затем они, соревнуясь, бежали вокруг Палатинского холма^{149}. Поскольку Луперкалии проводились в феврале — месяце, в течение которого обычно совершали жертвоприношения мертвым и

очистительные обряды, считается, что они также являлись праздником очищения, в данном случае очищения скота. Асам беглуперков символизировал религиозное очищение городской территории и всех ее жителей^{150}.

Итак, когда Ромул и Рем в очередной раз собирались праздновать Луперкалии, пастухи Нумитора устроили им засаду, «подгаданную ко времени, когда полагалось, чтобы живущие вокруг Паллантия юноши, принеся жертву и выйдя из Луперкала, нагими обежали селение, прикрыв стыд свежими шкурами жертвенных животных. Эта церемония служила неким очищением поселян, и оно совершается и поныне. Вот тогда-то пастухи и сделали в теснине засаду юношам, отправлявшим священные обряды; когда же появился перед ними первый отряд во главе с Ромом (Ремом. — М. Б.) — остальные же, которые были с Ромулом, а также третьи, запаздывали (они были разделены на три отряда и бежали на расстоянии друг от друга), — то не дожидаясь этих отставших, пастухи двинулись против первых, с дружным кличем окружив их, и забросали их кто дротиками, кто камнями — что у кого оказалось под рукой»^{151}. Ромулу удалось отбиться, а Рем был схвачен.

По иной версии, нападение на Рема совершили не люди Нумитора, а местные разбойники, от налетов которых близнецы защищали стада и у которых некогда отбили богатую добычу. Разбойники намеревались захватить Ромула и Рема для того, чтобы передать их в руки царя Амулия и ложно обвинить в воровстве скота у Нумитора^{152}.

Так или иначе, но Рем был схвачен и отправлен в Альба-Лонгу. Когда Ромул узнал о судьбе брата, он тотчас решил собрать отряд вооруженных пастухов, намереваясь немедленно отправиться в город и освободить Рема^{153}. От этого опрометчивого шага его удержал Фаустул, который, как пишет Тит Ливий, «с самого начала подозревал, что в его доме воспитывается царское потомство, ибо знал о выброшенных по царскому приказу младенцах, а подобрал он детей как раз в ту самую пору; но он не хотел прежде времени открывать эти обстоятельства — разве что при случае или по необходимости. Необходимость явилась первой, и вот, принуждаемый страхом, он все открывает Ромулу»^{154}. После этого Ромул решил отказаться от немедленного нападения и прежде собрать более внушительные силы. Он, как передает Дионисий Галикарнасский, «созвал всех поселян и попросил их поспешить изо всех сил в Альбу, но не входить всем вместе в одни и те же ворота, дабы у находящихся в том городе не возникло никакого подозрения, а затем дожидаться на площади и быть

готовыми выполнить любое приказание, после чего сам он первым отправился в город»^{155}.

Тем временем Рема привезли в Альба-Лонгу. По мнению Плутарха, хотя его немедленно «доставили прямо к Нумитору и там изблещили, последний, страшась сурового нрава своего брата, не решился наказать преступника сам, но пошел к царю и потребовал правосудия, взывая к братским чувствам Амулия и к справедливости государя, чьи слуги нагло его, Нумитора, оскорбили»^{156}. Дионисий Галикарнасский и другие авторы, напротив, считают, что Рем сразу же предстал перед царем Амулием и был обвинен пастухами Нумитора в насилии над ними и воровстве скота: «Они выставляли свои раны, грозясь покинуть загоны, если не добьются отмщения. Амулий же, возжелав угодить как сошедшейся толпе, так и Нумитору (тот случайно присутствовал там и разделял негодование вместе с клиентами), а также стараясь, чтобы в стране был мир и вместе с тем с подозрением глядя на самонадеянность юноши, в чьих словах сквозила непреклонность, изрекает такой приговор: назначить Нумитора ответственным за наказание Рома, говоря, что лучше всего, чтобы совершивший ужасное деяние претерпел бы за это не от кого иного, как от пострадавшего»^{157}.

После суда Рем был выдан Нумитору и отведен в его дом. Брат царя оценил то, как юноша держался на суде, отметил его смелость и благородство духа. Поэтому, когда они все вместе прибыли к нему, Нумитор, как пишет Дионисий Галикарнасский, «приказав прочим удалиться, спросил оставшегося с ним наедине Рома, кто он и из каких, так как он способен оказаться не тем человеком, кем был. На это Ром отвечивал, что знает от своего воспитателя лишь то, что он с братом-близнецом еще младенцем был выброшен в лес сразу после рождения...»^{158}.

Услышав рассказ Рема, Нумитор начал подозревать, что перед ним его счастливо спасшийся от смерти внук. Все еще неуверенный в этом, он сообщил Рему, что готов его избавить от казни и какого-либо наказания, если тот станет его соратником. Далее Нумитор поведал юноше о злодействах Амулия и попросил помочь отомстить за все бедствия, причиненные царем его семье. Рем охотно согласился на это. Затем Нумитор предложил Рему известить обо всем брата, за которым они послали гонца. Тот встретил Ромула недалеко от города и сообщил ему добрые вести. Юноша сразу же отправился к Нумитору и Рему, заключил их в объятия, а затем рассказал вновь обретенному деду о том, как его с

братом выбросили в Тибр, как воспитали и обо всем остальном, о чем он узнал от Фаустула. После этого Нумитор и близнецы начали разрабатывать план свержения царя Амулия^{159}.

В это же самое время пастух Фаустул, обеспокоенный отсутствием новостей, решил отправиться к Нумитору и лично рассказать ему о судьбе близнецов. По словам Дионисия Галикарнасского, Фаустул, «из опасения, как бы Нумитору не показалось неправдой то, что говорит Ромул, который оказался обличителем столь важного дела без достаточных доказательств, захватив в качестве свидетельства корыто, в котором выбросили младенцев, вскоре поспешил в город. Но когда он проходил в большом смятении через ворота и больше всего старался, чтобы никто не понял, что он несет, его заметил один из стражников (так как из опасения перед нападением врагов ворота охраняли самые верные царю люди). Этот страж хватает Фаустула и, считая, что можно разузнать то, что он скрывал, силой срывает с него одежду. Но как только он увидел корыто и опознал смущенного человека, он потребовал сказать, откуда такое смущение и с каким намерением он не вносит открыто барахло, которое не имеет смысла скрывать. Тем временем к нему стекаются многие стражники, один из них узнает корыто, в котором он сам доставлял детей к реке, и он возвещает об этом присутствующим. Тогда собравшиеся влекут Фаустула к самому царю и рассказывают о том, что случилось»^{160}.

Амулий сразу же начал запугивать несчастного Фаустула, угрожая страшными пытками, если он добровольно не расскажет всю правду. Царь прежде всего спросил, живы ли дети и, получив утвердительный ответ, осведомился, каким образом они спаслись. Фаустул честно рассказал царю, как он нашел и воспитал близнецов. После этого Амулий поинтересовался, где они теперь находятся, ибо негоже царским детям влачить жалкую жизнь среди пастухов. Тут Фаустул, заподозрив неладное, решил обмануть царя и сообщил, что близнецы-де находятся в горах и пасут скот, а сам он якобы послан ими к Рее Сильвии, дабы поведать ей о их судьбе и предъявить корыто для доказательства. Он предложил царю отправить за Ромулом и Ремом верных людей и сам вызвался быть проводником, так как надеялся сбежать и скрыться в горах^{161}.

Амулий, как пишет Дионисий Галикарнасский, охотно согласился на предложение Фаустула и срочно послал «вернейших из оруженосцев с тайным приказом схватить тех, на кого им укажет свинопас, и как можно скорее доставить к нему. Проделав это, он замыслил тотчас призвать брата и держать его под стражей без оков, до тех пор пока обстоятельства не

улучшатся. Так что он призывает Нумитора под видом каких-то дел. Но отправленный вестник, благодаря расположению к находящемуся в опасности Нумитору и жалея его в беде, и из сострадания к его судьбе, изобличает перед Нумитором замысел Амулия»^{162}.

По данным Фабия Пиктора, приведенным у Дионисия Галикарнасского, когда Нумитор случайно узнал, что Амулий собирается его арестовать, он решил напасть на царский дворец вместе с Ромулом и Ремом: «Нумитор, указав юношам на нависшую над ними опасность и приказав им проявить себя доблестными мужами, прибыл ко дворцу, ведя немалый вооруженный отряд из клиентов, друзей и верных слуг. К ним присоединились люди, крепким боевым строем пришедшие с полей в город, минуя Форум, спрятав под одеждой мечи. Все они единым натиском преодолевают вход, охраняемый немногими тяжеловооруженными пехотинцами, без труда закалывают Амулия и после этого захватывают крепость»^{163}.

Тит Ливий, напротив, считает, что на резиденцию Амулия совершили нападение именно близнецы, руководившие двумя отрядами мятежников. Первый отряд, возглавляемый Ромулом, состоял из пастухов, которым было велено заранее, незаметно и разными дорогами прийти в город и в условленное время собраться у царской резиденции. Второй отряд включал в себя людей Нумитора во главе с Ремом^{164}. Судя по всему, оба отряда разом напали на резиденцию, уничтожили охрану и расправились с царем Амулием. Одновременно с этим, как пишет Тит Ливий, «при первых признаках смятения Нумитор, твердя, что враги, мол, ворвались в город и напали на царский дом, увел всех мужчин Альбы в крепость, которую-де надо занять и удерживать оружием; потом, увидав, что кровопролитие свершилось, а юноши приближаются к нему с приветствиями, тут же созывает сходку и объявляет о братниных против него преступлениях, о происхождении внуков — как были они рождены, как воспитаны, как узнаны, — затем об убийстве тирана и о себе как зачинщике всего дела. Юноши явились со всем отрядом на сходку и приветствовали деда, называя его царем; единодушный отклик толпы закрепил за ним имя и власть царя»^{165}.

Плутарх тоже считает, что у близнецов было два отряда, но «Рем поднимал мятеж в самом городе, а Ромул подходил извне» и при этом последний «с собою привел немалые силы, разбитые на отряды по сто человек; предводитель каждого из отрядов нес на шесте вязанку сена и хвороста. Такие вязанки латиняне зовут «маниплами» [*maniplus*]. Вот

откуда слово «манипларии» (манипуларии. — М. Б.), и ныне употребляемое в войсках»^{166}. Некоторые авторы даже полагают, что Ромул с отрядом пастухов по своей инициативе напал на Альба-Лонгу и самолично пронзил царя мечом^{167}.

Так или иначе, но после убийства Амулия близнецы вернули престол Альба-Лонги своему деду Нумитору^{168}. Вслед за этим, как ошибочно считают некоторые античные авторы, якобы были учреждены упоминавшиеся выше Луперкалии. Например, так думает поэт Бугае, которого цитирует Плутарх: «Некий Бутас, пересказывающий в элегических двустишьях баснословные причины римских обычаев, говорит, что Ромул и Рем после победы над Амулием, ликуя, помчались туда, где некогда к губам новорожденных младенцев подносила свои сосцы волчица, что весь праздник есть подражание этому бегу и что подростки

Встречных разят на бегу; так некогда, Альбу покинув,
Юные Ромул и Рем мчались с мечами в руках»^{169}.

Город на крови

Итак, альбанским царем стал Нумитор. После этого, по мнению большинства античных авторов, Ромул и Рем не пожелали оставаться в Альба-Лонге и решили основать собственный город. Например, Тит Ливий пишет: «Когда Нумитор получил таким образом Альбанское царство, Ромула и Рема охватило желание основать город в тех самых местах, где они были брошены и воспитаны»^{170}. Ему вторит Плутарх: «Ромул и Рем не захотели, однако, ни жить в городе, не правя им, ни править, пока жив дед, и, вручивши верховную власть ему, отдав долг уважения матери, решили поселиться отдельно и основать город там, где они были вскормлены»^{171}. Впрочем, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, именно Нумитор «задумал подготовить для юношей их собственную власть путем основания другого города. Вместе с тем, когда толпа граждан возросла, он подумал, что было бы полезно избавиться от какой-то части людей, особенно некогда несогласных с ним, чтобы ему не питать к ним подозрения. Договорившись с юношами и получив их согласие, он выделяет им земли, которыми им предстоит править, расположенные там, где они детьми воспитывались... И Нумитор стал собирать для юношей и деньги, и оружие, и хлеб, и рабов, и тягловый скот и все прочее, потребное для строительства города»^{172}.

Скорее всего, решение основать новый город все же приняли сами близнецы, а Нумитор лишь с радостью поддержал внуков и стал им во всем помогать. Однако, как сообщает Тит Ливий, тут в замыслы Ромула и Рема «вмешалось наследственное зло, жажда царской власти и отсюда — недостойная распря, родившаяся из вполне мирного начала. Братья были близнецы, различие в летах не могло дать преимущества ни одному из них»^{173}.

О причинах возникновения этой распри более подробно пишет Дионисий Галикарнасский: «После того как юноши вывели своих людей из Альбы и смешали их с местными жителями на Паллантии (Палатине. — М. Б.) и вокруг Сатурнии, они поделили всю эту массу на две части. Это было сделано для возбуждения честолюбия и стремления во взаимном соперничестве скорее завершить начатое дело, но это же стало причиной величайшего зла — их распри. Суть в том, что каждая часть присоединившихся к близнецам, восхваляя своего предводителя, стала возвеличивать его как способного начальствовать над всеми; и сами братья,

более не испытывая согласия и не считая нужным питать друг к другу братские чувства, так как каждый предполагал командовать другим, отбросили принцип равенства власти и стали стремиться к преобладанию. До поры до времени их корыстные побуждения не были заметны, а затем прорвались при следующих обстоятельствах. Местность, где они намеревались основать свой город, каждый выбрал свою. Так, у Ромула была мысль заселить Палланций среди прочего и потому, что место оказалось счастливым, так как предоставило им и спасение, и пропитание; Рому же представлялось нужным заселить участок, теперь называемый по нему Реморией. Действительно, там было место, подходящее для города, — холм, неподалеку от Тибра, примерно в тридцати стадиях от центра Рима (около 5,5 километра. — М. Б.). И из этого соперничества вскоре стала проступать разобщающая страсть к власти. Ведь для уступившего в выборе места победа брата грозила распространиться вообще на всё»^{174}. При этом Плутарх уточняет, что Ромул к этому времени уже заложил так называемый *Quadrata Roma* («Четырехугольный» или «Квадратный Рим»), названный так по очертаниям верхней части Палатина, а Рем выбрал укрепленное место на Авентине, названное в его честь Реморией^{175}. Впрочем, по поводу местоположения Ремории мнения античных авторов разделяются: одни считают, что Ремория находилась на расстоянии нескольких миль от Палатина, а другие отождествляют это место с Авентинским холмом^{176}.

Чтобы разрешить спор из-за места, где предстоит основать город и, соответственно, кому в нем властвовать, братья отправились в Альба-Лонгу к царю Нумитору. Выслушав мудрые советы своего деда, Ромул и Рем решили обратиться к ауспициям. По свидетельству Дионисия Галикарнасского, «назначив определенный день, Нумитор приказал им сесть на заре отдельно друг от друга в том месте, которое каждый из них сочтет достойным для себя, и, заранее принеся богам установленные жертвы, поджидать вещей птиц; тому же, кому птицы первому окажут благоволение, и править колонией»^{177}.

В древней Италии этим исконно занимались особые жрецы-авгуры. Рассматривая небесные знамения и объясняя их значение, они являлись, по сути, толкователями воли Юпитера. Обычно с полуночи и до рассвета авгуры наблюдали за громом и молниями, зарницами, за движением звезд и планет, за кометами и метеоритами. Днем же, как правило, они проводили ауспиции (птицегадания) — следили за особенностями полета птиц (особенно важны были коршун, орел, ястреб), оценивали частоту и

характер криков, издаваемых ими (в этом случае обращали внимание на сову, ворона, дятла, петуха).

Перед каждым гаданием авгур делил небо на несколько воображаемых частей специально предназначенным для этой цели жезлом (*lituus*), имевшим этрусское происхождение и представлявшим собой изогнутую палку без сучков. В пределах выбранного для наблюдений участка неба и нужно было ждать знамений, даваемых богами.

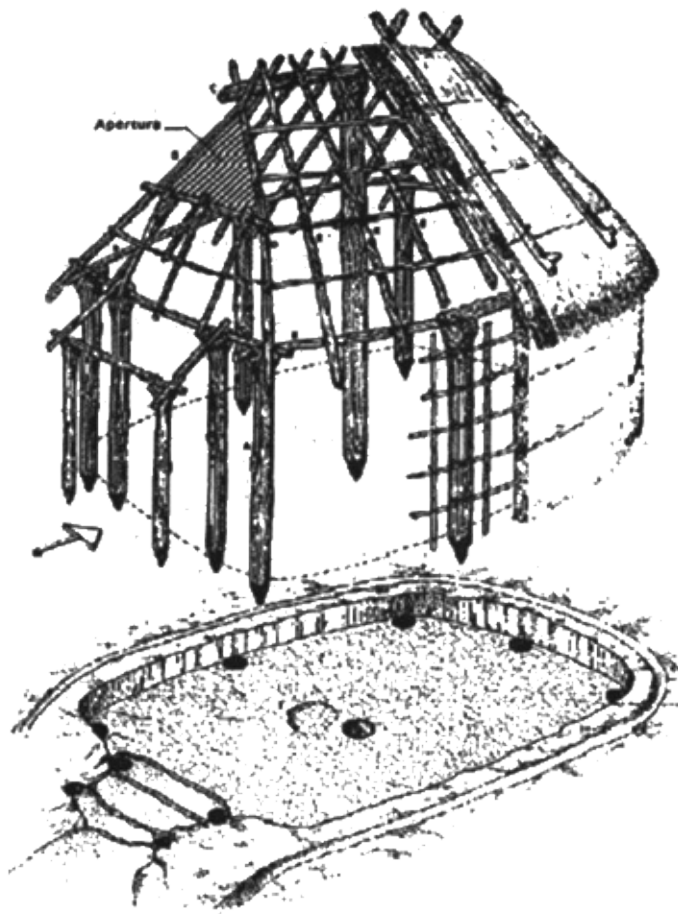
Кроме того, авгуры следили за кормлением священных цыплят, которые должны были с жадностью клевать, роняя пищу, что считалось благоприятным знаком, наблюдали за действиями четвероногих зверей (имело значение их внезапное появление, крики и пр.), а также за разными явлениями, исконно считавшимися неблагоприятными. Каждое знамение было очень важно, поскольку по нему жрецы определяли, что угодно, а что не угодно богам, и что в этом случае следует делать, а что — не следует. В обязанности авгуров также входили моления о ниспослании урожая и освящение виноградников.

Итак, в назначенный день Ромул и Рем приготовились провести ауспиции. Дионисий Галикарнасский пишет, что «Ромулу местом для птицегадания послужил Паллантий (Палатин. — М. Б.), где он счел нужным основать колонию, Рому же — лежащий напротив него холм, называемый Авентином, а как передают некоторые — Реморией. И к обоим была приставлена стража, дабы не позволить им объявить то, что не было явленным. Когда же они заняли надлежащие места, Ромул некоторое время спустя от ревности и зависти к брату, — а может быть и божество подталкивало его к тому же, — и даже прежде чем увидеть какое-либо знамение, послал к брату вестников и потребовал, чтобы он как можно быстрее шел, так как он первым увидел вещих птиц. В то время как посланные им, посчитав обман позором, двигались не спеша, Рому дали знак шесть коршунов, летящих справа. И он, увидев птиц, возликовал, но немного времени спустя, посланные Ромулом, попросили его подняться и повели на Паллантий. Когда они сошлись вместе, Ром спросил Ромула, каких именно птиц он увидал первым, а Ромул оказался в затруднении, не зная, что ответить. И в это время появились двенадцать вещих коршунов. При виде их Ромул осмелел и, указывая на них, ответил Рому: «Что тебе за нужда узнать о случившемся прежде, ты ведь, небось, сам видишь этих птиц». Тот же вознегодовал и посчитал ужасным, что он обманут братом, поэтому заявил, что не уступит ему колонии. А от этого вражда разгорается пуще прежнего, так как каждый тайно преследуя цель получить преимущество, открыто присоединяется к законному равенству по

следующим причинам. Ведь дедом по матери им было установлено: кому первому показался знак в виде большего числа птиц, тому и править колонией. Так как род птиц обоим явился одинаковый, то один утверждал, что победил тот, кто увидел их первым, а другой, что тот, кто насчитал большее число птиц»^{178}.

Вслед за этим между братьями началась бурная ссора, переросшая в кровопролитную стычку между их людьми. Дионисий Галикарнасский передает, что «во время этой битвы Фаустул, который вскормил юношей, желая покончить с враждой братьев, но ничего не в состоянии сделать, безоружным ворвался в гущу сражающихся, ища скорой смерти, что и случилось. Сообщают также, что каменный лев, который стоял на римском Форуме в самом лучшем месте около роствра, был воздвигнут над телом Фаустула, которого нашедшие погребли там, где он упал. Поскольку Ром погиб в этом бою, Ромул, одержавший несчастную победу над братом и соплеменниками, хоронит Рома на Ремории, потому что при жизни тот сам определил это место для поселения. Сам же Ромул с горя и раскаяния в содеянном, потеряв интерес к жизни, впадает в угнетенное состояние. Так как Ларенция, которая, приняв новорожденных, вскормила их и любила не меньше чем мать, умоляла и утешала его, он, повинувшись ей, воспрял духом»^{179}.

Дионисий Галикарнасский дипломатично умалчивает, от чьей руки погиб Рем, хотя большинство античных авторов называют убийцей Ромула. При этом гибель Рема они относят к более позднему времени, когда Ромул уже провел обряд основания города и начал возводить стены. В связи с этим современные исследователи считают, что на самом деле в стычке после ауспий погиб только Фаустул, а Рем не пострадал.

Палатинская хижина. Реконструкция

Авгурский жезл (Lituis).

Палатинский холм, который Ромул выбрал для основания города, и римские холмы в целом занимали очень выгодное положение. Еще Цицерон отмечал, что Рим благодаря прозорливости Ромула расположен весьма удачно. Ведь город, во-первых, лежит вдали от морского берега и, следовательно, огражден от нападений с моря, затопления и других опасностей. Во-вторых, поскольку город расположен на берегу реки, которая впадает в море, он получает по воде все необходимые товары и сырье, как если бы находился на морском побережье, и это способствует значительному процветанию торговли. В-третьих, Рим очень хорошо защищен от нападения врагов, так как раскинулся на высоких, крутых и обрывистых холмах. В-четвертых, город огражден от болезней, поскольку холмы обдуваются ветрами, дают тень долинам и богаты чистыми родниками^{180}. По словам поэта Тибулла, место это, населенное только пастухами, в древности было девственно и прекрасно:

Ромул еще не сложил те стены вечного града,
Где поселиться не смог вместе с ним брат его Рем.
На Палатине паслись, заросшем травой, коровы,
И покрывали ряды хижин Юпитеров холм,
Пан, окроплен молоком, стоял там под каменным дубом,
Палес из древа была грубым ножом создана,
Там кочевой пастух, на ветвях свой дар помещая,
Богу лесному в обет звонкую вешал свирель.
Этой свирели лады из тростинок составлены разных,
Воском спаян их ряд — от головной до меньшей.
Там же, где ныне лежит равнина Велабра, бывало
Лодочка малая шла по неглубокой воде;
Эта дорога несла в угоду хозяину стада,
Юноше с толстой сумой — девушку в праздничный день,
И возвращались с ней дары изобильной деревни —
Сыр и барашек молодой от белоснежной овцы^{181}.

Согласно общепринятой версии, восемнадцатилетний Ромул приступил к основанию Рима в третьем году шестой олимпиады, в одиннадцатый день до майских календ — 21 апреля 753 года до н. э.^{182}

В этот знаменательный день пастухи обычно справляли праздник Парилии^{183} (Палилии), посвященный богине мелкого рогатого скота и пастушества Палее. В Парилии приносили жертвы за приплод скота, молили богиню позаботиться о здоровье животных, о защите их от хищников, о достатке травы и воды для их питания, о большом количестве молочных продуктов, об увеличении поголовья, а также осуществляли ритуальное очищение баранов и овец^{184}. Даже название Палатинского холма, как считается, было связано с именем богини Палее.

Замечательное описание Парилий дает в «Фастах» Овидий:

Кончилась ночь, и встает Аврора. Парилии надо
Петь: не напрасно, коль мне Палес на помощь идет!
Палес благая, певца вдохнови ты пастушеских таинств,
Если могу я почтить праздник твой песней своей.
Я ведь и пепел тельца, и бобовые стебли рукою
Полной тебе приносил как очистительный дар;
Я ведь и через костры, по три в ряд разожженные, прыгал,
И окропляли водой с ветви лавровой меня.
Благословляет мой труд богиня: из гавани вышла
В море ладья, и надул ветер мои паруса.
С девственного алтаря проси курения, тополь:
Веста подаст тебе дар, Веста очистит тебя.
А для курений пойдет кровь коня и пепел теленка;
Третьим пустой черенок твердого будет боба.
Сытых очисти овец при первых сумерках, пастырь,
Землю водой окропи, веткой ее подмети,
Зелень повсюду вплети и ветвями увей ты овчарни,
Двери укрась и повесь длинный венок на косяк.
Чистая сера пускай голубым разносится дымом,
И от дымящейся пусть серы заблеет овца.
Жги ты мужские еще маслины, сосну, можжевельник,
Пусть посреди очагов лавр, загораясь, трещит.
Пшеничные пусть пироги пойдут с корзинкою проса:
Эта особенно снедь сельской богине мила.
Яства прибавь и кувшин молока и, раздав эти яства,
Палес лесную моли, теплым почтив молоком...^{185}

Далее, обернувшись лицом на восток и четырежды помолившись Палее, нужно было смешать молоко с вином, а затем всем вместе прыгать

через костры. Овидий считает, что обычай очищения огнем пошел как раз от основания Рима:

Нет, вероятней всего, что при основании Рима
Ларов из старых домов к новым несли очагам:
При перемене жилищ шалаши полевые сжигались
И погорали в огне хижины прежние все;
Скот прыгал через огонь, и прыгали с ним и селяне, —
В день рождества твоего, Рим, вспоминают о том ^{186}.

Известно, что Ромул, готовясь к основанию города, принес необходимые жертвы богам, а также провел ауспиции ^{187}. При этом, по словам Цицерона, для птицегадания он использовал жезл авгура (*lituus*), ставший символом основания Рима: «Не им ли Ромул при основании города разметил линии на небе? Этот жезл Ромула (верхняя его часть несколько изогнута и искривлена, что придает ему некоторое сходство с рожком, в который трубят (*lituus*), от чего и произошло название жезла) был обнаружен (в 390 до н. э. — М. Б.) в целостности и сохранности на том месте, где некогда была сгоревшая еще в древности курия Салиев, что на Палатине» ^{188}. Кроме того, Ромул пригласил из Этрурии жрецов, тщательно ознакомивших его с надлежащими обрядами и правилами, в соответствии с которыми следует основывать новый город ^{189}.

Вот как описывает ритуал основания Рима Дионисий Галикарнасский: «Как только наступил условленный час, он (Ромул. — М. Б.) и сам первым принес жертвы богам и приказал остальным делать по мере сил то же самое. Сначала же он замечает вещих птиц, которые дают благоприятные знамения. После этого, повелев зажечь костры перед палатками, он выводит людей, чтобы они прыгали через пламя ради очищения от скверны. Когда Ромул решил, что все, что было угодно богам, уже исполнено, он созывает весь люд в намеченное место и начертывает на холме плугом четырехугольник, проводя с помощью быка, сопряженного с телкой, длинную борозду, на которой будет воздвигнута стена. С того времени при основании городов у римлян сохраняется этот обычай опахивания их территории. Закончив это и принеся в жертву обоих животных, а также совершив многие другие жертвоприношения, он приставляет людей к работам. Еще и по сию пору город римлян ежегодно чествует этот день, считая, что он не менее значителен, чем любое другое празднество, а называют его «Парилии» ^{190}.

Более подробно об обряде проведения границ города рассказывает Плутарх: «На нынешнем Комитии (Комиции. — М. Б.) вырыли круглую яму и сложили в нее первины всего, что люди признали полезным для себя в соответствии с законами, и всего, что сделала необходимым для них природа, а затем каждый бросил туда же горсть земли, принесенной из тех краев, откуда он пришел, и всю эту землю перемешали. Яму эту обозначают словом «мундус» — тем же, что и небо. Отсюда, как бы из центра, словно описывая круг, провели границу города. Вложив в плуг медный сошник и запрягши вместе быка и корову, основатель сам пропахал глубокую борозду по намеченной черте, а люди, которые шли за ним, весь поднятый плугом пласт отворачивали внутрь, по направлению к городу, не давая ни одному комку лечь по другую сторону борозды. Этой линией определяют очертания стены, и зовется она — с выпадением нескольких звуков — «померием», что значит: «за стеной» или «подле стены». Там же, где думают устроить ворота, сошник вытаскивают из его гнезда, плуг приподнимают над землей, и борозда прерывается. Поэтому вся стена считается священной, кроме ворот: если бы священными считались и ворота, неизбежный и необходимый ввоз и вывоз некоторых нечистых предметов был бы кощунством»^{191}. Известно, что всего Ромулом было намечено трое (или четверо) ворот^{192}.

Поэтическое описание ритуала основания Рима оставил нам Овидий:

День был назначен, чтоб плуг прочертил основание стенам.
Палесы праздник настал: в день этот начали труд.
Вырыт глубокий ров, плодов насыпали в яму
С почвою вместе, ее с поля соседнего взяв.
Ров наполняют землей, алтарь над зарытым возводят
И зажигают огонь в полном плодов очаге.
Города стены потом намечает движение плуга,
Что белоснежный влечет с белою телкою бык.
Голос раздался царя: «Зиждителя града, Юпитер,
Маворс родитель и мать Веста, внемлите вы мне!
Также внимайте и вы, все боги, которых мы славим:
Благословите, молю, вы начинанье мое!
Да долговечным сей град над землею владыкою будет,
Да покорятся навек запад ему и восток!»
Так он молил, и слева ему отозвался Юпитер
Грома ударом, с небес молнией слева сверкнув^{193}.

У Тацита сохранились уникальные данные о протяженности древней городской границы (померия) времен Ромула: «Нелишне знать, как возник этот город и какие пределы установил для него Ромул. Итак, борозда для обозначения черты города была начата от Бычьего рынка, от того места, где мы теперь видим бронзового быка (ибо этих животных впрягают в плуг), в таком направлении, что большой жертвенник Геркулесу остался по эту сторону от нее; далее, на известном расстоянии друг от друга, были установлены камни, шедшие вдоль подножия Палатинского холма до жертвенника Консу, Старых курий, небольшого святилища Ларов и Римского форума; согласно преданию, Форум и Капитолий были включены в черту города не Ромулом, а Титом Татием. В дальнейшем город Рим расширялся по мере роста римской державы»^{194}.

Что касается названия нового города, то, по мнению большинства античных авторов, Ромул не страдал скромностью и назвал Рим в свою честь^{195}. Однако ученые уже давно подметили, что, если на латинском языке наименование Рима — это *Roma*, то на этрусском — *Ruma*. Исходя из этого, некоторые исследователи считают, что латинское слово «сосок» (*ruma*) имеет этрусское происхождение и, следовательно, название города Рима можно перевести как «Сосок» или «[Женская] грудь». Ну а имя Ромул, как уже говорилось, переводится как «Сосунок» или «Молокосос».

Какими были отношения между близнецами после основания города? Вряд ли хорошими. Рем, вероятно, был сильно уязвлен и раздосадован успехами своего брата, ставшего теперь первым среди равных. И вот, когда по приказу Ромула уже провели границу города и начали сооружать стену (по другим данным, ров или земляной вал), обуреваемый завистью Рем стал издеваться над этой работой и погиб от руки брата. По словам Тита Ливия, «Рем в насмешку над братом перескочил через новые стены и Ромул в гневе убил его, воскликнув при этом: «Так да погибнет всякий, кто перескочит через мои стены»^{196}.

Почему Ромул не пощадил Рема? Дело в том, что граница города (померий) считалась священной и неприкосновенной, и никто не имел права пересекать ее под страхом смерти. Перепрыгнув строящуюся стену (вал или ров), то есть нарушив границу города, Рем тем самым совершил страшное святотатство и уподобился врагу-иноземцу, поэтому Ромул, не в силах сдержать свой праведный гнев, убил его^{197}. Но, безусловно, на поступок Ромула оказали влияние и предыдущее соперничество братьев, порожденное им взаимное недоверие и, как следствие, скрытая ненависть. Не стоит забывать и об особенностях психики близнецов, о том, что с

самого начала они воспитывались волчицей, а затем попали в не менее суровую пастушескую среду. Да и можно ли вообще говорить о братской любви в условиях, когда каждый был сам за себя?

Но нашлись и те, кто пытался объяснить поступок Ромула с позиции здравого смысла. Например, Цицерон писал, что «в случае с царем, основавшим Город, положение было иное. Ведь его побудила видимость пользы: когда ему показалось, что единолично царствовать более полезно, чем вместе с другим человеком, он убил брата. При этом он погряз и братские чувства, и человечность, дабы иметь возможность осуществить то, что ему казалось полезным, но таковым не было. И все-таки он в свое оправдание сослался на постройку стены; это была видимость нравственной красоты, не правдоподобная и совсем не подходящая. Следовательно, он совершил проступок»^{198}.

Существует и другая версия, согласно которой Рема убил Целер — один из приближенных Ромула. Диодор Сицилийский так описывает это событие: «Занимаясь строительством Рима, Ромул поспешил обнести Палатин ровом, чтобы никто из соседей не пытался помешать его замыслу. Рем же, тяжело переживая утрату первенства и завидуя успеху брата, подошел к рабочим и принялся оскорблять их. Он говорил, что ров слишком узок, и город не будет защищен, поскольку враги легко преодолеют ров. Ромул разгневался и сказал: «Повелеваю всем гражданам оказывать сопротивление каждому, кто попытается преодолеть ров». А Рем, снова насмехаясь над рабочими, сказал, что они сооружают ров слишком узким: враги смогут без труда преодолеть его, да и ему самому это не составит никакого труда. С этими словами Рем перепрыгнул через ров. Среди рабочих был некий Целер, который ответил: «А я, в соответствии с царским указом, окажу сопротивление тому, кто перепрыгнул через ров!» Сказав это, он поднял лопату, ударил Рема по голове и убил его»^{199}. После этого Целер якобы испугался наказания и бежал в Этрурию^{200}.

Большинство ученых считают, что обвинение в убийстве Рема было искусственно перенесено на Целера теми античными авторами, которые всячески пытались оправдать Ромула. Ведь основатель Рима, обagrивший руки кровью родного брата, а потом еще и обожествленный, выглядит довольно безобразно^{201}. Изначально Целер не имел никакого отношения к этому преступлению. Он вообще появился на исторической сцене намного позже, когда Ромул, уже будучи царем, назначил его начальником (трибуном) своей личной охраны — отряда целеров^{202}. Более того, Целер даже отправлял некоторые общественные священнодействия, что

невозможно для убийцы родного брата царя^{203}. Однако идея о невинности Ромула была очень соблазнительной и получила определенное признание среди римской интеллигенции. Например, ее взял на вооружение Овидий:

Знаменью рады, кладут основанье граждане граду,
И над землею растет новая быстро стена.
Строящих Целер бодрит: сам Ромул призвал его к делу,
«Пусть это будет, — сказав, — Целер, заботой твоей.
Пусть никто не шагнет через стены иль вырытый плугом
Ров: коль найдется наглец, — ты его смерти предай».
Рем же, не зная о том, смеяться над низкой стеною
Начал, спросив: «Ты народ этой укроешь стеной?»
И перепрыгнул. Его ударил заступом Целер,
И оросилась земля кровью его, смельчака.
Царь же, об этом узнав, сдержал набежавшие слезы,
И, хоть болело в груди сердце о брате родном,
Плакать не стал он у всех на глазах, сохранил свою
стойкость:

«Так да погибнет, сказал, враг, что чрез стены шагнет!»
Но, повелев похороны начать, уж не мог удержать он
Плача, и стала видна скрытая к брату любовь.
Над погребальным одром склонясь с поцелуем, сказал он:
«Ты, против воли моей брат мой погибший, прости!»
Перед сожжением он умастил тело Рема, и то же
Фавстул сделал, и с ним Акка, власы распустив.
Плакали все, кто потом получили имя квиритов.
Вот наконец подожен был похоронный костер.
Так этот город возник (кто этому мог бы поверить?),
Земли который прижмет победоносной пятой^{204}.

Более того, Овидий даже описывает явление призрака Рема, который, проклиная Целера, заявляет о полной невинности брата:

Только что Ромул сокрыл в холме тень умершего брата
И преждевременный прах Рема был чинно почтен,
Фавстул несчастный и с ним, распустив свои волосы, Акка
Кости его на костре горькой омыли слезой.
В сумерках ранних они печально домой возвратились

И, как бывало, на одр твердый потом улеглись.
Рема кровавая тень перед ними тогда показалась;
Тихим шепотом к ним так обратилась она:
«Вот перед вами я — часть, половина всей вашей заботы,
Видите вы, я каков; помните, был я каким!
А ведь недавно б я мог, коли птицы мне б отдали царство,
Первым над первыми быть в этом народе моем;
Ныне же я ускользнул из костра, лишь тенью пустою,
Рема великого днесь призрак остался один!
Горе! Где Марс, мой отец? Если правду вы нам говорили,—
Дал звериное он вымя подкидышам нам.
Был я волчицей спасен, а погиб от руки гражданина —
Знать, милосердней его даже волчица была!
Яростный Целер, пускай твою душу железо погубит,
Как погубило мою; смертью кровавой умри!
Брат мой того не хотел: мы взаимно друг друга любили;
Манам он отдал, что мог — отдал он слезы свои.
Вы заклинайте его и слезами, и вашим кормленьем,
Чтобы торжественный день он учредил в мою честь!»
Бросились оба обнять дающего им порученье,
Но ускользнула из рук быстрая призрака тень.
Только лишь призрак исчез, развеялось вслед сновиденье.
Оба открыли царю то, что сказал его брат.
Ромул внимает словам и Ремуриями называет
День для свершения всех таинств усопшим отцам.
Долгие годы прошли, и в этом названье ослабла
Первая буква, свой звук резкий на мягкий сменив.
Стали Лемурами звать и безмолвные души усопших —
Так изменился и смысл этого слова у нас [{205}](#).

Поскольку Лемурии праздновались 9, 11 и 13 мая, считается, что в один из этих дней и погиб Рем. Чтобы задобрить духи умерших и отворотить их от своих домов, по ночам во время Лемурии отцы семейств проводили особый обряд:

В полночь, когда тишина наступала, и все засыпали,
Лай умолкал собак и щебетание птиц,
Помнящий древний обряд и умеющий бога бояться
Тут поднимается, сняв обувь свою, босиком;

Пальцами знак он дает, прижимая их к пальцу большому,
Чтобы бесплотная тень не повстречалась с ним.
После же, руки свои оmyв проточной водою,
Он, отвернувшись, берет черные в руку бобы;
Бросив их, он говорит: «Бобы я эти бросаю,
Чтобы себя и своих ими от вас уберечь!»
Девять раз говорит он так без оглядки: считают,
Что подымает их тень, следом незримо идя.
Снова коснувшись воды, он в темесскую медь ударяет
И умоляет уйти тень из-под крова его.
Девять раз повторив: «Уходите вы, отчие маны!»,
Он, обернувшись, свой этим кончает обряд^{206}.

Рем был похоронен на Авентинском холме^{207}. После его смерти в городе началась эпидемия неизвестной болезни («мор»), которую античные авторы рассматривали как гнев богов. По свидетельству Сервия, «тогда обратились к оракулу, а тот ответил, что следует умиловить манов погибшего брата; поэтому всякий раз, когда Ромул совершал какой-либо торжественный обряд, рядом с ним ставились курульное кресло, скипетр, корона и прочие знаки царского достоинства, чтобы было видно, что они равноправны во власти»^{208}.

Глава третья
ВОЙНА И МИР

Похитители девушек

Считается, что территория, которую при Ромуле занимал Рим, вероятно, охватывала холмы Палатин с Велией, Целий, Эсквилин, Квиринал, Капитолий и часть долины Форума. Границы же римской области в целом пролегали тогда на расстоянии не более шести миль от города^{209}. Так, например, по сообщению Страбона, «между 5-м и 6-м камнем, обозначающим мили от Рима, находится местность под названием Фесты. Эту последнюю считают границей тогдашней римской области. Здесь и в некоторых других местах, как в бывших пограничных пунктах, в один и тот же день жрецы совершают жертвоприношение»^{210}. Тем не менее Плутарх считал, что впервые границы римских владений обозначил лишь царь Нума, поскольку «Ромул не хотел мерить свою землю, чтобы не признаваться, сколько земли отнял он у других»^{211}.

По свидетельству того же Плутарха, Ромул поселился в новом городе на Палатине «близ лестницы, называемой «Скала Кака» [*Scala Caci*] (это подле спуска с Палатина к Большому цирку). Там же, говорят, росло священное кизиловое дерево, о котором существует следующее предание. Как-то раз Ромул, пытая силу, метнул с Авентина копьё с древком из кизила. Острие ушло в землю так глубоко, что, сколько людей не пытались вырвать копьё, это никому не удалось, а древко, оказавшись в тучной почве, пустило ростки и постепенно превратилось в изрядных размеров ствол кизила. Последующие поколения чтили и хранили его как одну из величайших святынь и обнесли стеной. Если кому-нибудь из прохожих казалось, что дерево менее пышно и зелено чем обычно, что оно увядает и чахнет, он сразу же громогласно извещал об этом всех встречных, а те, словно спеша на пожар, кричали: «Воды!» — и мчались отовсюду с полными кувшинами. При Гае Цезаре стали обновлять лестницу, и, как рассказывают, рабочие, копая рядом землю, ненароком повредили корни дерева, и оно засохло»^{212}.

Благодаря археологическим раскопкам, проведенным на Палатинском холме, ученые выяснили, что первые римляне обитали в небольших (около 30 квадратных метров), но довольно удобных хижинах. Эти хижины были овальными или прямоугольными; каркасом служили дубовые столбы, поддерживавшие стены и крышу. Стены сооружали из сплетенных прутьев и соломы (или тростника), а затем обмазывали глиной. Крышу хижины делали островерхой и покрывали тростником или соломой. Рядом с

центральным столбом, поддерживавшим кровлю, находился очаг, а прямо над ним в крыше имелось отверстие для дыма. Сбоку от входной двери прорубали маленькое окошко, а непосредственно над дверью устраивали небольшой козырек (скат крыши), опирающийся на два столба, который служил защитой от дождя. Чтобы хижину не затопляло водой, вокруг нее прокапывали ровик. Такие дома воздвигались прямо на земле и каменного фундамента не имели. Лишь позднее их стали возводить на невысоких основаниях из туфовых камней.

Согласно античной традиции, в такой же деревянной хижине, покрытой тростником, жил и Ромул на Палатинском холме^{213}. Позднее римляне сделали жилище первого царя святилищем и после пожаров, нередко случавшихся в городе, постоянно восстанавливали его в первоначальном виде. Например, известно, что во времена императора Августа, то есть более 700 лет спустя, хижина Ромула горела дважды — в 38 и 12 годах до н. э.^{214}, и оба раза восстанавливалась. Дионисий Галикарнасский, сообщая о том, что Ромул и Рем в молодости жили в простых хижинах, пишет: «Одна из них стояла еще в мое время на крыше Паллантия (Палатина. — М. Б.), обращенном к Цирку. Называется она Ромуловой, ее как святыню охраняют те, в чье попечение она входит. И ничего в ней не утрачивают, но чинят ее и возвращают ей прежний облик, буде в ней что-нибудь приходит в негодность от непогоды и времени»^{215}.

Еще одна хижина Ромула находилась на Капитолии. Античный архитектор Витрувий, рассказывая об устройстве древних хижин, пишет, что «фригийцы, живущие в степных местностях, нуждаясь в дереве из-за недостатка лесов, выискивают естественные холмы, прокапываются внутрь их и, прорывая ходы, расширяют пространство, насколько допускают природные условия. Сверху же, соединяя вместе шесты, делают конусообразные крыши, покрывают их тростником и хворостом и насыпают над жилищами огромные земляные кучи. Таким образом сделанные постройки чрезвычайно теплы зимой и очень прохладны летом. Некоторые делают крытые шалаши из болотного пороста. Да и у других народов в некоторых местах совершенно таким же способом устраиваются хижины из камыша. Точно так же и в Массилии можно видеть кровли, крытые не черепицей, а землей, сбитой с рубленой соломой. В Афинах на Ареопаге до сих пор существует такой остаток древности с крышей из глины. Также и на Капитолии может напомнить и дать понятие о древних обычаях хижина Ромула, а в крепости — соломенные крыши святилищ»^{216}.

Одежда первых римлян была еще очень примитивной. Ее изготавливали из шерсти или шкур животных. Например, Ромул в юности ходил в волчьей шкуре «по обычаю пастухов. Но многие его упрекают за то, что он носил шкуру своей кормилицы. Этот упрек отвергают двояко: либо объясняют это вымыслом легенды, либо ссылаются на пример Юпитера, который носил шкуру козы, вскормившей его»^{217}.

Как известно, скотоводство играло важнейшую роль в жизни древнейших обитателей Лация и, в частности, жителей римских холмов. Природные условия идеально подходили для выпаса скота: холмы, поросшие лесом, заливные луга в заболоченной пойме Тибра, удобный водопой^{218}. Археологические раскопки позволили установить, что первые римляне разводили свиней, овец, коз, крупный рогатый скот и лошадей. Овцы и козы давали не только мясо и молочные продукты, но и шерсть, необходимую для изготовления одежды. Быки использовались для вспашки земли, а лошади — для военных целей.

Надо сказать, что сами римляне были прекрасно осведомлены о пастушеском происхождении своих далеких предков. Например, Варрон писал: «И, наконец, разве Италия получила свое имя не от телят, как пишет Пизон? Кто скажет, что римский народ пошел не от пастухов? Кто не знает, что Фавстул, вскормивший и воспитавший Ромула и Рема, был пастухом? Кто не сообразит, что раз город основали они как раз в Парилии (21 апреля. — М. Б.), то и сами были пастухами? Не о том ли говорят и следующие факты: и сейчас еще, по старому установлению, пеня определяется в быках и овцах; древнейшая чеканная монета помечена изображением животных; при основании города место будущих стен и ворот определяет линия, проведенная быком и коровой; очистительная жертва за римский народ — это *suovitaurlia*, когда вокруг обводят кабана, быка и барана; многие наши имена произведены от скота, крупного и мелкого: по мелкому названы Порций, Овиний, Каприлий; по крупному — Еквитий, Таврий, Азиний. Это же подтверждается и прозвищами: есть Аннии Капры, Статилии Тавры, Помпонии Витулы и множество других родов, прозванных по домашним животным»^{219}. О важнейшей роли скотоводства красноречиво свидетельствует вышеупомянутый штраф в виде определенного количества крупного и мелкого рогатого скота, установленный Ромулом и в ряде случаев заменявший смертную казнь. По мнению Цицерона, царь, «налагая пеню в виде овец и быков (так как в те времена имущество состояло из скота и земельных владений, ввиду чего людей называли «богатыми скотом» и «занимающими земли»», прибегал лишь к принуждению, дабы

не обращаться «к насилию и казням»^{220}.

Наряду со скотоводством, не менее важной отраслью сельского хозяйства являлось земледелие. Благодаря археологическим раскопкам, проведенным в Лации, в том числе и на территории римских холмов, ученые выяснили, что в эпоху Ромула местные жители выращивали пшеницу (однозернянку и двузернянку, или полбу), ячмень, бобы, горох и виноград. Из технических культур — лен, который использовался для изготовления одежды. Землю обрабатывали мотыгой и сохой.

Пища была достаточно разнообразной. Благодаря скотоводству жители раннего Рима всегда имели на столе свежее молоко, творог и сыр, а также мясо, которое варили, жарили, запекали, солили, сушили, вялили или коптили. Из пшеницы, полбы или ячменя выпекали хлеб без дрожжей в виде лепешки. Из тех же злаков, а также из бобов или гороха варили каши и похлебки. Ели свежий виноград, делали из него вино, а также сушили впрок. Окрестные леса были полны разнообразнейших даров природы, поэтому в рационе присутствовали ягоды, фрукты, орехи, мед диких пчел и т. п. Определенную роль играла охота, а также рыболовство, благо поблизости протекал тогда еще богатый рыбой Тибр. Рыбу варили, жарили, запекали, солили, сушили или коптили.

Первые римляне также занимались добычей соли в устье Тибра, неподалеку от возникшей намного позже Остии. Помимо того, что соль использовали на месте, ее еще и выгодно продавали соседним народам. Недаром древний путь вдоль тибрского берега, ведущий вглубь земель сабинов, назывался Соляной дорогой^{221}. Известно, что Ромул, покорив в дальнейшем этрусский город Вейи, заставил вейян уступить ему их соляные варницы, тоже находившиеся в устье Тибра^{222}.

Ремесленное производство появляется в Риме на самых ранних этапах существования города. Ведь совершенно ясно, что без каменщиков и плотников города не построить. Правда, Плутарх сообщает, что только при втором римском царе Нуме Помпилии были учреждены коллегии ремесленников: «Царь создал, соответственно роду занятий, цехи флейтистов, золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, дубильщиков, медников и гончаров; все же остальные ремесла он свел в один цех»^{223}. Вполне очевидно, что эти ремесленные профессии существовали уже при Ромуле. Что касается «всех остальных ремесел», то среди них следует выделить обработку железа, кузнечное ремесло. Месторождений железа в Лации нет, поэтому сырье приобреталось у соседних этрусков. При археологических раскопках древнейших могил на

территории римских холмов были найдены железные наконечники копий, мечи, ножи. Немало обнаружено изделий из бронзы — это браслеты, фибулы, кольца, дисковидные подвески, серьги, наконечники копий, шлемы и т. п. Изредка в могилах встречаются украшения из серебра и золота. Металлических денег в то далекое время еще не существовало, и поэтому денежным эквивалентом служил скот.

О широком распространении при Ромуле ткацкого ремесла свидетельствуют многочисленные терракотовые пряслица, обнаруженные в вышеупомянутых могилах. Впрочем, хорошо известно, что ткацкое ремесло в древних обществах носило домашний характер, и им занимались исключительно женщины. Одежда римлян делалась из овечьей шерсти, а также иногда из льна. Женщины только ткали материю, а вот ее окраску выполняли красильщицы, умевшие составлять всевозможные красители и в совершенстве владевшие различными технологиями окрашивания.

Кто же занимался всеми вышеперечисленными ремеслами? Дионисий Галикарнасский передает, что Ромул повелел рабам и иноземцам заниматься ремеслом как делом для римских граждан позорным^{224}. Ясно, что это утверждение не вполне соответствует действительности, так как царь Нума вряд ли стал бы объединять рабов в ремесленные коллегии. Очевидно, что основная масса ремесленников того времени принадлежала к слою свободных людей.

На первых порах жителей в Риме было очень мало. Чтобы обеспечить приток населения, Ромул основал на Капитолийском холме специальное убежище (*asylum*), предназначенное для всех, кто желал получить приют и защиту. Например, Дионисий Галикарнасский отмечает, что «место между Капитолием и крепостью, которое ныне называется на языке римлян «Между двумя рощами», да и тогда употреблялось то же прозвище, было тенистым благодаря раскинувшимся на склонах с обеих сторон лесам. Ромул сделал его священным и устроил в нем убежище, безопасное для просящих защиты, и там же соорудил храм»^{225}. Этот храм был посвящен Вейовису (Ведивовису) — зловещему богу подземного царства^{226}, а основан, по свидетельству Овидия, в мартовские ноны (7 марта):

Знаком отмечен одним день мартовских нон. Полагают,
Что меж двух рощ посвящен храм Ведийова в сей день.
Ромул высокой стеной окружил здесь деревья, сказавши:
«Всякий сюда убегай, здесь ты ограду найдешь».
О, сколь из жалких начал величие римское встало!

Как незавидна была эта толпа в старину!^{227}

По мнению Тита Ливия, устраивая убежище, «чтобы огромный город не пустовал, Ромул воспользовался старой хитростью основателей городов (созывая темный и низкого происхождения люд, они измышляли, будто это потомство самой земли)... Туда от соседних народов сбежались все жаждущие перемен — свободные и рабы без разбора, — и тем была заложена первая основа великой мощи»^{228}. При этом, как подчеркивает Дионисий Галикарнасский, «для прибегающих к нему как к убежищу просителей Ромул выступил поручителем в том, что они не потерпят никакого зла от врагов благодаря благочестию в отношении божества, и обещал, если они пожелают остаться у него, дать им права гражданства, а также участок земли, которую сможет отобрать у неприятелей»^{229}.

Действительно, основной причиной учреждения убежища являлось стремление Ромула привлечь в новый город как можно больше населения, в особенности молодых мужчин, которые составили бы в будущем основу царской армии. И при этом царя совершенно не волновало происхождение этих людей. Ромул готов был предоставить убежище и римское гражданство практически всем: изгнанникам, беглым рабам, нищим пастухам, должникам, иноплеменникам и даже разбойникам и убийцам^{230}. Поэтому сатирик Ювенал, высмеивая генеалогию римлян, ехидно замечает:

Сколь бы далеко ни взял и сколь бы вдаль ни подвинул
Имя свое, — ты ведешь свой род от подлого сброда.
Первый из предков твоих, кто бы ни был он, — или пастух
был,
Или такой, что о нем и вовсе думать не стоит^{231}.

Однако Ромул не мог позволить себе быть разборчивым, поскольку речь шла о дальнейшей судьбе римской общины, которая родилась в окружении весьма недружелюбных соседей и должна была не только обороняться, но и расширять свои владения, чтобы открыть себе путь к процветанию и благосостоянию.

Вокруг Рима проживало немало богатых и воинственных племен. И Ромул понимал, что для будущего благоденствия его народа необходимо наладить с этими племенами дружеские отношения. А сделать это можно было лишь породнившись с ними, то есть путем заключения браков^{232}.

Кроме того, в только что основанном городе Ромула большую часть населения составляли мужчины, как это обычно и бывало в новых колониях, а женщин проживало крайне мало. Вследствие этого надежд на обильное потомство почти не было, а значит, и последующее существование Рима находилось под угрозой^{233}. Соседние же племена, в свою очередь, взирали на римлян свысока и не стремились устанавливать брачные связи с каким-то сбродом. Поэт Овидий в «Фастах» от лица бога Марса, отца Ромула, так описывает эту ситуацию:

Если желаешь сказать обо всем ты спервоначала,
Рим был ничтожен, но был полон великих надежд.
Стены стояли уже для грядущего тесные люда,
Хоть и казались они слишком обширными встарь.
Если ты спросишь, каков дворец был нашего сына,
На тростниковый взгляни крытый соломою дом.
Здесь на соломенной он по ночам забывался подстилке,
С этого ложа сумев богом взойти в небеса.
Римляне были тогда далеко уже по свету славны,
Но не звался среди них свекром иль мужем никто.
Бедных супругов себе не брали соседки-богачки,
И забывали, что в них тоже течет моя кровь.
Стыдно казалось и то, что живут они с овцами в стойлах
И что немного у них пахотной было земли.
С равными сходятся все: и птицы, и дикие звери,
Даже змея, чтоб родить, ищет другую змею;
И с иноземцами в брак вступать возможно, но чтобы
С римлянином заключить брак, не нашлось ни одной^{234}.

Ромула очень беспокоила эта проблема и поэтому он, по словам Тита Ливия, «разослал по окрестным племенам послов — просить для нового народа союза и соглашения о браках: ведь города, мол, как все прочее, родятся из самого низменного, а потом уж те, кому помою собственной доблестью и боги, достигают великой силы и великой славы; римляне хорошо знают, что не без помощи богов родился их город и доблестью скуден не будет, — так пусть не гнушаются люди с людьми мешать свою кровь и род. Эти посольства нигде не нашли благосклонного приема — так велико было презренье соседей и вместе с тем их боязнь за себя и своих потомков ввиду великой силы, которая среди них поднималась. И почти все, отпуская послов, спрашивали, отчего не откроют римляне убежище и

для женщин: вот и было бы им супружество как раз под пару»^{235}.

После таких оскорбительных отказов Ромул затаил на соседней обиду. Он понял, по словам Дионисия Галикарнасского, «что жители соседних городов не явятся к ним добровольно и не поселятся вместе с ними, потому что римляне не сильны богатством и не проявили себя ни в каком славном подвиге, но что они уступят лишь насилию, если никакое бесчестие не будет сопутствовать принуждению»^{236}. Поэтому юноша решил хитростью похитить девушек у соседней и рассказал о своем замысле Нумитору. Получив благословение деда, а также заручившись поддержкой старейшин, Ромул объявил о проведении Консуалий — праздника, которое он учредил в честь Конса, бога спрятанных в землю посевных зерен, благих советов и тайных замыслов (со временем его ошибочно отождествили с греческим богом Посейдоном-Нептуном Конником)^{237}. Затем молодой царь приказал оповестить все соседние города о предстоящем празднике, «призывая желающих из числа благородных принять участие в собрании и в состязаниях, поелику он намеревался устроить конные ристания и разнообразные соревнования мужей»^{238}.

Впоследствии в Консуалии римляне приносили жертвы на особом подземном алтаре Конса, который ради этого освобождался от земли; украшали лошадей и ослов венками и давали им отдых, а также устраивали состязания незапряженных и запряженных в колесницы лошадей. При этом в июльские ноны (7 июля) на алтаре Конса приносили жертвы общественные жрецы, а непосредственно в день Консуалий (за 12 дней до сентябрьских календ, то есть 21 августа) — фламин бога Квирина и весталки^{239}. Плутарх как раз пишет, что Ромул перед праздником «распустил слух, будто нашел зарытый в земле алтарь какого-то бога. Бога называли Консом, считая его то ли богом Благих советов... то ли Посейдоном-Конником, ибо алтарь этот установлен в Большом цирке, и его показывают народу только во время конных состязаний. Иные же утверждают, что, вообще, коль скоро замысел держали в тайне и старались не разглашать, было вполне разумно посвятить божееству алтарь, скрытый под землю. Когда его извлекли на свет, Ромул, предварительно известив об этом, принес щедрые жертвы и устроил игры и всенародные зрелища»^{240}.

Первые Консуалии должны были отмечаться 21 августа 753 года до н. э., то есть ровно через четыре месяца после основания Рима^{241}. Впрочем, Гней Геллий и Дионисий Галикарнасский придерживаются мнения, что это событие (и последовавшее за ним похищение девушек) произошло не в первый год правления Ромула, а в четвертый, поскольку, считают они,

Ромул вряд ли бы пошел на такую авантюру, не укрепив прежде город^{242}. Но при этом указанные авторы почему-то не задаются вопросом, как удалось молодым римским мужчинам, составлявшим тогда основу населения Рима, целых четыре года обходиться без женщин.

С самого утра в город начали прибывать вместе с женами и детьми ближайшие соседи римлян — сабины (сабиняне), ценинцы, крустуминцы, антемняне (то есть жители городов Ценины, Крустумерии, Антемн)^{243}. Больше всего пришло сабинов, которые проживали на территории между реками Тибр, Атерн и Аниен. «Порций Катон передает, что имя народу сабинян было дано по Сабу, сыну Сайка, местного божества, а некоторые этого Санка называют Юпитером Фидием. И Катон рассказывает, что первым их поселением была некая деревня, именуемая Тестру-ной, расположенная близ города Амитерна. Из этого селения сабиняне двинулись на Реатину, населенную тогда аборигинами и пеласгами, и войною одолели и завладели их самым знатным городом Котилией. Выведа из Реатины колонии, они основали много других городов, в которых жили без крепостных стен, в том числе так называемые Куры»^{244}.

Гостей приняли радушно, показали им новые городские стены и дома. Затем, после необходимых жертвоприношений богу Консу, начались лошадиные бега. Вот тут-то и пришло время для похищения девушек, так хитро задуманного юным царем. Плутарх пишет, что «Ромул в пурпурном плаще сидел вместе с лучшими гражданами на первых местах. Сигнал к нападению должен был подать сам царь, поднявшись, свернувши плащ и снова накинув его себе на плечи. Множество римлян с мечами не спускали с него глаз и, едва увидев условленный знак, немедленно обнажили оружие и с криком бросились на дочерей сабинян, не препятствуя отцам бежать и не преследуя их»^{245}. Началась всеобщая свалка, сопровождаемая криками похищаемых девиц, которых римские юноши в основном хватали без разбора, какая кому попадет, но особо красивых сразу отводили в дома знати. Родители же девушек спасались кто куда, воображая, что будут немедленно убиты, и проклиная коварство римлян, поправших все обычаи гостеприимства^{246}. Забавную поэтическую реконструкцию этих событий создал Овидий:

Ромул, это ведь ты был первым смутителем зрелищ,
Рати своей холостой милых сабинянок дав!
Не нависали тогда покрывала над мраморным склоном,
А на подмостки внизу рыжий не брызгал шафран, —

Сценою был безыскусный развал наломанных сучьев
И густолистных ветвей из палатинских дубрав,
А для народа кругом тянулись дерновые скамьи,
И заслоняла листва зной от косматых голов.
Каждый глазами себе выбирает желанную деву,
Каждый в сердце своем страстью безмолвной кипит.
Вот неумелый напев из этрусской дуды вылетает,
Вот пускается в пляс, трижды притопнув, плясун, —
И под ликующий плеск еще неискusstных ладоней
Юношам царь подает знак к похищению жен.
Все срываются с мест, нетерпенье криками выдав,
Каждый добычу свою жадной хватает рукой.
Словно голубки от клюва орла летят врассыпную,
Словно овечка бежит, хищных завидя волков,
Так под напором мужчин задрожали сабинские девы:
Схлынул румянец с лица, трепет объемлет тела.
Страх одинаков во всех, но у каждой по-своему виден:
Эта волосы рвет, эта упала без сил,
Эта в слезах, но молчит, эта мать призывает, но тщетно,
Эта нема, эта в крик, та цепенеет, та в бег.
Вот их ведут чередой, добычу любовного ложа,
И от испуга в лице многие даже милей.
Если иная из них отбивалась от властного друга —
Он на руках ее нес, к жаркому сердцу прижав,
Он говорил: «Не порти очей проливными слезами!
Чем для отца твоя мать, будешь и ты для меня»^[247].

Плутарх описывает курьезное происшествие, случившееся тогда же: «Среди похитителей, говорят, обращала на себя внимание кучка людей из простого народа, которые вели очень высокую и необыкновенно красивую девушку. Им навстречу попалось несколько знатных граждан, которые стали было отнимать у них добычу, тогда первые подняли крик, что ведут девушку к Таласию, человеку еще молодому, но достойному и уважаемому. Услышав это, нападавшие ответили одобрительными возгласами и рукоплесканиями, а иные, из любви и расположения к Таласию, даже повернули назад и пошли следом, радостно выкрикивая имя жениха. С тех пор и по сей день римляне на свадьбах припевают: «Таласий! Таласий!» — так же как греки «Гименей! Гименей!» — ибо брак Таласия оказался счастливым. Правда, Секстий Сулла из Карфагена, человек, не чуждый

Музам и Харитам, говорил нам, что Ромул дал похитителям такой условный клич: все, уводившие девушек, восклицали «Таласий!» — и восклицание это сохранилось в свадебном обряде»^{248}.

По приказу Ромула, отданному заранее, римляне должны были хватать только девушек, относить их в свои дома и хранить неприкосновенными до следующего дня^{249}. Но, как это часто бывает, среди всеобщей суматохи они по ошибке схватили одну замужнюю сабинянку по имени Герсилия, которая из всех сил цеплялась за свою дочь. По данным Зенодота Трезенского, Герсилия приглянулась Ромулу, стала его женой и впоследствии «родила ему детей — сперва дочь, так и названную Примой (Первая. — М. Б.), а затем единственного сына, которому отец дал имя Аоллия (Собранный вместе. — М, Б.) в память о стечении граждан в его, Ромула, царствование, но впоследствии он был известен под именем Авиллия»^{250}. Однако остальные античные авторы утверждают, что Ромул не оставил после себя потомства^{251}.

Согласно более распространенной версии, Герсилию взял в жены Гостий (Гост) Гостилий, один из знатных и богатых людей, переселившихся в Рим из латинского города Медуллии. Герсилия подарила ему сына, ставшего затем отцом римского царя Туллы Гостилия. Примечательно, что Герсилия первой из похищенных сабинянок родила ребенка в Риме. За это Ромул подарил ее малышу золотую буллу и роскошную тогу^{252}.

На следующий день, когда страсти уже улеглись, Ромул созвал сходку, на которую римские юноши привели похищенных девушек, все еще терзаемых отчаянием и негодованием. Царь, по словам Тита Ливия, «обращался к каждой в отдельности и объяснял, что всему виною высокомерие их отцов, которые отказали соседям в брачных связях; что они будут в законном браке, общим с мужьями будет у них имущество, гражданство и — что всего дороже роду людскому — дети; пусть лишь смягчат свой гнев и тем, кому жребий отдал их тела, отдадут души. Со временем из обиды часто рождается привязанность, а мужья у них будут тем лучшие, что каждый будет стараться не только исполнить свои обязанности, но и успокоить тоску жены по родителям и отечеству. Присоединялись к таким речам и вкрадчивые уговоры мужчин, извинявших свой поступок любовью и страстью, а на женскую природу это действует всего сильнее»^{253}. Закончив свои увещевания, Ромул тут же обручил с девушками некоторое количество римских юношей. К сожалению, число похищенных девушек точно не известно, поскольку в источниках указаны очень разные цифры: 30, 527, 683 и т. п.^{254}

В кольце врагов

Когда весть о похищении девушек долетела до соседних городов, тамошнее население пришло в ярость и негодование, подогреваемое еще и слезными жалобами несчастных родителей, в одночасье лишившихся своих дочерей^{255}. Жители Ценины, Антемны и Крустумерии, намереваясь вернуть своих девушек, решили начать против Рима войну, но прежде отправили послов к сабинскому царю Титу Тацию, прося его возглавить общее войско. Однако сабины, которые лишились наибольшего числа девушек, хотя и были в то время самым сильным в военном отношении народом, по разным причинам медлили и не решались сразу же выступить против римлян^{256}. По свидетельству Плутарха, «видя себя скованными великим залогом и боясь за дочерей, они (сабины. — М. Б.) отправили послов со справедливыми и умеренными предложениями: пусть-де Ромул вернет им захваченных девушек и возместит ущерб, нанесенный его насильственными действиями, а потом уже мирными и законными путями устанавливает дружеские и родственные связи между двумя народами. Девушек Ромул не отпустил, а к сабинянам обратился с призывом признать заключенные союзы»^{257}.

Так и не получив помощи от сабинов, ценинцы, антемняне и крустуминцы решили действовать самостоятельно. Первыми потеряли терпение жители Ценины — города, лежащего к северо-востоку от Рима. Их царь Акрон был опытным воином, но человеком вспыльчивым и горячим. Он вторгся со значительными силами во владения римлян, по пути беспорядочно разоря сельские угодья. Дионисий Галикарнасский пишет, что, «когда ценинцы начали поход и стали разорять приграничные земли, Ромул вывел свое войско, внезапно напал на них, еще не укрепленных, и овладел только что сооруженным лагерем. Преследуя по пятам бежавших в город, жители которого предчувствовали беду, нависшую над ними, и найдя стены без охраны, а ворота нараспашку, Ромул сходу берет город, затем, встретив царя ценинцев с сильным отрядом, он собственными руками убивает его в сражении и снимает с него доспехи»^{258}. Однако по версии Тита Ливия, события разворачивались немного в другой последовательности: «Беспорядочно разоря поля, на пути встречают они (ценинцы. — М. Б.) Ромула с войском, который легко доказывает им в сражении, что без силы гнев тщетен, — войско обращает в беспорядочное бегство, беглецов преследует, царя убивает в схватке и

обирает с него доспехи. Умертвив неприятельского вождя, Ромул первым же натиском берет город»^{259}. Плутарх предлагает третий вариант развития событий: «Акрон первым поднялся войною и с большими силами двинулся на Ромула, который, в свою очередь, двинулся ему навстречу. Сойдясь поближе и поглядев друг на друга, каждый из полководцев вызвал противника на поединок с тем, чтобы оба войска оставались на своих местах в боевой готовности. Ромул дал обет, если одолеет и сразит врага, самолично посвятить Юпитеру его доспехи. Он одолел и сразил Акрона, разгромил войско неприятеля и взял его город»^{260}.

Так или иначе, но Ромул покорил ценинцев и захватил богатую добычу. Затем пришло время исполнить данный Юпитеру обет, и юный царь устроил первое в истории Рима триумфальное шествие. По словам Плутарха, «чтобы сделать свой обет как можно более угодным Юпитеру и доставить приятное и радостное зрелище согражданам, Ромул срубил у себя в лагере огромный дуб, обтесал его наподобие трофея, потом приладил и повесил в строгом порядке все части оружия Акрона, а сам нарядно оделся и украсил распущенные волосы лавровым венком. Взвалив трофей на правое плечо и поддерживая его в прямом положении, он затянул победный пэан и двинулся впереди войска, в полном вооружении следовавшего за ним, а граждане встречали их, ликуя и восхищаясь. Это шествие было началом и образцом дальнейших триумфов. Трофей называли приношением Юпитеру Феретрию (ибо «сразить» по-латыни «ферире» [*ferire*], а Ромул молил, чтобы ему было дано одолеть и сразить противника), а снятые с убитого доспехи — «опимиа» [*opimia*] («тучные». — М. Б.)»^{261}. После завершения триумфального шествия и жертвоприношения Юпитеру Феретрию на Капитолии римляне устроили веселый пир, накрыв столы прямо на улицах города. Это произошло в календы марта (1 марта) 752 года до н. э.^{262}

Надо сказать, что Юпитер именно в качестве бога войны и военной победы получил эпитет Феретрий (*Feretrius*, Податель добычи, Несущий победу), который, как считают некоторые, происходит от слова *ferre* — «нести», или *ferire* — «поражать», «разить». Этого бога также называли Трофеедержцем или Доспехоносцем^{263}. Поэтическое объяснение происхождения культа Юпитера Феретрия дал Проперций:

Ныне открою, как стал Феретрием зваться Юпитер,
Вспомню тройной доспех, снятый с трех славных вождей.
Путь мне крутой предстоит, но слава меня вдохновляет:

Много ли чести стяжать лавр на отлогих холмах?
Сам ты нам подал пример такой победы, о Ромул,
С поля вернувшийся к нам в полном доспехе врага
В день, когда бравшего град Акронта Ценинского сверг ты,
Острым копьем поразив всадника вместе с конем.
Был геркулесов Акронт, властитель Ценинской твердыни,
Страшной грозой, о Рим, древних твоих рубежей.
Он, возомнивши сорвать оружие с плеч у Квирина,
Собственный отдал доспех, кровью его обагрив.
Видит врага в тот миг, как пред башней копье он подьмет,
Ромул заклатьем своим предупреждает его:
«Жертвой да ляжет Акронт пред тобою, Юпитер, сегодня!»
Молит он жарко — и враг жертвой Юпитеру лег.
Града и брани отец, он крепко с победою свыкся,
Жар он и холод сносил, не укрываясь в шатер.
Он и скакал на коне, и плугом владел он искусно,
Волчий взъерошенный шлем на голове он носил.
Щит не расписанным был, не украшен был золотом с медью,
Перевязь он заменил жесткою кожей быка...[{264}](#)

Ромул не ограничился триумфальным шествием и посвящением трофея, но еще и основал храм Юпитера Феретрия на вершине Капитолийского холма, близ священного дуба. Этот самый первый храм в Риме, по словам Дионисия Галикарнасского, был «невелик (ведь еще сохранились древние следы от него с самой длинной стороной менее пятнадцати шагов), и в нем Ромул освятил доспехи ценинского царя, которого убил собственными руками»[{265}](#). Кроме того, по данным некоторых источников, Ромул учредил игры в честь Юпитера Феретрия, прозванные по месту их проведения Капитолийскими, или Тарпейскими[{266}](#).

В дальнейшем храм Юпитера Феретрия служил хранилищем для «тучных доспехов» (*spolia opima*). Плутарх отмечает, что «почетное право посвятить богу «опимиа» предоставляется в награду за доблесть полководцу, собственной рукой убившему вражеского полководца, и это выпало на долю лишь троим римским военачальникам: первому — Ромулу, умертвившему ценинца Акрона, второму — Корнелию Коссу, убившему этруска Толумния (в 437 до н. э. — М. Б.), и наконец — Клавдию Марцеллу, победителю галльского царя Бритомарта (в 222 до н. э. — М. Б.)»[{267}](#).

Немного времени спустя после падения Ценины в римские владения вторглись жители города Антемны, расположенного к северу от Рима, у впадения реки Аниен в Тибр. Антемняне были менее сильны, и когда разбрелись по сельской округе в поисках фуража, Ромул неожиданно напал на них и полностью разгромил. Антемны были взяты римлянами практически без боя^{268}.

Покорив ценинцев и антемнян, Ромул превратил их города в римские колонии и отправил туда поселенцев. Как пишет Дионисий Галикарнасский, царь «отправил по триста человек в каждую колонию, и города уступили им треть своих земель для раздела ее на участки по жребию. Ценинцы же и антемнаты, кто желал перевести свое жилище в Рим, переселились вместе с женами и детьми, и им позволили оставить свои наделы и взять с собой имущество, сколько его нажили. И царь тотчас же записал их в количестве не менее трех тысяч человек в трибы и курии, так что у римлян тогда впервые оказалось по спискам военнообязанных всего шесть тысяч пеших воинов»^{269}.

Затем настал черед жителей Крустумерии, начавших военные действия против римлян. Этот город лежал к северу от Рима, близ левого берега Тибра. Крустуминцы подготовились лучше, чем их предшественники, и Ромулу пришлось воевать с ними немного дольше. Тем не менее царь разбил крустуминцев дважды — в открытом поле и у городских стен. В итоге Крустумерия тоже, как ранее Ценина и Антемны, была превращена в римскую колонию, а часть ее жителей переселилась в Рим. В это же время добровольно открыли ворота перед римскими колонистами Медуллия и некоторые другие городки^{270}.

Пока Ромул воевал с соседними городами, обустроивал Рим, возводил крепость на Капитолийском холме, прошел не один год. Уже появилось многочисленное потомство у похищенных римлянами девушек. И вот, когда, казалось бы, время окончательно было упущено, сабины задумали объявить войну Риму. Почему они так долго тянули? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ. По свидетельству Дионисия Галикарнасского, сабины «очень огорчались и обвиняли друг друга в том, что не воспрепятствовали мощи римлян с самого начала, а теперь им придется вступить в схватку со значительно возросшей силой, исправить прежнее недомыслие посылкой крупных воинских сил. Вскоре сабиняне собрали всеобщую сходку в самом большом и имевшем наибольший авторитет у этого народа городе под названием Куры и вынесли постановление в пользу войны, назначив предводителем войска царя

куритов Тита, которого прозывали Тацием»^{271}.

Ромул, как только узнал о решении сабинов, тут же принялся готовить Рим к обороне. Он приказал обновить стены и укрепления Палатина, окружить Авентин и Капитолий рвами и частоколами. Дед Ромула, Нумитор, прислал внуку большое войско из Альба-Лонги, а также оружейных дел мастеров. Кроме того, на помощь Ромулу прибыл его друг — этрусский военачальник Лукумон, который привел с собой значительный военный отряд^{272}. Правда, у некоторых античных авторов этот военачальник ошибочно зовется Целием Вибенной, по имени которого якобы был назван римский холм Целий^{273}. Тем не менее учеными установлено, что указанный Вибенна на самом деле жил намного позже и оказывал помощь вовсе не Ромулу, а царю Сервию Туллию.

В то же время, как пишет Дионисий Галикарнасский, сабины для очистки совести «решили сначала отправить посольство к римлянам с требованием вернуть женщин и дать городам удовлетворение за их похищение, чтобы наглядно показать, что они решились на войну вынужденно, поскольку не добились справедливости; и для этого они отправили вестников. Ромул, однако, считал, поскольку женщины ведут жизнь с мужьями не против воли, следует оставить их с супругами, а если сабинянам чего другого требуется, надо принять это от римлян, как от друзей, а не начинать войну»^{274}. Сабинцы, естественно, проигнорировали все его доводы. Намереваясь с началом весны вывести свои военные силы, они собрали значительную армию, состоявшую из двадцати пяти тысяч пехотинцев и около тысячи всадников. Римляне же, со своей стороны, выставили 20 тысяч пехоты и 800 всадников. При этом Ромул разделил свое войско на две части: одна часть расположилась на Эсквилине, где находилась ставка самого царя, а другая — на холме, получившем позднее название Квиринал, где командующим был Лукумон^{275}.

Возглавив сабинское войско, Тит Таций в одну из весенних ночей подошел к Риму и разбил лагерь на равнине между Квириналом и Капитолием. Он задумал взять приступом крепость на Капитолийском холме, но сделать это с ходу было невозможно, поэтому царь решил выждать и отправил своих воинов на разведку местности у подножия холма^{276}.

Начальником Капитолийской твердыни был римлянин Спурий Тарпей. У него имелась дочь — Тарпея, которая являлась весталкой. Наблюдая за врагами со стены или, по другой версии, выйдя из крепости за водой для священнодействий, Тарпея прельстилась золотыми запястьями

(браслетами), что носили сабины на левой руке^{277}. Как пишет Дионисий Галикарнасский, «послав одну из служанок за калитку, которая была отперта, о чем никто не знал, она попросила, чтобы царь сабинов пришел к ней для переговоров один, так как она собирается условиться с ним о насущном и важном деле. Получив такое известие и рассчитывая на предательство, Таций пришел в назначенное место, девушка, подойдя туда, заявила, что ее отец отлучился ночью из укрепления по какому-то делу, а ключи от ворот хранятся у нее и она передаст им ночью крепость, потребовав в качестве платы за предательство то, что все сабиняне носят на левой руке. А когда Таций согласился, она взяла с него клятву верности и сама дала клятву в том, что не обманет, после чего, определив место, куда должны прийти сабиняне в наиболее укрепленной части и точный час ночи, когда стража наименее бдительна, возвращается втайне от тех, кто находился в крепости»^{278}.

Ночью, в условленный час, девушка отворила крепостные ворота ипустила отряд сабинов. После того как Тит Таций захватил Капитолийскую крепость, а римляне разбежались, Тарпея потребовала у врагов оговоренную ранее плату за предательство. И тогда Таций, по словам Плутарха, «приказал сабинянам не поскупиться для нее ничем из того, что у них на левой руке, и первый, сняв вместе с браслетом и щит, бросил их в девушку. Все последовали его примеру, и Тарпея, засыпанная золотыми украшениями и заваленная щитами, погибла под их тяжестью»^{279}. Вот такая мучительная и страшная смерть постигла предательницу. Впоследствии Ромул осудил за измену и ее отца, Спурия Тарпея.

Однако, по версии Пизона, Тарпея якобы руководствовалась благими помыслами, когда просила у сабинов то, что они носили на левой руке, так как стремилась оставить врагов без щитов, чтобы затем передать их в руки сограждан. Пизон утверждает, что «ночью Тарпейей к Ромулу был послан вестник, чтобы сообщить ему о заключенных ею соглашениях с сабинянами, что она, дескать, хочет выманить у них щиты, воспользовавшись двусмысленностью ее предложения. И она попросила Ромула отправить ночью отряд для усиления крепости, дабы легко захватить лишенных щитов неприятелей со своим предводителем. Но вестник, перебежав к сабинскому вождю, выдал замысел Тарпейи»^{280}. После захвата Капитолийской крепости, «когда сабиняне были готовы отдать девушке золото, которое они носили на левой руке, Тарпейя запросила у них не украшения, а щиты. А Тацием овладели подозрение в

обмане и расчет, как действовать, не нарушив соглашений. И вот, он решил дать юной девушке оружие, как она и просила, но сделать так, чтобы, получив его, она никак им не смогла бы воспользоваться. И тотчас Таций, напрягшись, что было сил, метнул щит в девушку и приказал сделать так остальным. Таким образом Тарпейя, подвергаясь со всех сторон ударам, от их множества и силы свалилась с ног и под грудой щитов погибла»^{281}. Версия Пизона представляется весьма неправдоподобной, хотя ее и принимает Дионисий Галикарнасский. Сдать неприступную крепость врагам, чтобы выманить у них щиты, — что может быть глупее?

Большинство античных авторов справедливо считают Тарпею предательницей. Проперций даже сочинил особую элегию, описывающую преступление этой девушки, якобы без памяти влюбившейся в царя Тита Тация, и заодно объясняющую название Тарпейской скалы:

Буду тарпейскую сень и могилу Тарпеи презренной
Петь и захваченный в плен древний Юпитера храм.
В роще тенистой была плющом сокрыта пещера,
Там, где плеск родников с шумом сливался дубрав, —
Тихий Сильвана приют, куда овец зазывала
Часто в полуденный зной ласковым звоном свирель.
Татий источники те обнес частоколом кленовым
И, наваливши земли, лагерь надежный возвел.
Чем в эту пору был Рим, когда рядом Юпитера скалы
Звучком протяжным своей дудки курет оглашал?
Там, где диктуют теперь областям покоренным законы,
Римскую площадь копьем воин сабинский стерег.
Горы служили стеной; где теперь сенат и комиций,
Там из источника пил некогда конь боевой.
Воду богине брала отсюда Тарпея; но деве
Голову обременял глиняный тяжко кувшин.
Разве довольно одной было смерти для девы преступной,
Что захотела твои, Веста, огни осквернить?
Татий пред ней гарцевал на поле песчаном, красуясь
Пестрым оружием, припав к холке буланой коня.
Так поразил ее вид и царя и царских доспехов,
Что опустила она руки и выпал кувшин.
Часто винила она напрасно Луну за предвестья
И говорила: «Иду волосы в речке омыть»;
Часто носила благим серебристым лилии нимфам,

Чтоб не пронзили лицо Татия римским копьем,
И возвращалась в туман Капитолия с дымом вечерним,
Руки себе изодрав на ежевичных шипах,
И на Тарпейской скале о ранах своих сокрушалась,
Ранах, которых простить близкий Юпитер не мог.
«Лагеря дальний огонь, и Татия в поле палатки,
И покоривший мне взор чудный сабинский доспех,—
О, если б пленницей мне остаться у ваших пенатов,
Пленницей, но моего Татия видеть лицо!
Римские горы, и Рим на их вершинах, и Веста,
Та, что позором моим будешь покрыта, — прости!
В лагерь пусть мчит мою страсть тот конь, которому Татий
Собственноручно всегда гриву направо кладет.
Диво ль, что Скилла волос отца своего не щадила
И превратились в собак белые чресла ее?
Диво ль, что предан был брат с головою рогатого зверя
В день, когда долгая нить путь указала во тьме?
Что за великий позор Авзонийским я девам готовлю,
Грешная дева, чей долг — девственный пламень блюсти!
Если кого поразит, что угасли огни пред Палладой,
Пусть он простит: алтари залили слезы мои.
Завтра, как слухи идут, весь город охватит сраженье;
Ты ж опасайся всегда терний росистых горы.
Скользок, увы, этот путь и коварен: на всем протяженьи
Он под коварной тропой скрытые воды таит.
О, если б ведала я заклятья магической музыки,
В помощь, красавец, тебе были бы эти слова!
Шитая тога к лицу — тебе, не тому, кто позорно
Не материнскую грудь — вымя волчицы сосал.
Гость мой, царицею я рожать при дворе твоём стану —
Выйдет приданным честным мной тебе преданный Рим.
Если же нет — не покинь без отмщенья сабинянок пленных:
Ныне похить и меня, мерой за меру воздав.
Сомкнутый строй я разрушить могу: а вы, о супруги,
Вы заключите союз с помощью паллы моей.
Музыкой грянь, Гименей: трубач, не труби ты так грозно:
Брачное ложе мое, верьте, сраженье уймет.
Вот уж четвертый рожок возвещает зари приближенье,
Вот и созвездья, склонясь, тихо скользят в Океан.

Я попытаюсь уснуть, о тебе я ищу сновидений:
Ты перед взором моим благостной тенью предстань».
Молвила — и предала тревожному сну свое тело,
Не сознавая, увы, новых безумий во сне:
Ибо бессменный страж пепелища троянского — Веста
Множит вину и своим факелом кости ей жжет.
Так, как стримонка бежит, что возле струй Термодонта,
Платье свое изорвав, с грудью несется нагой.
Праздник в городе был (Палилии назван у предков,
С этого первого дня начали стены расти):
У пастухов годовые пиры, по городу игры,
Сладкой едой и питьем сельские полны столы,
Через лежащие врозь охапки зажженного сена
Пьяная скачет толпа, ноги измазав в грязи.
Ромул в ту ночь приказал распустить всю стражу на отдых,
В лагере всем тишина, грозные трубы молчат.
Время пришло для встречи с врагом, — решила Тарпея.
И, заключив договор, стала ему помогать.
Трудно подняться на холм, но был он в праздник безлюден:
Меч ее быстрый разит звонкоголосых собак.
Все погрузилося в сон, не дремал, однако, Юпитер,
Чтобы тебя покарать за преступленье твое.
Стражу ворот предала и спавшую мирно отчизну:
Брака желанного день требует ей указать.
Татий же (ибо и враг не воздал измене почета):
«Вот, — говорит он, — тебе царское ложе: взойди».
Так он сказал, и ее завалила оружием свита:
Вот тебе свадебный дар, дева, за службу твою!
Имя Тарпей-вождя у нас гора получила:
Не по заслугам твоим названа эта гора!^{282}

Тем не менее Плутарх отмечает, что как раз «по имени Тарпей, которую погребли там же, где она была убита, холм назывался Тарпейским вплоть до времен царя Тарквиния, который посвятил его Юпитеру. Останки девушки перенесли в другое место, а имя ее забыли. Только одна скала на Капитолии — та, с которой свергали преступников, до сих пор зовется Тарпейской»^{283}.

По преданию, когда Тит Таций ворвался со своими воинами в ворота Капитолийской крепости, путь ему преградили потоки горячей воды. Эти

потоки якобы вызвал сам бог Янус, от лица которого Овидий приводит такой рассказ:

Бороду глядя себе, на грудь свисавшую долу,
Он об эбалии мне Татии начал рассказ;
Как сторожиха, прельстясь сабинов запястьями, в крепость
Им показала проход и провела их тайком.
«Спуск оттуда крутой, как нынче, — сказал он, — который
Вниз на долину идет, к площади прямо ведя.
Вот уж враги достигли ворот, с которых засовы,
Прочь отодвинув, сняла злобно Сатурнова дочь.
Тут, опасаясь вступить с таким божеством в поединок,
В хитром искусстве моем я по-иному решил.
Устья, которыми я обладаю, источников отпер,
И неожиданно вон ринулись воды из них;
Мало того: к их влажным струям добавил я серы,
Чтобы горячей водой Татию путь преградить.
Эту услугу мою по изгнанию сабинов постигли;
Место же это затем стало спокойным опять.
Мне был поставлен алтарь, примыкающий к малому храму;
Курится пламенем он с жертвенной полбой на нем»^{284}.

Так или иначе, но Тит Таций все же захватил Капитолийскую крепость и сразу оказался в весьма выгодном положении, поскольку сабины получили возможность вести войну в гораздо большей безопасности. Однако войска римлян и сабинов теперь стояли в непосредственной близости друг от друга, и поэтому, по словам Дионисия Галикарнасского, периодически «происходили стычки и схватки войск, не приносящие каждому ни больших военных успехов, ни неудач, но дважды вступали и в крупные сражения в боевых порядках целыми войсками друг против друга, и огромное кровопролитие имело место с обеих сторон»^{285}.

Обе стороны желали окончить борьбу в генеральном сражении. Однако первое такое сражение завершилось без чьего-либо перевеса, а вот во втором, которое случилось всего несколько дней спустя после первого, римляне оказались на грани сокрушительного поражения. Подробнейшее описание второго сражения, произошедшего на территории будущего Форума между Палатинским и Капитолийским холмами, оставил нам Дионисий Галикарнасский: «В этой битве, когда на обоих флангах побеждали римляне — правым командовал сам Ромул^{286}, левым —

тиррен Лукумон, а в центре дело решено не было, окончательному поражению сабинян помешал и остановил тех, кто противостоял побеждающим римлянам, один муж по имени Меттий Курций, человек огромной телесной силы и крепкой руки, особенно же почитаемый за то, что не смущался никаким страхом или опасностью. Он был назначен командовать центром фаланги сражающихся и начал одолевать тех, кто стоял напротив. Пожелав же восстановить строй уже измученных и оттесненных на флангах сабинян, Меттий Курций, приказав своим держаться, пустился преследовать неприятеля, кто уже побежал, и гнал их до ворот города. Поэтому Ромул был вынужден, оставив мысль о неясной еще победе, повернуть людей назад и даже бросить их против побеждающей части противника. Так терпевшие урон отряды сабинян вновь оказались в равном с врагом положении, когда войско, бывшее с Ромулом, отступило, а вся опасность сосредоточилась на Курции и его окружении. И вот, какое-то время сабиняне, отразив натиск римлян, блистательно сражались с ними. Затем, поскольку многие римляне превосходящими силами устремились прямо на них, сабиняне дрогнули, повернули и стали искать спасения за лагерным частоколом, так как Курций прикрыл их отступление и предоставил им возможность не бежать в беспорядке, но отходить безопасно шагом. Ведь он стоял прочно, сражаясь, и поджидал приближающегося Ромула, а когда вожди схватились друг с другом, разразился ожесточенный и славный поединок. Израненный и потерявший много крови Курций стал понемногу отступать, и сзади его ожидало глубокое озеро, обойти которое было трудно, так как со всех сторон его теснили враги, а перейти — невозможно из-за массы ила на заболоченных берегах и глубокой воды, которая застаивалась в середине его. Приблизившись к озеру, Курций бросился в полном вооружении в воду, а Ромул, поскольку был уверен, что этот человек неминуемо погибнет в озере — и вместе с тем невозможно было преследовать его по болоту и глубокому омуту, — обратился против других сабинян. Курций же с огромным трудом все же выбрался из омута, даже сохранив оружие, и удалился в лагерь. Место же это, теперь уже засыпанное, зовется в память об этом происшествии Курциевым озером и находится посреди римского Форума»^{287}. Затем «Ромул, преследуя остальных, оказался близ Капитолия в большой надежде захватить укрепление; однако, получив много ран, он был оглушен внезапно страшным ударом камня в висок, его полумертвого подняли окружающие и отнесли за городскую стену. На римлян же, которые уже не видели предводителя, нападает страх, и правый фланг их обращается в бегство. Но выстроенные на левом фланге войска

вместе с Лукумоном до поры удерживают позиции, воодушевляемые своим военачальником, блистательным мастером в военных делах, который свершил многочисленные подвиги за время этой войны. Когда же и он пал без сил, пронзенный копьем меж ребер, его соратники не выдержали, после чего началось всеобщее бегство, а сабиняне, осмелев, преследовали их до самого города. Но когда беглецы уже достигли ворот, их начали оттеснять свежие силы молодежи, вышедшие против них, которым царь поручил охранять стены. Да и сам Ромул, уже почувствовав облегчение после ранения, выступил как можно скорее на помощь, и тут удача повернулась и привела к значительным переменам в другую сторону. Ведь как только бежавшие римляне увидели, что их предводитель неожиданно появился, они оправились от прежнего страха, восстановили боевой строй и, ничуть не медля, вступили в рукопашную с неприятелем»^{288}.

Согласно Плутарху, когда римские воины под натиском сабинов в панике устремились назад к Палатинскому холму, прямо к Мугониевым воротам города, Ромул, уже оправившийся от удара камнем, «хотел с оружием в руках броситься наперерез отступавшим, громкими криками старался задержать их и вернуть в сражение. Но вокруг него кипел настоящий водоворот бегства, никто не отваживался снова встретить врага лицом к лицу, и тогда Ромул, простерши руки к небу, взмолился Юпитеру, прося его остановить войско римлян и не дать их государству погибнуть. Не успел он закончить молитву, как стыд перед царем охватил сердца многих, и отвага снова вернулась к бегущим. Первые остановились там, где ныне воздвигнуто святилище Юпитера Статора, то есть «Останавливающего», а затем, вновь сомкнув ряды, римляне оттеснили сабинян назад»^{289}.

По версии Дионисия Галикарнасского, битва эта завершилась с наступлением ночи и не принесла победы ни одной из сторон. В последующие дни изнуренные войной сабины и римляне стали все больше думать о примирении, но не осмеливались начать переговоры, поскольку каждая из сторон не считала возможным идти на уступки неприятелю. В этой ситуации похищенные сабинянки собрались в укромном месте и, посоветовавшись, по предложению уже упоминавшейся Герсилии, решили сами начать переговоры о перемирии. Затем они отправились в римский сенат и попросили у старейшин разрешения встретиться с сородичами, чтобы склонить тех к миру. Получив одобрение сенаторов, женщины организовали посольство, которое возглавила Герсилия. Облачившись в траурные одежды, с грудными детьми на руках, стеная и плача как можно

громче, они подошли к сабинскому лагерю. Собрав ради женщин совет во главе с царем Титом Тацием, приняв их и выслушав доводы предводительницы посольства Герсилии, молившей о мире, сабины пообещали сделать все возможное для прекращения войны. Посоветовавшись между собой после ухода женщин, они решили заключить с римлянами мирный договор^{290}.

По другой, более распространенной версии, в тот же день, после молитвы Ромула с просьбой остановить бегство римских воинов и обета воздвигнуть храм Юпитера Статора, римляне и сабины вновь намеревались сойтись в кровопролитном бою, но тут в разрыв между двумя армиями бросилась толпа похищенных женщин и остановила сражение. Плутарх пишет, что «отовсюду разом появились похищенные дочери сабинян и с криком, с воплями, сквозь гущу вооруженных воинов, по трупам, словно вдохновляемые божеством, ринулись к своим мужьям и отцам. Одни прижимали к груди крохотных детей, другие, распустив волосы, с мольбой протягивали их вперед, и все зывали то к сабинянам, то к римлянам, окликаая их самыми ласковыми именами. И те, и другие не выдержали и подались назад, освободив женщинам место меж двумя боевыми линиями, и жалобный их плач достигал последних рядов, и горячее сострадание вызывали и вид их и, еще в большей мере, речи, начавшиеся упреками, справедливыми и откровенными, а закончившиеся просьбами и заклинаниями»^{291}. Женщины, обращаясь то к отцам и братьям, то к мужьям, молили обе враждующие стороны унять гнев и примириться: «Если вы стыдитесь свойства между собой, если брачный союз вам претит, на нас обратите свой гнев: мы — причина войны, причина ран и гибели наших мужей и отцов; лучше умрем, чем останемся жить без одних или других, вдовами или сиротами»^{292}. Воины обеих армий застыли, как громом пораженные, и опустили оружие. Овидий создал замечательную поэтическую реконструкцию этого события, особо выделяя роль сабинянки Герсилии:

Куры и с ними все те, кто был оскорблен, возмутились:
В первый раз на зятьев свекры с оружием пошли.
Много похищенных жен матерями уже называлось:
Слишком уж долго война между соседями шла.
Сходятся жены во храм, меж собой сговорившись, Юноны,
И невестка моя смело им всем говорит:
«Все одинаково мы захвачены (нечего спорить),

Но не должны забывать должного нашей семье.
Биться готовы войска: здесь муж, там отец при оружье,
Сами должны мы решить, кто нам дороже из них,
Надо ли вдовами стать, иль сиротами нам оставаться;
Если хотите, подам смелый и честный совет».
Подан был этот совет: они по плечам распустили
Волосы и, облачась в скорбное платье, стоят.
Были готовы войска и на смерть идти, и сражаться,
Ждали, чтоб голосом труб подан был битвенный знак, —
Вдруг меж отцов и мужей плененные бросились жены,
На руки взявши детей — брака бесценный залог.
До середины они добежав рокового им поля,
Пали, колени склонив, кудри раскинувши в прах,
И, точно бы по чутью, все внуки с ласковым криком
Кинулись к дедам своим ручками их обнимать:
«Дедушка», — дети кричат, впервые дедов увидя;
Кто и кричать не умел, тех заставляли кричать.
Ярость пропала, и вот, мечи свои побросавши,
Руки зятьям подают свекры, а свекрам зятя.
Дочек ласкают отцы, а деды на щит поднимают
Внуков и этим щиту лучшую ношу дают^{293}.

Вот так благодаря женщинам римляне и сабины заключили перемирие, а затем уже Ромул и Тит Таций непосредственно вступили в переговоры. Место, где было достигнуто соглашение, впоследствии назвали Комицием, «ибо «сходиться» по-латыни «комире»[*comire*]^{294}.

Два соправителя

По свидетельству Дионисия Галикарнасского, между царем римлян и царем сабинов был заключен договор о дружбе на следующих условиях: «Быть царями над римлянами Ромулу и Тацию, облеченными равными полномочиями и пользующимися равными почестями, а городу — называться по его основателю, сохранив наименование «Рим», каждого из граждан в нем по отдельности, как и прежде, называть римлянином, всем же сообща иметь одно определение и по родине Тация (городу Куры. — М. Б.) именоваться квиритами^{295}. А желающим из числа сабинян предоставить гражданство в Риме с совместными святынями и будучи распределенными по куриям и трибам»^{296}. Кроме того, в договоре было указано, что сабинянки, изъявившие желание остаться в Риме, освобождаются от всякой домашней работы, кроме прядения шерсти: «Пусть жена не мелет муку для римлянина и не варит ему пищу»^{297}. По Плутарху, впоследствии в Риме также установился обычай, согласно которому невеста сама не должна переступать порог спальни, но чтобы жених вносил ее на руках, подобно сабинянкам, приведенным в дома мужей не по своей воле. Разделять же волосы невесты на пробор острием копья было принято в знак того, что первые жены римлян были добыты с помощью оружия^{298}.

Ромул и Тит Таций скрепили договор взаимными клятвами, воздвигли алтари и принесли жертву Юпитеру посреди улицы, соединявшей Капитолий и Палатин, которая позднее получила название Священной дороги^{299}. Затем большинство вождей, принимавших участие в войне, вернулись домой, но Таций и несколько других знатных сабинов вместе со своими многочисленными дружинниками, сородичами и клиентами остались в Риме. Сабинский царь поселился на месте будущего храма Юноны Монеты на Капитолийском холме^{300}.

Во время своего совместного правления цари осуществили довольно много преобразований, вызванных, прежде всего, значительным увеличением римских жителей из-за переселения в Рим большого числа сабинов. Дионисий Галикарнасский отмечает, что «Ромул и Таций тотчас же расширили город, присоединив к нему еще два холма, называемых Квириналом и Целием. И отделив поселения один от другого, каждый из них имел собственное селение. Ромул обладал Палатином и горой Целий —

а она примыкает к Палатину, Таций же — Капитолием, которым он овладел изначально, а также Квиринальским холмом. Вырубив лес, произраставший на раскинувшейся под Капитолием равнине и засыпав большую часть озера, которое пополнялось спадающими с гор источниками, поскольку находилось в низине, цари превратили его в Форум, которым и сейчас еще римляне продолжают пользоваться. Там они проводили сходки, занимаясь общественными делами в храме Вулкана, который стоял несколько выше Форума»^{301}. Причем холм, который ранее назывался Агонус, по одной из версий был переименован в Квиринал как раз в честь сабинов, жителей города Куры (квиритов, куритов), которые, перебравшись в Рим, поселились на нем^{302}. В результате объединения двух народов удвоилось не только число римских граждан, но и число сенаторов (старейшин), а в армии стало вдвое больше пехотинцев и всадников^{303}.

Во исполнение обета, данного во время битвы с сабинами, Ромул выделил священный участок для сооружения храма Юпитера Статора (*Stator*, Остановитель отступающих, Становитель) у Мугониевых ворот, которые ведут к Палатину от Священной дороги, и водрузил там статую этого бога^{304}. Однако первый фундаментальный храм был возведен на этом месте лишь в 294 году до н. э. и уже по обету консула Марка Атилия Регула, данного им в битве под Луцерией^{305}. Впоследствии этот храм Юпитера Статора сгорел в «Великом пожаре», случившемся в 64 году н. э. в правление императора Нерона^{306}.

Титу Тацию принадлежали серьезные нововведения в сфере религии. По данным античных авторов, царь воздвиг в Риме храмы и посвятил алтари Гелиосу, Селене, Сатурну, Рее, Весте, Вулкану, Диане, Эниалию, Опе, Клоацине, Флоре, Ведиовису, Сумману, Ларунде, Термину, Квирина, Вертумну, Луцине и некоторым другим богам^{307}. Таким образом он значительно расширил римский государственный пантеон и заложил прочные основы религиозного благочестия римлян. Кроме того, во всех куриях Таций учредил особые трапезы богине Юноне Курите, а также организовал религиозную коллегию жрецов-титиев «для поддержания священнодействий сабинян», занимавшуюся, как и авгуры, наблюдениями за полетом птиц^{308}. При этом, по сообщению Плутарха, «каждый из двух народов участвовал в празднествах и жертвоприношениях другого (все они справлялись по-прежнему, как и до объединения), а также были учреждены новые праздники, и среди них Матроналии, дар женщинам за то, что они положили конец войне, и Карменталии»^{309}.

Матроналии справлялись ежегодно 1 марта. В этот день замужние женщины, украсившись венками, приносили весенние цветы в дар Юноне Луцине, которая считалась покровительницей брака, родов и материнства^{310}. Карменталии отмечались 11 и 15 января и были посвящены богине-покровительнице беременных женщин и родовспомогательнице Карменте. Плутарх пишет, что «Карменту одни считают Мойрой, владычицей человеческих рождений (поэтому-де ее особо чтут матери), другие — супругой аркадянина Эвандра, вещью женой, дававшей предсказания в стихах и потому нареченною Карментой (стихи по-латыни «кармена» [*carmina*]); а настоящее имя ее — Никострата (последнее утверждение наиболее распространено)»^{311}. Кроме того, Карменту упоминают в качестве матери Эвандра, которая посоветовала своему сыну переселиться в Италию^{312}.

Несмотря на то, что Ромул и Тит Таций правили в полном согласии, так как очень хорошо ладили друг с другом, все же продолжали существовать внешние угрозы для Рима, с которыми следовало считаться. Например, цари были вынуждены объявить войну старой альбанской колонии Камерии, жители которой ограбили сельскую округу римлян и не желали возмещать убытки. Дионисий Галикарнасский сообщает, что Ромул и Тит Таций «победили их (камерийцев. — М. Б.) в открытом поле (так как они столкнулись в одном месте). И после этого, взяв приступом их оборонительные укрепления, они в наказание разоружили камерийцев и отобрали треть земли, которую поделили между своими людьми. Так как камерийцы продолжали вредить римским поселенцам, цари, выступив против них и обратив обидчиков в бегство, все их владения поделили между своими гражданами, но тем из камерийцев, кто того хотел, позволили жить в Риме. Оказалось же таких около четырех тысяч, которых цари распределили по куриям, город же камерийцев они превратили в колонию римлян»^{313}.

Совместное царствование Ромула и Тита Тация продолжалось в течение пяти лет^{314}. Затем Таций вследствие своей надменности погиб, и Ромул вновь сделался единоличным правителем Рима. Дионисий Галикарнасский довольно подробно описывает происки врагов, приведшие к гибели Тита Тация: «Устроили же эти козни против Тация предводители из числа лавинийцев (жителей города Лавиний. — М. Б.), объединившиеся между собой по такой причине: некоторые из друзей Тация вывели разбойный отряд в страну лавинийцев, награбили большое количество добра и отогнали стада с пастбищ, а из поспевших на помощь одних убили,

а других ранили. Когда же от оскорбленных лавинийцев явилось посольство и потребовало удовлетворения, Ромул решил выдать тем, кто пострадал, совершивших злодеяние, Таций же, защищая интересы сотоварищей, не согласился, чтобы кто-либо из людей, к тому же сограждан, был уведен врагами. Поэтому он заявил тем, кто утверждал, будто они претерпели несправедливость, прибыть в Рим для судебного разбирательства. Так вот, послы, не найдя справедливости, в негодовании удалились, а некоторые из сабинян последовали за ними в раздражении и, когда те раскинули палатки у дороги — поскольку их застал в пути вечер, — напали на спящих и отобрали у них пожитки, а всех, кого застали в постели, закололи; те же, кто сразу ощутил, что против них готовится тайное злодеяние, и сумел спастись бегством, возвратились в свой город. После этого из Лавиния и других крупных городов прибыли послы и стали обвинять сабинян в беззаконии, а также угрожали объявить войну, если не получат правосудия. Ромулу случившееся с послами показалось ужасным злодеянием, как это и было на самом деле, и требующим скорейшего очищения, так как был нарушен священный закон. И он, как только увидел, что Таций пренебрегает обвинениями, без промедления сам схватил виновников в тяжком преступлении и передал их в оковах послам, чтобы те забрали их с собой. Тацием же овладели гнев из-за оскорбления, перенесенного со стороны соправителя, который так возгордился в связи с передачей мужей, а также жалость по отношению к выданным (был среди них и некий его сородич, причастный к вине). И Таций, тотчас собрав воинов, поспешил на помощь своим, захватил в пути послов и отобрал уводимых. Немного времени спустя, как говорят некоторые, он прибыл вместе с Ромулом в Лавиний для жертвоприношения отеческим богам за процветание города, которое полагалось совершать царям; но против Тация восстали друзья и сородичи убиенных послов и убили его на алтаре ударами кухонных ножей и огромных рогатин»^{315}. Согласно другой версии, «Таций оказался не вместе с Ромулом и не ради жертвоприношений, но прибыл один, стремясь убедить претерпевших несправедливость оставить свой гнев на содеявших ее, но народ вознегодовал на то, что обидчики не были переданы им, как рассудил Ромул и постановил сенат римлян, и, когда близкие погибших двинулись толпой на Тация, он, не имея уже возможности избежать скорого наказания, был забит камнями до смерти»^{316}.

В отличие от Дионисия Галикарнасского, некоторые античные авторы указывают, что в этой истории пострадавшей стороной были не послы

лавинийцев, а послы города Лаврента, хотя убийство Тация все же произошло в Лавинии^{317}. Действительно, если бы были заколоты послы лавинийцев, то прибытие сабинского царя в Лавиний для совершения жертвоприношений выглядело бы, по сути, как самоубийство. Но если были убиты лаврентские послы, как тогда в Лавинии оказались их сородичи? Дело в том, что этот город с давних пор являлся крупным сакральным центром, священным местом для всех латинских племен. Поэтому нет ничего удивительного, что в Лавинии собрались для ежегодных священнодействий не только представители Рима, но и жители Лаврента. Во время общелатинских жертвоприношений родственники пострадавших лаврентских послов напали на Тация и зарезали его на алтаре. Впрочем, некоторые ученые считают, что античные авторы просто путали иногда оба эти города, воспринимая их названия как синонимы.

Тело Тита Тация было перевезено в Рим и с особыми почестями погребено в лавровой роще на холме Авентин, который тогда еще не входил в черту города, близ Армилиустрия — площади, где впоследствии справлялся праздник Очищения оружия. С тех пор на могиле Тация ежегодно за государственный счет совершались заупокойные возлияния^{318}.

После похорон Ромул объявил вне закона сабинов, напавших на послов и позорно бежавших из Рима после смерти царя. Затем он предал суду убийц Тация, которые были выданы римлянам своим городом. Но когда на суде выяснилось, что родственники послов лишь ответили насилием на насилие, Ромул освободил их от наказания^{319}. Поэтому, вероятно, впоследствии появилась версия, согласно которой Тита Тация умертвил якобы сам Ромул, который более не мог терпеть его участия в управлении Римом, так же как не вынес в свое время претензий родного брата-близнеца на власть^{320}.

Никаких волнений в Риме после убийства Тация не было. Ромул, предусмотрительно обновив мирный договор с Лавинием^{321}, вновь стал править один. По словам Плутарха, имелись, конечно, «подозрения и толки, будто он рад, что избавился от соправителя, но ни беспорядков, ни возмущения сабинян не последовало: одни любили царя, другие боялись, третьи верили, что он во всем без изъятия пользуется покровительством богов, и чтили его по-прежнему»^{322}.

Последние годы

После гибели Тита Тация Ромул почти сразу же вступил в войну с Фиденями — большим и многолюдным городом, который лежал всего в 40 стадиях (около семи-восьми километров) к северу от Рима, на левом берегу Тибра. Причиной конфликта, по словам Дионисия Галикарнасского, стало наглое поведение фиденян: «Однажды, когда в Рим привезли на судах съестные припасы, которые послали крустумерийцы страдавшим от голода римлянам, фиденяне, напав целой толпой на суда, разграбили их и убили некоторых из бросившихся на помощь людей, а будучи обвиненными, отказывались дать удовлетворение»^{323}. По версии же Тита Ливия, война началась из-за того, что фиденяне принялись грабить сельских жителей и разорять поля на территории между Римом и Фиденями^{324}.

Все это, естественно, привело Ромула в крайнее негодование, и он решил примерно наказать фиденян. Собрав римское войско, царь двинулся к Фиденям. Тит Ливий пишет, что «Ромул в тревоге — ведь война в такой близости к городу не могла терпеть промедленья — вывел войско и стал лагерем в одной миле от Фиден. Оставив в лагере небольшой отряд, он выступил со всем войском, части воинов приказал засечь в скрытном месте — благо окрестность поросла густым кустарником, — сам же с большею частью войска и всей конницей двинулся дальше и, подскакавши почти к самым воротам, устрашающим шумом затеянной схватки выманил неприятеля, чего и добивался. Та же конная схватка дала вполне правдоподобный повод к притворному бегству. И вот конница будто бы не решается в страхе, что выбрать, бой или бегство, пехота тоже подается назад, как вдруг ворота распахиваются и высыпают враги; они нападают на строй римлян и преследуют их по пятам, пылом погони увлекаемые к месту засады. Оттуда внезапно появляются римляне и нападают на вражеский строй сбоку; страху фиденянам добавляют и двинувшиеся из лагеря знамена отряда, который был там оставлен.

Устрашенный грозящей с разных сторон опасностью, неприятель обратился в бегство, едва ли не прежде, чем Ромул и его всадники успели натянуть поводья и повернуть коней. И куда беспорядочнее, чем недавние притворные беглецы, прежние преследователи в уже настоящем бегстве устремились к городу. Но оторваться от врага фиденянам не удалось; на плечах противника, как бы единым с ним отрядом, ворвались римляне в город прежде, чем затворились ворота»^{325}. Когда Фиденяны были взяты,

Ромул не стал разорять и разрушать город, но оставил в нем стражу из 300 человек. Затем, отобрав часть земли, обратил Фидену в римскую колонию и отправил туда в апрельские иды две с половиной тысячи римлян^{326}.

После войны с Фиденами в Риме разразилась страшная эпидемия. Совершенно здоровые люди умирали внезапно, без всяких предварительных симптомов. Вдобавок случился неурожай, а затем, по словам Плутарха, «над городом прошел кровавый дождь, и к подлинным несчастьям прибавился еще и суеверный ужас. А когда те же несчастья постигли и жителей Лаврента, никто уже более не сомневался, что гнев божества преследует оба города за погранную в делах и Татия и послов справедливость. Обе стороны выдали и наказали убийц, и бедствия заметно пошли на убыль; Ромул очистил город, как передают, с помощью обрядов, какие и ныне исполняют у Ферентинских ворот»^{327}. Кровавый дождь, так испугавший римлян, на самом деле является обычным природным явлением, хотя не таким уж и частым. Капли этого дождя действительно имеют красный цвет, поскольку содержат примесь красной пыли из Африки. Эта пыль посредством сильных ветров поднимается в высшие слои атмосферы, переносится воздушными течениями на большие расстояния, а затем, смешавшись с каплями воды, выпадает вместе с дождем на землю.

Через некоторое время после этого, узнав об эпидемии и других ужасных событиях в Риме, восстали жители покоренной ранее Камерии. Полагая, что римляне уже не оправятся от постигшего их бедствия, камерийцы напали на римских колонистов, многих из которых убили, а затем вторглись на римскую территорию. Ромул, пылая мстью, немедленно двинулся со своей армией и разгромил в жестоком сражении войско камерийцев, так что только убитыми они потеряли шесть тысяч воинов, а затем подошел к стенам Камерии и вторично захватил город. На этот раз он не стал проявлять милость к побежденным и, жестоко казнив зачинщиков мятежа, отдал Камерию на разграбление своим воинам. Уходя, Ромул оставил в городе сильный гарнизон, половину выживших переселил в Рим, а в секстильские календы прислал на их место вдвое больше римских колонистов, чем оставалось в Камерии ее прежних обитателей, и отдал им более половины их угодий. В Риме царь во второй раз отпраздновал триумф и посвятил богу Вулкану привезенную из Камерии в качестве трофея роскошную бронзовую колесницу-квадригу. Ромул установил ее в храме Вулкана, а рядом повелел воздвигнуть свою собственную статую с описанием своих подвигов на цоколе. Все это

произошло через 16 лет после основания Рима^{328}, то есть в 737 году до н. э.

Некоторое время спустя началась новая война, на сей раз с этрусками, жителями крупного и могущественного города Вейи. Этот древний город лежал почти в ста стадиях (около 18–19 километров) к северо-западу от Рима, на крутой скале близ реки Кремеры, являвшейся притоком Тибра. Как пишет Дионисий Галикарнасский, «вейяне избрали в качестве предлога для войны захват Фиден, и отряженные послы потребовали от римлян вывести гарнизон из этого города, а землю, которой римляне завладели, отобрав у фиденян, вернуть прежним владельцам. Но поскольку римляне не подчинились, вейяне с большим войском разбили близ Фиден лагерь, заметный даже издали. А Ромул, предвидя их выступление, отправляется с отборными воинскими силами и останавливается в полной боевой готовности у города фиденян. Когда же все было готово к схватке, противники выдвинулись на равнину, вступили в битву и с неистовым пылом сражались долгое время, пока наступившая ночь не развела их, оказавшихся равными в бою. Вот таким образом сразились они в этой битве. Когда же вскоре состоялась новая битва, римляне одержали победу благодаря мудрости вождя, который занял ночью некую гору, отстоящую недалеко от лагеря неприятеля, и разместил на ней в засаде лучшие силы из всадников и пеших воинов, позднее подоспевшие из Рима. И вот, обе стороны сошлись на равнине и сражались таким же образом, когда Ромул подал сигнал тем, кто сидел на горе в засаде. Воины с боевым кличем обрушились с тыла на вейян и, напав на измученных людей, сами будучи бодрыми, без особого труда обратили их в бегство. Немногие из вейян погибли в битве, а большинство утонули, бросившись в реку Тибр (ведь она протекает мимо Фиден) с целью переплыть поток. Израненные и смертельно усталые, они оказались не в силах одолеть реку; а иные погибли в водоворотах от неумения плавать, не предвидя такого поворота событий, придя от страха в смятение духа. Если бы теперь вейяне осознали, что они с самого начала замыслили дурное и сохранили бы спокойствие, то никакого еще большего несчастья не испытали бы. Но понадеявшись отомстить за прежние поражения и рассуждая, что с легкостью победят в войне, если основательно подготовятся, сильным войском, набранным в своем городе, и вместе с явившимся по дружбе от единоплеменников, вейяне напали на римлян. И вновь вспыхивает жестокая битва близ Фиден, в которой победу одержали римляне, много вейян убив, но еще больше взяв в плен. Был взят также их лагерь, ломившийся от имущества, оружия и рабов, а также захвачены лодки,

полные разного товара, в них-то и была перевезена через реку толпа пленников в Рим. И был отпразднован третий триумф Ромула, значительно более пышный, чем прежние. А немного времени спустя, когда от вейян пришли послы, взыскав окончания войны и прощение за прегрешения, Ромул положил им следующее наказание: передать римлянам область, прилегающую к Тибру, так называемые «Семь пагов», и оставить соляные разработки, что в устье реки, а также выдать пятьдесят заложников в знак ручательства в том, что больше они никакого мятежа не замыслият. После того как вейяне подчинились всем требованиям, Ромул заключил с ними договор на сто лет и начертал условия соглашения на стелах. Далее он отпустил без выкупа желающих уйти восвояси, а предпочитавших остаться (а их было гораздо больше, чем других), он сделал членами римской общины, распределил по куриям и предоставил им по жребью земельные наделы по эту сторону Тибра»^{329}.

Ромул справил свой третий триумф в октябрьские иды (15 октября). Победа над вейянами была, пожалуй, самой крупной за весь период его правления, поскольку враги потеряли в общей сложности более 22 тысяч воинов^{330}. Было захвачено и значительное количество пленников, которых Ромул провел по городу в триумфальной процессии. Среди них можно было видеть и военачальника вейян — «человека уже старого, но не выказавшего на деле ни рассудительности, ни опыта, свойственных его годам»^{331}.

Война с вейянами была последней войной Ромула. Вся его жизнь была поглощена войнами, но эта война была действительно последней...

Глава четвертая

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Народ

Во время своего царствования Ромул не только вел войны с соседями, но и занимался «государственным строительством». Именно ему приписывают все важнейшие нововведения и создание самой структуры Римского государства. Правда, крайне сложно установить точное время проведения тех или иных преобразований первого римского царя.

Социальная структура римского общества при Ромуле была достаточно простой. Согласно сообщениям античных авторов, царь разделил весь народ на патрициев («знатных родом и доблестью», «состоятельных и удачливых», «отцов», *patres*) и простолюдинов («простой народ», *populus*, «плебеев»)^{332}.

Считается, что патриции являлись первоначальным, коренным населением Рима и составляли римскую родовую общину. По мнению ученых, в ее состав на первых порах входило не более 100 родов, поскольку Ромул включил в сенат всего 100 сенаторов — глав больших патриархальных семей, очевидно, по одному представителю от каждого рода^{333}. После объединения с сабинянами число родов удвоилось и сенаторов, соответственно, стало 200^{334}.

Известно, что у каждого римского рода были свое имя, общий предок, свой культ и даже жрец^{335}. Ежегодно проводились собрания всех членов рода для совершения религиозных обрядов и решения внутренних вопросов. Кроме того, каждый род имел свое особое кладбище. Существовал и обычай кровной мести за убийство своего сородича^{336}. Мужчины того или иного рода входили в состав той или иной курии (союза мужей-воинов) и в случае военных действий были обязаны участвовать в походах.

Установлено, что основной ячейкой общества в раннем Риме была большая патриархальная семья (*familia*), включавшая в себя несколько поколений родственников. Во главе семьи стоял отец семейства (*paterfamilias*), имевший право жизни и смерти над домочадцами. В семью входили жена отца семейства, его сыновья со своими женами, незамужние дочери и внучки, внуки со своими женами, иногда правнуки и правнучки, а также рабы. В качестве составной части патриархальная семья входила в род и получала от последнего земельный участок (у каждого рода была принадлежавшая ему земля). Этот участок семья обрабатывала силами всех

своих членов и получала с него урожай, необходимый для пропитания.

Из среды патрициев следует четко выделять «отцов» (*patres*), которые получили такое наименование «либо из-за большего возраста по сравнению с другими, либо потому, что у них уже были дети, либо из-за знатности рода, либо из-за всего вместе»^{337}. Принято считать, что эти «отцы» и являлись главами больших патриархальных семей, из которых состоял тот или иной род, и составляли родовую верхушку патрициев, входившую в сенат. Собственно же патрициями именовались как раз члены семей «отцов» (то есть их потомство)^{338}.

Впрочем, Дионисий Галикарнасский отмечает, что некоторые писатели «обвиняют город в низком происхождении и говорят, что они были названы патрициями не по такой причине, но оттого, что только они имели возможность указать на своих отцов, тогда как другие, будучи беглецами, свободных отцов назвать не могли. В качестве доказательства они приводят то, что, всякий раз, как царям требовалось созвать патрициев, глашатаи призывали их по имени и имени отца, простолюдинов же всех вместе собирали на народное собрание какие-то слуги, трубя в бычьи рога»^{339}.

По закону Ромула, патриции должны были заниматься делами государства (управлением, судопроизводством, выполнением жреческих обязанностей) как люди, наиболее приспособленные для этого и обладающие достаточными знаниями и необходимым жизненным опытом. А простолюдинам царь предоставил свободно заниматься сельским хозяйством и полезными ремеслами^{340}. Однако, судя по данным античных авторов, простолюдины представляли собой основную массу древнего римского населения и наравне с патрициями участвовали в народном собрании^{341}. Исходя из этого, ученые относят всё первоначальное римское население к патрициям, особо выделяя среди них лишь собственно родовую верхушку (*patres*). Следовательно, при Ромуле понятия патриции и народ (простолюдины) фактически совпадали.

Из среды простолюдинов со временем выделились клиенты — бедняки, отдавшие под покровительство состоятельных людей (патронов). Дионисий Галикарнасский упоминает о наличии клиентов еще у царя Нумитора в Альба-Лонге^{342}, но связывает установление патроната в Риме с именем Ромула: «И были тогда им определены сохранявшиеся в течение веков у римлян такие обычаи относительно патроната: патрициям надлежало разъяснять своим клиентам их права, в которых те были несведущи; заботиться о них и в присутствии, и в отсутствие их; выполнять все, что выполняют отцы в отношении детей насчет имущества

и договоров, касающихся имущества; вчинять иск за обиженных клиентов, если кто-нибудь нанесет им вред в связи с договорами; оказывать поддержку тем, кого призывают в суд, а коротко говоря, — оказывать им всякое благо и в частных, и в общественных делах, где они особенно нуждаются. И следовало клиентам помогать своим покровителям выдавать замуж дочерей, если их отцы стеснены в средствах, и платить выкуп врагам, если кто-нибудь из покровителей или детей их оказывался в плену. Клиенты были обязаны выплачивать штраф в пользу частных лиц, если патроны к тому присуждались, или в пользу общины, если те несли наказания за долги, причем следовало также, чтобы клиенты, как относящиеся к роду, принимали участие в расходах на магистратуры, отправлении почетных обязанностей и в прочих расходах на общественные нужды. И обеим сторонам не было дозволено и не приличествовало выступать в тяжбах, свидетельствовать или подавать голос перед народом друг против друга, а тем более выступать на стороне противников. Если же кто-нибудь из них бывал уличен в совершении какого-то неблагоприятного проступка, то он подлежал наказанию по закону о предательстве, который утвердил Ромул и который разрешал всякому желающему убить изобличенного в качестве жертвы Юпитеру Подземному. Ведь у римлян существовал обычай: тела тех, кого они хотели безнаказанно убить, посвящать тем или иным богам, чаще всего подземным. Вот что совершил тогда Ромул. Итак, во многих поколениях сохранялись ничуть не отличающиеся от кровных связей узы клиентов и патронов, и они передавались детям их детей, и было великой честью для знатных семей иметь как можно больше клиентов и не только сберечь наследственный патронат прародителей, но и благодаря своей добродетели приобретать других клиентов. И настолько значительной была борьба за благоволение и за то, чтобы не пресеклось взаимное расположение, что во всем, о чем клиенты просили покровителей, последние, сколько было сил, помогали; а так как патриции менее всего хотели отягощать клиентов, то они не допускали никаких денежных подношений»^[343].

Плутарх тоже приписывает изобретение патроната Ромулу: «Некоторые выводят слово патриции от «патрония» — так называли и теперь называют римляне заступничество: среди спутников Эвандра был якобы некий Патрон, покровитель и помощник нуждающихся, от него-то, говорят, и пошло название самой заботы о более слабых. Однако ближе всего к истине мы подойдем, пожалуй, если предположим, что Ромул считал долгом первых и самых могущественных отеческое попечение о низших и одновременно хотел приучить остальных не бояться сильных, не

досадовать на почести, которые им оказывают, но относиться к сильным с благожелательством и любовью... Ибо он отделил людей влиятельных от толпы еще по одному признаку, назвав первых «патронами», то есть заступниками, а вторых «клиентами», то есть приверженцами, и вместе с тем установил между ними удивительное взаимное доброжелательство, ставшее впоследствии источником важных прав и обязанностей»^{344}.

По мнению ученых, развитие института клиентелы при Ромуле стало следствием имущественного расслоения внутри патрицианских родов, а также между родами, поскольку часть их со временем обеднела. Обнищавшие патриции были заинтересованы в покровительстве влиятельных людей и добровольно становились их «сородичами». Клиенты нередко брали родовое имя патрона, что являлось свидетельством их принадлежности к роду покровителя. Однако чтобы добыть средства для существования, одного покровительства было мало, и клиентам приходилось заниматься земледелием и скотоводством. В связи с этим патроны обычно выделяли своим подопечным земельные участки^{345}.

К клиентам, вероятно, примыкали так называемые друзья и дружинники (гетайры), являвшиеся доверенными лицами старейшин наиболее могущественных родов или царей^{346}. Считается, что они участвовали в военных походах и важных политических акциях, проводимых их патронами.

Плебеи — это, как известно, некоренное население Рима, которое составляли жители завоеванных римлянами соседних общин. Однако существование плебса в эпоху Ромула большинство ученых подвергают сомнению. И хотя Цицерон указывает, что Ромул «распределил плебс на клиентелы у первенствовавших людей»^{347}, считается, что под «плебсом» он подразумевает основную массу населения, то есть простолюдинов. Похожая ситуация у Дионисия Галикарнасского, который вообще утверждает, что Ромул первым выделил плебеев из основной массы населения, но тут же именует их на греческий манер «демотиками», то есть простолюдинами, а затем смешивает с клиентами^{348}. Однако клиентов нужно четко отличать от плебеев^{349}, поскольку последние, как известно, не имели своей собственной родовой организации и, в отличие от клиентов, не входили в патрицианские роды. В настоящее время принято считать, что, хотя в период правления Ромула в город переселялись многие представители покоренных им общин, они включались в состав уже имеющихся триб и курий и не служили источником для образования плебса.

О существовании рабовладения в эпоху Ромула античные авторы упоминают довольно кратко. Например, Тит Ливий и Плутарх отмечают, что царь изначально принимал в римскую общину разных сброд, в том числе и беглых рабов^{350}. По сообщению Дионисия Галикарнасского, Ромул «повелел рабам и иноземцам предаваться занятиям возчиков и ремесленников, приводящим к низменным желаниям, которые уничтожают и калечат тела и души тех, кто им предается»^{351}. Считается, что рабство в то время было исключительно патриархальным и не получило еще широкого распространения. Рабы воспринимались как младшие члены семьи, спали под одной крышей с хозяевами, вместе с ними принимали пищу у домашнего очага. Становились рабами в основном военнопленные или крайне обедневшие люди.

Для того чтобы новым римским народом легче было управлять, его необходимо было структурировать. По словам Дионисия Галикарнасского, «поделив весь народ на три части, он (Ромул. — М. Б.) поставил над каждой из них наиболее выдающегося предводителя. Затем, разделив снова каждую из трех частей на десять, Ромул назначил начальников из наиболее храбрых. Большие части он назвал трибами, а меньшие — куриями, как они зовутся еще и в наше время. На эллинский же язык названия эти можно перевести так: триба — это фила и триттия (треть народа. — М. Б.),

курия — фратрия и военный отряд тех мужей, которые предводительствуют трибами, т. е. филархов и триттиархов, которых римляне называют трибунами; тех же, кто начальствует над фратриями и военными отрядами, они зовут курионами. А курии поделены Ромулом на десятки, порядок в каждом из них блюдет предводитель, называемый на местном языке декурионом»^{352}.

Иными словами, сначала Ромул разделил народ на три части — три трибы, затем каждую трибу на десять курий (всего получилось 30 курий), а каждую курию — на десятки (декурии). Во главе каждой трибы поставил трибуна, а во главе каждой курии — куриона, а во главе каждого десятка — декуриона.

Античные авторы сохранили названия трех Ромуловых триб: Тиции, Рамны и Луцеры. Триба Тициев была названа в честь царя Тита Тация, триба Рамнов — в честь самого Ромула, а триба Луцеров — в честь этруска Лукумона^{353}.

Термин «триба» соответствует по смыслу греческому слову «фила» (племя). Следовательно, три указанные трибы объединяли три племени — сабинов, римлян и этрусков — в один народ. Считается, что во главе

каждой трибы находился совет под председательством трибуна, в который входили старейшины родов. Термином «триба» обозначалась еще и территориальная единица римской общины.

Уже в древности считали, что названия всех трех триб имеют этрусское происхождение^{354}. Кроме того, ведь и сами этруски составили третью трибу — Луцеров. Еще во время войны с сабинами Ромулу оказывал военную помощь этрусский военачальник Лукумон^{355}, в честь которого собственно и была названа третья триба^{356}.

Иную версию происхождения наименования трибы Луцеров предлагает Фест, утверждая, что воевать с сабинами Ромулу помогал вовсе не этруск Лукумон, а Луцер, царь города Ардеи, столицы племени рутулов^{357}. Плутарх же вообще уверен, что название трибы Луцеров связано с рощей (*lucus*), в которой укрывались беглецы, пользуясь правом убежища, предоставленного Ромулом^{358}. Тит Ливий отмечает, что имя Луцеров, «как и происхождение, остается темным»^{359}.

Так или иначе, но название трибы Луцеров все же, вероятно, следует связывать с этрусками, переселявшимися в Рим при Ромуле. Об этом свидетельствует, например, Дионисий Галикарнасский, упоминая о принятии римского гражданства некоторыми жителями этрусского города Вейи, завоеванного Ромулом^{360}. Этрусками могли быть и те самые беглецы, которые воспользовались убежищем Ромула (азилем).

Римская курия, как полагают ученые, являлась союзом мужей-воинов, связанных общностью интересов и обязанностями взаимопомощи по родству. Считается, что курия делилась на десять декурий (десятков) и выставляла 100 пехотинцев и десять всадников для армии Ромула, то есть была, по сути, военной организацией. Кроме того, каждая курия владела землей, имела свое место для собраний и священнодействий. В связи с этим термин «курия» обозначал не только объединение людей (воинов), но и место, где эти люди собирались для обсуждения общественных дел^{361}. Фест ясно пишет об этом: «Куриями также называются места, в которых обсуждают то, что касается любой части римского народа. Таковыми являются те тридцать частей, по которым Ромул распределил народ (и к которым позже были добавлены пять), дабы каждый в своей курии отправлял публичные священнодействия и справлял праздники»^{362}. Среди последних наиболее известны связанные с сельским хозяйством Форнакалии и Фордидии.

Каждая курия имела и свое уникальное название. Например, Дионисий

Галикарнасский отмечает, что Ромул и Тит Таций «назвали именами женщин (сабинских. — М. Б.) курии, которых было тридцать, как я сказал, ибо столько же входило в женское посольство. Но Теренций Варрон не соглашается в данной части, добавляя, что еще раньше Ромул дал куриям наименования, когда впервые разделил народ, частью по тем людям, кто был там вождем, а частью — по пагам; он утверждает, что женщин, участвовавших в посольстве, было не тридцать, а пятьсот двадцать семь, и думает, что при таком количестве женщин предводителям не подобает оказывать почести только немногим из них»^{363}. Однако Тит Ливий определенно уверен в том, что, «когда он (Ромул. — М. Б.) стал делить народ на тридцать курий, то куриям дал имена сабинских женщин. Без сомнения, их было гораздо больше тридцати, и по старшинству ли были выбраны из них те, кто передал куриям свои имена, по достоинству ли, собственному либо мужей, или по жребию, об этом преданье молчит»^{364}.

У каждой курии было специальное помещение для священнодействий, поскольку члены курии имели общие религиозные праздники и культы, за отправление которых отвечал глава курии^{365}. 30 курионов, вероятно, совершали самые важные жертвоприношения за курии, а все остальные религиозные обряды ложились на плечи их помощников. Дионисий Галикарнасский отмечает, что «кроме тех, кто отправлял родовые священные обряды, в его (Ромула. — М. Б.) правление были учреждены шестьдесят человек, которые совершали общественные священнодействия о благе государства по трибам и куриям... Ромул не позволил жречеству ни стать покупным за деньги, ни доставаться по жребию, но узаконил, чтобы из каждой курии назначались двое мужей старше пятидесяти лет, выделяющихся среди других происхождением, отличающихся добродетелью и обладающих солидным достатком, а также без телесных изъянов. И он установил, чтобы они сохраняли сан не в течение какого-то срока, а пожизненно, и чтобы они были освобождены по закону из-за возраста от военной службы и от государственных тягот. А поскольку одни священнодействия следовало исполнять с помощью женщин, а другие — детей, у которых живы оба родителя, дабы и это регулировалось наилучшим образом, Ромул назначил женам жрецов помогать в священнодействиях своим мужьям, и если по местному обычаю не было положено совершать таинства мужчинам, то женам исполнять их, а детям помогать в их обязанности. А бездетным жрецам надлежало выбрать из других семей в каждой курии самых милостивых юношу и девушку, первого он назначил помогать жрецам до возмужания, вторую же на

столько времени, сколько она останется девственницей, то есть до брака.... А кроме того, Ромул повелел, чтобы от каждой трибы на жертвоприношениях присутствовал гадатель, которого мы называем гиероскопом, римляне же, сохраняя немного из древних названий, именуют гаруспиком. И он установил законом, чтобы всех жрецов и служителей богов назначали курии, а утверждали с помощью божественных знамений те, кто сведущ в их толковании (то есть авгуры. — М. Б.). Сделав распоряжения относительно выполнения религиозных обрядов богам, Ромул вновь, как я сказал, распределил между куриями надлежащие им священнодействия, предназначив каждой богов и гениев, которых они обязаны всегда почитать, и определил расходы на священнодействия, которые необходимо выделять им из общественной казны. И члены курий вместе со жрецами приносили назначенные богам жертвы и совместно вкушали от них у очага курии во время празднеств; поскольку для каждой курии было устроено помещение с очагом, подобное пританеям у эллинов, и был освящен общий очаг для всех членов курии. Название же у этих помещений было такое же — «курии», и они сохраняют его вплоть до наших дней»^{366}.

Земля

Считается, что в эпоху, предшествующую основанию Рима, вся земля находилась во владении отдельных родов, состоявших из больших патриархальных семей. Члены рода жили в деревне (*vicus*) на вершине того или иного римского холма и совместно пользовались земельным наделом — пагом (*pagus*). При этом паги (по сути, сельские территориальные округа) предшествовали куриям^{367}.

При Ромуле ситуация коренным образом изменилась. Вся земля, принадлежавшая родам, входившим в трибы Тициев, Рамнов и Луцеров^{368}, а также отобранная к тому времени у соседних городов, фактически была поделена царем на три части: куриальную (принадлежавшую куриям), общинную и царскую.

Во-первых, Ромул выделил каждой курии земельный надел, о чем свидетельствует Дионисий Галикарнасский: «Когда же все (римляне. — М. Б.) были разделены и распределены по трибам и куриям, он (Ромул. — М. Б.), поделив землю на тридцать равных клеров, выделил каждой курии один клер, отрядив достаточно места для святилищ и священных участков и оставив определенную часть земли для общинного пользования»^{369}. При этом считается, что куриальная земля находилась не в частной, а в коллективной собственности всех членов курии, которые сами делили ее между собой и кормились с нее. Ромул же распределял эти куриальные наделы, а также земли, приобретенные в ходе последующих завоеваний, по жребью^{370}.

Общинная земля («земля для общинного пользования»), очевидно, в основном была пастбищной и использовалась всеми куриями для выпаса скота по мере надобности. Часть этой общинной земли, как полагают некоторые ученые, уже при Ромуле могла составлять резервный фонд общины (зародыш *ager publicus*), из которого царь позднее выделял наделы безземельным гражданам. В совместном пользовании курий также находились леса, рощи, пруды, реки и т. п.

Во-вторых, царь передал во владение каждому полноправному римскому гражданину двухюгеровый надел (около 5046,6 квадратного метра). Варрон отмечает, что эти «два югера, которыми, говорят, Ромул первоначально наделил каждого и которые переходили по наследству, называли *heredium*»^{371}. По мнению ученых, эти два югера были

предназначены исключительно для постройки дома и ведения приусадебного садово-огородного хозяйства, поскольку для занятий земледелием или скотоводством такой участок был слишком мал. Тем не менее Плиний Старший подчеркивал: «В то время надел в два югера достаточен был для римского гражданина, и никому не назначалось более значительных участков»^{372}.

В-третьих, Ромул не забыл о себе и получил в личное пользование некие захваченные в ходе войн земли, которые составили так называемый царский надел. Этими обширными и плодородными землями царь распорядился по своему личному усмотрению. Благодаря доходам от обработки царского надела он в изобилии получал не только все, что ему требовалось для частной жизни, но еще и устраивал богатые жертвоприношения богам и торжественные религиозные процессии^{373}. Возможно, что этот надел находился на территории, которую Ромул отобрал у вейян и которая впоследствии получила весьма характерное наименование — триба Ромулия^{374}.

Ромул, по-видимому, считал, что земледелие должно являться основным занятием римлян в мирное время. При появлении же внешней угрозы для государства граждане должны были быть готовы от мирного труда немедленно перейти к ратным делам. По словам Дионисия Галикарнасского, Ромул «полагал, что каждый образ жизни по отдельности является несовершенным и чреватым склочностью, и не позволил одним только обрабатывать землю, а другим — только вести военные дела, как это было узаконено у лакедемонян, но предназначил всем людям вести жизнь и воина, и земледельца. Он приучал всех в мирное время пребывать на полевых работах, если не возникает нужда посетить рынок, а в таких случаях сходиться в город на Форум для торговых дел каждый девятый день. Когда же случалась война, он учил людей воевать и не уступать никому ни в ратных трудах, ни в получении выгоды, так как он разделял между ними поровну землю, сколько бы ни захватывали у врагов, а также рабов и имущество, и настроил их к тому, чтобы они охотно желали участвовать в военных походах»^{375}.

Армия

Не менее важной была армейская реформа Ромула. Согласно сообщениям античных авторов, царь разделил весь римский народ на «старших» (*majores*) и «младших» (*Juniores*). «Старшие» были призваны заботиться о государстве в качестве мудрых советников (сенаторов), а «младшие» — сильные молодые люди^{376}, должны были защищать родину с оружием в руках:

Что же было потом? Разделяет на старых и юных
Первый из римских царей собранный в Риме народ:
Часть составляет совет, другая составила войско;
Те объявляют войну, эти идут воевать^{377}.

Таким образом «младшие» составили армию Ромула, которая включала в себя пехоту и конницу. Пехотинцев первоначально было всего три тысячи человек — по 100 воинов от каждой из тридцати курий (или по одной тысяче от каждой из трех триб). Во главе тысячи стоял военный трибун (по сути, тысяцкий), а во главе сотни (центурии) — центурион^{378}. Основной армейской единицей была десятка (декурия) воинов^{379}.

Считается, что вооружение пехотинцев времен Ромула было по своему происхождению греческим. Благодаря археологическим раскопкам, проведенным в Лации, было обнаружено разнообразное оружие той эпохи: наконечники копий, мечи, кинжалы, топоры, островерхие шлемы, фрагменты кожаных панцирей с нагрудными металлическими пластинами, круглые «греческие» («аргосские») щиты. Известно также, что Ромул со временем позаимствовал у сабинян длинные щиты прямоугольной формы, заменив ими круглые щиты^{380}.

Конница Ромула была сформирована на основе трех триб и состояла из трех центурий (по 100 всадников от трибы или по десять от курии). При этом каждая центурия именовалась по своей трибе — Рамны, Тиции, Луцеры. Этот небольшой отряд из 300 всадников возглавлял начальник конницы, а каждым десятком руководил декурион (десятник)^{381}. Конница делилась на десять турм по 30 всадников (по десять от каждой трибы); в каждой турме было по три декуриона^{382}. Сам Ромул во время военных походов и в торжественных случаях пользовался боевой колесницей^{383}.

Считается даже, что это именно он впервые ввел употребление колесниц у римлян^{384}.

С формированием конницы связано учреждение Ромулом особых религиозных праздников — Консуалий и Эквирий. Как уже отмечалось, Консуалии праздновались 21 августа и 15 декабря и были посвящены Консу — богу брошенных в землю посевных зерен, благих советов и тайных замыслов, которого позднее ошибочно отождествили с греческим Посейдоном (Нептуном) Конником. В день Консуалий римляне приносили жертвы на особом подземном алтаре Конса, который ради этого освобождался от земли, украшали лошадей и ослов венками и давали им отдых, а также устраивали состязания незапряженных и запряженных в колесницы коней^{385}. Эквирии были посвящены богу Марсу и праздновались 27 (28) февраля и 14 марта. В эти дни проводились лошадиные бега на Марсовом поле^{386}. Христианский автор Тертуллиан весьма язвительно описывает эти религиозные торжества: «Консуалиями названы игры, посвященные Нептуну, именуемому иначе Консом; Эквириями — те, которые Ромул посвятил Марсу. Впрочем, некоторые приписывают учреждение Консуалий тому же Ромулу, который хотел почтить Конса как бога доброго совета за внушенную ему мысль похитить сабинянок, чтобы женить на них своих воинов, — совет поистине превосходный, который и теперь считается незазорным у римлян, но я не сказал бы, что у Бога. А сделал Он так, чтобы запятнать само происхождение игр, чтобы ты не считал благом то, что берет начало от зла, от бесстыдства, от насилия, от ненависти, от основателя-братоубийцы, от сына Марса. Существует еще и поныне в Цирке, близ первых мет, утопленный в землю жертвенник, посвященный Консу, с надписью: «Конс в совете, Марс на войне, Лары могучи в собраниях». Приносят там жертвы в июльские ноны [7 июля] общественные жрецы, а за двенадцать дней до сентябрьских календ [21 августа] — фламин Квирина и весталки»^{387}.

По данным Дионисия Галикарнасского, Ромул вдобавок к коннице и пехоте сформировал еще и специальный «юношеский отряд, который он намеревался использовать для своей охраны, а также для срочных дел; он набрал триста человек из знатнейших домов, притом самых крепких телом, которых назначили курии тем же самым образом, что и сенаторов, — каждая курия по десять юношей, — и держал их всегда при себе. Все вместе они носили общее наименование — «целеры». По мнению большинства, — по быстроте выполнения службы (ведь римляне называют целерами всегда готовых и скорых в исполнении дел), но, как говорит

Валерий Анциат, — по их командиру с таким именем. Командир же их (Целер. — М. Б.) был славнейшим, ему подчинялись три центуриона, ниже них, в свою очередь, стояли другие, с меньшей властью. По городу Ромула сопровождали копьеносцы и выполняли его приказания, а в походе они были передовыми бойцами и помощниками. Многие в сражениях зависело от них, так как они первыми начинали битву и последними отступали; они сражались на лошадях там, где была удобная равнина для конного боя, и пешими в неровных местах, непригодных для конницы»^{388}.

Дионисий Галикарнасский подчеркивал, что благодаря проведенной реформе при Ромуле «воинские дела решались быстро и со строгим послушанием. Ведь всякий раз, когда ему требовалось вывести войско на войну, не надо было ни военных трибунов назначать по трибам, ни центурионов по центуриям, ни начальников конницы, ни определять численность, ни распределять по отрядам, ни назначать место в строю, надлежащее каждому воину. Но царь отдавал приказ военным трибунам, те, в свою очередь, центурионам, а, получив сигнал от них, каждый декурион выводил тех, кто находился у него в подчинении. И по единой команде либо все воинские силы, либо какая-то призванная часть их с оружием в руках прибывала в полной готовности в назначенное место»^{389}.

После объединения с сабинами римское войско удвоилось и стало насчитывать шесть тысяч пехотинцев и 600 всадников^{390}. А в конце правления Ромула армия уже составляла 46 тысяч пехотинцев и тысячу всадников^{391}.

Власть

Высшим органом власти в Риме являлось народное собрание, в котором имели право участвовать все свободные мужчины, способные носить оружие. Собственно, этими мужчинами при Ромуле были только патриции (позднее и их клиенты), поскольку плебс в то время еще не сформировался.

По сообщению Дионисия Галикарнасского, за народом Ромул закрепил три важнейших права: «Выбирать должностных лиц, утверждать законы и выносить решение о войне, когда прикажет царь. И даже в этих делах власть народа не была безусловной, если его решение не покажется верным сенату. А голосование народ проводил не весь целиком, но собираясь по куриям, и то, что казалось нужным большинству курий, народ вносил в сенат»^{392}. Кроме того, Тит Ливий отмечает, что при Ромуле всем участникам народных собраний поголовно было дано равное право голоса и все голоса имели равную силу^{393}.

Поскольку народ собирался по куриям, народные собрания именовались «куриатными комициями». Помимо вышеназванных трех прав, в компетенцию комиций входили также выборы царя, наблюдение за исполнением законов, перевод человека из одного рода в другой, вопросы религии и т. п.^{394} Право созывать народные собрания Ромул закрепил за собой^{395}.

Кроме того, первый римский царь учредил сенат, который представлял собой совет старейшин («отцов», *patres*) — глав больших патриархальных семей, из которых состоял тот или иной род. Термин «сенатор» (*senator*) как раз и происходит от латинского слова «старик» (*senex*). или «старейшина».

Римляне вообще с большим уважением относились к пожилым людям, так что Ромул даже назвал в их честь месяц май:

Некогда высший почет стариковским присущ был сединам
И уваженье внушал старцев морщинистый лоб.
Марсово дело вели и отважно на войнах сражались
Юноши, стойко своих оберегая богов.
Старость, по силам слабей и оружием владеть неспособна,
Часто давала совет мудрый отчизны сынам.
В курию доступ открыт был только одним престарелым:

Право сенатором стать возраст спокойный давал.
Только старейшина правил суды, и был узаконен
Возраст, с которого был доступ открыт к должностям.
Старший шел меж двоих молодых, и они не роптали,
А при одном молодом шел он поближе к стене.
Разве кто-нибудь смел говорить непристойно при старших?
Нет: всегда старики строго пристойность блюли.
Ромул за этим смотрел: он избранных старцев отцами
Назвал, препоручив им в новом городе власть.
Старшие саном, они получили название «майоры»,
А потому и пошло именование «Май».
Да и Нумитор сказал, может быть: «Дай, Ромул, сей месяц
Старцам». И не посмел деду противиться внук.
Верной порукой такой старикам предоставленной чести
Служит июнь: получил имя по юношам он^{396}.

Первоначально в сенат вошли 100 старейшин, то есть, как полагают ученые, по одному от каждого из 100 родов. По сообщению Тита Ливия, «когда о силах тревожиться было уже нечего, Ромул сообщает силе мудрость и учреждает сенат, избрав сто старейшин, — потому ли, что в большем числе не было нужды, потому ли, что всего-то набралось сто человек, которых можно было избрать в отцы. Отцами их прозвали, разумеется, по оказанной чести, потомство их получило имя «патрициев»^{397}. Однако Дионисий Галикарнасский описывает несколько иной способ подбора сенаторов: Ромул «решил назначить советников, с которыми намеревался вести общественные дела, избрав сто мужей из патрициев. Их он разделил по такому порядку: он назначил одного, наилучшего, кому посчитал возможным вверить управление городом всякий раз, как сам он поведет войско за пределы Рима. А каждой из триб он предписал выбрать трех мужей, пребывавших тогда в наиболее рассудительном возрасте и отличающихся благородством происхождения. Вслед за этими девятью Ромул приказал каждой курии избрать опять-таки трех самых подходящих человек из патрициев. Затем, к первым девяти, назначенным трибами, Ромул добавил по девяносто, которых выдвинули курии, поставив предводителем их того, кого выбрал сам, таким образом Ромул довел число сенаторов до ста человек»^{398}.

Создав сенат, Ромул наделил его членов особыми полномочиями: «Прежде всего обсуждать все, что бы ни высказал царь, и вносить это на

голосование, и что бы ни показалось правильным большинству, это мнение пусть и одерживает верх»^{399}. Кроме того, сенату было поручено разбирать и судить нетяжкие преступления, а также одобрять и утверждать решения народных собраний^{400}. Созывать сенаторов на заседания имел право только царь.

При Ромуле сенат еще не имел, вероятно, специального помещения для собраний, и сенаторы заседали там, где придется:

Где заседает сенат в окаймленных пурпуром тогах,
Там собирався старшин попросту, в шкурах, совет.
Сельский рожок созывал на сходку древних квиритов,
Сотня их всех на лугу и составляла сенат^{401}.

Решения принимались путем голосования, во время которого сенаторы расходились в разные стороны и собирались около тех коллег, чье мнение они считали более правильным^{402}.

По данным Дионисия Галикарнасского, после объединения с сабинянами число сенаторов удвоилось и их стало 200 человек: «Когда же дела пошли на лад, то, поскольку община получила значительную прибавку к числу народа, цари постановили удвоить число патрициев по сравнению с прежним, приписав к самым знатным семьям равное им количество из поселившихся позже, которых они называли «младшими патрициями». И сто из этих мужей, которых выбрали курии, они приписали к прежним сенаторам»^{403}. При этом у Плутарха есть важное уточнение: «Цари не сразу стали держать совет сообща: сперва они совещались порознь, каждый со своими ста сенаторами, и лишь впоследствии объединили всех в одно собрание»^{404}.

Первый римский царь (*rex*) являлся прежде всего военным вождем, от которого зависело само существование римской общины. Перед тем как официально стать царем, Ромул провел особое гадание о власти. По свидетельству Дионисия Галикарнасского, в назначенный день на заре он вышел из палатки и, встав под открытым небом в чистом поле и принеся необходимые жертвы, стал молиться Юпитеру и городским богам, вопрошая, желают ли они, чтобы он стал царем. Закончив молитву, Ромул увидел прошедшую по небу слева направо молнию, что было очень благоприятным знаком. Созвав народ, он объявил о счастливом знамении и был утвержден в должности царя — по решению богов и народного собрания^{405}.

По мнению некоторых античных авторов, Ромул носил особую царскую одежду: белый плащ с пурпурными полосами (трабею), тогу с широкой пурпурной каймой, красный хитон и красные башмаки. Инсигниями (знаками царской власти) Ромула являлись скипетр (авгурекий жезл), золотой венец и особой формы трон, вырезанный из цельного ствола дерева^{406}.

Дионисий Галикарнасский отмечает, что Ромул закрепил за царем следующие полномочия: «Прежде всего осуществлять руководство священнодействиями и жертвоприношениями, чтобы все, касающееся богов, совершалось при его участии; затем, выступать на страже законов и отеческих обычаев, печься о всяческой справедливости, основанной на природе или договорах, и судить тягчайшие из преступлений, а менее тяжкие поручать сенаторам, предусмотрев, чтобы не случилось ничего небрежного в отношении правосудия; собирать сенат и созывать народ; вносить предложения и исполнять то, что угодно большинству. Эти привилегии он предоставил царю, а, кроме прочего, еще и единовластное командование на войне»^{407}. Следовательно, Ромул одновременно являлся верховным жрецом, верховным судьей, верховным магистратом и верховным главнокомандующим.

Царь был достаточно свободен во внешней политике. Например, известно, что с Альба-Лонгой он заключил несколько договоров, которые помимо всего прочего содержали положения о взаимопомощи в случае войны и о ненападении друг на друга^{408}. Кроме того, как пишет Плутарх, «когда дед Ромула Нумитор скончался, царская власть над Альбой должна была перейти к Ромулу, но, желая угодить народу, он предоставил альбанцам самим распоряжаться своими делами и только ежегодно назначал им наместника»^{409}.

Чиновничий аппарат при Ромуле находился еще в зачаточном состоянии. Однако без помощников царь обойтись, конечно же, не мог. Известно, что он учредил должность городского префекта — своего временного заместителя, на которого возлагались управление городом и осуществление правосудия в тех случаях, когда царь с войском отправлялся в поход. Тацит сообщает, что «Ромул оставил своим заместителем Дентра Ромулия»^{410}.

Помимо армейских чинов и трибуна целеров, о которых уже говорилось, Ромул завел 12 ликторов, которые исполняли функции ближайших телохранителей и судебных исполнителей. Они шествовали перед царем и несли фасции (пучки розог) с воткнутыми в них секирами.

Розгами они секли провинившихся, а секирами отрубали головы преступникам^{411}. Плутарх уточняет, что ликторы в эпоху Ромула «были подпоясаны ремнями, чтобы немедленно связать всякого, на кого им укажет царь. «Связывать» по-латыни было в древности «лигаре» [*ligare*], а ныне «аллигаре» — поэтому блюстители порядка называются «ликторами», а ликторские пучки — «бакила» [*bacillum*], ибо в ту давнюю пору ликторы пользовались не розгами, а палками»^{412}.

Число ликторов Тит Ливий объясняет следующим образом: «Иные полагают, что число это отвечает числу птиц, возвестивших ему царскую власть, для меня же убедительны суждения тех, кто считает, что и весь этот род прислужников, и само их число происходят от соседей-этрусков, у которых заимствованы и курульное кресло, и окаймленная тога. А у этрусков так повелось оттого, что каждый из двенадцати городов, сообща избиравших царя, давал ему по одному ликтору»^{413}.

Кроме того, в «Дигестах» Юстиниана есть туманное упоминание о том, что в правление Ромула была учреждена должность квестора — магистрата, имевшего отношение к расследованию уголовных дел, а впоследствии также отвечавшего за государственную казну и архив^{414}. Впрочем, большинство ученых считают, что квесторы появились намного позже.

Законы

Античные писатели представляют Ромула еще и в качестве первого римского законодателя. Помимо государственных установлений, о которых говорилось выше, он считается автором нескольких достаточно суровых законов, регулирующих отношения в семейной сфере. Большинство этих законов Ромула сохранилось в труде Дионисия Галикарнасского. Так, например, известен закон, который обязывал римлян «воспитывать мужское потомство и первородных дочерей и не убивать никого из младенцев до достижения трех лет, за исключением случаев, если дитя оказывалось увечным или уродцем уже с рождения. Их он (Ромул. — М. Б.) не воспрещал родителям выбрасывать, но при условии, что они предварительно покажут его пяти ближайшим соседям и все они одобряют. А на неповинующихся закону Ромул наложил разные наказания, в том числе и то, чтобы половина их имущества становилась общенародным достоянием»^[415].

Кроме того, царь учредил особый закон о браке типа кон-фарреации (*confarreatio*): «Ромул не дал возможность мужу обвинять жену в том, что она изменяет ему или беспричинно покидает дом, а супруге — обвинять мужа в злодеяниях или несправедливом оставлении ее, не издал законов относительно возврата приданого, вообще не касаясь ничего в тому подобных делах, установив один только закон, наиболее значимый из всех, как показало его применение, побудив женщин к благоразумию и полной благопристойности. Закон этот был таков: женщина, вступившая в брак по священному закону, разделяла с мужем обязанности в священнодействиях. Древние называли эти браки священными и законными, определяя их, согласно римскому названию, «фарреатными» в связи с применением у них «фарра», что мы называем полбой. Ибо для всех римлян с давних пор и в течение долгого времени она была привычной пищей, а римская земля обильно родит прекрасную полбу. И подобно тому как мы, эллины, полагая древнейшим ячменный колос, начинаем жертвы ячменем, называя его «жертвенными зернами», так и римляне, считая полбу наиболее ценным и древним злаком, начинают жертвоприношения с ее сожжения. Этот обычай соблюдается и поныне и не заменяется на принесение в жертву более дорогостоящих первинков. На деле данный обычай выразился в том, что полба оказывалась священной и первой общей едой, и супруги соединялись в единой судьбе, а союз их получил наименование по «фарру», а это

неизбежно приводило к неразрывной связи семьи, поэтому подобные браки были нерасторжимы. Этот закон вынуждал замужних женщин жить, как бы не имея никакого другого выхода, не иначе как в браке, а мужьям — обладать женами как необходимой и неотчуждаемой собственностью. Соответственно, благоразумная и во всем повинующаяся супругу жена была наравне с мужем госпожой в доме, а после его смерти становилась наследницей части имущества, подобно дочери у отца. Если же он умирал бездетным и без завещания, жена становилась хозяйкой всего оставленного имущества, если же у них имелось потомство, она получала равную с детьми долю. А совершив прегрешение в чем-либо, она получала в его лице судью, который определял тяжесть наказания. И суд вершили родичи вместе с мужем. К проступкам относились осквернение тела или если какую-нибудь женщину застанут выпившей вино, что у эллинов считалось наименьшим из прегрешений. И то и другое как крайние из женских преступлений Ромул согласился наказывать смертью, считая телесное осквернение началом безрассудства, а опьянение — пагубы»^{416}. Плиний Старший особо подчеркивал, что «пить его (вино. — М. Б.) женщинам в Риме не разрешалось. Мы нашли среди других примеров рассказ о жене Эгнатия Метения, которую муж забил палкой до смерти за то, что она выпила вина из долия; Ромул его оправдал»^{417}.

Согласно другому закону, сохранившемуся у Плутарха, Ромул запретил жене по своей инициативе покидать мужа и одновременно запретил мужу продавать жену в рабство: «Ромул издал также несколько законов, среди которых особо строгостью отличается один, возбраняющий жене оставлять мужа, но дающий право мужу прогнать жену, уличенную в отравительстве, подмене детей или прелюбодеянии. Если же кто разведется по какой-либо иной причине, того закон обязывает часть имущества отдать жене, а другую часть посвятить в дар Церере. А продавший жену должен быть принесен в жертву подземным богам»^{418}.

Одним из самых суровых был закон Ромула об абсолютной власти отца над сыном: «Римский же законодатель предоставил отцу, так сказать, полную власть над сыном и притом на всю жизнь — заключать его в темницу и бичевать, держать в оковах на полевых работах и, коли предпочтет, предать смерти, даже если сын уже занимается государственными делами, исполняет высшие должности или стяжал похвалы на почетном общественном поприще... И римский законодатель не остановился на этом, но позволил отцу продавать сына, пренебрегши тем, что кто-то заподозрит, что постановление принято жестокое и более

суровое, чем сообразно природе. А чему более всего может поразиться человек, воспитанный на вольных эллинских нравах, как тяжкому и тираническому, так это тому, что римский законодатель разрешил отцу обогащаться за счет сына, продавая его вплоть до трех раз, дав отцу власть над ребенком большую, нежели господину над рабом. Ведь единожды проданный раб, обретя впоследствии свободу, впредь уже остается сам себе господином. Сын же, проданный отцом, даже став свободным, вновь переходит под отцовскую руку и вторично проданный и освобожденный, словно раб, пребывает во власти отца. Лишь после третьей продажи он освобождается от отца»^{419}. Несмотря на строгость этого закона, сыновья почитали своих отцов и даже не мыслили покушаться на их жизнь: «Примечательно, что Ромул не назначил никакого наказания за отцеубийство, но назвал отцеубийством любое убийство человека, как бы считая второе тягчайшим злодеянием, но первое — вовсе немислимимым. И долгое время это суждение казалось оправданным, ибо без малого шестьсот лет никто в Риме не отваживался на такое дело»^{420}.

Еще один закон, фрагментарно сохранившийся в работе Феста, обрекал невестку на смерть за нарушение определенных семейных норм — ее посвящали божествам предков^{421}.

Известен закон Ромула «о предательстве», согласно которому патрон приговаривался к смерти (приносился в жертву Юпитеру Подземному) за мошенничество в отношении клиента, так же как и клиент за обман патрона^{422}.

Согласно еще одному закону, относящемуся уже к сфере государственных установлений, надлежало «не губить покоренное в результате войн взрослое население городов, не обращать его в рабство и не пускать их землю под пастбища, но высылать туда поселенцев и на определенную часть сельской округи выводить в покоренные Римом города колонии, а некоторым из них предоставлять римское гражданство»^{423}. Этот закон во многом способствовал значительному увеличению римского населения и усилению авторитета и мощи Рима среди других городов.

О введении того или иного закона Ромул объявлял римлянам лично, всякий раз созывая для этого народное собрание, которое автоматически одобряло все нововведения царя. Об этом ясно пишет Тит Ливий: «Воздав должное богам, Ромул созвал толпу на собрание и дал ей законы, — ничем, кроме законов, он не мог сплотить ее в единый народ»^{424}.

Законы Ромула, а также всех последующих римских царей, были собраны юристом Секстом Папирием, жившим в эпоху царя Тарквиния

Гордого, и сведены в единый кодекс — «Папириево цивильное право»^{425}. После изгнания царей и установления Республики царские законы потеряли силу.

Не менее важными были судебные полномочия первого римского царя. Как уже говорилось, Ромул был наделен правом «судить тяжчайшие из преступлений»^{426}. Дионисий Галикарнасский отмечает, что «по делам о взаимных обидах Ромул учредил суды не долгие, но незамедлительные, одни дела разбирая сам, а иные — поручая другим, и установил наказания в соответствии с тяжестью преступления»^{427}.

Исполнителями решений царского суда стали 12 ликторов с фасциями и воткнутыми в них секирами: «Видя, что страх наиболее способен отвратить людей от всяческих позорных поступков, он (Ромул. — М. Б.) приготовил для этого много устрашающего — и возвышение в самой заметной части Форума, восседая на котором он творил суд, и грозных видом воинов (целеров. — М. Б.), которые сопровождали его числом триста, и розги и секиры, которые несли двенадцать мужей. Ими они секли прямо на Форуме тех, кто заслуживал бича, и у всех на виду обезглавливали тех, кто был виновен в тяжчайших преступлениях»^{428}.

Религия

Ромул внес довольно много нововведений и в религиозную сферу. Аврелий Августин пишет, что он учредил в Риме культы Януса, Юпитера, Марса, Пика, Фавна, Тиберина, Геркулеса и многих других богов^{429}. Ведь царь, по словам Дионисия Галикарнасского, «обладал большой дальновидностью, положив в основу власти почитание богов и гениев. Ромул установил храмы, священные участки, алтари и статуи из дерева с изображениями и символами богов, определил значимость их и дары, которыми род людской благодарит божества, а также праздники, сколько их ни полагается устраивать каждому из богов или божеств, и жертвы, с помощью которых люди их почитают, — всему, чему боги радуются, — и сроки перемирий, и опять-таки всенародные празднества и дни отдохновения от трудов»^{430}.

Правда, доподлинно известно, что Ромул возвел лишь два храма — Юпитера Феретрия на вершине Капитолийского холма и Вулкана^{431}. Причем храм Вулкана был построен вне города, что Плутарху, например, показалось странным: «Может быть, Ромул, считаясь сыном Марса, не захотел, чтобы отец его и Вулкан были соседями по городу и дому: ведь Вулкан, как о том повествует миф, ревновал к Марсу жену свою Венеру? Или это объяснение нелепо, а в действительности храм с самого начала был построен как место для тайных собраний и советов и Ромул с соправителем своим Тацием и сенаторами, никем не тревожимые, спокойно совещались там о делах? Или же Рим с первых своих дней так сильно страдал от пожаров, что даже почтив бога огня храмом, жители все же возвели его за городом?»^{432} Храм Юпитера Статора Ромул возвести не успел, но выделил для него священный участок^{433}.

Кроме того, по данным Плиния Старшего, «Ромул совершал возлияния молоком, а не вином; об этом свидетельствует установленный им чин жертвоприношения, соблюдаемый и по сегодняшний день»^{434}. Надо сказать, Ромул вообще явно недолюбливал вино, что для того времени было весьма необычно. У Авла Геллия сохранился забавный рассказ, извлеченный из «Анналов» Луция Пизона Фруги, о поведении Ромула на пиру: «Про того же Ромула рассказывают, будто он, будучи зван на обед, во время трапезы много не пил, потому что на следующий день, по его словам, у него была важная встреча. Ему стали говорить: «Ромул, если так

будут вести себя все люди, то вино станет дешевле». Он им ответил: «Напротив, останется дорогим, если каждый будет пить столько, сколько захочет, ибо я выпил столько, сколько хотел»^{435}.

Ромул не только установил новые культы и реорганизовал старые, но и серьезно отнесся к формированию римского жречества. Во-первых, царь учредил для каждой курии двух жрецов и четко обозначил их права и обязанности, о чем уже говорилось выше.

Во-вторых, по данным Цицерона, Ромул создал коллегиям авгуров, для чего выбрал из каждой трибы по одному жрецу-авгуру. Они должны были совершать ауспicii всякий раз, когда царь намеревался приступить к какому-нибудь важному государственному делу^{436}. Ведь и сам Ромул, как известно, был авгуром и поэтому придавал птицегаданиям очень большое значение. Он даже установил особый обычай, согласно которому никто не имел права принимать царскую или любую другую власть, пока не совершит птицегадания и не получит одобрения богов^{437}.

В-третьих, царь основал коллегиям двенадцати арвальских братьев (полевых братьев, мнимых сыновей Акки Ларенции), отвечающую за отправление культа плодородия с целью повышения урожайности полей. Плиний Старший так пишет об этом: «Прежде всего были учреждены Ромулом жрецы — молитвенники о полях, причем он объявил себя двенадцатым братом в числе их — сыновей своей кормилицы, Акки Ларенции, дав этой жреческой коллегии в качестве священнейшего отличительного значка венки из колосьев, перевязанных белой повязкой; это был первый у римлян венок, почести же эта давалась пожизненно и сохранялась даже за изгнанниками и заключенными»^{438}. Главный религиозный праздник коллегии отмечался арвальскими братьями в мае, то есть в период, когда начинали зреть посевы, и продолжался три дня, в течение которых они исполняли священные обряды и песни. Священной покровительницей коллегии была богиня плодородия земли Деа Диа.

В-четвертых, Ромул повелел, чтобы на каждом жертвоприношении присутствовали три гарусника (по одному от трибы)^{439}. Гарусниками называли этрусских жрецов, которые приглашались в Рим для предсказания будущего путем осмотра внутренностей жертвенных животных (главным образом их интересовала печень). Кроме того, они совершали специальные обряды «погребения молнии» в тех местах, куда она ударяла. Такие места считались священными и обносились каменными оградами.

В-пятых, некоторые авторы приписывают Ромулу учреждение римской

коллегии весталок и основание храма Весты, но подтвердить эти заявления трудно. Впрочем, Дионисий Галикарнасский высказался по этому поводу совершенно определенно: «Некоторые из неискушенных писателей приписывают сооружение храма Весты Ромулу, считая невозможным (ибо город был основан мужем, достаточно опытным в пророчествах), чтобы он не построил сначала общий очаг полиса, тем более что основатель был воспитан в Альбе, где с давних времен был возведен ее храм и его мать была жрицей Весты; а те, кто разделяет священнодействия в ее честь на два вида — одни совершаются публично за государственные дела, а другие — частным порядком за домашние дела, — говорят, что Ромул испытывал сердечную необходимость в том, чтобы почитать эту богиню обоими видами священнодействий. В самом деле, для людей нет ничего более насущного, чем общий очаг, и для Ромула, когда он начинал, в соответствии с унаследованными им традициями рода, это ближе всего касалось его, ибо его предки принесли с собой святыни из Илиона, причем мать его была жрицей. И потому-то представляется, что приписывающие сооружение святилища скорее Ромулу, чем Нуме, вообще-то говорят правильно, ведь когда город заселялся, сначала надо было установить очаг и притом человеком, опытным в божественной мудрости; что же касается сооружения нынешнего храма и прислуживающих богине дев, то этого они не знают. Ведь и не в том месте, в котором сейчас охраняется священный огонь, Ромул почтил богиню (безусловное доказательство чего в том, что оно находится снаружи так называемого Квадратного Рима, который он обнес стеной; но святилища для общего очага все воздвигают в наиболее укрепленном месте города и никто — вне стен). Ромул не установил служения богине с помощью дев, так как, по-моему, он помнил о страданиях матери, которая, будучи служанкой богини, потеряла девственность, так что из-за воспоминаний о собственных горестях он будет лишен возможности наказать по отечественным законам какую-нибудь из жриц, если обнаружит ее погубленной. Поэтому действительно Ромул не устанавливал общего святилища Весты и не назначал ей жрицами дев, но, сложив в каждой из тридцати куриЙ очаг, у которого приносили жертвы члены куриЙ, он сделал жрецами глав куриЙ, подражая обычаям эллинов, которые еще существуют в древнейших из полисов. Во всяком случае, так называемые у эллинов пританеи являются святилищами Гестии, и заботу о них осуществляют люди, имеющие наибольшую власть в общине»^{440}.

Среди важнейших деяний Ромула было введение нового календаря, о чем довольно подробно пишет Макробий:

«Неудивительно, что при таком разнообразии у римлян по совету Ромула тоже некогда был свой год, устроенный из десяти месяцев. Этот год начинался с марта и состоял из трехсот четырех дней: шесть месяцев, то есть апрель, июнь, секстилий, сентябрь, ноябрь, декабрь, были по тридцать дней, а четыре месяца — март, май, квинтилий, октябрь — по тридцати одному дню... Это упорядочение года принадлежало Ромулу, который первый месяц года посвятил своему родителю Марсу. То, что этот месяц года был первым, доказывается и тем, что от этого самого месяца пятым [*quintus*] месяцем является квинтилий, и непосредственно следующие за ним месяцы именовались по их порядковому числу. В первый день этого же месяца на жертвенниках Весты зажигали новый огонь, чтобы в начале года опять заботиться о сохранении обновленного огня... Второй месяц он именовал апрелем [*Aprilem*], произнося звук «п» в этом слове с придыханием, как некоторые считают, то есть как бы «афрелем» [*Aphrilem*], от слова «пена», которую греки называют *afron*, откуда, думают, вышла Венера. И утверждают, что замысел Ромула был таков: первый месяц назвать именем своего отца Марса, а второй — именем матери Энея Венеры, чтобы они, от кого возник римский народ, — так как и сегодня в священных обрядах мы зовем Марса отцом, а Венеру — прародительницей — охраняли главным образом истоки года. Другие думают, что Ромул, или вследствие очень глубокой мудрости, или вследствие попечения некоего божества, так расположил первые месяцы года, чтобы за месяцем, посвященным Марсу, по большей части губителю людей, как о нем пишет знаток природы Гомер: «Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель», — следовал месяц, посвященный Венере, чтобы она, подобно благодетельнице, смягчила его ярость... Третьим месяцем Ромул расположил месяц май, о названии которого между знатоками существует большое разногласие. Ведь Фульвий Нобилиор говорит в перечнях знаменательных дней, которые он положил в храм Муз Геркулеса, что Ромул, после того как он разделил народ на старших (*majores*) и младших (*juniores*), чтобы одна часть народа оберегала государство своим советом, а другая — оружием, назвал в честь той и другой части этот месяц маем, а следующий месяц — июнем»^{441}.

По какой же причине Ромул разделил год именно на десять месяцев? Объяснение этому имеется у Овидия:

Распределив времена, основатель города Рима
Установил отмечать дважды пять месяцев в год.
Видимо, Ромул, война тебе ближе была, чем светила:

Больше всего побеждать ты ведь соседей желал.
Довод, однако же, есть немалый для Ромула, Цезарь;
И для ошибки такой в нем оправдание есть.
Сколько месяцев мать дитя свое носит во чреве,
Стольким же месяцам быть он указал и в году.
Столько же месяцев скорбь у вдовы соблюдается в доме,
И, погруженный в печаль, знаки он горя хранит.
Это и принял в расчет Квирин, облаченный в трабею,
Устанавливая толпе сроки, делящие год.
Марсу был посвящен первый месяц, второй — же Венере:
Рода начало она, он — зачинатель его.
Третий был дан старикам, четвертый — юношам месяц,
Каждый из всех остальных знаменовало число^{442}.

Надо сказать, что на некоторую некомпетентность Ромула в области устройства календаря обращает внимание не только Овидий, но и Макробий: «Так как Ромул упорядочивал устройство собственного государства благодаря только своему уму, острому от природы, но не облагороженному учением, он избрал началом каждого месяца тот день, в который случилось бы показаться новой луне»^{443}.

Кроме того, Дионисий Галикарнасский приписывает Ромулу учреждение нундин: «Он приучал всех в мирное время пребывать на полевых работах, если не возникает нужда посетить рынок, а в таких случаях сходиться в город на Форум для торговых дел каждый девятый день (нундины. — М. Б.)»^{444}. Это подтверждает и Макробий: «Он (Ромул. — М. Б.), разделив власть с Титом Татием, прибавил к установленным священнодействиям и жреческим товариществам также нундины»^{445}. В нундины жители сельской местности отправлялись в город для того, чтобы купить необходимые товары или продать плоды своего труда. Этот день считался праздничным и, по сути, был предназначен для отдыха от полевых и прочих работ, поэтому в царский период являлся неприсутственным.

Глава пятая

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

Загадочное исчезновение

С возрастом Ромул превратился в крайне высокомерного, жестокого и себялюбивого человека. Он и в молодости был безумно властолюбив, а теперь и вовсе стал склоняться к единовластию и тирании, начал выносить чрезмерно суровые судебные приговоры и презирать переселявшихся в Рим новых граждан. Но самой большой ошибкой царя стало то, что, стараясь расположить к себе простолудинов и армию, он абсолютно перестал считаться с сенаторами. По словам Плутарха, к тому времени «патриции были уже отстранены от власти, почетными оставались только их имя и знаки оказываемого им уважения, но их собирали в Совет, скорее блюдя обычай, нежели для того, чтобы спросить их мнения: они молча выслушивали приказы Ромула и расходились, обладая единственным преимуществом перед народом — правом первыми узнать то, что решил царь. Впрочем все это было ничто по сравнению с тем, что Ромул один, по собственному усмотрению, распределил меж воинами отнятую у неприятеля землю и вернул Вейям заложников, не справляясь с мнением и желанием сенаторов — вот тут он, по-видимому оскорбил и унизил их до последней степени! И поэтому когда вскоре он внезапно исчез, подозрения и наветы пали на сенат»^{446}.

Существует несколько версий гибели Ромула. Согласно первой из них («религиозной»), однажды в квинтильские ноны (7 июля) царь созвал народ на сходку у Козьего болота на Марсовом поле и устроил смотр войску. Внезапно началась сильнейшая буря, сопровождавшаяся затмением солнца, сильным ветром и страшным громом. Ромула окутало густое облако и скрыло его от глаз толпы, а затем он был унесен сильным вихрем в небо ^{447}. Вот как описывает это событие Плутарх: «Вдруг неописуемые, невероятные перемены произошли над землею: солнце затмилось, наступила ночь, но не спокойная и мирная, а с оглушительным громом и ураганными порывами ветра со всех сторон. Многочисленная толпа рассеялась и разбежалась, а первые граждане тесно сгрудились все вместе. Когда же смятение в природе прекратилось, снова стало светло и народ возвратился, начались поиски царя и горестные расспросы, и тут первые граждане запретили углубляться в розыски и проявлять чрезмерное любопытство, но приказали всем чтить Ромула и поклоняться ему, ибо он-де вознесен к богам и отныне будет для римлян благосклонным богом, как прежде был добрым царем. Большинство поверило этому и радостно

разошлось, с надеждою творя молитвы, — большинство, но не все: иные, придирчиво и пристрастно исследуя дело, не давали патрициям покоя и обвиняли их в том, что они, убив царя собственными руками, морочат народ глупыми баснями»^{448}.

Безусловно, сенаторы действительно могли убить Ромула во время бури, когда во время солнечного затмения сгустилась непроглядная тьма, и царская охрана со страхом разбежалась, а затем обмануть народ, заявив, что царь якобы вознесся на небо и стал богом. Однако зачем им нужно было так рисковать? Неужели сенаторы не могли найти другого способа избавиться от ненавистного правителя? С другой стороны, зафиксировано достаточно много случаев, когда людей уносил сильный атмосферный вихрь — смерч или торнадо, так что вышеописанный эпизод с вознесением Ромула в небеса не выглядит таким уж невероятным. Когда человек попадает в мощный смерч, у него мало шансов выжить, поскольку, поднятый потоком воздуха на сотни метров вверх, он будет в итоге сброшен на землю с чудовищной высоты.

Тем не менее недовольство первых граждан жестким стилем правления Ромула было хорошо известно римлянам и в итоге появилась вторая версия («криминальная»), согласно которой царя растерзали в здании сената или в храме разгневанные его высокомерием сенаторы^{449}. По Плутарху, они «набросились на него в храме Вулкана, убили и, рассекши тело, вынесли по частям, пряча ношу за пазухой»^{450}.

Еще одну версию, в какой-то мере объединяющую две первых, приводит Дионисий Галикарнасский: «А иные сказывают, что он был убит в народном собрании новыми римскими гражданами, и что они напали на него в тот момент, когда разразилась вдруг буря и тьма опустилась, народ разбежался со сходки, и царь оказался без охраны. Поэтому день, в который стряслась беда, говорят, был наречен по обращению в бегство людей и в наше время зовется «Бегством народа»^{451}. Об этом же празднике *Poplifugia* («Бегство народа»), который однако справлялся не 7-го, а 5 июля и был посвящен вовсе не Ромулу, а победе римлян над латинами, пишут Баррон и Плутарх. При этом последний автор смешивает «Бегство народа» с праздником Капратинские (Капротинские) ноны в честь богини Юноны, который отмечался как раз 7 июля и сопровождался пышным ритуальным шествием к Козьему болоту (коза по-латыни *capra*), где, вероятно, римляне совершали жертвоприношения своему первому царю^{452}.

После гибели Ромула (от природного явления или от рук знати) сенаторам было необходимо успокоить народ и отвести от себя всяческие

подозрения. Эту миссию с успехом выполнил Прокул Юлий — один из представителей рода Юлиев, переселившийся в Рим из Альба-Лонги. Он был близким другом Ромула, одним из самых знатных и уважаемых граждан Рима. По словам Плутарха, он «пришел на форум и коснувшись величайших святынь, поклялся перед всем народом, что ему на дороге явился Ромул, красивее и выше, чем когда-либо раньше, в ослепительно сиявшем вооружении. Испуганный этим зрелищем Прокул спросил: «За что, с каким намерением, о царь, ты сделал нас предметом несправедливых и злых обвинений, а весь город оставил сиротой, в безмерной скорби?» Ромул отвечал: «Богам угодно было, Прокул, дабы мы, прожив долгое время среди людей и основав город, с которым никакой другой не сравнится властью и славою, снова вернулись на небеса, в прежнее наше обиталище. Прощай и скажи римлянам, что, совершенствуясь в воздержанности и мужестве, они достигнут вершины человеческого могущества. Мы же будем милостивым к вам божеством — Квирином». Нравственные качества рассказчика и его клятва заставили римлян поверить этому сообщению; вместе с тем их душ словно бы коснулось некое божественное чувство, подобное наитию, ибо ни словом не возразив Прокуду, но разом отбросив подозрения и наговоры, граждане стали звать к богу Квирину и молиться ему»^{453}.

Итак, Ромул покинул этот мир в возрасте пятидесяти пяти лет, в ноны июля (квинтилия), то есть 7 июля 716 года до н. э., процарствовав 37 лет^{454}.

В начале января 1899 года в Риме, на границе Форума и Комиция, недалеко от старых Ростр и знаменитой триумфальной арки императора Септимия Севера, археологами была открыта небольшая площадка, вымощенная черным мрамором и огороженная невысокой каменной оградой. Последняя явно указывала на священный характер этого места, куда доступ обычным людям был запрещен.

Под площадкой из черного мрамора археологи обнаружили слой земли около полутора метров толщиной, под которым скрывалась другая площадка, выложенная уже не мрамором, а желтым местным туфовым камнем. На этой туфовой площадке покоились два больших прямоугольных постаментов (2,66 x 1,30 метра) на расстоянии чуть более одного метра друг от друга. Между ними стоял прямоугольный туфовый камень (29 x 52 x 72 сантиметра), вероятно, жертвенник. Неподалеку от одного из постаментов была найдена конусообразная полуметровая туфовая стела, а рядом с ней — невысокий, с обломанной вершиной, туфовый столб в форме усеченной

четырёхугольной пирамиды. На все стороны этого столба нанесены архаические латинские буквы, складывающиеся в любопытную надпись, которая относится к первой половине VII века до н. э. Надпись очень плохо сохранилась, но ученым все же удалось установить, что она представляет собой древнейший римский сакральный закон, упоминающий некоего царя.

Вдобавок вся туфовая площадка с постаментами была покрыта слоем из остатков жертвоприношений и обломков священных предметов VII–VI веков до н. э. Это были разнообразные керамические сосуды, бронзовые, костяные и терракотовые статуэтки, астрагалы, бронзовые украшения и оружие.

По мнению археологов, этот сакральный комплекс («Черный камень», *Lapis Niger*) был сооружен в VII веке до н. э. Позднее он был умышленно осквернен и разрушен галлами, захватившими Рим в 390 году до н. э., или, по другой версии, воинами этрусского царя Порсены в 508 году до н. э. Впоследствии римляне очистили его огнем и надлежащими жертвоприношениями, о чем свидетельствуют слои угля, пепла и фрагменты костей животных, а затем засыпали толстым слоем земли, покрыли черным мрамором и обнесли оградой. Кроме того, рядом с «Черным камнем» археологи обнаружили около двух десятков четырёхугольных колодцев, которые в древности, вероятно, служили местами для жертвоприношений.

Открытый археологами сакральный комплекс почти сразу же был отождествлен с могилой-герооном Ромула, о котором пишут античные авторы. Например, Варрон уверен, что первый римский царь похоронен на Комиции близ Ростр, а Гораций упоминает «кости Квирина», вероятно, покоившиеся там же^[455]. Комментатор Горация Акрон сообщает о двух каменных львах, установленных на могиле Ромула у Ростр^[456]. Вероятно, статуи этих львов как раз и стояли на тех двух больших постаментах, которые были обнаружены во время археологических раскопок. Дионисий Галикарнасский, напротив, говорит, что у Ростр был погребен не Ромул, а Фаустул, на могиле которого и была водружена каменная статуя льва^[457]. Фест же пишет, что на Комиции находится «Черный камень», обозначающий место смерти Ромула, но, поскольку по другой версии первый царь был вознесен на небо, возможно, здесь покоится его воспитатель Фаустул^[458].

Можно предположить, что, скорее всего, под одним из львов был похоронен Ромул, а под другим — Фаустул. Но, в отличие от Фаустула, Ромул был похоронен символически, поскольку, по данным большинства

античных авторов, он вознесся на небо и стал бессмертным божеством. Поэтому и могила его являлась не обычным захоронением, а особо чтимым святилищем (герооном), где благодарные потомки приносили жертвы.

Ромул — бог

После своей смерти первый римский царь действительно был обожествлен под именем Квирина^{459}. Замечательную поэтическую реконструкцию апофеоза Ромула, объясняющую возникновение праздника в его честь, создал Овидий:

Завтрашний день никому не отдан, но третий — Квирина:
Ромулом ранее был, кто именуется так,
Иль потому, что копье встарь звали сабиняне «курис»,
И по нему в небесах звался воинственный бог,
Иль что царя своего этим именем звали кфириты,
Или что с Римской землей Куры он соединил.
Ибо воитель-отец, взглянув на сыновние стены
Да и на множество всех конченных Ромулом войн,
Молвил: «Юпитер, теперь многосильно могущество Рима
И не нуждается он в отпрыске больше моем.
Сына отцу возврати! Хоть один и похищен убийством, —
Будет другой за себя мне и за Рема теперь.
Будет один, кого ты вознесешь на лазурное небо, —
Как ты изрек, а слова ведь нерушимы твои!»
Тут же Юпитер кивнул. От кивка его дрогнули оба
Полюса и задрожал с ношей небесной Атлант.
Место есть, что в старину называлось Козье Болото;
Как-то случилось, что там, Ромул, судил ты народ.
Спряталось солнце, и все облаками закрылось небо,
И полился проливной ливень тяжелый из туч.
Гром гремит, все бегут, небо, треснув, сверкает огнями:
И на отцовских конях вносится царь в небеса.
Скорбь наступила, отцов обвиняют облыжно в убийстве;
Так и решили бы все, кабы не случай один.
Прокул Юлий однажды из города шел Альбы Лонги,
Ярко светила луна, факел тут был ни к чему.
Вдруг неожиданно вся задрожала слева ограда;
Он отшатнулся и встал, волосы дыбом взвились,
Чудный, превыше людей, облаченный царской трабеей
Ромул явился ему, став посредине пути,

И произнес: «Запрети предаваться скорби квиристам,
Да не сквернят моего плачем они божества.
Пусть благовонья несут, чтя нового бога Квирина,
Помня всегда о своем деле — веденье войны».
Так повелел и от глаз сокрылся он в воздухе легком;
Прокул сзывает народ и объявляет приказ.
Богу возводится храм, его именем холм называют,
И учреждаются тут праздника отчего дни^{460}.

Кроме того, по версии Овидия, вслед за Ромулом якобы была вознесена на небо его жена Герсилия и обожествлена под именем Горы:

Видя, как, мужа лишась, Герсилия плачет, Юнона
Тотчас Ириде своей по дуге семицветной спуститься
К ней, одинокой, велит и такие слова передать ей:
«О латинского ты и сабинского племени слава,
Жен всех лучше жена! Достойная раньше такого
Мужа, супругой теперь достойная зваться Квирина,
Слезы свои осуши! И если хочешь супруга
Видеть, за мною иди, к той роще, одевшей Квиринов
Холм, которою храм царя затеняется римлян!»
Повиновалась и, вниз по радуге снидя на землю,
Эту, как велено, речь Герсии молвит Ирида.
Та застыдилась; едва подымая глаза, говорит ей:
«Ты, о богиня! Твое неизвестно мне имя, однако
Вижу богиню в тебе! — о, веди, о, веди и супруга
Взору яви моему! Коль судьбы даруют один лишь
Раз мне увидеть его, примирюсь, что взят он на небо!»
Сказано — сделано. Вот взошли с Тавмантестой Девой
Вместе на Ромулов холм. И вдруг перед ними на землю
С неба упала звезда. От света ее загоревшись,
С тою звездою взвились у Герсии волосы в небо.
В руки, знакомые ей, там принял жену основатель
Римского града, сменил он и тело ее и прозвание:
Горою стал величать, споклоняемой богу Квирину^{461}.

Посвященный Квирину праздник — это Квириналии, которые римляне ежегодно отмечали 17 февраля. На это же число падал последний день праздника Форнакалий, посвященный сушке и обжарке начинавшего

портиться зерна. Кроме того, Квириналии нередко называли «праздником дураков», поскольку в этот день те, кто по неведению или какой-то другой причине не успел отметить Форнакалии (существовало особое расписание празднования по куриям), еще могли совершить положенные священнодействия, дабы наверстать упущенное^{462}.

Надо сказать, что бог Квирин существовал задолго до Ромула — последний был лишь отождествлен с ним. Квирин являлся древним богом сабинов, покровителем города Куры, «сабинским Марсом», который также именовался Эниалием. Вот что пишет об этом Дионисий Галикарнасский: «В реатинском краю в те времена, когда ими владели аборигины, некая местная девушка из наиболее знатного рода отправилась к святилищу Эниалия с намерением предаться танцам. Этого Эниалия сабиняне и прознавшие от них римляне величают Квирином, не имея возможности точно определить, то ли это Марс, то ли другой какой-нибудь бог, обладающий теми же почестями, что и Марс. Ведь одни думают, что оба эти имени даны одному и тому же богу, предводителю ратных дел, другие же полагают, что имена соответствуют двум разным воинственным божествам. Как бы то ни было, девушка во время танца на священном участке внезапно впадает в экстаз и, прервав танец, бросается внутрь святилища бога. Затем, забеременев, как полагали люди, от бога, она рождает сына Модия по имени, Фабидия по прозвищу, который, возмужав, приобретает облик не человеческий, но богоподобный и становится блистательнее всех в военных делах. Его-то и обуяло стремление самому основать город. Итак, собрав солидный отряд из окрестных жителей, он основывает в очень короткий срок так называемые Куры. Название городу, как рассказывают некоторые, он дал в честь божества, от коего сам он производил себя, а, как пишут другие, — по копью; ведь сабиняне называют копьё — «курис». Так уверяет Теренций Варрон»^{463}.

Из Кур культ сабинского Квирина перенес в Рим царь Тит Таций^{464}. Святилище бога было устроено на Квиринальском холме, который в то время облюбовали сабины. Некоторые античные авторы считают, что последние и назвали холм Квириналом как раз потому, что на нем располагалось святилище их божества^{465}.

Существует несколько версий происхождения имени Квирина. Например, по свидетельству Плутарха, «принятое Ромулом имя «Квирин» иные считают соответствующим Эниалию, иные указывают, что и римских граждан называли «квиритами» [*quirites*], иные — что дротик или копьё древние называли «квирис» [*quirts*], что изображение Юноны,

установленное на острие копья, именуется Квиритидой, а водруженное в Регию копье — Марсом, что отличившихся на войне награждают копьем, и что, стало быть, Ромул получил имя Квирина как бог-воитель или же бог-копьеносец»^{466}. Ему вторит Сервий: «Ромул же назван Квирином потому, что он был всегда вооружен копьем, которое на языке сабинян называется «курис». Ведь копье, то есть курис, это длинная заостренная палка... Либо он называется так из-за знатности своего рода, ведь Марс, когда он в гневе, называется Градив, а когда он спокоен, называется Квирин. И, наконец, в городе существует два храма: один — храм Квирина, внутри города, как бы храм стража спокойствия, а другой — на Аппиевой дороге, вне города, возле ворот, как бы храм воителя, то есть Градива»^{467}.

Действительно, Ромул-Квирин позднее был отождествлен с Марсом Квирином (а также еще и с Янусом^{468}). Известно, что в древнеримской религии имелось два Марса — Марс Градив и Марс Квирин. Первый был весьма воинственным богом, начинавшим кровавые битвы, а второй, напротив, выступал как миротворец, завершитель войны. У Феста сохранилось упоминание об «оружии Квирина», которое периодически надлежало смазывать сосновой смолой, как полагают, для лучшей сохранности, но не для использования в военном деле^{469}.

Кроме того, известно, что в Древнем Риме существовало две жреческие коллегии салиев («плясунов», от латинского *salire* — прыгать), по 12 человек в каждой. Первая коллегия, которую учредил царь Нума Помпилий, по местонахождению своего святилища получила наименование палатинских салиев. Они являлись жрецами Марса Градива и совершали ежегодные священнодействия в его честь. Вторую коллегию салиев позднее создал царь Тулл Гостилий. Их резиденция располагалась на Квиринальском холме, близ Коллинских ворот. Они стали называться коллинскими салиями и считались жрецами Марса Квирина^{470}.

Каждая коллегия хранила 12 священных щитов Марса. Ежегодно в марте и октябре обе коллегии устраивали совместные религиозные процессии, предварительно облачившись в парадные бронзовые доспехи и вооружившись. Салии торжественно шествовали по Риму в сопровождении трубачей, исполняли священные гимны и ритуальные пляски, во время которых ударяли по своим священным щитам. По мнению ученых, этот древний религиозный обряд имел своей целью поднять боевой дух ратников перед военным походом и после него. Кроме того, салии должны были с молитвами обойти все алтари и храмы Рима, поэтому их шествие продолжалось несколько дней, в силу чего они были вынуждены

останавливаться на ночь в особых местах, где их всякий раз ждал роскошный пир.

Уже второй римский царь Нума Помпилий назначил особого жреца Ромула — фламина Квирина, который занял одно из самых высоких мест в жреческой иерархии^{471}. Кроме священнодействий на Квириналиях и примыкавших к ним Форнакалиях, фламин Квирина ежегодно совершал жертвоприношения богу Робигу на празднике Робигалий (25 апреля), присутствовал на празднике Консуалий (21 августа), а на Ларенталиях (23 декабря) приносил жертвы на могиле Акки Ларенции в Велабре, где, как считают некоторые, и находилась его резиденция^{472}. Большинство указанных религиозных праздников было связано с сельским хозяйством — это Робигалии (защита зерна от ржавчины), Консуалии (хранение зерна) и Форнакалии (продление срока годности зерна, то есть его обжарка). По мнению исследователей, участие в них фламина Квирина явно свидетельствует о том, что этот бог, как и Марс, покровительствовал еще и земледелию. На это явно намекает Овидий в «Фастах», описывая священнодействия фламина Квирина на празднестве в честь божества Робиго, олицетворявшем болезнь зерновых культур (ржавчину) и почитавшимся римлянами в женской и мужской ипостасях:

Только неделя одна до конца остается апреля,
На середине уже вешнего времени бег.
Овна уже не ищи, Афамантовой смертного Гелле:
Дождь в эту пору идет, в небе является Пес.
Как возвращался однажды я в Рим той порой из Номенты,
На середине пути белую встретил толпу.
Фламин шел в этот день в стародавнюю рощу Робиги,
Чтобы овцы на огне жечь и собаки нутро:
Тотчас же я подошел, чтобы знать и об этом обряде;
Фламин же твой, о Квириин, молвил такие слова:
«Злая Робига, щади посевы Церериных злаков,
Дай им над почвой качать нежные стебли свои!
Всходам дай возрастать под сиянием звезд благосклонных
Вплоть до того, как они станут годны для серпов.
Сила твоя велика: ведь хлеб, пораженный тобою,
Грустный сочтет селянин горькой потерей своей.
Ветры и ливни не так хлебам губительны будут,
Да и мороз не такой зернам урон принесет,
Как если влаги лишит посевы знойное солнце:

Это, богиня, твоей ярости гибельный знак.
О, пощади, и не тронь ты всходов шершавой рукою,
И не губи урожай: мощь твоя ведома всем!
Нежных посевов не ржавь, суровое ржавь ты железо —
То, что губит людей, прежде всего ты губи.
Лучше грызи ты мечи со всем вредоносным оружием:
Нет в нем нынче нужды, в мире господствует мир.
Острый заступ, двузубец кирки, сошник изогнутый,
Ваше время — блеснуть, время оружий — ржаветь.
Если же кто обнажить забытый клинок пожелает,
Пусть он увидит, что меч крепко приржавел к ножнам.
Ты же Цереру не мучь! Свои поселянин обеты
Может тебе исполнять, даже когда тебя нет».
Так он сказал. В деснице его был плат длинношерстый,
Чаша с чистым вином, ладана полный ларец.
Ладан, вино и овечьи кишки приносит он в жертву
С мерзким (видел я сам) гнусной собаки нутром.
А на вопрос мой, зачем эта новая, странная жертва,
Фламин ответил: «Узнай, что за причина ее.
В небе есть пес, Икарий по имени; лишь он восходит,
Мучится в жажде земля и засыхает посев.
Ради небесного пса на алтарь возлагают собаку,
И лишь название «пес» к смерти приводит ее»^{473}.

Некоторые ученые считают Квирина еще и богом курий и даже римской общины в целом, поскольку его имя, возможно, происходит от *soviria* (отсюда *curia*, курия), то есть «собрание мужей». Известно, что перед храмом Квирина росли два священных мирта, один из которых назывался патрициевым, а другой — плебейским^{474}. Полагают, что эти два дерева символизировали сплоченность римской общины, находящейся под покровительством Ромула-Квирина.

Храм Квирина был построен, вероятно, уже при царе Нуме, или намного позже — в эпоху Римской республики, в V веке до н. э.^{475} Согласно данным Тита Ливия, в 293 году до н. э. консул Луций Папирий Курсор возвел и освятил новый храм Квирина, расположенный близ древнего святилища этого бога. При этом он исполнил обет своего отца, который тот дал еще в 325 году до н. э.^{476} В середине I века до н. э. этот храм сгорел, но потом был восстановлен. Освящение обновленного храма

Квирина состоялось 29 июня 16 года до н. э. благодаря императору Октавиану Августу^{477}.

Кроме того, в некоторых местах в Риме, в том числе и на Капитолии, были установлены скульптурные изображения Ромула^{478}. Известно, что император Август велел украсить созданный по его приказу новый форум (Форум Августа) статуями знаменитых римлян, в числе которых был и Ромул. На пьедестале каждой статуи была сделана почетная надпись (элогий), повествующая о заслугах того или иного великого мужа. Позднее копии этих статуй с элогиями были выставлены и в других городах Италии, в том числе на форуме в Помпеях, где сохранился пьедестал с элогием Ромула: «Ромул, сын Марса, основал город Рим и правил (около. — М. Б.) 38 лет. Он же, будучи первым военачальником, убив предводителя врагов Акрона, царя ценинцев, посвятил снятые с него богатые доспехи Юпитеру Феретрию и, принятый в число богов, именуется Квирином»^{479}.

Вместо послесловия

НЕУДАЧЛИВЫЙ ПОТОМОК

Осень 476 года н. э. выдалась на юге Италии на редкость жаркой и засушливой. Дождя не было уже много дней. В Неаполе пересохло большинство колодцев, а акведук работал с перебоями, так что горожанам приходилось возить питьевую воду из пригорода. Страдали от зноя не только люди, но и животные. Даже привычные ко всему бродячие псы в тщетных попытках спастись от жгучих лучей солнца заползали под раскидистые деревья, росшие по обочинам дорог, и не обращали абсолютно никакого внимания на проходящих мимо редких путников, хотя раньше старались облаять каждого из них.

В один из сентябрьских дней на ПUTEОЛАНСКОЙ дороге в клубах пыли показался отряд вооруженных всадников. За ним двигался большой обоз из нескольких десятков телег и экипажей. Кавалькада проследовала к главным воротам древней виллы богача Луция Лициния Лукулла (117—56 до н. э.), раскинувшейся на морском побережье близ Неаполя. Среди всадников своей статью выделялся пятнадцатилетний юноша, облаченный в позолоченные доспехи. Подъехав к воротам с отрядом сопровождавших его мужчин, он остановил коня, снял шлем, вытер со лба пот и обратил свой задумчивый взор на побережье Неаполитанского залива.

Тем временем слуги-рабы, приветствуя гостей, отворили ворота, и всадники вместе с подоспевшим обозом въехали на территорию виллы. Было заметно, что уже долгое время здесь никто не жил. Из-за нерадивости рабов сад был недостаточно ухожен, а со стен хозяйственных построек начала осыпаться штукатурка. Однако главный дом виллы, который располагался на небольшом острове, соединенном с сушей широкой насыпью, неплохо сохранился.

Юноша подъехал к парадному крыльцу, спешил и передал коня подоспевшему рабу. Затем он поднялся по мраморным ступеням и вошел в главный дом. Атриум был отделан дорогим разноцветным мрамором, да и остальные комнаты все еще сохраняли следы былой роскоши.

Пройдя через длинную анфиладу комнат, юноша оказался на большой открытой мраморной террасе, с которой открывался замечательный вид на Неаполитанский залив. Он подошел к самому ее краю и, опершись руками на раскалившийся от солнца каменный парапет, посмотрел вниз. Там, у

подножия виллы, кипело и пенилось изумрудное море. В слепой ярости оно билось о скалы острова, вздымая фонтаны брызг.

Довольно долго взирал юноша на эту вечную борьбу суши и моря, пока, наконец, не заметил, что солнце начало клониться к закату. Вилла тем временем наполнилась гомоном слуг, готовивших внутренние покои для прибывших господ. Через некоторое время был накрыт ужин, за которым, впрочем, почти никто не проронил ни слова. На лицах присутствовавших лежала та же печать грусти и задумчивости, что и на лице юноши.

Пока окончили трапезу, уже почти совсем стемнело. С моря повеяло долгожданной прохладой, но в воздухе чувствовалось какое-то напряжение. Слуги проводили приехавших в приготовленные для них комнаты, а юноша вновь поднялся на террасу. Он бросил тревожный взгляд на небо и увидел, что оно сплошь покрылось тяжелыми грозowymi тучами. Внезапно раздался ужасающий грохот и ослепительная молния прошила вечерние сумерки. Через нескольких минут на юношу обрушились целые потоки воды, но он не покинул террасу, а только упрямо сжал губы, вцепился руками в мраморный парапет и устремил упрямый взгляд в грозовое небо, будто желая помериться силами с самой стихией...

Имя этого юноши Ромул Август. Он — последний император Западной Римской империи, но теперь уже бывший император, поскольку 4 сентября 476 года н. э. его вынудил отречься от престола предводитель варварских войск Одоакр. Ромул занимал императорский престол меньше года (с 31 октября 475 года), но при этом не обладал реальной властью, поскольку за него фактически правил его отец, военачальник Орест. Из-за этого Ромул Август получил насмешливое прозвище Августул, то есть Августик, или Августишка, так как никто не воспринимал его всерьез. Ныне же его отец Орест убит, а сам он вместе с родственниками и слугами сослан в Неаполь, на бывшую виллу богача Лукулла (ныне на ее месте возвышается знаменитый Замок Яйца, *Castel dell Ovo*, возведенный в конце XII века).

Такова горькая ирония судьбы: первым правителем Рима был Ромул, который своими деяниями обессмертил свое имя, и последним правителем Рима тоже стал Ромул, который, однако, так и не успел совершить ничего достойного своего имени. Вместе с падением Ромула Августа прекратила свое существование Западная Римская империя и, более того, закончилась целая эпоха — эпоха Античности.

...Гроза тем временем набирала силу. Гром почти не прекращался, а молнии все чаще и чаще озаряли ночную тьму. Седое от пены море стонало под натиском ветра и остервенело бросалось на скалы у подножия виллы, разбивая о них угольно-черные громады волн. Бешеные струи ливня

неутомимо низвергались с неба и почти полностью скрыли от глаз берег и море за непроницаемой завесой. Юноша все еще стоял на террасе, освещаемый отблесками молний, но уже поникший и беспомощный перед неумолимыми силами природы...

Приложение 1

**ОСНОВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
АНТИЧНЫХ АВТОРОВ О РОМУЛЕ**

АВТОРЫ

- Авл Геллий — 55^[1]
Августин — 56
Аврелий Виктор — 51
Анней Флор — 30
Аппиан — 31
Арнобий — 46
Валерий Максим — 18
Варрон — 4
Веgeций — 54
Веллей Патеркул — 16
Вергилий — 7
Витрувий — 11
Гигин — 34
Гораций — 8
«Дигесты Юстиниана», коллективное сочинение — 61
Диодор Сицилийский — 5
Дион Кассий — 57
Дионисий Галикарнасский — 12
Евсевий — 48
Евтропий — 50
Квинтилиан — 22
Киприан Карфагенский — 42
Конон — 17
Корнелий Непот — 6
Лактанций — 47
Ликофрон — 1
Лукан — 20
Луций Ампелий — 36
Макробий — 58
Марциал — 25
Минучий Феликс — 39
«Ночное празднество Венеры», анонимное сочинение — 55
Овидий — 14
Павел Орозий — 57
Плиний Старший — 21

Плутарх — 26
Полиэн — 32
Порфирион — 43
Проперций — 10
Псевдо-Акрон — 59
Светоний — 29
Секст Руф — 52
Сенека — 19
Сервий — 55
Сидоний Аполлинарий — 60
Солин — 45
Сочинители истории Августов — 49
Стаций — 23
Страбон — 15
Тацит — 27
Тертуллиан — 38
Тибулл — 9
Тит Ливий — 13
Фест — 55
Фронтин — 24
Цензорин — 44
Цицерон — 5
Элиан — 40
Элий Лампридий и Элий Спартиан — 49
Энний — 2
Ювенал — 28
Юстин — 41
Юстиниан — 61

1. ЛИКОФРОН
(конец IV–III век до н. э.)

«Александра»

1232–1233.

Таких-то родич мой оставит отпрысков —
Львят-близнецов, неукротимой мощи род.

(Перевод И. Е. Сурикова)

2. ЭННИЙ, КВИНТ (239–169 до н. э.)

«Анналы»

I–III.

72–74 [волчица, вскормившая Ромула и Рема, убегает от нашедшего близнецов пастуха].

Пристально смотрит тогда волчица и всех замечает,
Скорым шагом она пробежала поле и быстро
Бросилась в лес...

80—100 [рассказ о птицегадании Ромула и Рема].

Оба брата большой озабочены были заботой:
Власти желая, они занялись гаданьем по птицам...
..Рем предается один гаданью: счастливую птицу
Он выжидает. Меж тем на высоком холме Авентинском
Ромул прекрасный ждет, наблюдает летучее племя.
Так состязались они, град назвать Ремором или Римом.
Граждан забота томит, кто ж будет из двух властелином.
Так же в миг, когда знак подать готовится консул,
Зрители жадно глядят на барьер начальной решетки,
Ждут, когда из ворот расписных полетит колесница;
Так же народ ожидал и речи держал меж собою,
Кто из двоих близнецов получит победу и царство.
Яркое солнце меж тем ушло в преисподнюю ночи,
Вновь ослепительный свет появился, пронзенный лучами,
И тотчас с высоты прекрасная быстрая птица
Слева на счастье летит. Но вышло солнце золотое —
Падают с неба тогда священных трижды четыре
Тела птиц, и к счастливым местам направляются быстро.
Ромул увидел тогда, что ему отдано предпочтенье,
Трон и власть над страной установлены этим гаданьем.

102–103 [*Рем перепрыгивает через ров, и Ромул убивает его со словами*].

Это, клянусь я, никто безнаказанно сделать не сможет,
Кроме тебя: но и ты мне поплатишься кровью горячей.

114–115; 117–121 [*рассказ об апофеозе Ромула и оплакивании его римлянами*].

Ромул на небе теперь свой век проводит с богами,
Кои́ми был он ро́жден...

.....

...Меж собою

Так вспоминают они: «О Ромул, божественный Ромул,

Боги родили тебя великим стражем отчизны,

О наш родитель, отец, богов порожденье по крови!

Ты нас вывел в края, отверстые свету...»

(Перевод С. А. Ошерова)

3. ЦИЦЕРОН, МАРК ТУЛЛИЙ (106-43 до н. э.)

«Об обязанностях»

III. 10. 41.

Но в случае с царем, основавшим Город, положение было иное. Ведь его побудила видимость пользы: когда ему показалось, что единолично царствовать более полезно, чем вместе с другим человеком, он убил брата. При этом он пограл и братские чувства, и человечность, дабы иметь возможность осуществить то, что ему казалось полезным, но таковым не было. И все-таки он в свое оправдание сослался на постройку стены; это была видимость нравственной красоты, не правдоподобная и совсем не подходящая. Следовательно, он совершил проступок. Скажу это с дозволения Квирина или Ромула.

(Перевод В. О. Горенштейна)

3а. ЦИЦЕРОН «Об ораторе»

I. 9. 37.

Неужели ты действительно думаешь, что наш Ромул сплотил пастухов и пришельцев, завязал брачные отношения с сабинянами, отразил нападения соседей силою красноречия, а не своею редкой находчивостью и мудростью?

(Перевод Ф. А. Петровского)

3б. ЦИЦЕРОН «Первая речь против Катилины»

XIII. 33.

...Юпитер, чью статую Ромул воздвиг при тех же авспициях, при каких основал этот вот город...

(Перевод В. О. Горенштейна)

Зс. ЦИЦЕРОН «Третья речь против Катилины»

1.2.

И если дни нашего избавления нам не менее приятны и радостны, чем день нашего рождения, так как спасение приносит несомненную радость, а рождение обрекает нас на неизвестное будущее, так как мы рождаемся, не сознавая этого, а избавляясь от опасности, испытываем радость, то, коль скоро мы с благоговением превознесли того, кто этот город основал, и причислили его к бессмертным богам, вы и потомки ваши, конечно, должны оказать почет тому, кто этот же город, уже основанный и разросшийся, спас.

VIII. 19.

Вы, конечно, помните, что в консульство Котты и Торквата (в 65 до н. э. — М. Б.) в Капитолии много предметов было поражено молнией, причем изображения богов сброшены с их оснований, статуи живших в старину людей низвергнуты, а медные доски с записью законов расплавлены. Это коснулось даже основателя нашего города, Ромула, чья позолоченная статуя, где он изображен в виде грудного ребенка, тянущегося к сосцам волчицы, как вы помните, стояла в Капитолии.

(Перевод В. О. Горенштейна)

Зд. ЦИЦЕРОН «Речь в защиту Бальба»

XIII. 31.

Уже одно, вне всяких сомнений, укрепило нашу державу и возвеличило имя римского народа: первый создатель этого города, Ромул, доказал своим договором с сабинянами, что наше государство надо увеличивать, принимая в него даже врагов.

(Перевод В. О. Горенштейна)

Зе. ЦИЦЕРОН «О государстве»

I. 16. 25.

...было вычислено время предшествовавших затмений солнца, начиная с того, которое в квинктильские ноны произошло в царствование Ромула; среди этого мрака природа, правда, похитила Ромула с тем, чтобы он окончил свое человеческое существование, но его доблесть, говорят, вознесла его на небо.

II. (II. 4.-XIV. 26)

(II. 4) Можно ли назвать какое-либо государство, основание которого было бы таким славным и столь широко известным, как закладка нашего города, совершенная Ромулом? Будучи сыном Марса, Ромул (согласимся со сказанием — тем более, что оно не только весьма древнее, но и мудро нам завещано предками для того, чтобы люди с большими заслугами перед государством считались не только наделенными божественным умом, но также и божественного происхождения), итак, Ромул, как только родился, говорят, был вместе с братом своим Ремом, по повелению альбанского царя Амулия, боявшегося ниспровержения своей царской власти, оставлен на берегу Тибра; там его питал своим молоком хищный зверь; после того, как Ромула взяли к себе пастухи и воспитали в суровых условиях жизни и среди лишений, он, по преданию, когда вырос, силой своего тела и неустранимостью духа настолько превзошел всех остальных, что все, кто населял земли, где ныне стоит наш город, покорно и охотно начали ему повиноваться. Встав во главе их отрядов (перейдем теперь от сказаний уже к событиям), он, как говорят, захватил Альбу-Лонгу, в те времена сильный и могущественный город, и убил царя Амулия.

(III. 5) Стяжав такую славу, Ромул, по преданию, прежде всего задумал, совершив авспиции, заложить город и основать прочное государство. Что касается места для города, которое каждый, пытающийся создать долговечное государство, должен намечать весьма осмотрительно, то Ромул выбрал его необычайно удачно. Ведь Ромул не придвинул города к морю (а это было бы для него, при многочисленности его отряда, очень легко), дабы вторгнуться в область рутулов и аборигенов и основать город в устье Тибра, куда через много лет вывел колонию царь Анк; нет, этот муж, обладавший выдающейся способностью предвидеть, хорошо понимал, что приморское положение отнюдь не выгодно для тех городов, которые закладываются в надежде на их долговечность и могущество, — прежде всего потому, что приморским городам угрожают опасности не только многочисленные, но и скрытые. <...>

(V. 10) Каким образом Ромул смог бы с более божественной мудростью использовать преимущества приморского расположения города

и в то же время избежать его опасностей, как не тем, что заложил город на берегу реки, которая течет непрерывно и равномерно и, впадая в море, образует широкое устье? Благодаря этому город мог и получать по морю все то, в чем нуждался, и отдавать то, чем изобиловал, и мог по этой же реке не только ввозить из-за моря все самое необходимое для пропитания и жизни, но и получать привезенное по суше; таким образом, Ромул, мне кажется, уже тогда предвидел, что наш город рано или поздно станет средоточием величайшей державы. Ибо городу, расположенному в какой бы то ни было другой части Италии, едва ли удалось бы с большей легкостью сохранить такое могущество.

(VI. 11) Далее, что касается природных средств защиты города, то найдется ли такой ненаблюдательный человек, который их не заметил бы и должным образом не оценил? Ведь как Ромул, так и последующие цари благодаря своей мудрости, используя наличие крутых и обрывистых холмов, возвышавшихся со всех сторон, выбрали для городской стены такое направление, что единственное доступное место, находившееся между Эсквилинским и Квиринальским холмами, после того, как был насыпан огромный вал, опоясывалось широчайшим рвом, а обнесенная стеной крепость (речь идет о северной вершине Капитолия. — М. Б.) стояла так высоко на крутой и как бы обтесанной скале, что даже в памятные нам страшные времена галльского нашествия осталась невредимой и нетронутой. В этой области, страдавшей от болезней, Ромул выбрал место, и богатое родниками, и здоровое; ведь там много холмов, которые не только сами обвеваются ветрами, но и дают тень долинам.

(VII. 12) И Ромул совершил все это очень быстро. Он основал город, который он велел назвать Римом в свою честь, а для укрепления новой гражданской общины принял решение, несколько необычное и довольно суровое, но достойное великого человека, уже тогда отличавшегося большой способностью предвидеть все то, что касалось упрочения царства и благополучия народа: он велел похитить знатных сабинских девушек, в день Консуалий (празднества в честь бога Конса, справлявшиеся 21 августа и 15 декабря, и сопровождавшиеся лошадиными бегами. — М. Б.) явившихся в Рим, чтобы присутствовать на впервые тогда учрежденных Ромулом ежегодных играх в цирке, и отдал этих девушек в замужество в лучшие семьи. (13) Когда сабиняне из-за этого пошли на римлян войной, успех в которой был переменным, а исход казался сомнительным, Ромул заключил договор с сабинским царем Титом Тацием, причем похищенные матроны сами умоляли об этом; по этому договору Ромул принял сабинян в число граждан, приобщив их к священнодействиям, и разделил свою

царскую власть с их царем.

(VIII. 14) А после гибели Тация, когда к Ромулу вернулась вся полнота власти, Ромул, хотя он вместе с Тацием ранее выбрал в царский совет первенствовавших людей, которые ввиду своего влияния были названы «отцами», и от имени своего, Тация и Лукумона, союзника, павшего в сражении с сабинянами, разделил народ на три трибы и тридцать курий, дав этим куриям имена похищенных сабинских девушек, бывших предстательницами за заключение договора, — итак, хотя все это было именно так установлено еще при жизни Тация, все же, после того, как он был убит, Ромул стал царствовать, еще более опираясь на авторитет и мудрость «отцов».

(IX. 15) Совершив это, Ромул прежде всего понял и признал правильным то же самое, что несколько ранее в Спарте понял Ликург: посредством единоличного империя и царской власти можно лучше повелевать и править государствами в том случае, когда к этому виду власти присоединяется авторитет всех лучших граждан. И вот, найдя себе опору и защиту в этом совете и как бы «сенате», Ромул весьма удачно вел много войн с соседями и, сам не унося ничего из добычи к себе в дом, не переставал обогащать своих сограждан. (16) Далее, — мы сохраняем это и поныне для вящей безопасности государства, — Ромул неизменно считался с авспициями. Ведь он и сам (что было вместе с тем и началом нашего государства) заложил город, совершив авспиции, а затем выбрал из каждой трибы по авгуру, чтобы тот, находясь при нем, совершал авспиции каждый раз, когда Ромул приступал к какому-нибудь государственному делу. Наконец, он также распределил плебс на клиентелы у первенствовавших людей (какую пользу это принесло, я рассмотрю впоследствии) и применял меры принуждения, налагая пеню в виде овец и быков (так как в те времена имущество состояло из скота и земельных владений, ввиду чего людей называли «богатыми скотом» и «занимающими земли»), а не обращаясь к насилию и казням.

(X. 17) И вот Ромул, процарствовав тридцать семь лет (с 753 по 716 до н. э. — М. Б.), создав два прекрасных устоя государства — авспиции и сенат, достиг столь многого, что, когда он исчез во время внезапно происшедшего затмения солнца, его причислили к сонму богов, а такой чести никогда не мог бы удостоиться ни один смертный, не снискавший выдающейся славы за свою доблесть. (18) И по отношению к Ромулу это было тем более изумительно, что все другие, по преданию, ставшие из людей богами, жили в менее просвещенные века, когда измышлять было легко, так как неискушенные люди были легковерны; Ромул же, как мы

видим, жил менее шестисот лет назад, когда письменность и науки уже давно стали общим достоянием, а всяческие старинные заблуждения, связанные с диким образом жизни, исчезли. В самом деле, если Рим, как возможно установить на основании летописей греков, был основан во втором году седьмой олимпиады, то Ромул жил в тот век, когда в Греции уже было много поэтов и певцов и люди относились к сказаниям — если только они не касались глубокой древности — с меньшим доверием. <...> (19) Из этого следует, что Гомер жил задолго до Ромула, так что, коль скоро люди уже были учеными, а сами времена — просвещенными, едва ли был какой-либо повод для вымыслов. Ведь только древность принимала сказания, иногда даже и нескладно сочиненные, но век Ромула, уже образованный и особенно склонный смеяться над тем, чего не может быть, отверг бы их. <...> (20) Таким образом очевидно, что в бессмертие Ромула поверили тогда, когда жизнь людей уже вошла в колею, и они познали ее и приобрели опыт. И все же так велика была в Ромуле сила ума и мужества, что насчет него, со слов Прокула Юлия, человека простого, приняли на веру то, чему еще многими веками ранее не поверили бы, будь это рассказано о ком бы то ни было другом из смертных; говорят, правда, что Прокул по наущению «отцов», желавших отвести от себя подозрения в гибели Ромула, сказал на народной сходке, что видел Ромула на том холме, который теперь называется Квиринальским, и что Ромул поручил ему просить народ о том, чтобы на этом месте ему было устроено святилище: он — бог и именуется Квирином.

(XI. 21) Итак, не кажется ли вам, что благодаря мудрости одного человека новый народ не только появился на свет, но что Ромул оставил его не младенцем, плачущим в колыбели, но уже выросшим и, можно сказать, возмужавшим?

(XII. 23)...когда сенат Ромула, составленный из оптиматов, которым сам царь воздал такую большую честь, что пожелал, чтобы они именовались «отцами», а их сыновья — «патрициями», после кончины Ромула сам, без царя, попытался управлять государством, то народ этого не стерпел и, в тоске по Ромулу, с тех пор не переставал требовать для себя царя. <...>

(XIII. 25) <...> Как только он (Нума Помпилий. — М. Б.) сюда прибыл, он, хотя народ, постановлением куриатских комиций, и повелел ему быть царем, все же сам внес куриатский закон о своем империи, а увидев, что римляне, следуя порядкам, установленным Ромулом, горят желанием воевать, признал нужным несколько отучить их от этого.

(XIV. 26) Прежде всего он (Нума Помпилий. — М. Б.) разделил между

гражданами, по наделу на каждого мужчину, те земли, которые завоевал Ромул...

VI. 22. 24.

Ведь Солнце некогда, как показалось людям, померкло и погасло, когда душа Ромула переселилась именно в эти храмы...

(Перевод В. О. Горенштейна)

3f. ЦИЦЕРОН «О законах»

I. 1. 3.

Правда ли, что Ромул, после своей кончины, бродя недалеко от места, где теперь стоит твой дом, сказал Прокулу Юлию, что он бог, и повелел называть его Квирином и воздвигнуть ему храм на этом месте?

(Перевод В. О. Горенштейна)

3g. ЦИЦЕРОН «О природе богов»

II. 24. 62.

Так был обожествлен и Ромул, которого отождествляют с Квирином.

III. 2. 5.

И я убежден, что Ромул ауспициями, Нума, учредив жертвоприношения, заложили основу нашего государства...

III. 15. 39.

Наши чтут Геркулеса, Эскулапа, Тиндаридов, Ромула и еще многих других, в которых видят как бы новых, приписных граждан неба.

(Перевод М. И. Рижского)

3h. ЦИЦЕРОН «О дивинации»

I. 2. 3.

Сначала родитель этого города [Рима] Ромул, согласно преданию, не только применил ауспиции при закладке города, но и сам также был наилучшим авгуром.

I. 12. 19–20 [из поэмы Цицерона о его консулате]:

...Ведь бессмертный Отец Громовержец
Храмы свои и холмы, на Олимп опирался звездный,
Сам же тогда поразил, в Капитолий, ему посвященный,
Молнию кинув; при этом и медная статуя Натты,
Издавна чтимая, рухнула наземь. Расплавилась также
Медные древних законов таблицы, и молнии пламень
Изображенья богов погубил. А еще там стояла
Статуя Марции — дикой кормилицы племени римлян,
Из своих полных сосцов животворною влагой питая
Маворса семья, младенцев, от бога рожденных.
Вместе с младенцами молнии страшным ударом
Сшиблена была волчица, остались на основаньи
Тогда следы от их ног...

I. 17. 30.

А этот ваш *lituus*, ваш жезл — славнейший знак вашего ав-гурского достоинства, каково его происхождение? Не им ли Ромул при основании города разметил линии [на небе]? Этот жезл Ромула (верхняя его часть несколько изогнута и искривлена, что придает ему некоторое сходство с рожком, в который трубят {*lituus*), от чего и произошло название жезла) был обнаружен в целостности и сохранности на том месте, где [некогда] была сгоревшая еще в древности курия Салиев, что на Палатине.

I. 47. 105.

...ни в тех пастухах, предводителем которых был Ромул, ни в самом Ромуле не могло быть такой хитрости, чтобы выдумать с целью обмана толпы подобие религии (*religionis simulacra*).

I. 48. 107–108.

А что касается ауспиций Ромула, то ведь это произошло, когда он был еще пастухом, до основания города. И вовсе они не были им придуманы применительно к предрассудкам невежественных, но были искусством, воспринятым от верных людей и переданным потомкам. Как это описано у Энния, Ромул, авгур, и брат его, тоже авгур, оба,

Много заботясь в то время о троне и сильно желая

Царствовать, знамений ищут они, указаний по птицам.
Вот предается гаданию Рем и один наблюдает,
Не полетит ли счастливая птица. Но Ромул прекрасный
На Авентинской горе стережет точно так же полет птиц.
Спор шел о том, как назвать город: Римом иль Ремором?
Всех занимало людей, кто из братьев царствовать будет.
Ждут. Точно так, когда консул хочет сигнал подать в цирке,
Смотрят все, полные жадного взора, на перегородки,
Как из ворот разноцветных появятся вдруг колесницы,
Так и теперь ждал народ и смотрел
с напряженным вниманьем,
Кто из двух братьев одержит победу и царствовать будет.
Между тем уже бледное солнце ушло в преисподнюю ночи,
Снова стал пробиваться блестящий луч солнца наружу.
Вдруг с высоты полетела со счастьем красивая птица
Слева; в то самое время явилось и солнце золотое.
Трижды четыре священных тел птичьих спускаются с неба;
К счастливым и благолепным местам они все устремились.
Видит из этого Ромул, что предпочтен он богами,
Царственный трон и земля по гаданью ему отдаются.

II. 20. 45.

Ты еще вспомнил о статуе Натты, об изображениях богов, об изваяниях Ромула и Рема вместе с их звериной кормилицей, о том, как они были перевернуты ударами молний и как в этих случаях гаруспики дали очень правильные ответы.

II. 21. 47.

Ромул, сосущий волчицу, перевернут ударом молнии; это — знак, что опасность грозит основанному Ромулом городу.

II. 33. 70.

И, однако, я уверен, что Ромул, закладывая свой город на основании ауспий, был того мнения, что для предвидения будущего есть такая наука авгурий.

II. 38. 80.

... Ромул и Рем оба были авгурами.

II. 47. 98.

А между тем наш друг Л. Тарутий Фирман, один из самых сведущих в халдейских расчетах, не поколебался составить гороскоп даже нашего города, основываясь на сроках празднования Парилий, в день которых, по преданию, Ромул основал наш город. Фирман утверждает, что Рим родился, когда Луна была в созвездии Весов, и он, не колеблясь, предсказал судьбы Рима.

(Перевод М. И. Рижского)

Зі. ЦИЦЕРОН «Тускуланские беседы»

I. 12. 28.

Вот почему соотечественники наши верят, что «Ромул живет меж богов в небесах», как сказал Энний вслед за общею молвой...

IV. 1. 1.

От самого основания Рима по царским указам и отчасти по законам в нем божественно были устроены гадания, церемонии, народные собрания, обращения к народу, советы старейшин, росписи всадников и пеших, и все военное дело в целом...

(Перевод М. Л. Гаспарова)

4. ВАРРОН, МАРК ТЕРЕНЦИЙ **(116-27 до н. э.)**

«О латинском языке»

V. 33.

Как установили наши общественные авгуры, имелось пять категорий земель: Римская, Габинская, чужеземная, неприятельская, неопределенная. Римская [земля] получила название от Ромула, от которого и Рим приобрел имя свое...

V. 41.

Этот холм (Капитолий. — М. Б.) прежде назывался Тарпейским от [имени] девы весталки Тарпеи, которую убили там щитами сабиняне и похоронили...

V. 46.

Первой частью Субурского района является холм Це-лий, [который так назван] от Целия Вибенны, прославленного этрусского вождя, который, как говорят, со своим войском пришел на помощь Ромулу, [воевавшему] против царя Тация.

V. 51.

Квиринальский холм [назван так], потому что там был храм Квирина. Согласно другим [он так назван] от Квиритов, которые прибыли вместе с Тацием из города Куры в Рим, потому что они там расположились лагерем.

V. 54.

Гермальское: пятое [святилище] около храма Ромула... Гермал [получил название] от братьев Ромула и Рема, ибо [находится] близ руминальской смоковницы, и они там были найдены, когда студеная вода Тибра перенесла их [в это место], брошенных в корытце.

V. 55.

Римская территория первоначально была разделена на три части, от которых названы трибы Тициев, Рамнов, Луцеров. Как утверждает Энний,

Тиции получили название от Тация, Рамны — от Ромула, Луцеры, как [говорит] Юний, — от Лукумона; но все эти слова этрусские, как сказал Вольний, что писал трагедии на этрусском языке.

V. 74.

И [те] алтари отдают (пахнут. — М. Б.) сабинским языком, которые по обету царя Тация были воздвигнуты в Риме: ведь, как сообщают анналы, он посвятил алтари Опе, Флоре, Ведиовису и Сатурну, Солнцу, Луне, Вулкану и Сумману, а также Ларунде, Термину, Квирину, Вортумну, ларам, Диане и Лунине...

V. 81.

Военные трибуны [так называются], потому что трое [мужей] из трех триб Рамнов, Луцеров и Тициев некогда были направлены в армию.

V. 85.

Содалы Тиции названы от птиц Тициевых, которых они во время известных авгурий обыкновенно наблюдают.

V. 89.

Солдаты (*Milites*) [так называются], потому что изначально легион состоял из трех тысяч (*milia*), и каждая из триб Тициев, Рамнов и Луцеров выделяла тысячу солдат.

V. 91.

[Слово] Турма (*turma*) — от *terima* (*E* превратилось в *U*), потому что ее составляли три (*ter*) десятка всадников из трех триб Тициев, Рамнов и Луцеров. Таким образом начальники отдельных декурий получили наименование декурионов, которых поэтому даже и теперь трое в каждой турме.

V. 149.

Пизон в «Анналах» пишет, что в Сабинскую войну, которая произошла между Ромулом и Тацием, отважнейший сабинский муж Меттий Курций, когда Ромул со своими людьми совершил нападение с возвышенности, отступил в болотистое место, которое тогда имелось на Форуме, до того, как были сделаны клоаки (крытые каналы для стока нечистот. — М. Б.), и возвратился оттуда к своим на Капитолий; от него озеро обрело свое имя (то есть Курциево озеро на Форуме. — М. Б.).

V. 152.

На Авентине есть [улица] Лавровой рощи, [названная] так оттого, что там был похоронен царь Таций, которого убили жители Лаврента...

V. 159.

Vicus Cyprius (Кипрская улица) [получила название] от [слова] «медь», потому что там поселились сабиняне, принятые в качестве граждан, которые назвали ее так в честь благого предзнаменования: на самом деле [слово] «медь» по-сабински [означает] «благо».

VI. 13.

Квириналии — от Квирина, потому что это праздник этого бога...

VI. 20.

Консуалии названы от Конса, ибо тогда существовали общественные празднества в честь этого бога и в Цирке у его алтаря жрецами [устраивались] игры в его честь, во время которых были захвачены девушки-сабинянки.

VI. 68.

Квириты [были названы] от куритов [жителей города Куры]; оттуда они пришли с царем Тацием, чтобы присоединиться к [Римскому] государству.

VIII. 18.

...от [имени] Ромула — [слово] «Рим», от [слова] «Рим» — [слово] «римлянин».

IX. 50.

Ошибаются те, кто говорят, что не существует аналогий, потому что от [имени] Ромула происходит [слово] Рим (*Roma*), а не *Rotula*...

(Перевод М. Е. Бондаренко)

4а. ВАРРОН «Сельское хозяйство»

I. 10. 2.

Два югера, которыми, говорят, Ромул первоначально наделил каждого и которые переходили по наследству, назвали «*heredium*».

II. 1. 9—10.

(9) И, наконец, разве Италия получила свое имя не от телят, как пишет Пизон? Кто скажет, что римский народ пошел не от пастухов? Кто не знает, что Фавстул, вскормивший и воспитавший Ромула и Рема, был пастухом? Кто не сообразит, что раз город основали они как раз в Парилии (21 апреля. — М. Б.), то и сами были пастухами? Не о том ли говорят и следующие факты: и сейчас еще, по старому установлению, пеня определяется в быках и овцах; древнейшая чеканная монета помечена изображением животных; (10) при основании города место будущих стен и ворот определяет линия, проведенная быком и коровой; очистительная жертва за римский народ — это *suovitaurlia*, когда вокруг обводят кабана, быка и барана; многие наши имена произведены от скота, крупного и мелкого: по мелкому названы Порций, Овиний, Каприлий; по крупному — Еквитий, Таврий, Азиний. Это же подтверждается и прозвищами: есть Линии Капры, Статилии Тавры, Помпони Витулы и множество других родов, прозванных по домашним животным.

II. 11. 5.

...смоковницу у святилища божественной Румины посадили пастухи. Там обычно приносят жертвы, но не вином и животными-сосунками, а молоком. Раньше вымя называли «*rumis*»...

(Перевод М. Е. Сергеенко)

5. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ (I век до н. э.)

«Историческая библиотека»

IV. 21. 1.

Пройдя через страну лигуров, а затем через страну тирренов, Геракл достиг реки Тибра и расположился станом там, где теперь находится город Рим. Этот город был основан много поколений спустя Ромулом, сыном Ареса, в те же времена часть туземных жителей обитала в совсем небольшом городе, расположенном в том месте, где сейчас находится Палатин.

VII. Фрагмент 5.

(1) <...> Итак, некоторые писатели ошибочно считают, что Рим основал Ромул, родившийся от дочери Энея. Это не соответствует истине, поскольку времена Энея и Ромула отделены друг от друга правлением многих царей, Рим же был основан во второй год седьмой олимпиады (751 до н. э. — М. Б.). Основание его таким образом имело место четыреста тридцать три года спустя после Троянской войны. <...> (12)...царство силой захватил его младший сын Амулий, воспользовавшись тем, что его старший и к тому же родной брат Нумитор находился в дальних землях. Амулий царствовал чуть более сорока трех лет и был убит Ромулом и Ремом, которые основали Рим.

VIII. Фрагменты.

2. Она (Рея Сильвия. — М. Б.) не имела ни дозволенной, ни тайной связи с мужчиной. Ведь никто не может быть столь безрассудным, чтобы предпочесть блаженство всей жизни кратковременному удовольствию.

3. Нумитор был лишен царской власти своим братом по имени Амулий, который стал царем Альбы. Обретя уже вопреки надеждам своих внуков Рема и Ромула, он составил заговор против родного брата с целью убить его. Так и произошло: призвав на помощь пастухов, они напали на царский дворец, прорвались через ворота и убили тех, кто оказывал сопротивление, а затем и самого Амулия.

4. (1) Брошенные [на произвол судьбы] [дети] со временем возмужали

и значительно выделялись среди [сверстников] красотой и силой. Поэтому они надежно охраняли все стада и легко отражали разбойников, убивая многих нападавших, а других захватывая живыми [в плен]. (2) Они не только проявляли рвение в этих делах, но и пользовались дружбой всех пастухов в округе, принимая участие в их сходках и выказывая непритязательность и общительность своего нрава всем, кто нуждался в них. Поэтому все видели в [братьях] свою защиту, причем большинство [народа] подчинялось им, исполняя их распоряжения и собираясь незамедлительно в указанных местах.

5. Когда при основании города Рем и Ромул обратились к гаданию по полету птиц и справа появилось [благоприятное] знамение, говорят, Рем воскликнул в изумлении и сказал брату, что в их городе благоприятная («правая») судьба часто будет способствовать неблагоприятным («неправым») начинаниям. Ведь, хотя [Ромул] поспешил послать вестника, совершив в отношении себя полное прегрешение, его неведение оказалось исправлено само по себе.

6. (1) Занимаясь строительством Рима, Ромул поспешил обнести Палатин ровом, чтобы никто из соседей не пытался помешать его замыслу. Рем же, тяжело переживая утрату первенства и завидуя успеху брата, подошел к рабочим и принялся оскорблять их. Он говорил, что ров [слишком] узок, и город не будет защищен, поскольку враги легко преодолеют [ров]. (2) Ромул разгневался и сказал: «Повелеваю всем гражданам оказывать сопротивление каждому, кто попытается преодолеть [ров]». А Рем, снова насмехаясь над рабочими, сказал, что они сооружают ров [слишком] узким: враги смогут без труда преодолеть его, да и ему самому это не составит никакого труда. С этими словами [Рем] перепрыгнул [через ров]. (3) Среди рабочих был некий Целер, который ответил: «А я, в соответствии с царским указом, окажу сопротивление тому, кто перепрыгнул [через ров]!». Сказав это, он поднял лопату, ударил Рема по голове и убил его.

(Перевод О. П. Цыбенко)

6. КОРНЕЛИЙ НЕПОТ **(около 99–24 до н. э.)**

«О знаменитых людях»

XXV. Тиш Помпоний Аттик. 20. 3.

Благодаря этой переписке Цезарь по совету Аттика распорядился восстановить храм Юпитера Феретрийского на Капитолии, основанный Ромулом, который вследствие ветхости и запустения медленно разрушался под дырявой крышей.

(Перевод Н. Н. Трухиной)

7. ВЕРГИЛИЙ, ПУБЛИЙ ВЕРГИЛИЙ МАРОН (70–19 до н. э.)

«Энеида»

I. 257–296 [речь Юпитера к Венере].

«Страх, Киферея, оставь: незыблемы судьбы троянцев.
Обетованные — верь — ты узришь Лавиния стены,
И до небесных светил высоко возвеличишь
Энея Великодушного ты. Мое неизменно решенье.
Ныне тебе предреку, — ведь забота эта терзает
Сердце твое, — и тайны судеб разверну пред тобою:
Долго сраженья вести он в Италии будет, и много
Сломит отважных племен, и законы и стены воздвигнет,
Третье лето доколь не узрит, как он Лацием правит,
Трижды зима не пройдет со дня, когда рутул смирится.
Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом отныне, —
Илом был он, пока Илионское царство стояло), —
Властвовать будет, доколь обращенье луны не отмерит
Тридцать великих кругов; перенесши из мест лавинийских
Царство, могуществом он возвысит Долгую Альбу.
В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти пребудет
Полных трижды сто лет, пока царевна и жрица
Илия двух близнецов не родит, зачатых от Марса.
После, шкурой седой волчицы-кормилицы гордый,
Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
Страх пред которой гнетет и море, и землю, и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея
Римлян, мира владык, облаченное тогою племя.
Так я решил. Года пролетят, и время настанет:
Род Ассарака тогда Микенами славными, Фтией
Будет владеть и в неволе держать побежденных аргивян.

Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской,
Власть ограничит свою Океаном, звездами — славу,
Юлий — он имя возьмет от великого имени Юла,
В небе ты примешь его, отягченного славной добычей
Стран восточных; ему воссылаться будут молитвы.
Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится,
С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста
Людям законы дадут; войны проклятые двери
Прочно железо замкнет; внутри нечестивая ярость,
Связана сотней узлов, восседая на груди оружия,
Станет страшно роптать, свирепая, с пастью кровавой».

VI. 777–780 [речь Анхиза к Энею в подземном царстве].

Вот и тот, кто навек прародителя спутником станет,
Ромул, рожденный в роду Ассарака от Марса и жрицы
Илии. Видишь, двойной на шлеме высится гребень?
Марс-родитель его отличил почетной приметой!

VII. 709.

...когда уделил место в Риме сабинянам Ромул.

VIII. 342–344.

Рощу царь показал, которой Убежища имя
Ромул дарует опять, и под камнем холодным Луперкал
(Имя дано ему в честь паррасийского Пана-Лицея)...

VIII 626–641 [об изображениях на щите Энея].

Бог огнемощный на нем италийцев и римлян деянья
Выковал сам, прорицаний не чужд и грядущее зная:
Был там Аскания род до самых далеких потомков,
Были и все чередой сраженья грядущих столетий,
Вот волчица лежит в зеленой Марса пещере
Щенная; возле сосцов у нее играют без страха
Мальчики — два близнеца — и сосут молоко у мохнатой
Матери; нежно она языком их лижет шершавым,
Голову к ним повернув, и телам их расти помогает.

Рядом виден и Рим и цирк, где похищены были
В пору Великих игр беззаконно сабинские девы,
Из-за которых войной на дружину Ромула тотчас
Старец Татий пошел, властитель Курий суровых.
Тут же оба царя, прекратив сраженье, стояли
С чашами пред алтарем и, союз народов скрепляя,
Вместе они приносили свинью Юпитеру в жертву...

(Перевод С. А. Ошерова)

8. ГОРАЦИЙ, КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК (65-8 до н. э.)

«Оды»

I. 2. 13–20.

Так и нынче: прочь от берегов этрусских
Желтый Тибр, назад повернувши волны,
Шел дворец царя сокрушить и Весты
Храм заповедный,

Риму мстить грозя за печаль супруги,
Впавшей в скорбь, — хоть сам не велел Юпитер —
Волны мчал он, брег затопля левый,
Илии верен.

(Перевод Н. С. Гинцбурга)

III. 3. 15–36.

...так и Ромул
Орка избегнул на конях Марса,

Когда Юнона радость рекла богам,
Совет державшим: «Трою державную
Повергнул в прах судья преступный
Вместе с женой, из-за моря плившей, —

Град, обреченный мной и Минервою
С тех пор, как не дал Лаомедонт богам
Награды должной, — обреченный
Вместе с народом, с вождем лукавым.

Уже не блещет ныне бесславный гость
Лаконки блудной; клятвопреступный род

Приама, Гектором могучий,
Греков уже не разит отважных.

Войне, раздором нашим затянутой,
Конец положен. Гнев мой и ненависть
Сложив, я милую для Марса
Внука, который рожден мне жрицей

В дому троянском; в светлый чертог ему
Вступить дозволю; нектара сок вкушать
И приобщить его отныне
К сонмам блаженных богов дозволю...»

(Перевод Н. С. Гинцбурга)

8а. ГОРАЦИЙ «Эподы»

7. 17–20.

Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинного,
Кровь, правнуков заклившая.

16. 13–14.

Кости Квирина, что век не знали ни ветра, ни солнца,
О, ужас! будут дерзостно разметаны...

(Перевод А. П. Семенова-Тян-Шанского)

8б. ГОРАЦИЙ «Послания»

II. 1. 5–6.

Ромул, и Либер-отец, и Кастор с братом Поллуксом,
Те, что в храмах к богам за то причислены были...

II. 1. 24–25.

...царей договоры
С общиной Габиев или сабинян суровых...

(Перевод Н. С. Гинцбурга)

9. ТИБУЛЛ, АЛЬБИЙ (около 55–19 до н. э.)

«Элегии»

II. 5. 23–56.

Ромул еще не сложил те стены вечного града,
Где поселиться не смог вместе с ним брат его Рем.
На Палатине паслись, заросшем травой, коровы,
И покрывали ряды хижин Юпитеров холм,
Пан, окроплен молоком, стоял там под каменным дубом,
Палес из древа была грубым ножом создана,
Там кочевой пастух, на ветвях свой дар помещая,
Богу лесному в обет звонкую вешал свирель.
Этой свирели лады из тростинок составлены разных,
Воском спаян их ряд — от головной до меньшей.
Там же, где ныне лежит равнина Велабра, бывало
Лодочка малая шла по неглубокой воде;
Эта дорога несла в угоду хозяину стада,
Юноше с толстой сумой — девушку в праздничный день,
И возвращались с ней дары изобильной деревни —
Сыр и барашек молодой от белоснежной овцы.
«Неутомимый Эней, Амура крылатого братец!
Ты, что на беглых челнах Трои святыни везешь,
Вот уж Юпитер тебе указывает лаврентские земли,
Ларов-скитальцев зовет гостеприимный приют.
Там небеса обретешь, когда Нумиция волны,
Как Индигета, тебя к сонму богов вознесут.
Вот уж Победа летит над кормой кораблей утомленных,
Слышат троянцы твои гордой богини привет.
Вот уж пожаром блестит пылающий лагерь рутулов:
Я предрекаю, о Турн, близкую гибель твою!
Лагерь Лаврента я зрю, предо мною Лавиния стены,
Долгую Альбу — оплот вижу Аскания я,
Или я, вижу тебя, о жрица, любезная Марсу,

Вижу, как бросила ты Весты святой алтари,
Тайный брак завершен, упали девичьи повязки,
Страстного бога доспех на побережье забыт.
Траву щипите, быки, пока можно, на всем семигорье,
Скоро на этих лугах мощный воздвигнется град...

(Перевод Л. Е. Остроумова)

10. ПРОПЕРЦИЙ, СЕКСТ **(около 50–15 до н. э.)**

«Элегии»

II. 6. 19–22.

Что мне примеров искать у греков? Ты вождь преступлений,
Ромул, — вскормили тебя хищной волчицы сосцы.
Ты научил, как украсть безнаказанно чистых сабинок;
Из-за тебя в наши дни в Риме беспутен Амур.

III. 9. 49–51.

Или как римлян быки паслись на холме Палатинском,
Стены могу описать — гибелью Рем их скрепил, —
Или царей-близнецов, вскормленных грудью волчицы...

IV. 1. 1–56.

Странник, смотри: этот Рим, что раскинулся здесь перед
нами,
Был до Энея холмом, густо поросшим травой.
На Палатине, где храм возвышается Феба Морского,
Прежде изгнанник Эвандр пас лишь коров да быков.
Не воздвигались тогда, как теперь, золоченые храмы:
Было не стыдно богам глиняным в хижинах жить.
С голых утесов скалы гремел Тарпейский Юпитер,
И водопоем скоту Тибр-чужестранец служил.
Где на подъеме горы стоит дом Рема, когда-то
Общий для братьев очаг был и державою их.
Где заседает сенат в окаймленных пурпуром тогах,
Там собирався старшин попросту, в шкурах, совет.
Сельский рожок созывал на сходку древних квиритов,
Сотня их всех на лугу и составляла сенат.
Не волновались еще над изгибом театра завесы,

Не орошал в старину сцену душистый шафран.
Не было нужды искать никому богов иноземных,
Раз трепетала толпа перед святыней отцов,
Иль ежегодно справлять Палилии, сено сжигая,
Вместо чего в наши дни куцего режут коня.
Скромная Веста была венчанному ослику рада,
Скудные жертвы везли, тощих впрягая коров,
Кровью жирной свиньи перекрестки тропинок святили,
Печень овцы под свирель в жертву пастух приносил.
В шкуре козлиной хлестал всех плетью ременной пахарь:
Священнодействует так Фабий Луперк и теперь.
Грубый боец не блистал, врагов устрашая, доспехом:
Все обожженным дубьем попросту бились тогда.
В шапке волчьей Лукмон впервые лагерь устроил,
Татию больше хлопот было тогда средь овец.
Титии следом пошли, Солонийские Луцеры, Рамны,
Белых коней четверню Ромул отсюда погнал.
Город был мал и вдали подгородные были Бовиллы,
В Габиях, жалких теперь, густо толпился народ,
Имя по белой свинье получившая, высилась Альба,
Даже и путь до Фиден долгим казался тогда.
Римляне имя свое получили от города Рима,
Но не стыдятся они крови волчицы своей.
Счастье, что ты привела сюда своих, Троя, Пенатов:
Видно, дарданский корабль вещая птица вела!
Было приметой благой уже то, что его не разрушил
Конь из еловых досок, чрево раскрывший свое
В час, как на шее повис у сына дрожащий родитель
И остерегся огонь плечи сыновние жечь.
Деция дух возник, вознеслись и Брута секиры,
Меч Венера сама Цезарю здесь подала,
В гордой победе неся воскресающей Трои доспехи:
Древле богов твоих, Юл, к счастью земля приняла,
Если треножник вещал смятенной авернской сивиллы,
Что авентинский Рем жертвой искупит поля,
Если гласили слова пергамской пророчицы внятно,
Позднюю правду неся древней Приама главе:
«Бросьте, данайцы, коня! Не к добру вам победа: Юпитер
Вновь Илион воскресит, пеплу оружие даст».

Марса волчица, о ты, кормилица лучшая Рима,
Дивные стены выросли от твоего молока!

IV. 2. 49–52.

Ты же, о Рим, ты и сам присудил моим тускам награду:
Целая улица здесь Тусской зовется поднесь
С давней поры, как пришел Ликомед с дружиной союзной,
Лютого Татия строй, войско сабинов разбил.

IV. 4.

Буду тарпейскую сень и могилу Тарпеи презренной
Петь и захваченный в плен древний Юпитера храм.
В роще тенистой была плющом сокрыта пещера,
Там, где плеск родников с шумом сливался дубрав, —
Тихий Сильвана приют, куда овец зазывала
Часто в полуденный зной ласковым звоном свирель.
Татий источники те обнес частоколом кленовым
И, наваливши земли, лагерь надежный возвел.
Чем в эту пору был Рим, когда рядом Юпитера скалы
Звучком протяжным своей дудки курет оглашал?
Там, где диктуют теперь областям покоренным законы,
Римскую площадь копьем воин сабинский стерег.
Горы служили стеной; где теперь сенат и комиций,
Там из источника пил некогда конь боевой.
Воду богине брала отсюда Тарпея; но деве
Голову обременял глиняный тяжко кувшин.
Разве довольно одной было смерти для девы преступной,
Что захотела твои, Веста, огни осквернить?
Татий пред ней гарцевал на поле песчаном, красуясь
Пестрым оружием, припав к холке буланой коня.
Так поразил ее вид и царя и царских доспехов,
Что опустила она руки и выпал кувшин.
Часто винила она напрасно Луну за предвестья
И говорила: «Иду волосы в речке омыть»;
Часто носила благим серебристым лилии нимфам,
Чтоб не пронзили лицо Татия римским копьем,
И возвращалась в туман Капитолия с дымом вечерним,

Руки себе изодрав на ежевичных шипах,
И на Тарпейской скале о ранах своих сокрушалась,
Ранах, которых простить близкий Юпитер не мог.
«Лагеря дальний огонь, и Татия в поле палатки,
И покоривший мне взор чудный сабинский доспех, —
О, если б пленницей мне остаться у ваших пенатов,
Пленницей, но моего Татия видеть лицо!
Римские горы, и Рим на их вершинах, и Веста,
Та, что позором моим будешь покрыта, — прости!
В лагерь пусть мчит мою страсть тот конь, которому Татий
Собственноручно всегда гриву направо кладет.
Диво ль, что Скилла волос отца своего не щадила
И превратились в собак белые чресла ее?
Диво ль, что предан был брат с головою рогатого зверя
В день, когда долгая нить путь указала во тьме?
Что за великий позор Авзонийским я девам готовлю,
Грешная дева, чей долг — девственный пламень блюсти!
Если кого поразит, что угасли огни пред Палладой,
Пусть он простит: алтари залили слезы мои.
Завтра, как слухи идут, весь город охватит сраженье;
Ты ж опасайся всегда терний росистых горы.
Скользок, увы, этот путь и коварен: на всем протяженьи
Он под коварной тропой скрытые воды таит.
О, если б ведала я заклятья магической музыки,
В помощь, красавец, тебе были бы эти слова!
Шитая тога к лицу — тебе, не тому, кто позорно
Не материнскую грудь — вымя волчицы сосал.
Гость мой, царицею я рожать при дворе твоём стану —
Выйдет приданным честным мной тебе преданный Рим.
Если же нет — не покинь без отмщенья сабинянок пленных:
Ныне похитить и меня, мерой за меру воздав.
Сомкнутый строй я разрушить могу: а вы, о супруги,
Вы заключите союз с помощью паллы моей.
Музыкой грянь, Гименей: трубач, не труби ты так грозно:
Брачное ложе мое, верьте, сраженья уймет.
Вот уж четвертый рожок возвещает зари приближенье,
Вот и созвездья, склонясь, тихо скользят в Океан.
Я попытаюсь уснуть, о тебе я ищу сновидений:
Ты перед взором моим благостной тенью предстань».

Молвила — и предала тревожному сну свое тело,
Не сознавая, увы, новых безумий во сне:
Ибо бессменный страж пепелища троянского — Веста
Множит вину и своим факелом кости ей жжет.
Так, как стримонка бежит, что возле струй Термодонта,
Платье свое изорвав, с грудью несется нагой.
Праздник в городе был (Палилии назван у предков,
С этого первого дня начали стены расти):
У пастухов годовые пиры, по городу игры,
Сладкой едой и питьем сельские полны столы,
Через лежащие врозь охапки зажженного сена
Пьяная скачет толпа, ноги измазав в грязи.
Ромул в ту ночь приказал распустить всю стражу на отдых,
В лагере всем тишина, грозные трубы молчат.
Время пришло для встречи с врагом, — решила Тарпея.
И, заключив договор, стала ему помогать.
Трудно подняться на холм, но был он в праздник безлюден:
Меч ее быстрый разит звонкоголосых собак.
Все погрузилось в сон, не дремал, однако, Юпитер,
Чтобы тебя покарать за преступленье твое.
Стражу ворот предала и спавшую мирно отчизну:
Брака желанного день требует ей указать.
Татий же (ибо и враг не воздал измене почета)
«Вот, — говорит он, — тебе царское ложе: взойди».
Так он сказал, и ее завалила оружием свита:
Вот тебе свадебный дар, дева, за службу твою!
Имя Тарпей-вождя у нас гора получила:
Не по заслугам твоим названа эта гора!

IV. 6. 43–44.

Если защиты не дашь, то Ромул, воздвигнувший стены,
Встарь увидал не к добру птиц палатинских полет.

IV. 10. 1–22.

Ныне открою, как стал Феретрием зваться Юпитер,
Вспомню тройной доспех, снятый с трех славных вождей.
Путь мне крутой предстоит, но слава меня вдохновляет:

Много ли чести стяжать лавр на отлогих холмах?
Сам ты нам подал пример такой победы, о Ромул,
С поля вернувшийся к нам в полном доспехе врага
В день, когда бравшего град Акронта Ценинского сверг ты,
Острым копьем поразив всадника вместе с конем.
Был геркулесов Акронт, властитель Ценинской твердыни,
Страшной грозой, о Рим, древних твоих рубежей.
Он, возомнивши сорвать оружие с плеч у Квирина,
Собственный отдал доспех, кровью его обагрив.
Видит врага в тот миг, как пред башней копье он подьмет,
Ромул, заклятьем своим предупреждает его:
«Жертвой да ляжет Акронт пред тобою, Юпитер, сегодня!»
Молит он жарко — и враг жертвой Юпитеру лег.
Града и брани отец, он крепко с победою свыкся,
Жар он и холод сносил, не укрываясь в шатер.
Он и скакал на коне, и плугом владел он искусно,
Волчий взъерошенный шлем на голове он носил.
Щит не расписанным был, не украшен был золотом с медью,
Перевязь он заменил жесткою кожей быка...

(Перевод Л. Е. Остроумова)

11. ВИТРУВИЙ, МАРК ВИТРУВИЙ ПОЛЛИОН **(I век до н. э.)**

«Об архитектуре»

II. 1. 5.

Также и на Капитолии может напомнить и дать понятие о древних обычаях хижина Ромула, а в крепости — соломенные крыши святилищ.

(Перевод Ф. А. Петровского)

12. ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ **(около 69 (55) — около 7 до н. э.)**

«Римские древности»

I. 71. 5

Когда же Амулий был свергнут Ромулом и Ромом, родившимися от священной девы, как вскоре будет сказано, то власть по закону вернулась к Нумитору, деду этих юношей по матери. А в следующем году правления Нумитора и на четыреста тридцать второй год после взятия Илиона альбанцы, выслав колонистов под водительством Ромула и Рома, основывают Рим в первый год седьмой Олимпиады (то есть в 752 до н. э. — М. Б.)...

I. 76 — II. 56.

См.: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности: В 3 т. / Пер. с др. — греч. колл, авт.; отв. ред. И. Л. Маяк. М., 2005. Т. 1. С. 72–125.

II. 57. 1

...включенные в сенат Ромулом из патрициев, числом двести, как я говорил, были распределены по декуриям.

II. 62. 1–2.

(1)...вся та часть альбанцев, которая выселилась в колонию вместе с Ромулом, считала себя вправе диктовать решения и получать величайшие из почестей, а также принимать услуги от пришельцев. (2) Те же из поселенцев, кто был позднее записан в патриции, полагали, что им не пристало лишаться почести и находиться в худшем положении по сравнению с первыми. В частности, все, кто был родом из племени сабинян, считали, что, согласно договору, заключенному Ромулом с Тацием, они получали гражданство на равных с древними поселенцами и им предоставят те же самые блага, что и первым.

II. 63. 3–4.

(3) И самого Ромула, как явившего величие свыше смертной природы, он постановил почитать под именем Квирина возведением храма и

ежегодными жертвоприношениями. Ведь когда римляне не ведали, произошло ли его исчезновение по божественному промыслу или по злomu умыслу людей, некто по имени Юлий, потомок Аскания, земледелец и муж непорочной жизни, который ни в чем не солгал бы ради своей выгоды, явившись на Форум, возвестил, что когда он возвращался с поля, то видел, как Ромул удаляется из города в полном вооружении, и когда тот проходил мимо, Юлий услышал следующие слова. (4) «Возвести от меня римлянам, Юлий, что гений, от которого я получил судьбу рождения, возводит меня, завершившего смертный век, в сонм богов; я — Квирин».

II. 65. 1–4.

(1) Как бы то ни было, некоторые из неискушенных писателей приписывают сооружение храма Весты Ромулу, считая невозможным (ибо город был основан мужем, достаточно опытным в пророчествах), чтобы он не построил сначала общий очаг полиса, тем более что основатель был воспитан в Альбе, где с давних времен был возведен ее храм и его мать была жрицей Весты; а те, кто разделяет священнодействия в ее честь на два вида — одни совершаются публично за государственные дела, а другие — частным порядком за домашние дела, — говорят, что Ромул испытывал сердечную необходимость в том, чтобы почитать эту богиню обоими видами священнодействий. (2) В самом деле, для людей нет ничего более насущного, чем общий очаг, и для Ромула, когда он начинал, в соответствии с унаследованными им традициями рода, это ближе всего касалось его, ибо его предки принесли с собой святыни из Илиона, причем мать его была жрицей. И потому-то представляется, что приписывающие сооружение святилища скорее Ромулу, чем Нуме, вообще-то говорят правильно, ведь когда город заселялся, сначала надо было установить очаг и притом человеком, опытным в божественной мудрости; что же касается сооружения нынешнего храма и прислуживающих богине дев, то этого они не знают. (3) Ведь и не в том месте, в котором сейчас охраняется священный огонь, Ромул почтил богиню (безусловное доказательство чего в том, что оно находится снаружи так называемого Квадратного Рима, который он обнес стеной; но святилища для общего очага все воздвигают в наиболее укрепленном месте города и никто — вне стен). Ромул не установил служения богине с помощью дев, так как, по-моему, он помнил о страданиях матери, которая, будучи служанкой богини, потеряла девственность, так что из-за воспоминаний о собственных горестях он будет лишен возможности наказать по отечественным законам какую-нибудь из жриц, если обнаружит ее погубленной. (4) Поэтому

действительно Ромул не устанавливал общего святилища Весты и не назначал ей жрицами дев, но, сложив в каждой из тридцати куриий очаг, у которого приносили жертвы члены куриий, он сделал жрецами глав куриий, подражая обычаям эллинов, которые еще существуют в древнейших из полисов.

(Перевод И. Л. Маяк)

III. 1. 2.

Некий муж благородного происхождения и богатый, по имени Гостилий, перебравшись жить в Рим из города Медуллии, что был основан альбанцами, а Ромул, взяв этот город по договору, превратил в колонию римлян, берет в жены женщину из сабинского рода, дочь Герсилия, избранную в свое время соплеменницами умолять отцов за мужей во время войны сабинян с римлянами. Как считали, именно дочь Герсилия поспособствовала тому, чтобы между предводителями установились дружественные отношения.

III. 1. 4.

Цари до него имели обширный и плодородный участок земли, выделенный в их пользование, с доходов от которого они устраивали шествия и жертвоприношения богам и получали в изобилии все, что требовалось для своей частной жизни. Этот участок учредил Ромул, отобрав землю в результате войны у прежних владельцев, а когда сам скончался бездетным, землей стал пользоваться Нума Помпилий, воцарившийся после него. И этот участок не был общественной собственностью, а постоянным наделом царей.

III. 3. 1.

Ведь между общинами действовали утвержденные при Ромуле договоры (речь идет о договорах Рима с Альба-Лонгой. — М. Б.), которые содержали различные справедливые условия — в том числе и то, чтобы ни один из городов не начинал войны...

III. 61. 3.

Однако же не все соглашаются с теми, кто говорит так, но утверждают, что обычай нести перед царем двенадцать секир древнее правления Тарквиния, и что установил его Ромул сразу же, когда принял на себя

власть. Но ничто не препятствует тому, что это — изобретение тирренов и что впервые перенял его применение у них Ромул...

III. 71. 5.

...перед Курией близ священной смоковницы.

(Перевод Н. Г. Майоровой)

XIV. 2. 2(5).

И в Риме была полностью сожжена вместе с окружающими домами некая посвященная Марсу хижина, сооруженная рядом с вершиной Палатина. Но, когда очищали пожарище под новое строительство, в середине горячего пепла там сохранился невредимым символ основания города — палка, загнутая с одного конца, нечто вроде тех, что носят волопасы и пастухи, одни называя их калавропами, а другие — лагоболами. Ромул, гадая по птицам, размечал ею пространство для предзнаменований, когда готовился основать город.

(Перевод А. М. Сморгкова)

13. ТИТ ЛИВИЙ

(59 до н. э.-17 н. э.)

«История Рима от основания города»

I. 3. 10–16. 8.

См.: *Тит Ливий*. История Рима от основания города: В 3 т. / Пер. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин; отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1989–1993. Т. 1. С. 12–25.

I. 18. 6.

Приглашенный в Рим, он (Нума Помпилий. — М. Б.), следуя примеру Ромула, который принял царскую власть, испытал птицегаданием волю богов касательно основания города, повелел и о себе воспросить богов.

I. 21. 6.

Так два царя сряду, каждый по-своему — один войною, другой миром, возвеличили Рим. Ромул царствовал тридцать семь лет, Нума — сорок три года.

I. 36. 2–3.

...к Рамнам, Тициям и Луцерам — центуриям, которые были учреждены Ромулом, — добавить новые, сохранив их на будущее памятником Тарквиниева имени. Атак как Ромул учредил центурии по совершении птицегадания...

1. 43. 9—10

Еще он (Сервий Туллий. — М. Б.) образовал шесть других центурий, взамен трех, учрежденных Ромулом, и под теми же освященными птицегаданием именами. <...>

Все эти тяготы были с бедных переложены на богатых. Зато большим стал и почет. Ибо не поголовно, не всем без разбора (как то повелось от Ромула и сохранялось при прочих царях) было дано равное право голоса и не все голоса имели равную силу, но были установлены степени, чтобы и никто не казался исключенным из голосованья, и вся сила находилась бы у виднейших людей государства.

I. 49. 1.

...Ромул исчез тоже без погребенья.

I. 55. 2.

И, чтобы отведенный участок был свободен от святынь других богов и всецело принадлежал Юпитеру и его строившемуся храму, царь постановил снять освящение с нескольких храмов и жертвенников, находившихся там со времен царя Тация, который даровал их богам и освятил во исполнение обета, данного им в опаснейший миг битвы с Ромулом.

(Перевод В. М. Смирин)

IV. 4. 2.

Ни понтификов, ни авгуров при Ромуле не было — учредил их Нума Помпилий.

(Перевод Г. Ч. Гусейнова)

V. 53. 8.

...знаменитая лачуга зиждителя нашего.

(Перевод С. А. Иванова)

X. 6, 7.

...свой авгур был у каждой из трех древних триб — Рамнов, Титиев и Луцеров.

X. 37. 15–16.

...именно в этом сражении дан был обет о храме Юпитеру Становителю; этот обет еще ранее дан был Ромулом, однако тогда выделен был только священный участок, то есть место, освященное для храма, и только в этом году сенат из богобояз-ни повелел все-таки выстроить храм, ибо государство уже вторично было связано одним и тем же обетом (в 294 до н. э., по обету консула Марка Атилия Регула в битве под Луцерией. — М.

Б.).

(Перевод Н. В. Брагинской)

XXXIV 5. 8.

Я призыву в свидетельство против тебя, Катон, твои же «Начала». Посмотри, сколько раз женщины так поступали и всегда ради общего блага. Еще в царствование Ромула, когда сабиняне овладели уже Капитолием, завязали сражение за форум и бой шел уже там, разве не женщины остановили кровопролитие? Не они разве бросились между сражающимися?

(Перевод Г. С. Кнабе)

14. ОВИДИЙ, ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН **(43 до н. э. — 17 н. э.)**

«Любовные элегии»

III. 4. 37–40.

Подлинно тот простоват, кто измен не выносит подруги,
И недостаточно он с нравами Рима знаком.
Ведь при начале его — незаконные Марсовы дети:
Илией Ромул рожден, тою же Илией — Рем.

(Перевод С. В. Шервинского)

14а. ОВИДИЙ «Наука любви»

I. 101–132.

Ромул, это ведь ты был первым смутителем зрелищ,
Рати своей холостой милых сабинянок дав!
Не нависали тогда покрывала над мраморным склоном,
А на подмостки внизу рыжий не брызгал шафран, —
Сценою был безыскусный развал наломанных сучьев
И густолистных ветвей из палатинских дубрав,
А для народа кругом тянулись дерновые скамьи,
И заслоняла листва зной от косматых голов.
Каждый глазами себе выбирает желанную деву,
Каждый в сердце своем страстью безмолвной кипит.
Вот неумелый напев из этрусской дуды вылетает,
Вот пускается в пляс, трижды притопнув, плясун, —
И под ликующий плеск еще неискусных ладоней
Юношам царь подает знак к похищению жен.
Все срываются с мест, нетерпенье криками выдав,
Каждый добычу свою жадной хватает рукой.
Словно голубки от клюва орла летят врассыпную,

Словно овечка бежит, хищных завидя волков,
Так под напором мужчин задрожали сабинские девы:
Схлынул румянец с лица, трепет объемлет тела.
Страх одинаков во всех, но у каждой по-своему виден:
Эта волосы рвет, эта упала без сил,
Эта в слезах, но молчит, эта мать призывает, но тщетно,
Эта нема, эта в крик, та цепенеет, та в бег.
Вот их ведут чередой, добычу любовного ложа,
И от испуга в лице многие даже милей.
Если иная из них отбивалась от властного друга —
Он на руках ее нес, к жаркому сердцу прижав,
Он говорил: «Не порти очей проливными слезами!
Чем для отца твоя мать, будешь и ты для меня».
Ромул, ты для бойцов наилучшую добыл награду;
Дай такую и мне — тотчас пойду воевать!

(Перевод М. Л. Гаспарова)

14b. ОВИДИЙ «Фасты»

I. 27–42, 197–208, 259–276; II. 127–144, 359–452, 475–512; III. 9–78, 97–98, 127–134, 179–234, 429–434; IV. 19–64, 801–858; V. 57–78, 149–152, 451–484; VI. 83–88, 93–96 791–794, 795–796.

См.: Овидий. Фасты Пер. с лат. Ф. А. Петровского / Овидий Назон, Публий. Элегии и малые поэмы / Сост. и предисл. М. Гаспарова; коммент. и ред. пер. М. Гаспарова и С. Ошерова. М., 1973. С. 235–372.

14c. ОВИДИЙ «Метаморфозы»

XIV. 772–851.

Воин Амулий потом авсонийскою правил страну,
Прав не имея на то, и Нумитору-старцу вернули
Внуки державу его. Был в праздник Палилий заложен
Град укрепленный. Но с ним старшины сабинов и Таций
Начали брань; и, в крепость открыв им доступ,
Тарпейя Должную казнь приняла, раздавлена грудой оружия.

Курий сабинских сыны меж тем, как стихшие волки,
Голос зажали в устах, и готовы напасть на заснувших
Крепко людей, и стремятся к вратам, которые запер
Наглухо сам Илиад (Ромул. — М. Б.).
Одни лишь врата отомкнула
Дочь Сатурна и их повернула бесшумно на петлях.
Только Венера одна услышала движенье засова.
Створу закрыла б она, да только богам невозможно
Дело богов пресекать. Близ Яна местами владели
Нимфы Авсонии, ток населяя ключа ледяного.
Их попросили помочь. Справедливой богининой просьбе
Нимфы не внять не могли. Потока подземные воды
Вывели тотчас из недр. Но ворота открытые Яна
Были доступны еще, загражден путь не был водою.
Вот под обильный родник подложили они желтоватой
Серы и в жилах пустых дымящий битум запалили.
Силой обоих веществ проникает в глубины истоков Пар.
Дерзавшие в спор вступить с альпийскою стужей,
Самому пламени вы теперь не уступите, воды!
Возле обеих дверей огненосные брызги дымятся.
Вот ворота, что не впрок для суровых доступны сабинов,
Новым ручьем преграждаются. В бой успевают собраться
Воины спавшие; их на сражение Ромул предводит.
Римская вскоре земля телами покрылась сабинов,
Также телами своих; и с кровью свежую зятя
Тестя горячую кровь смешал тут меч нечестивый.
Все же они предпочли брань миром окончить и спора
Лучше мечом не решать, и стал содержавствовать Таций.
После кончины его ты, Ромул, обоим народам
Равно законы давал, и Марс, свой шлем отлагая,
С речью такой обратился к отцу и бессмертных и смертных:
«Время, родитель, пришло, — поскольку на твердой основе
Римское дело стоит, от вождя одного не завися, —
Те обещанья, что мне ты давал и достойному внуку,
Выполнить и, от земли унеся, поместить его в небе!
Ты мне когда-то сказал при соборе Бессмертных, — я это
Помню, в памяти я словеса сохраняю святые! —
Будет один: его вознесешь к лазурям небесным.
Так ты сказал, и твои да исполнятся ныне вещанья!»

И Всемогущий кивнул и черными тучами небо
Скрыл, и от грома его и от молний был ужас во Граде.
Знаменье в этом признав, что дано ему сына похитить,
На колесницу взошел, опершись на копье, и кровавым
Дышлом коней тяготя, погнал их, бичом ударяя,
Неустрашимый Градив и, скоро спустясь по простору,
Остановил и сошел на лесистом холме Палатинском.
Перед народом своим отправлявшего суд государев
Он Илиада унес. В дуновеньях воздушных распалось
Смертное тело его, — так, мощною брошен пращею,
Обыкновенно свинец распадается в небе далёко.
Вид он прекрасный обрел, достойнейший трапез высоких, —
В новом он облике стал трабею носящим Квирином.
Видя, как, мужалишась, Герсилия плачет, Юнона
Тотчас Ириде своей по дуге семицветной спуститься
К ней, одинокой, велит и такие слова передать ей:
«О латинского ты и сабинского племени слава,
Жен всех лучше жена! Достойная раньше такого
Мужа, супругой теперь достойная зваться Квирина,
Слезы свои осуши! И если хочешь супруга
Видеть, за мною иди, к той роще, одевшей Квиринов
Холм, которую храм царя затеняется римлян!»
Повиновалась и, вниз по радуге снидя на землю,
Эту, как велено, речь Герсии молвит Ирида.
Та застыдилась; едва подымая глаза, говорит ей:
«Ты, о богиня! Твое неизвестно мне имя, однако
Вижу богиню в тебе! — о, веди, о, веди и супруга
Взору яви моему! Коль судьбы даруют один лишь
Раз мне увидеть его, примирюсь, что взят он на небо!»
Сказано — сделано. Вот взошли с Тавмантестой Девой
Вместе на Ромулов холм. И вдруг перед ними на землю
С неба упала звезда. От света ее загоревшись,
С тою звездою взвились у Герсии волосы в небо.
В руки, знакомые ей, там принял жену основатель
Римского града, сменил он и тело ее и прозвание:
Горою стал величать, споклоняемой богу Квирину.

...Или как Ромул, — когда увидал он копье, что торчало
На Палатинском холме, покрывшемся сразу листвою;
Что не железным оно острием, а корнями вцепилось,
Что не оружие уже, но дерево с гибкой лозою
Эту нежданную тень доставляет дивящимся людям...

(Перевод С. В. Шервинского)

15. СТРАБОН

(около 64 до н. э. — около 24 н. э.)

«География»

V.3.2.

...Спустя 400 лет рассказывают отчасти мифические, отчасти более достоверные истории об Амоллии и его брате Нуми-торе. Оба брата получили власть над Альбой, простиравшейся до Тибра, от потомков Аскания. Однако младший брат Амоллий отстранил старшего и стал править единолично. У Нумитора были сын и дочь. Амоллий изменнически убил сына на охоте, а дочь сделал жрицей Весты, чтобы она, храня вечную девственность, осталась бездетной. Ее называют Реей Сильвией. Затем, обнаружив, что она лишилась невинности, так как у нее родились близнецы, царь в угоду брату велел заключить ее в темницу, вместо того чтобы убить молодую женщину, а близнецов по отцовскому обычаю выбросить на берег Тибра. Миф утверждает, что дети родились от Ареса и что люди видели, как их, выброшенных на берег, кормила волчица. Некий Фаустул, один из окрестных свинопасов, взял их якобы к себе на воспитание (нужно думать, что это был человек знатный, один из подвластных Амоллия, который взялся воспитывать детей); одного из близнецов он назвал Ромулом, другого — Ромом. Возмужав, они напали на Амоллия и его сыновей. После гибели последних власть перешла к Нумитору, а братья-близнецы возвратились домой и основали Рим в местности, определенной не столько выбором, сколько необходимостью. Действительно, эта местность не была от природы хорошо защищена, и в окрестностях не было столько годной земли, сколько нужно для города, и даже не хватало населения, которое могло бы там жить. Ведь обитавшие там люди жили сами по себе (хотя их территория почти что касалась стен строящегося города) и не особенно заботились об албанцах. Это были Коллация, Антемны, Фидены, Лабик и другие, тогда маленькие [албанские] городки, а теперь селения или владения частных граждан в 30 стадиях или немного больше от Рима. Во всяком случае между 5-м и 6-м камнем, обозначающим мили от Рима, находится местность под названием Фесты. Эту последнюю считают границей тогдашней римской области. Здесь и в некоторых других местах, как в бывших пограничных пунктах, в один и тот

же день жрецы совершают жертвоприношение, которое называется «Амбарвия». Во время основания города между братьями возникла ссора, причем Рем, как говорят, был убит. Закончив постройку города, Ромул стал туда собирать окрестный людской сброд; он превратил в «убежище» и священный участок между кремлем и Капитолием и объявил гражданами всех соседей, сбежавшихся туда ради убежища. Но так как Ромул не получил права взаимных браков для своих граждан, то он учредил одно конское состязание, посвященное Посидону, которое устраивается еще и теперь. Когда народ собрался во множестве (главным образом сабиняне), он приказал всем, кто хотел вступить в брак, похитить девушек, пришедших на состязание. Тит Таций, царь куритов, сначала хотел отомстить с оружием в руках за оскорбление, но затем вступил в соглашение с Ромулом при условии общности власти и государства. После того как Таций был изменнически убит в Лавинии, Ромул с согласия куритов стал царствовать один. После Ромула власть наследовал Нума Помпилий, согражданин Тация, получив ее от добровольно подчинившихся ему подвластных. Это наиболее достоверный рассказ об основании Рима.

V. 3. 7.

Первые основатели обвели стеной Капитолий, Палатин и Квиринальский холм, который был так легко доступен для посторонних, что Тит Таций взял его приступом, когда пришел отомстить за похищение девушек.

(Перевод Г. А. Стратановского)

16. ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, ГАЙ **(около 19 до н. э. — 31 н. э.)**

«Римская история»

I. 8. 4–6.

(4) В шестую Олимпиаду, через двадцать два года после того, как была учреждена первая, Ромул, сын Марса, отомстив за несправедливость по отношению к деду, в Парилии, на Палатине, основал город Рим. От того времени до вашего консульства семьсот восемьдесят один год; произошло это через четыреста тридцать семь лет после взятия Трои. (5) В этом предприятии Ромул был поддержан легионами своего деда Латина. Я охотно присоединяюсь к сторонникам этой версии, поскольку иначе едва ли мог новый город укрепиться в такой близости от вейентов и других этрусков, а также сабинян собственными силами невоинственного отряда пастухов, хотя бы и сильно возросшего благодаря священному убежищу между двумя рощами. (6) Он избрал сто человек, назвав их *patres* (таково происхождение слова «патриции»), сделав нечто вроде общественного совета. Похищение сабинских девушек...

(Перевод А. И. Немировского)

17. КОНОН

(I век до н. э. — I век н. э.)

«Повествования»

48.

То, что рассказано в этой главе о Ромуле и Реме, кое в чем отличается от других преданий. Говорится в ней, как Амолий, составив заговор против брата Неметора, убил его, а дочь его Илию, чтобы она ни рожала, ни замуж не выходила, отвел в храм Гестии. С Илией сошелся Арес, а потом покинул ее, открывшись ей и сказав, что она родит от него двух сыновей и что ей надо мужаться. Но когда она рожала, Амолий бросил ее в тюрьму и поручил кому-то из верных ему пастухов уничтожить новорожденного. Но пастух не позволил своим рукам совершить преступление, а взял младенцев и поместил их в ящик, и пустил его в Тибр по течению. Проплыв большое расстояние, по слухам, ящик зацепился за корни дикой смоковницы, в местности песчаной и теплой. На детей набрела недавно родившая волчица, встала подле них, когда они плакали и тянули руки, и подставила им сосцы. Это увидел один из пастухов, Фестул, и почел за божественное знамение, и стал воспитывать детей как родных. Через некоторое время повстречал он того пастуха, который их выбросил, и, все узнав о них, он рассказал им — а они стали уже юношами, — что они происходят из царского рода, и что они сыновья Ареса, и что претерпели их мать и дед. А юноши — они ведь были прекрасны наружностью, несравненны по силе, благородны в порывах — сейчас же взяли за мечи и потихоньку подошли к Альбе. Напав на Амолия (который не ожидал измены и не держал при себе стражу), они в отмщение убили его мечами, а мать освободили из темницы. Народ был на их стороне, и они стали царями Альбы и ее окрестностей. Так как к ним стало переселяться множество народа, они покинули Альбу и основали город, который назвали Рим и который до сих пор повелевает народами. О части этих фактов свидетельствует смоковница, все еще хранящаяся в римском сенате и закрытая медной балюстрадой; в храме Зевса также можно увидеть сделанную из ветвей хижину — памятник древней хижине Фаустула [Фестула], где дети нашли спасение.

*(Перевод Л. А. Фрейберг
с дополнениями Д. В. Мещанского)*

18. ВАЛЕРИЙ МАКСИМ

(конец I века до н. э. (?) — первая половина I века н. э.)

«Достопамятные деяния и изречения»

I. 8. 11.

...по сожжении священного хранилища салиев ничего в нем, кроме жезла Ромула, не найдено...

II. 2. 9.

Обычай Луперкалий начало получил при Ромуле и Реме в то время, как они, обрадовавшись, что дед их Нумитор, царь альбанский, на том месте, где они воспитаны были, позволил им строить город, под горою Палатинскою (которую аркадянин Эвандр посвятил Юпитеру), по совету Фаустула, своего воспитателя. Учинив жертвоприношение и заклав коз несколько, яствами и вином удовольствовавшись, они веселились; и, разделив пастухов на две части, одевшись в кожи жертв закланных, одни на других нападения совершали.

II. 4. 4.

...довольствуясь до сего времени теми, бываемыми в их кругах, играми, которые отправлял первым Ромул под именем Консуалий, захватив сабинских девиц.

III. 2. 3.

Теперь к Ромулу обращаюсь, который, будучи вызван на поединок от Акрона, властителя Ценины, хотя, впрочем, почитал себя и множеством и храбростью войска быть его превосходнее, а притом и безопаснее казалось со всем войском, нежели одному в бой вступить, своею рукою наипаче предзнаменовал победу. Ибо, убив Акрона и поразив его войско, полученную от него знаменитую добычу принес в дар Юпитеру Феретрийскому.

IV. 4. 11.

Ибо клянусь я хижиной Ромула...

V. 3. 1.

Сенат с строителем нашего города, будучи от него возведен на высочайшую ступень достоинства, поступил в Курии недостойно и не считал за незаконное лишить жизни того, кто Римской империи дал жить вечно. О том грубом и зверском веке, кровью основателя своего нечестиво оскверненном, сколько бы потомство ни оказывало почтения своим предкам, утаить однако ж не может.

IX. 6. 1.

Во время царствования Ромула К. Тарпей в крепости был комендантом, которого дочь девицу, вышедшую за город за водою для жертвоприношения, подговорил Таций, чтоб она ввела с собою несколько вооруженных сабинян в крепость, а вместо вознаграждения обещал ей отдать все то, что сабиняне на левых руках у себя имели. Были же у них на руках браслеты и перстни из золота сделанные, весьма толстые. А как сабиняне вошли туда, и девица потребовала от них вознаграждения, то они, закидав ее оружием, умертвили, равно как бы платя обещанное, потому что и оружие они в левой руке носили.

(Перевод И. А. Алексеева)

19. СЕНЕКА, ЛУЦИЙ АННЕЙ
(около 4 до н. э. — 65 н. э.)

«Нравственные письма к Луцилию»

CVIII. 31.

Равным образом он заметит, что Ромул погиб во время солнечного затмения и что право воззвания к народу было уже у царей...

(Перевод С. А. Ошерова)

19а. СЕНЕКА «О скоротечности жизни»

XIII. 8.

...насчет того, почему Авентин остался за чертой города; он указывает две возможные причины: во-первых, то, что на этот холм удалялся плебс; во-вторых, что при ауспациях Рема птицы не велели выбирать это место.

(Перевод Т. Ю. Бородай)

20. ЛУКАН, МАРК АННЕЙ
(39–65 н. э.)

«Фарсалия»

I. 95.

Братскою кровью у нас забрызганы первые стены.

VII. 432–439.

И, уходя от гражданских злодейств, безвозвратно Свобода
Скрылась за Тигр и за Рейн: столько раз претерпев
наши казни,
Нас позабыла она, германцам и скифам отныне
Благо свое подает, на Авзонию больше не смотрит!
Я бы хотел, чтоб ее не знавали наши народы!
С дней, когда Ромул набил свои стены отъявленным сбродом,
Их не к добру заложив при зловещем коршуна лете, —
До фессалийской резни, о Рим, тебе быть бы в неволе!

(Перевод Л. Е. Остроумова)

21. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ (23–79 н. э.)

«Естественная история»

III. 5. 66.

Ромул оставил город имеющим трое ворот; если верить некоторым источникам, то четверо — цифру больше четырех никто не называет.

(Перевод Б. А. Старостина)

IX. 63. 136.

Я думаю, что в Риме пурпуром пользовались всегда, но во времена Ромула он предназначался только для трабеи.

(Перевод Г. С. Литичевского)

XIV. 14. 88.

Ромул совершал возлияния молоком, а не вином; об этом свидетельствует установленный им чин жертвоприношения, соблюдаемый и по сегодняшний день.

XIV. 14. 89.

Пить его (вино. — М. Б.) женщинам в Риме не разрешалось. Мы нашли среди других примеров рассказ о жене Эгнатия Метения, которую муж забил палкой до смерти за то, что она выпила вина из долиа; Ромул его оправдал.

(Перевод М. Е. Сергеенко)

XV. 20. 77.

Почитается смоковница, родившаяся в Риме на самом Форуме, в Комиции, так как там путем совершения священного обряда были

захоронены молнии, а особенно в память той смоковницы, которая, кормилица Ромула и Рема, первая дала кров в Луперкале этим основателям державы и которая была названа Руминалис, потому что под ней застали волчицу, кормившую младенцев своей румис (так называли сосцы), — это чудесное событие представлено в изображении из меди, которое посвятили рядом, поскольку будто бы смоковница сама перешла в Комиций, когда Атт Навий совершал авгурские наблюдения. И не без какого-то предзнаменования она засыхает и заботами жрецов возрождается.

(Перевод Г. А. Тароняна)

XV. 36. 119–121.

(119) Оно (миртовое дерево. — М. Б.) росло на том месте, где теперь Рим, уже при основании города; римляне и сабиняне, как сообщают, хотели вступить в сражение за похищенных девушек, но сложили оружие и очистили себя, окурив миртовыми ветвями в том месте, где теперь стоит статуя Венеры Клуацины: *cluere* означало в старину «очищать» (ее храм находился на Форуме. — М. Б.). (120) Этим деревом пользуются для окуривания; его выбрали тогда потому, что сама Венера покровительствует союзам, и оно ей посвящено. Не знаю, не было ли оно первым, которое стали сажать в Риме по общественным местам по указанию пророческому и памятному. Среди древнейших святилищ имеется святилище Квирина, т. е. самого Ромула. Перед самым храмом долгое время росли два священных мирта; один назывался «патрициевым», другой — «плебейским». (121) Патрициев в течение многих лет был роскошно разросшимся, могучим деревом; пока сенат находился в силе, мирт этот был мощным, а плебейский — жалким и усыхающим. Затем он вошел в силу, а патрициев стал желтеть; значение сенаторов начиная с Марсийской войны стало слабеть, и постепенно величие сената исчезло вовсе.

(Перевод М. Е. Сергеенко)

XVI. 5. 11.

Ромул увенчал лиственным венком Госта Гостилия потому, что тот первым ворвался в Фидены...

(Перевод М. Е. Бондаренко)

XVIII. 2. 6–7.

(6) Прежде всего были учреждены Ромулом жрецы — молитвенники о полях, причем он объявил себя двенадцатым братом в числе их — сыновей своей кормилицы, Акки Ларенции, дав этой жреческой коллегии в качестве священнейшего отличительного значка венок из колосьев, перевязанных белой повязкой; это был первый у римлян венок, почеть же эта давалась пожизненно и сохранялась даже за изгнанниками и заключенными. (7) В то время надел в два югера достаточен был для римского гражданина, и никому не назначалось более значительных участков.

(Перевод М. Е. Сергеенко)

XXXIII. 9. 35.

При Ромуле и царях они назывались целерами...

(Перевод М. Е. Бондаренко)

XXXIII. 4. 9.

Статуя Ромула на Капитолии — без всякого кольца, так же и статуи других царей, кроме статуй Нумы и Сервия Туллия...

XXXIV. 11. 23.

...если бы на Капитолии не было статуй предыдущих царей, причем из них статуи Ромула и Татия — без туники...

(Перевод Г. А. Тароняна)

22. КВИНТИЛИАН, МАРК ФАБИЙ
(35–95 н. э.)

«Риторические наставления»

III. 7. 5.

Например, говоря, что Ромул есть сын Марса, и воспитан волчицею, в уверение о небесном происхождении его можно сказать, что все его доблести приличны только сыну бога войны; что по преданию современников его, еще живым взят на небо.

(Перевод А. Никольского)

23. СТАЦИЙ, ПУБЛИЙ ПАПИНИЙ (45–96 н. э.)

«Сильвы»

I. 2. 242–243.

...Так ли поникла
Илия на берегу пред Марсом, поддавшись дремоте?

II 1. 99—100.

В тускских глубинах уж правила Илия, чуждая миру,
А утомленная Акка под весом Ромула гнулась.

V.2. 107–109.

Прежде столь юных бойцов ни Ромул не видел ни разу,
Ни дарданийский старик (Эней. — М. Б.),
хоть много они повидали
Форумских битв.

V.2. 129.

Быть колесничником Кастор научит, Квирина — защищаться.

(Перевод Т. Л. Александровой)

24. ФРОНТИН, СЕКСТ ЮЛИЙ **(около 30-103 н. э.)**

«Стратегемы»

II. 5. 1.

Ромул, подойдя к Фиденам, расположил часть войска в укрытии и, притворившись, будто обратился в бегство, завел последовавшего за ним сгоряча неприятеля в то место, где у него были скрыты солдаты; последние напали на рассыпавшихся и не ожидавших опасности врагов и перебили их.

(Перевод А. Б. Рановича)

25. МАРЦИАЛ, МАРК ВАЛЕРИЙ
(40-104 н. э.)

«Эпиграммы»

XIII. 16. Рена.

Репы, которым мороз бывает зимний приятен,
Я посылаю тебе: Ромул на небе их ест.

(Перевод Ф. А. Петровского)

26. ПЛУТАРХ

(до 50 — после 120 н. э.)

«Сравнительные жизнеописания»

Ромул.

См.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. / Пер. с др. — греч. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и др.; изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М., 1994. Т. 1. С. 23–44.*

Нума.

2. Шел уже тридцать седьмой год существования Рима, и по-прежнему городом правил Ромул. В пятый день (ошибка, в седьмой день июля. — *М. Б.*) месяца (ныне этот день зовется Капратинскими нонами) он совершал за городской стеной, подле так называемого Козьего болота, общественное жертвоприношение в присутствии сената и народной толпы. Внезапно погода резко переменилась, над землею нависла туча, засвистел ветер, поднялась буря; толпа в ужасе бросилась бежать и рассеялась, а Ромул исчез, и ни живого, ни мертвого найти его не удалось. Против патрициев возникло тяжкое подозрение, и в народе пополз слух, что они, мол, уже давно тяготились царским единодержавием и, желая взять власть в свои руки, убили царя, который, к тому же, стал с ними более крут и самовластен, чем прежде. Патриции старались рассеять эти подозрения, возводя Ромула в божественное достоинство. «Он не умер, — говорили они, — но удостоился лучшей доли». А Прокул, муж, пользовавшийся уважением сограждан, дал клятву, что видел, как Ромул в доспехах возносился на небо, и слышал его голос, повелевавший впредь именовать его Квирином. <...>

Те, что первыми, вместе с Ромулом, заселили город, считали возмутительными домогательства сабинян, которые, получив от них землю и права гражданства, теперь желали владычествовать над своими гостеприимцами. И сабиняне тоже рассуждали справедливо, напоминая, что, когда умер их царь Татий, они не восстали против Ромула, но согласились, чтобы он правил один...

3. <...>...когда Ромул основал Рим, — за одиннадцать дней до майских календ.

5. Что такое царство, ясно показывает судьба Ромула, который сначала прослыл виновником гибели Татия, разделявшего с ним престол, а потом своею смертью навлек подозрения в убийстве на сенаторов. Но Ромула сенаторы возглашают сыном богов, говорят, что какой-то демон вскормил его и своим сверхъестественным покровительством хранил младенца от бед.

7. Приняв власть, Нума начал с того, что распустил отряд из трехсот телохранителей, которых Ромул постоянно держал вокруг себя и которых называл «целерами», то есть «проворными», — Нума считал для себя невозможным не доверять тем, кто оказал ему доверие, равно как и царствовать над теми, кто ему не доверяет. Затем к двум жрецам — Юпитера и Марса — он присовокупил третьего — жреца Ромула и назвал его «фламином Квирина».

16. По-видимому, вообще лишь Нума впервые провел границы римских владений: Ромул не хотел мерить свою землю, чтобы не признаваться, сколько земли отнял он у других.

18. Занимался Нума и движением небесного свода — хотя и не вполне основательно, но и не вовсе без знания дела. При Ромуле в исчислении и чередовании месяцев не соблюдалось никакого порядка: в некоторых месяцах не было и двадцати дней, зато в других — целых тридцать пять, а в иных — и того более. Римляне понятия не имели о различии в обращении луны и солнца, и следили только за тем, чтобы год неизменно состоял из трехсот шестидесяти дней. Нума, высчитав, что лунный год разнится от солнечного на одиннадцать дней и что в первом триста пятьдесят четыре дня, а во втором — триста шестьдесят пять, удвоил эти одиннадцать дней и ввел дополнительный месяц (у римлян — мерцедин (мерцедоний)), повторявшийся каждые два года и следовавший за февралем; его продолжительность — двадцать два дня. Однако оказалось, что применение этого средства, которое, по мысли Нумы, должно было сгладить указанное различие, впоследствии потребовало еще более решительных поправок. Нума изменил и порядок месяцев. Март, который прежде был первым, он поставил третьим, а первым — январь, занимавший при Ромуле одиннадцатое место, тогда как двенадцатым и последним был тогда февраль, ныне — второй месяц. Многие считают, что январь и февраль вообще прибавлены Нумой, а что сначала римляне обходились десятью месяцами...

19. О том, что у римлян в году было не двенадцать месяцев, а десять, свидетельствует название последнего из них: до сих пор его именуют «десятым». А что первым был март, явствует из порядка месяцев: пятый

после марта так и зовется «пятым», шестой — «шестым» и так далее. Между тем, ставя январь и февраль перед мартом, римлянам пришлось означенный выше месяц называть пятым, а числить седьмым. С другой стороны, вполне разумно предполагать, что Ромул посвятил первый месяц Марсу, чьим именем месяц и назван.

(Перевод С. П. Маркиша)

Камилл.

32. Люди, получившие от Камилла поручение разыскать и обозначить границы священных участков, — ведь все в Риме перемешалось, перепуталось! — обходя Палатинский холм, пришли к храму Марса. Как и прочие храмы, он был разрушен и сожжен врагами, и, внимательно осматривая место, которое они очищали от развалин, посланные набрали на прорицательский жезл Ромула, засыпанный толстым слоем пепла. Это загнутая с обоих концов палка, называется она «литюон». Ею пользуются, гадая по полету птиц, для того чтобы расчерчивать небо на части; так же пользовался ею и Ромул, искуснейший из прорицателей. Когда же он исчез из среды людей, жрецы взяли жезл и приобщили его к числу неприкосновенных святынь.

33. Впрочем, другие говорят, будто большая часть этих обрядов связана с исчезновением Ромула, ибо как раз в этот день он пропал за городом, неожиданно объятый мраком и бурей, или, как считают некоторые, во время солнечного затмения; по месту, где это произошло, день получил наименование «Капратинских нон». «Капра» — по-латыни коза, а Ромул исчез, выступая перед народом близ Козьего болота, как об этом рассказано в его жизнеописании.

(Перевод С. П. Маркиша)

Помпей.

4. <...>...как по команде, народ издал возглас, произносимый по старинному обычаю на свадьбах, — «Таласию!». Происхождение этого обычая, как говорят, следующее. Когда самые доблестные римляне похищали дочерей сабинян, пришедших в Рим посмотреть на игры, несколько безвестных поденщиков и пастухов схватили красивую и высокую девушку и, взвалив ее на плечи, понесли. Чтобы какой-нибудь

знатный человек при встрече не отнял добычи, они бежали с криком «Таласию!» Таласий был одним из семи любимых и известных граждан, и потому, слыша это имя, встречные хлопали в ладоши как бы в знак радости и одобрения. Так как брак Таласия оказался счастливым, это восклицание, как говорят, стало употребляться в шутку на свадьбах.

(Перевод Г. А. Стратановского)

26а. ПЛУТАРХ «Римские вопросы»

15. Почему Термину, которого считают богом и в честь которого справляют Терминалии, не приносят в жертву никаких животных?

Может быть, потому, что Ромул не положил римской земле никаких границ, желая, чтобы римляне всегда могли двигаться вперед, захватывать новые земли и считать своим все, до чего можно достать копьем, по слову спартанца?

19. Почему год начинается с января?

...Ромул, муж воинственный и отважный, считая себя сыном Марса, сделал первым месяцем март как одноименный с родителем.

21. Почему латиняне почитают дятла и отнюдь не употребляют его в пищу?

...больше доверия заслуживает рассказ о том, что не только волчица кормила молоком оставленных матерью Ромула и Рема, а еще и дятел часто подлетал и приносил им пищу?

27. Почему священными и неприкосновенными считают стены города, но не ворота?

Вероятно, можно согласиться с объяснением Варрона: стены потому должны считаться священными, чтобы за них мужественно сражались и погибали. Так и Ромул убил своего брата едва ли не за то, что тот намеревался перепрыгнуть заповедное и священное место и нарушить его святость и неприкосновенность. Ворота же нельзя освятить, так как через них провозят все, что нужно, в том числе и мертвецов...

31. Отчего на свадьбах поют известный припев «Таласий»?

...Жил некогда молодой человек, славный как в воинских делах, так и

во всем остальном, чье имя было Таласий, и когда римляне похитили сабинянок, пришедших посмотреть на игры, то плебеи и клиенты этого юноши похитили для него необычайно красивую девушку. Ведя ее к жениху, они опасались, как бы по дороге ее у них не отняли, и кричали поэтому, что несут жену Таласию, а к ним присоединялись и встречные из расположения к Таласию, подбадривая их криками и желая удачи. Этот брак оказался счастливым, и тогда на свадьбах стали припевать: «Таласий! Таласий!» Так же как элины — «Гименей!»

35. Отчего же оказывают такие почести Ларенции, которая была блудницей?

В самом деле, говорят, что это не та Акка Ларенция, кормилица Ромула, которую почитают в апреле месяце: это — блудница Ларенция по прозвищу Фабула...

47. Почему Ромул построил храм Вулкана за городом?

Может быть, Ромул, считаясь сыном Марса, не захотел, чтобы отец его и Вулкан были соседями по городу и дому: ведь Вулкан, как о том повествует миф, ревновал к Марсу жену свою Венеру? Или это объяснение нелепо, а в действительности храм с самого начала был построен как место для тайных собраний и советов и Ромул с соправителем своим Тацием и сенаторами, никем не тревожимые, спокойно совещались там о делах? Или же Рим с первых своих дней так сильно страдал от пожаров, что даже почтив бога огня храмом, жители все же возвели его за городом?

53. Почему на капитолийских играх до сих пор глашатай объявляет: «Продаются сардийцы» и ради потехи выводят старика с детской буллой на шее?

Может быть, потому, что когда-то Ромул долго воевал с этрусским городом Вейями и, захватив его, выставил на торг множество пленников вместе с их царем, чтобы этим высмеять его недоумие и простоватость? Поскольку же этруски происходят из Лидии, а главный город этой страны Сарды, то и жителей Вей объявляли сардийцами: и обычай этот, соблюдаемый для развлечения, дошел до наших дней.

57. Почему женщины, жертвуя Румыне, совершают возлияния молоком, а не вином?

Не потому ли, что *гита* по-латыни значит «сосец», а Руминальской называют ту смоковницу, подле которой волчица выкармливала Ромула?

Как мы кормящих женщин называем *Θηλόνη* от слова *Θηλή* «грудь», так и римская Румина — кормилица, нянька и воспитательница детей, которая поэтому не может получать возлияние несмешанным вином, вредным для младенцев.

58. Почему к одним сенаторам принято обращаться *patres*, а к другим — *patres conscripti*?

Может быть, потому, что первых сенаторов, избранных Ромулом, называли отцами (*patres*) и патрициями (то есть ев-патридами, наследниками благородных отцов), так как они могли указать своих предков. А тех из простого народа, кого записали в сенаторы уже потом, называли «отцы, занесенные в список» (*patres conscripti*).

67. Почему тех, кто носит фасцы, называют ликторами?

Может быть, эти служители должны были ремнями связывать непокорных и, сопровождая Ромула, они носили эти ремни при себе за пазухой? Слово «связывать» большинство римлян произносят как *alligare*, но кто старается о чистоте языка, те говорят *ligare*.

85. Почему в старину римляне не позволяли женщинам молоть зерно и варить пищу?

Не в память ли о договоре с сабинянами? Когда после похищения дочерей сабинян и случившейся из-за этого войны противники замирились, то в договор было записано следующее: «Пусть жена не мелет муку для римлянина и не варит ему пищу».

87. Почему волосы у новобрачных разделяют на пробор острием копья?

Может быть, этим хотят напомнить, что первые жены римлян были добыты силою и с помощью оружия?

93. Почему для птицегаданий отдают предпочтение коршуну?

Потому ли, что Ромулу при основании Рима явилось двенадцать коршунов?

(Перевод Н. В. Брагинской)

8. <...> В самом деле, будет ли кто отрицать, что здесь Удача заложила основу тем, что Ромул родился, спасся, был выкормлен и вырос, а Доблесть возвела само здание? Ведь даже происхождение и появление на свет строителей и основателей города было, по-видимому, удивительным благоволением Удачи. Ибо мать родила их, как говорят, от соединения с богом. Геракл, по преданию, был зачат в особенно долгую ночь, когда наступление дня задержалось сверхъестественным путем и солнце медлило с восходом. Нечто подобное рассказывают о зачатии Ромула, сообщая, что солнце подверглось затмению и полностью слилось с луною, подобно Аресу, который, будучи богом, сочетался со смертной Сильвией. То же самое случилось и в час удаления Ромула из этой жизни в Капратинские ноны, которые вплоть до сегодняшнего дня празднуются весьма торжественно, тогда, по рассказам, солнце неожиданно исчезло. После того как дети родились и царь задумал их погубить, унес их не какой-нибудь дикарь или жестокий исполнитель царской воли, а человек милосердный и жалостливый, и только поэтому они не были убиты. На берегу реки была зеленая лужайка, заросшая невысокими деревьями. Именно там он оставил детей где-то рядом со смоковницей, которая впоследствии была названа *Ruminalin*. Вскоре к детям подошла волчица с сосцами, набухшими и переполненными молоком, она стремилась найти облегчение, поскольку ее щенята погибли, и поэтому поднесла к детям свои сосцы с молоком, как будто нарочно оставленным для них. Священная птица Ареса, которую называют дятлом, прилетая к ним, едва присаживалась и, открывая рот, каждого своим клювом кормила, словно птенцов, отдавая им часть своей собственной пищи. Смоковницу называли *Ruminalin*, конечно, из-за сосцов, которые волчица, опустившись под этим деревом, поднесла к детям. Почитая случившееся с Ромулом и все то, что походило на эти события, жители этого места долгое время сохраняли обычай ничто родившееся не бросать, а все подбирать и выкармливать. То, что они были тайно выращены и воспитаны в Габи-ях, тогда как никто не знал, что это сыновья Сильвии и внуки царя Нумитора, очевидно, было мудрым обманом Удачи, устроенным для того, чтобы они не погибли, не совершив того, что было бы достойно их происхождения, но в своих прославленных деяниях проявили бы Доблесть как признак своей благородной крови.

(Перевод Г. П. Чистякова)

15. <...>Тарпея, одна из знатных девушек, охранявшая Капитолий во время войны римлян с сабинянами, обещала Та-тию открыть доступ на Тарпейскую скалу, если в награду она получит ожерелья, которые сабиняне носят как украшения. Сабиняне же, узнав об этом, ее живую засыпали землей. Так рассказал Аристид Милетский в «Италийской истории».

32. <...> Из-за войны, которую Рим вел с соседями, римский сенат увеличил размер хлебного пайка для народа. Царь Ромул воспринял это с неудовольствием и объявил закон недействительным, наказав при этом многих знатных людей. Тогда знатные люди убили его на заседании сената и, разрубив на куски, бросили в ущелье. После этого толпа римлян с огнем бросилась к зданию сената. Главный виновник всего этого, Прокул, один из знатных мужей, сказал, что видел на горе Ромула, превратившегося в бога, ибо величием своим он превосходил человека. Римляне, поверив ему, отступили. Так передает Аристокбул в третьей книге «Италийской истории».

36. <...> Амулий, деспотично обращаясь со своим братом Нумитором, убил на охоте его сына Энита, дочь же его, Сильвию, или Илию, сделал жрицей Юноны. Ею овладел Марс, и она родила двойню, открыв правду тирану. Тот же, объятый страхом, велел сбросить младенцев с высокого берега Тибра. Их течением принесло в то место, где у волчицы с новорожденными детенышами было логовище. Волчица выбросила из норы волчат и выкормила близнецов. Пастух Фавст, своими глазами увидевший это, воспитал мальчиков и назвал одного из них Ремом, а другого Ромулом. Впоследствии они стали основателями Рима. Так передает Аристид Милетский в «Италийской истории».

(Перевод Н. В. Васильевой)

27. ТАЦИТ, ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ **(около 55-120 н. э.)**

«Анналы»

I.54.

В том же году учреждается жреческая коллегия августалов, подобно тому как некогда Титом Татием была основана для поддержания священнодействий сабинян коллегия титиев, и вводятся новые религиозные празднества.

III. 26.

У нас Ромул повелевал по своему усмотрению; затем Нума связал народ религиозными обрядами и божественным правом; кое-что было установлено Туллом и Анком; но главным создателем законов, которым должны были подчиняться даже цари, был Сервий Туллий.

IV. 38.

Ведь лучшие среди смертных всегда искали самого высокого: так, Геркулес и Либер у греков, а у нас Квириин сопричислены к сонму богов...

VI. 11.

В прошлом цари и позднее магистраты, отлучаясь из Рима, избирали, дабы в городе не было безначалия, своих временных заместителей, которым надлежало вершить правосудие и действовать в зависимости от обстоятельств; сообщают, что Ромул оставил своим заместителем Дентра Ромул ия...

XI. 24.

...основатель нашего государства Ромул отличался столь выдающейся мудростью, что видел во многих народностях на протяжении одного и того же дня сначала врагов, потом — граждан.

XII. 24.

...нелишне знать, как возник этот город и какие пределы установил для него Ромул. Итак, борозда для обозначения черты города была начата

от Бычьего рынка, от того места, где мы теперь видим бронзового быка (ибо этих животных впрягают в плуг), в таком направлении, что большой жертвенник Геркулесу остался по эту сторону от нее; далее, на известном расстоянии друг от друга, были установлены камни, шедшие вдоль подножия Палатинского холма до жертвенника Консу, Старых курий, небольшого святилища Ларов и Римского форума; согласно преданию, Форум и Капитолий были включены в черту города не Ромулом, а Титом Татием. В дальнейшем город Рим расширялся по мере роста римской державы.

XIII. 58.

В том же году у дерева богини Румины на форуме, за восемьсот тридцать лет перед тем прикрывавшего своей тенью младенцев Рема и Ромула, стали отмирать ветви и сохнуть ствол, что было сочтено дурным предзнаменованием, но дерево ожило и пустило молодые побеги.

XV. 41.

[в Великом пожаре при Нероне сгорел]...построенный Ромулом по обету храм Юпитера Остановителя...

(Перевод А. С. Бобовича)

27а. ТАЦИТ «История»

I. 84.

Но неколебимо стоит Рим, мир царит в мире, и мы с вами живы до тех пор, пока цел и невредим сенат. По велению богов создал его прародитель и основатель нашего города...

II. 95.

Жертвенных животных убивали и сжигали во славу римского народа, жертвенный огонь разводили жрецы-августа-лы, — был восстановлен весь обряд, созданный Ромулом в честь царя Татия и Цезарем Тиберием для прославления рода Юлиев.

III. 71.

...решили проникнуть на Капитолий с двух других сторон — от рощи Убежища и по ста ступеням, ведущим на Тарпейскую скалу.

(Перевод Г. С. Кнабе)

28. ЮВЕНАЛ, ДЕЦИМ ЮНИЙ
(около 60-130 н. э)

«Сатиры»

IV. 11. 100–107.

И неотесанный воин, не знавший еще восхищенья
Перед искусствами греков, когда при дележке добычи
Взятого города в ней находил совершенной работы
Кубки, — ломал их, чтоб бляхами конь у него красовался,
Шлем же носил вырезные рельефы: волчицу, веленьем
Власти смиренную, двух Квиринов под сенью утеса,
С голой фигурой Марса: копьем и щитом угрожая,
Он нависает, врага поразить и низвергнуть готовый.

(Перевод Ф. А. Петровского)

29. СВЕТОНИЙ, ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ (около 70—130 н. э.)

«Жизнь двенадцати Цезарей»

Божественный Август. 95.

А в первое его консульство, когда он совершал гадание по птицам, ему, как некогда Ромулу, показались двенадцать коршунов...

Тиберий. 1.

Патрицианский род Клавдиев — был ведь и плебейский род, носивший то же имя, не менее влиятельный и важный — берет свое начало из Регилл, сабинского городка. Отсюда с большою толпой клиентов переселился он в незадолго до того основанный Рим по почину Тита Тация, соправителя Ромула, или же, как вернее говорят, по почину Атты Клавдия, главы рода, уже лет через пять после изгнания царей.

(Перевод М. Л. Гаспарова)

30. АННЕЙ ФЛОР, ЛУЦИЙ **(около 70—140 н. э.)**

«Две книги римских войн»

I. 1. 1-18.

(1) Основателем города и империи был вышеназванный Ромул, рожденный Марсом и Реей Сильвией. (2) Так поведала сама забеременевшая жрица, а впоследствии в этом не усомнилась и молва, потому что Ромул, по повелению царя Амулия брошенный вместе с братом Ремом в реку, не погиб. (3) Ибо и Тиберин отвел воды, и волчица, оставив детенышей, прибежала на крик, подставила младенцам сосцы и заменила им мать. Потом Фаустул, пастух царского стада, найдя младенцев у дерева, взял их в хижину и воспитал. (4) Тогда во главе Лациума была Альба, творение Юла, так как он пренебрег Лавинием, городом отца своего Энея. После Энея и Юла Амулий царствовал уже в седьмом поколении, изгнав своего брата Нумитора, у дочери которого родился Ромул. (5) Уже в ранней юности Ромул изгнал из крепости своего двоюродного деда и водворил туда родного. Сам же, ревнитель реки и холмов, близ которых был воспитан, загорелся мыслью о возведении нового города. (6) Братья были близнецами. При каких знаменьях и кто будет царствовать, должны были решить боги. Рем занял Авентин, а Ромул Палатин. Рем первым увидел шесть коршунов, Ромул вторым, но двенадцать. (7) Победитель в гадании сразу же начал сооружать город. И у него появилась надежда, что город будет воинственным: так предвещали птицы, живущие кровавой добычей. (8) Для защиты нового города, казалось, достаточно было вала. Однако Рем перепрыгнул через этот вал, насмехаясь над его узостью, и был убит, возможно, по приказу брата. Так первая жертва освятила кровью основание нового города. Это была скорее видимость города, чем город. (9) Отсутствовали жители. Поблизости была роща. Ромул сделал ее священным убежищем. И сразу нахлынула поразительная масса людей: латины, этруски-пастухи, прибывшие из-за моря фригийцы под началом Энея, аркадяне под водительством Эвандра. Так словно из разных начал сложилось единое тело, римский народ был создан самим царем. (10) Этот народ состоял из мужчин одного возраста. Поэтому стали искать брачных союзов у соседей, а не добившись этого, взяли жен силой. Для вида

устроили конные игры. Девицы, прибывшие на представление, стали добычею, а это обстоятельство — причиною войн. Разбиты и обращены в бегство жители Вей. (11) Взят и разрушен город ценинтов. Доспехи, снятые с царя Агрона, Ромул собственноручно доставил Юпитеру Феретрию. (12) Ворота [крепости] были открыты сабинянам благодаря девице Тарпее. В награду она простодушно потребовала то, что они носили на левой руке. Было неясно, что именно: щиты или браслеты? Сабиняне, чтобы и сдержать слово, и отомстить, обрушили на Тарпею щиты. (13) После того как враги были впущены в город, на самом форуме произошла столь жестокая битва, что Ромул обратился к Юпитеру с мольбой остановить бегство его воинов. Отсюда храм Юпитера Статора. (14) В конце концов в ряды яростно сражающихся, распустив волосы, вторглись сами похищенные. Это привело к миру и союзу с Тацием. И последствия были, можно сказать, удивительные: враги, оставив свои жилища, поселились в новом городе и вместо того, чтобы дать зятьям приданое, сделали общим достоянием наследие предков. (15) Приумножив в короткое время силы, мудрейший царь установил следующий государственный порядок. Юношество, разделенное на трибы, было обязано конно и оружно находиться на страже, постоянно готовое к внезапностям войны. Совет по государственным делам был составлен из старцев, названных благодаря своему авторитету *patres*, а по возрасту — *senatus*. (16) После того как это было учреждено, состоялась сходка перед городом у Козьего болота, где Ромул неожиданно исчез. (17) Некоторые полагают, что он был растерзан сенатом за свою суровость. Но разразившаяся буря и солнечное затмение позволили думать о его обожествлении. (18) Это было тут же подтверждено Юлием Прокулом, поведавшем, будто он видел Ромула в божественном облике и будто Ромул приказал считать себя богом; на небе его называют Квирином, и богам угодно, чтобы Рим царствовал над народами.

(Перевод А. И. Немировского)

31. АППИАН **(около 100–180 н. э.)**

«Римская история»

Книга I. О царях.

I. 2. <...> У Проки же родилось два сына, старший Нумитор, младший же — Амулий. Когда же старший принял власть от скончавшегося отца, младший преступно и насильственно завладел ею, отняв ее у брата. Эгеста, сына своего брата, он убивает, дочь же его, Рею Сильвию, делает жрицей, чтобы она оставалась бездетной; Нумитора же от покушения на его жизнь спасла мягкость его нрава и большая скромность. Но Сильвия противозаконно зачала. Амулий для наказания схватил ее и заключил в темницу, двух же сыновей, рожденных от нее, дал пастухам, чтобы бросить малюток в ближнюю реку; имя реке было Тибр, детям же — Ром и Ромул, причем вели они свой род с материнской стороны от Энея, так как род отца был неизвестен, относясь с презрением к этому, они всегда более хвалились своим происхождением от Энея.

II. <...>...Первый из них, основавший и заселивший Рим, хотя и правил скорее патриархально, чем тиранически, однако был убит или, как говорят другие, исчез...

III. Она же, выждав момент, когда отца не было, обещает Татию предать укрепление.

IV. По приказанию Татия сабиняне стали бросать в девушку свои золотые вещи, как камни, до тех пор, пока она, израненная ими, не была под ними погребена.

V. Войну Татия с Ромулом примирили жены римлян и дочери сабинян, явившись посредницами. Подойдя к валу укрепления своих родителей, они протягивали к ним руки, показывая своих малюток, которые уже были у них от мужей, и свидетельствовали за них, что те ничем против них не погрешили, поступая с ними насильственно. Они просили сабинян пожалеть самих себя и своих зятьев, своих внуков и дочерей, отказаться от

этой преступной войны между родственниками или убить прежде всего их, которые являются виновницами войны. Сабиняне, отчасти вследствие сложившихся для них в то время затруднений, а вместе с тем из жалости к женщинам, сознавая уже, что римляне сделали это не из-за наглости, но в силу необходимости, согласились на переговоры. Ромул и Татий сошлись на дороге, которая с тех пор стала называться священной, и пришли к следующему: царствовать должны оба, и Татий, и Ромул, сабиняне же, участвовавшие тогда в походе с Татием, и если кто захочет, то и из других сабинян, переселяются на землю римлян на совершенно равных и одинаковых с римлянами правах.

Книга VIII. Пунические войны.

XVII. 112. <...>...они (то есть народ. — М. Б.) настойчиво просили и требовали и кричали, что по законам Туллия и Ромула народ полновластен в выборах властей и в том, чтобы признать не имеющим или имеющим силу всякий из законов относительно них, какой он хочет.

(Перевод С. П. Кондратьева)

Книга XIV. Гражданские войны.

II. 114. <...> Что касается места, то они выбрали сенат для того, чтобы сенаторы, хотя заранее о том и не знали, увидев дело, присоединились, подобно тому, как это, по преданию, было с Ромулом, когда он из царя превратился в тирана. Они полагали, что их дело, как и дело с Ромулом, совершенное к тому же в сенате, будет принято не как злодеяние, но как подвиг за отечество, предпринятый для общего блага...

(Перевод М. С. Альтман)

32. ПОЛИЭН

(II век н. э.)

«Стратегемы»

VIII.

1. Амулий.

Амулий и Нумитор — братья. Младший, Амулий, путем насилия стал царем Альбы. Он заключил под стражу брата Нумитора, дочь же его Сильвию, чтобы от нее не было детей, мстителей за беззаконие Амулия, назначил жрицей Гестии, так как был закон весталкам вечно быть девственными.

2. Нумитор.

Рем и Ромул, дети Ареса и Сильвии, напали на Амулия. Шум с крепости доносился до города. Нумитор, видя происходящее, сказал согражданам: «Произошло вторжение врагов. Амулий же, предав город, бежал, но мы, вооружившись, соберемся на агоре». Они стали вооружаться и собираться. Рем же и Ромул, убив Амулия, спустились с акрополя и возвестили собравшимся гражданам, что они есть те, кто справедливо отомстил за нанесенную деду обиду. Народ же, похвалив совершенное, передал царство Нумитору.

3. Ромул.

1. Ромул, когда у римлян не было женщин, возвестил по соседним городам, что будет проводить за общественный счет праздник Посейдона Всадника и конные состязания с величайшими наградами. Многие же из этих городов сошлись на представление: мужчины, женщины и девушки всех возрастов. Ромул отдал приказ не трогать мужчин и женщин, но захватывать только девушек, однако и их не для насилия, но для брака. Этот брак стал для римлян началом рождения детей. 2. Ромул, находясь примерно в десяти стадиях от города фиденатов, расположился лагерем. Ночью же, выведя войско за частокол и поставив половину центурий во фронте, а остальных построив в колонны и тайно сообщив командирам, что следует делать, сам с немногими проворными, несущими секиры, подошел к стенам, приказав, чтобы остальное войско подстерегало поблизости в

резерве. Когда уже стало светать, он велел им выламывать ворота. Когда же фиденаты были обеспокоены неожиданной дерзостью, открыли ворота и напали на врагов, то римляне беспорядочно отступили; фиденаты же, видя тех, кто был во фронте, и не заметив тех, кто был сзади, презрев тех, кого они видели, сильно наступали, думая их одолеть. Когда же они прошли дальше, то командиры римлян присоединили центурии, стоящие в колоннах к тем, которые стояли на фронте, и приказали присоединиться к ним, так чтобы враги не заметили. Когда это произошло, бегущие по фронту обошли построенные в колонну центурии и оказались обращенными лицом к преследователям, и все вместе, поднявшись, с криком обрушились на врагов, свежие на утомленных. После них же вступили в бой и те, кто, казалось, обратился в бегство, и, уничтожив фиденатов, обратившихся в бегство, овладели их городом.

(Перевод А. Б. Егорова)

33. АВЛ ГЕЛЛИЙ **(около 130–180 н. э.)**

«Аттические ночи»

I. 16. 3.

Варрон в семнадцатой [книге] «Человеческих дел»: «До рождения Ромула более тысячи ста лет».

III. 16. 16.

Когда я поведал об этом разным грамматикам, некоторые из них стали рассуждать, что во времена Гомера, так же как и Ромула, год состоял не из двенадцати месяцев, но из десяти...

(Перевод А. Б. Егорова)

VII. 7. 5–8.

(5) Акка же Ларенция была блудницей и благодаря своему занятию нажила значительное состояние. (6) Она, как пишет в «Истории» Анциат, сделала по завещанию наследником всего своего имущества царя Ромула, или же, как передают другие, римский народ. (7) За эту услугу в ее честь фламином Квирина совершается жертвоприношение и в фасты добавлен день, [названный] по ее имени. (8) Но Сабин Мазурий в первой [книге] «Мемуаров», следуя некоторым историкам, утверждает, что Акка Ларенция была кормилицей Ромула. «Эта женщина, — говорит он, — из двенадцати сыновей потеряла одного. Вместо него Аккой Ларенцией был усыновлен Ромул, и он назвал себя и остальных [ее] сыновей «*fratres arvales*» («полевыми братьями»). С этого времени и существует коллегия арвальских братьев из двенадцати [человек], причем отличительным знаком этого жречества являются венки из колосьев и белые головные повязки (*infulae*)».

(Перевод А. П. Бехтер)

XI. 14. 1–2.

(1) Луций Пизон Фруги в первой книге «Анналов» приятным и весьма изящным слогом описал жизнь и манеру поведения царя Ромула. (2) Вот его собственные слова: «Про того же Ромула рассказывают, будто он, будучи зван на обед, [во время трапезы] много не пил, потому что на следующий день, [по его словам], у него была важная встреча. Ему стали говорить: «Ромул, если так будут вести себя все люди, то вино станет дешевле». Он им ответил: «Напротив, [останется] дорогим, если каждый будет пить столько, сколько захочет, ибо я выпил столько, сколько хотел».

XIII. 14. 1–7.

(1) Авгуры римского народа, написавшие книги «Об ауспициях», дали следующее определение тому, что такое померий: «Померий есть освященное авгурами место внутри территории Города, охватывающее всю его окружность позади стен и определенное четкими рубежами, которое образует границу городских ауспиций». (2) Древнейший померий, определенный Ромулом, оканчивался у подножия Палатинского холма. Однако этот померий по мере роста государства несколько раз выдвигался вперед, и [так] он окружил собой многочисленные высокие холмы Рима. (3) Правом же расширения померия обладал тот, кто увеличивал [владения] римского народа за счет захваченных у врага земель. (4) Вот почему давно уже возник вопрос, который существует и сейчас: по какой причине, когда из семи холмов Города шесть находятся внутри померия, только Авентин, не будучи ни отдаленным, ни малонаселенным, находится вне померия? Ни царь Сервий Туллий, ни Сулла, стремившийся достичь почетного права перемещать померий, ни впоследствии божественный Юлий, который передвинул померий, не включали его внутрь освященных границ Города. (5) Мессала писал, что, судя по всему, есть несколько причин такого положения, однако из всех них сам он выделяет одну, а именно, что на этом холме Рем проводил ауспиции, необходимые ввиду предстоящего основания Города. Гадание у него оказалось безрезультатным, и в ауспициях его победил Ромул. (6) «Вот почему, — пишет [Мессала], — все те, кто перемещали померий, оставляли этот холм за его пределами словно таящий в себе зловещее предзнаменование». (7) Однако же я не считал возможным оставить без внимания то, на что наткнулся недавно в заметках древнего грамматика Элида по поводу Авентинского холма. Там было написано, что Авентин, как мы уже сказали, был сперва исключен из померия, но затем, по инициативе божественного Клавдия, снова включен в него и продолжает оставаться в пределах померия.

XIII. 23. 13–14.

(13) Однако тот, кто прочтет третью [книгу] «Анналов» Гнея Геллия, поймет, что [Плавт] сказал это скорее по делу, чем из желания развлечь публику. Там описана мольба Герсилии, с которой она обращается в присутствии Тита Тация, прося мира: «Нерия Марса (*Neria Martis*, супруга Марса. — М. Б.), молю тебя, дайте мир, дабы иметь возможность насладиться счастливым законным браком, ибо по решению твоего супруга произошло так, что нас, дев, похитили, чтобы иметь детей для себя и своих родных, потомство для государства». (14) Она говорит «по решению твоего супруга», имея в виду именно Марса...

(Перевод А. Г. Грушевого)

34. ПСЕВДО-ГИГИН
(II век н. э.)

«Мифы»

252.

Кто был вскормлен звериным молоком.
Ромул и Рем, сыновья Марса и Илии, волчицей.

(Перевод Д. О. Торшилова)

35. ФЕСТ, СЕКСТ ПОМПЕЙ (II век н. э.)

«О значении слов»

Niger lapis. «Черный камень» у Комиция обозначает оскверненное кровопролитием место; согласно другим, отмечает место смерти Ромула, но [ныне] он не используется [для жертвоприношений]... <...> Фаустул... <...> предок Квинтилий...

(Перевод М. Е. Бондаренко)

Novae curiae. Новые курии были построены вблизи от Фабрициева перекрестка, потому что древние курии были сделаны Ромулом очень небольшими, в которых он разделил на 30 частей народ и священнодействия, дабы в них эти священнодействия и поддерживались...

(Перевод Л. Л. Кофанова)

Optima spolia. <...> Отсюда же — и доспехи (*spolia*), которые вождь римского народа совлекает с вождя врагов, каковые настолько редки, что в течение лет мало... <...>...трижды выпали римскому народу. Первые — [те], которые Ромул совлек с Акрона; вторые — [те], которые консул Корнелий Косс [совлек] с Толумния; третьи — [те], которые Марк Марцелл [совлек] с Виридомара и прибил к [стене храма] Юпитера Феретрия.

Ordo sacerdotum. <...> [Фламин] Квирина — так как Квирина был призван из Кур как союзник римского государства.

Persillum. Жрецы называют «персиллус» палочку сосновой смолы, кончиком которой фламин Портуна смазывает оружие Квирина.

(Перевод А. Н. Грешных)

Patres. «Отцами» называются те, из кого первоначально был составлен сенат: при основании города Ромул избрал 100 выдающихся мужей, чьим советом и разумением управлялось государство; также они названы «отцами», потому что наделяли участками земли неимущих, словно [своих] детей.

(Перевод А. А. Павлова)

Plorare. <...> В законах Ромула и Тация указано: «Если невестка [...], да будет она посвящена божествам предков».

(Перевод М. Е. Бондаренко)

Quirinalis collis. Квиринальский холм, [как] он ныне именуется, некогда назывался Агонус; до этого на него обычно переселялись сабины, прибывавшие из Кур после заключения договора между Ромулом и Тацием. Поэтому [для него] и было избрано такое название; хотя некоторые считают, что на нем было устроено святилище Квирина, потому [так] и названо.

(Перевод А. Н. Грешных)

Quirites. [Римляне] стали называться «квиритами» после того, как был заключен договор между Ромулом и Тацием, что указывает на осознание общности и на объединение народов.

(Перевод М. Е. Бондаренко)

Senatores. Вполне известно, что сенаторы называются так от «старости» (*senectus*); [это те] кого первоначально Ромул выбрал в числе ста и советом которых управлял государством. Также ведь они зовутся и «отцы» (*patres*)...

(Перевод А. А. Павлова)

Tarpeiae. Тарпея: некоторые считают, что так называют статую в храме Юпитера [в портике] Метелла, очевидно, в память о девушке, которая при условии, что враги сабиняне отдадут ей то, что они носили на левой руке, провела их в город вместе с царем Тацием; который позднее, заключая мир, получил гарантию от Ромула, что для сабинян [город] всегда будет открыт.

Tatium. Говорят, что [Таций] был убит в Лавинии друзьями тех послов, которых уничтожили приспешники-бандиты Тита [Тация]; однако похоронен он в Авентинской лавровой роще.

(Перевод М. Е. Бондаренко)

[ПАВЕЛ ДИАКОН (VIII век н. э.) «Эпитома сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов»]

Altellus называли Ромула, как бы *altus in tellure* (древний в стране), или оттого, что он взлелеял свою землю (*tellurem aleret*), или что кормился оружием (*aleretur tells*), либо оттого, что по просьбе царя сабинов Тация во время переговоров о мире слушал и говорил, следуя порядку очередности...

Bellicrepat saltationem. Танец, во время которого прыгали с оружием, который был установлен Ромулом, дабы впредь не терпеть того, что было совершено им самим, когда похитил он во время игр сабинских девушек, называли *bellicrepa*.

Caelius mons. Целийский холм получил свое название от некоего Цела из Этрурии, который оказал помощь Ромулу против сабинов, за что тот предоставил ему на нем место жительства.

Curia есть место, где вершились публичные дела. Калабрийской называлась курия, где объявлялся порядок [предстоящих] священнодействий. Куриями также называются [места], в которых обсуждают то, что касается любой части римского народа. Таковыми являются те тридцать частей, по которым Ромул распределил народ (и к которым позже были добавлены пять), дабы каждый в своей курии отправлял публичные священнодействия и справлял праздники. Говорят, что названия всех этих курий произошли от имен девушек из Кур, которых

некогда римляне похитили у сабинян.

Curis по-сабински — копье. Отсюда Ромул, поскольку носил его, назван Квирином; и римляне от [Ромула] Квирина именуются квиритами. Некоторые полагают, что назван он так от города Куры, что был самым процветающим городом сабинян.

Centuriatus — поле, ограниченное двумя сотнями югеров, так как Ромул предоставил каждой сотне граждан по двести югеров.

Celeres. Целерами древние прозвали тех, кого теперь мы именуем всадниками, от [имени] Целера, убийцы Рема, которого Ромул вначале поставил командовать ими. Первоначально они были избраны по десять [человек] от каждой курии, поэтому всего их было триста.

Equirria — игры, которые учредил Ромул в честь Марса; они проводились на Марсовом поле в виде конских ристаний.

Larentalia, Ларенталии — празднества [в честь Акки] Ларенции, жены Фаустула, кормилицы Рема и Ромула.

Lucereses et Luceres (Луцerezы и Луцеры), третья часть римского народа, что выделена Тацием и Ромулом, названы так от Луцера, царя Ардеи (столица рутулов. — М. Б.), который пришел на помощь Ромулу, воевавшему против Тация.

Lucomedi (лукомеды) названы от своего вождя Лукома, позднее они стали называться Луцерами.

Parilibus. Ромул основал Рим в Парилии, этот день считался праздником молодежи в первую очередь.

Quirinalis porta (Квиринальские ворота) названы так или оттого, что они ведут на Квиринал, или оттого, что ближе всего к ним находится святилище Квирина.

Quirinalia dies. Квириналии — день, в который приносили жертвы Квирину...

Quirinalis collis (Квиринальский холм) назван так потому, что на нем поселились сабины, придя из Кур, хотя другие полагают, что он назван от храма Квирина.

Romanaporta. Ворота в Риме прозваны сабинами «Римскими» оттого, что их путь [в Рим] через эти ворота был самым коротким.

Romulus et Remus (Ромул и Рем) названы так от *virtus*, то есть «мощь».

Romat. Ромул назвал Рим своим именем, но потому *Roma*, а не *Romula*, дабы самой формой слова предсказать своей родине более счастливую судьбу.

Romulia tribus (Ромулиева триба) названа так оттого, что список ее составлялся [из жителей] той земли, которую Ромул захватил у вейентов.

Ruminalis. Смоковница названа Руминальской оттого, что под этим деревом волчица вскормила Рема и Ромула. Сосец же зовется *rumis*...

Remurinus ager. Ремуриновое поле названо так оттого, что им обладал Рем, да и место жительства Рема [названо] Ремоной. Но и место на вершине Авентина, где Рем произвел ауспиции в связи с основанием города, зовется Реморией.

Rapi. Когда передается девушка мужу, изображают, что она [как бы] похищается из рук матери, а если ее нет, то из рук ближайшей родственницы, оттого, разумеется, что такое похищение было удачно произведено Ромулом.

Sacra via (Священная дорога) в городе Риме называется так оттого, что на ней был заключен договор между Ромулом и [Титом] Тацием.

Turma называли [отряд] всадников, как бы *terima*, так как трижды (*tes*) по десять всадников набирали от трех триб Тициев, Рамнов, Луцеров. Таким образом первые из каждой де курии назывались декурионами, их, в силу этого, и сегодня в каждой турме по три.

Titiensis. Кажется, что триба названа Тициевой от личного имени царя [Тита] Тация.

Titia. От того же царя также курия названа Тициевой.

(Перевод А. А. Павлова)

36. ЛУЦИЙ АМПЕЛИЙ **(II–III века н. э.)**

«Памятная книжица»

17. Цари Рима.

Ромул, основавший Рим.

21. Совлекшие доспехи с врага.

Ромул с Агрона, царя ценингов.

28. С какими народами воевал римский народ и из-за чего.

1. Народ римский под предводительством Ромула сражался с сабинянами... из-за похищенных дев...

39. Кто поднял оружие против Рима.

1. Таций, царь сабинян, который, захватив Тарпейскую крепость, сражался с Ромулом на самом форуме, а из-за вмешательства сабинянок заключил с Ромулом мир.

49. О членениях римского народа.

1. Древнейшее тройное разделение (*distribution* — то, что ввел Ромул: на царя, сенат и народ, а народ делится на три трибы: титиев, луцеров и рамнов.

(Перевод А. И. Немировского)

37. ДИОН КАССИЙ, КАССИЙДИОН КОКЦЕЯН (КОККЕЯН) (около 155–235 н. э.)

«Римская история»

I. Фрагменты 5. 4; 5. 5; 5. 8; 5. 11; 6. 1.

[Есть сомнения в аутентичности данных текстов.]

XXXVII. 9. 1.

[65 год до н. э.] Ибо на Капитолии многие статуи от ударов молний расплавились, и среди них статуя Юпитера, установленная на постаменте, а изображение волчицы с Ремом и Ромулом, помещенное там, упало...

XLVIII. 43. 4.

[38 год до н. э.] Кроме того, сгорела хижина Ромула — из-за какого-то священнодействия, которое в ней совершили понтифики.

(Перевод М. Е. Бондаренко)

LIII. 16. 5.

Дворец же его называется палацием — не потому, что однажды решено было так его именовать, но потому, что на Палатинском холме жил Цезарь и имел здесь свою ставку командующего, и поэтому его дом получил долю славы и от самого этого холма, на котором некогда жил Ромул.

(Перевод А. В. Махлаюка)

LIV. 29. 8 [о знаменьях при смерти Марка Випсания Агриппы в 12 году до н. э.].

Многие городские здания были уничтожены огнем, в том числе и хижина Ромула, которую подожгли вороны, бросавшие на нее горящее мясо с какого-то алтаря.

(Перевод Е. А. Молева)

LVI. 5. 4–6 [речь Августа к женатым и холостякам в 9 году н. э.].

(4) Представьте-ка себе, какой праведный гнев охватил бы Ромула, нашего родоначальника, если бы мог он сравнить историю своего собственного рождения с тем, как обстоит дело у вас, не желающих производить детей от законных браков,

(5) как разгневались бы его соратники-римляне, которые даже похитили чужих девушек, если бы узнали, что вы не любите наших собственных; они произвели на свет потомство от жен из враждебного племени, а вы не имеете детей даже от наших гражданок! В какую ярость пришел бы Курций, который готов был умереть ради того, чтобы у женатых мужчин не отнимали жен! Как негодовала бы Герсилия, которая сопровождала свою дочь на свадьбу и учредила для нас все брачные обряды!

(6) Отцы наши ради брака даже вступили в войну с сабинянами и прекратили воевать, когда их жены и дети примирили их с врагами; по этому поводу они дали торжественные клятвы и заключили договор, а вы и это всё делаете напрасным.

LVI. 46, 2.

...своими глазами видел, как Август возносится на небо, подобно тому, как это произошло, по преданию, с Прокулом и Ромулом.

(Перевод С. К. Сизова)

**38. ТЕРТУЛЛИАН, КВИНТ СЕПТИМИЙ
ФЛОРЕНС
(около 160–220 н. э.)**

«К язычникам»

II. 9.

Также и Ромул сделался богом после смерти. Если это — потому, что он основал город, то почему же другие основатели городов, включая сюда женщин, не сделались богами? А ведь Ромул и брата умертвил, и коварно похитил чужих девушек. Потому он бог, потому он Квирин, что из-за него родители подняли тогда крик (*quiritatum est*).

II. 10.

Перехожу к более гнусному. Вашим писателям не стыдно было рассказывать о Ларентине. Это была публичная женщина или тогда, когда выкормила Ромула (потому ее и называли «волчицей», что она была блудницей), или когда была любовницей Геркулеса, притом уже умершего, то есть уже бога.

(Перевод И. И. Маханькова)

38а. ТЕРТУЛЛИАН «О зрелищах»

5. Консуалиями названы игры, посвященные Нептуну, именуемому иначе Консом; Эквириями — те, которые Ромул посвятил Марсу. Впрочем, некоторые приписывают учреждение Консуалий тому же Ромулу, который хотел почтить Конса как бога доброго совета за внушенную ему мысль похитить сабинянок, чтобы женить на них своих воинов, — совет поистине превосходный, который и теперь считается неззорным у римлян, но я не сказал бы, что у Бога. А сделал Он так, чтобы запятнать само происхождение игр, чтобы ты не считал благом то, что берет начало от зла, от бесстыдства, от насилия, от ненависти, от основателя-братоубийцы, от сына Марса. Существует еще и поныне в Цирке, близ первых мет,

утопленный в землю жертвенник, посвященный Консу, с надписью: «Коне в совете, Марс на войне, Лары могучи в собраниях». Приносят там жертвы в июльские ноны [т. е. 7 июля] общественные жрецы, а за двенадцать дней до сентябрьских календ [т. е. 21 августа] — фламин Квирина и весталки. После того Ромул установил игры в честь Юпитера Феретрия на Тарпейской скале, отчего и прозваны они Тарпейскими и Капитолийскими, как повествует Пизон.

9. Если же изобретатель колесницы, Трохил Аргосский, посвятил первое свое изделие Юноне, если употребление колесниц у римлян ввел Ромул, то он и сам должен быть причтен к числу идолов, особенно если он — то же, что Квирин.

(Перевод Э. Г. Юнца)

38b. ТЕРТУЛЛИАН «Апологетик»

VI. 4.

Когда женщины до такой степени воздерживались от вина, что матрону за распечатывание ящиков в винном погребе родственники казнили голодной смертью; а при Ромуле та, которая прикоснулась к вину, была безнаказанно убита своим супругом Метением.

XXI. 23.

Потом, вменив им в обязанность проповедническое служение в мире, Он (Иисус Христос. — М. Б.), окруженный облаком, был взят на небо, что гораздо более правдоподобно, нежели то, что у вас о Ромуле обычно утверждают Прокулы.

(Перевод А. Ю. Братухина)

39. МИНУЦИЙ ФЕЛИКС, МАРК **(II–III века н. э.)**

«Октавий»

24. 1.

По ложной клятве Прокула богом стал Ромул...

25. 2–4.

(2) При самом начале его (Римского государства. — М. Б.) не собрались ли одни преступники? Не возрастало ли число их потому, что их охранял ужас перед их бесчеловечностью? Первые насельники сошлись сюда, как в убежище; стекались негодяи, преступники, прелюбодеи, поножовщики, предатели; сам Ромул, глава и правитель, чтобы превзойти народ свой преступностью, убил брата. Вот начало столь благочестивого государства! (3) Вскоре они похитили чужестранок девушек, уже просватанных, уже зарученных и нескольких замужних женщин — поступок беспримерный! Обесчестили, избидели их и, завязав войну с их отцами, то есть со своими тестями, пролили родственную кровь. Можно поступить безбожнее и наглее? Кто живет спокойнее, как не люди, уверенные в своей безнаказанности?! (4) Выгонять соседей с их полей, разрушать соседние города вместе с храмами и алтарями, забирать пленных, крепнуть на чужой беде и собственных преступлениях — вот образ действий, общий у Ромула с остальными царями и позднейшими вождями.

25. 8.

Мы знаем исконных римских богов: Ромул, Пик, Тиберию, Коню, Пилумн и Волумн; Клоатину открыл и почитал Таций...

(Перевод М. Е. Сергеенко)

40. ЭЛИАН, КЛАВДИЙ
(около 175–235 н. э.)

«Пестрые рассказы»

VII. 16.

Город Рим основали Рем и Ромул, сыновья Ареса и Сильвии. Она же была одной из тех, кто вел свой род от Энея.

(Перевод С. В. Поляковой)

40а, ЭЛИАН «О природе животных»

X. 22.

Итак, Ромул на Палатинском холме, гадая по полету двенадцати коршунов, получил доброе предзнаменование; подражая количеству птиц, он установил, что впереди правителей римлян следует нести фасции, равные по числу виденным тогда птицам.

(Перевод М. Е. Бондаренко)

41. ЮСТИН, МАРК ЮНИАН (II–III века н. э.)

«Эпитома сочинения Помпея Трога»

XLIII. 2. 1-10.

(1) Затем, после того как в этом городе сменилось много царей, царская власть оказалась, наконец, в руках Нумитора и Амулия. (2) Но Амулий силой отстранил от власти Нумитора, старшего по возрасту, а дочь его Рею обрек на вечное девство, чтобы из рода Нумитора не произошел потомок мужского пола, который мог бы отомстить [за лишение Нумитора царских прав]. Этому несправедливому поступку было придано значение якобы особой почести, чтобы казалось, что Рея не подверглась [тяжкому] осуждению, а избрана в жрицы. (3) Запертая в роще, посвященной Марсу, она родила двух мальчиков, неизвестно от кого зачатых в прелюбодеянии ли, или от самого Марса. (4) Когда Амулий узнал об этом, его страх возрос, так как родились два мальчика. Амулий приказал детей выбросить, а молодую женщину заключить в оковы. Этого оскорбления она не могла перенести и умерла. (5) Но судьба (*fortuna*), благоприятствуя зарождению римского народа, послала волчицу вскормить детей. Волчица эта потеряла детенышей и, желая опорожнить переполненные сосцы, стала кормилицей для этих младенцев. (6) Так как волчица очень часто возвращалась к детям, точно к своим волчатам, это заметил пастух Фаустул и, забрав детей от волчицы, воспитал их по-деревенски, среди [пасущихся] стад. (7) [Все кругом] верили, что эти мальчики дети Марса на основании как будто несомненных доказательств: они родились в роще Марса и были вскормлены волчицей, животным, находящимся под покровительством Марса. Мальчиков звали одного Рем, другого Ромул. (8) Воспитанные среди пастухов, они ежедневно состязались в храбрости, и изо дня в день росли их сила и проворство. (9) Так как они ревностно и часто защищали скот от разбойников, то эти разбойники захватили в плен Рема и привели его к царю, утверждая, будто он сам занимался тем, чего не давал делать другим. Рема обвинили в том, что он якобы похищал скот Нумитора. Поэтому царь послал его к Нумитору для наказания. (10) Однако Нумитор, тронутый его молодостью, стал подозревать, что это его выброшенный внук. Как раз в то время, когда он, взволнованный, то старался уловить в чертах лица Рема

сходство с дочерью, то сопоставлял время, когда были выброшены его внуки, с возрастом Рема, к нему внезапно явился Фаустул с Ромулом. От Фаустула Нумитор узнал о происхождении мальчиков, был организован заговор, и юноши взяли за оружие, чтобы отомстить за смерть матери, Нумитор — за отнятую у него царскую власть.

XLIII. 3. 1–2.

(1) Когда Амулий был убит, Нумитор был восстановлен в царских правах, а юношами был основан город Рим. (2) Тогда же был учрежден и сенат из ста старейшин, названных отцами. Тогда же были похищены сабинские девушки, так как соседи презирали пастухов и не хотели выдавать своих дочерей замуж за них. Подчинив оружием соседние народы, римляне стали стремиться сначала к власти над Италией, а скоро и над всем миром.

XXVIII. 2. 8—10.

(8) Да и что за народ эти римляне? Ведь это пастухи, которые владеют землей, грабительски отнятой у законных владельцев; (9) они вследствие этого своего позорного происхождения даже и жен не могли себе найти, им пришлось их открыто похищать. (10) Да и самый свой город они заложили на братоубийстве и основание своих стен забрызгали кровью братской.

(Перевод А. А. Деканского, М. И. Рижского)

42. КИПРИАН КАРФАГЕНСКИЙ **(201–258 н. э.)**

«О суете идолов»

4. Ибо мы знаем отечественных богов Римлян. У них есть Ромул, через клятвопреступление Прокула сделавшийся богом; есть Пик, Тиберин, Пилумн и Конне — бог обмана, которого Ромул, после вероломного похищения Сабинянок, велел чтить, как бога советов. Таций нашел и почтил богиню Клоацину...

5. Затем, чтобы царь был первым и в преступлении, Ромул делается братоубийцею и, чтобы ввести супружество, любовное дело начинает раздорами. Похищают, свирепствуют, обманывают для увеличения числа граждан. Браки у них — это нарушенные права гостеприимства и жестокие войны с родными.

(Перевод Киевской духовной академии)

43. ПОРФИРИОН
(III век н. э.)

«Комментарии к Горацию»

Эподы. 16. 13.

...Варрон говорит, что Ромул был похоронен за Рострами.

(Перевод Е. В. Федоровой)

Оды. I. 2. 18.

Илия, согласно писателю Эннию, была сброшена в реку Тибр по приказу Амулия, царя альбанцев, до того, как сочеталась браком с Аниеном в Антемнах.

(Перевод М. Е. Бондаренко)

44. ЦЕНЗОРИН

(III век н. э.)

«О дне рождения»

17. Не умолчу, однако, о прочитанном у Варрона, который в 18-й книге «Древностей» говорит, что был в Риме некий Вет-тий, небеславный в птицегадании, муж больших дарований, не уступавший ни одному ученому в разборах и толкованиях. Варрон слышал его слова: если правда, что передают историки о гадании Ромула при основании города и о 12 коршунах, то, миновав невинно 120 лет, пребудет римский народ до 1200.

22. По Фульвию и Юнию, имена десяти древним месяцам положил Ромул, а именно первые два назвал в честь своих родителей — март в честь отца Марса, апрель — в честь Афродиты, то есть Венеры, от которой, как считалось, произошли его предки; следующие два в честь народа: май — в честь старших по рождению, июнь — в честь юных; остальные по порядку чисел, в котором они стояли, от Квинтилия до Декабря, — соответственно месту каждого.

(Перевод В. Л. Цымбурского)

45. СОЛИН, ГАЙ ЮЛИЙ (III век н. э.)

«Собрание достопамятных сведений»

I. 17–27.

17. Действительно, как утверждает Варрон, писатель очень усердный, Рим основал Ромул, рожденный Марсом и Реей Сильвией; или, как говорят некоторые, Марсом и Илией: и сначала его называли «Квадратный Рим», потому что он располагался на горизонтальном участке [Палатинского холма].

18. Он начинается от парка, который находится у площади Аполлона, и заканчивается у вершины лестницы Кака, где была хижина Фаустула. Там жил Ромул, который по совершении ауспий заложил основания стен [города], в возрасте восемнадцати лет, за 11 дней до календ мая [21 апреля], между вторым и третьим часом дня, как передал Луций Таррунтий (то есть Тарутий. — М. Б.), один из самых известных астрологов; [в это время] Юпитер был в Рыбах, Сатурн, Венера, Марс, Меркурий — в Скорпионе, Солнце — в Тельце, Луна — в Весах.

19. И после этого следили, чтобы жертвенное животное в Парилии не умерщвлялось, так как день этот должен быть чистым от крови; этот обычай ведет свое происхождение от ребенка Илии. Ромул царствовал 37 лет.

20. Он отпраздновал первый триумф над ценинцами и с их царя Акрона совлек доспехи, которые первым посвятил (повесил [в храме]. — М. Б.) Юпитеру Феретрию и назвал их «тучными». Затем он одержал победу над антемнянами, и в третий раз — над вейянами. [Ромул] исчез у Козьего болота в квинтильские ноны.

21. Теперь расскажем, в каких местах проживали остальные цари. Таций жил в [Капитолийской] крепости, где ныне находится храм Юноны Монеты; на пятый год, как он вступил в город, [Таций] был убит жителями Лаврента; он умер в 27-ю Олимпиаду.

(Перевод М. Е. Бондаренко)

46. АРНОБИЙ (III–IV века н. э.)

«Против язычников»

I.41.

Не называете ли вы самого отца Ромула, растерзанного руками ста сенаторов, Квирином Марсовым (*Martium*), не чувствуете ли его через жрецов и пиршества, не молитесь ли ему в великолепнейших храмах и затем не клянетесь ли, что он поднялся на Небо?

III. 39.

Кроме того, есть некоторые, которые утверждают, что этим названием обозначаются люди, возведенные в богов, как Геркулес, Ромул, Эскулап, Либер, Эней.

IV. 3.

Что же касается других сонмов богов, на которых вы указываете нам, то мы не можем решить, делаете ли вы это серьезно и вследствие убеждения в достоверности, или же вы забавляетесь пустыми вымыслами богатой фантазии. Так как жестокая волчица пощадила выброшенных детей, то, говорят, она была названа, по свидетельству Баррона, богиней Люпер-кой. Таким образом, вследствие стечения обстоятельств, а не вследствие своей природы, произошла эта богиня, и после того, как страшное животное удержалось от жестокого кусания, она начала существовать и получила имя с соответствующим значением? Или если она уже давно была богиней, прежде чем родились Ромул и его брат, то скажите: каково было ее имя и как она называлась? Престана (*Praestana*), как вы утверждаете, получила название оттого, что Квириин превзошел всех силой при метании копья, и, оттого что Титу Тацию было дозволено для взятия Капитолийского холма открыть (*pandere*) и сделать доступным путь, была названа богиня Панда (*Panda*), или Пантика (*Pantica*). Значит, до этих событий не было также этих божеств, и если бы Ромул метанием копья не овладел Палатинским холмом и царь сабинский не занял Тарпейскую скалу, то не было бы никакой Пантики, никакой Престаны?

(Перевод Н. М. Дроздова)

47. ЛАКТАНЦИЙ, ЛУЦИЙ ЦЕЦИЛИЙ ФИРМИАН (около 250–325 н. э.)

«Божественные установления»

I. 15. 29–33.

29. [почитается в качестве бога]...Квирин — потому что был угоден пастухам, несмотря на то, что один [Квирин] убил своего брата...

30. Ромул же своей смертью вызвал скорбь у народа, который, как свидетельствует Энний, скорбя по любимому царю, так восклицал:

31.

О Ромул, божественный Ромул,
Стражем каким для отчизны боги тебя породили!
О родитель, отец, о кровь, рожденная небом!
Ты народ наш увел в края, озаренные светом!

32. Вследствие этой скорби легче оказалось поверить лгуну Юлию Прокулу, который был отправлен отцами-сенаторами известить народ, что видел, мол, того царя в сиянии славы, превосходящем облик человеческий. И что он передал народу, чтобы тот воздвиг ему храм, а также что он бог и имя его — Квирин. 33. Тем самым он убеждал народ в том, что Ромул отправился к богам, и снял с сената подозрение в убийстве царя.

I. 20. 1–2.

1. Божественными почестями наделяется у них Волчица [*Lupa*], вскормившая Ромула. Я бы еще снес, если бы она была животным, чье имя она носит. 2. Но Ливий сообщает, что «волчица» — прозвище Ларенции, и притом [оно относится] не к телу, но к духовному складу и нравам ее. Была же она женой Фаустула и из-за легкости обретения ее телом получила среди пастухов прозвище «волчицы» [*Lupae*], то есть блудницы; отсюда же происходит название публичного дома [*lupanar*].

I. 21. 23.

Ведь и Ромул после смерти сделался Квирином...

II. 6. 13–14.

13. Ромул, решив заложить город, созвал пастухов, среди которых он вырос, и поскольку число их показалось недостаточным для основания

города, создал прибежище, куда бежали из соседних районов дурные и не знавшие своего происхождения люди. 14. И вот он собрал из них народ и выбрал в сенат тех, кто был старше по возрасту, и назвал их отцами, и совершал все, советуясь с ними.

(Перевод В. М. Тюленева)

47а. ЛАКТАНЦИЙ «Эпитома Божественных установлений»

15 [20]. 2.

Кто не знает, что жена Фаустула [Ларенция], кормилица Ромула и Рема, в честь которой были названы Ларенциналии, была блудницей? И потому она называлась Волчицей [Тара] и изображалась в виде зверя.

15 [20]. 4.

Таций освятил найденную в большой сточной канаве женскую статую и назвал ее богиней Очистительницей [*deam Cloacinam*].

(Перевод В. М. Тюленева)

48. ЕВСЕВИЙ
(около 265–340 н. э.)

«Хроника (армянская версия)»

82.

...Ромул первым зачислил в армию мужчин из простого народа.

...и [Ромул] назначил сенаторами сотню благородных старейшин, и тех, кто являлся их наследниками, назвал патрициями.

(Перевод М. Е. Бондаренко)

49. СОЧИНТЕЛИ ИСТОРИИ АВГУСТОВ (IV век н. э.)

ЭЛИЙ ЛАМПРИДИЙ «Коммод Антонин»

II. 2.

Мужскую тогу он надел в день июльских нон, — в день, когда Ромул исчез с земли...

ЭЛИЙ СПАРТИАН «Север»

I. 8.

В ту же ночь он видел во сне, что он сосет вымя волчицы, как Рем или Ромул.

XXI. 1.

Начнем с Ромула — он совсем не оставил детей...

(Перевод С. П. Кондратьева)

50. ЕВТРОПИЙ

(IV век н. э.)

«Бревиарий от основания Города»

I. 1. 1–2.

1. Римское государство, мизернее которого вначале и обширнее которого после распространения по всему миру не может припомнить человеческая память, ведет свое начало от Ромула, кто был сыном девы-весталки Реи Сильвии и, как некоторые считали, Марса и кто был рожден вместе с братом-близнецом Ремом. 2. Несмотря на то, что [Ромул] занимался разбоем меж пастухов, он [тем не менее] восемнадцати лет от роду выстроил небольшой городок на Палатинском холме, в 11 день до Майских Календ, третьего года шестой олимпиады, после разрушения Трои в триста девяносто четвертом году, как передают те, кто сообщает и очень много, и очень мало.

I. 2. 1–2

1. Основав город, который он назвал по своему имени Римом, он совершил следующее. Принял он в гражданство многочисленных соседей, выбрал сто человек из старейших, которых он назвал сенаторами из-за их преклонного возраста, чтобы по их совету вести все дела. 2. После этого, так как ни он сам, ни народ его не имели жен, пригласил он на общественные зрелища соседние с городом Римом народы и потом захватил их девушек. В вызванных незаконным похищением войнах он одержал победу над ценинами, антемнатами, крустуминами, сабинянами, фиденатами и вейентами. Все их города находились вокруг Рима. И когда внезапно разразилась буря и он исчез, на тридцать седьмом году царствования, римляне посчитали, что он вознесся к богам, и его причислили к их числу.

(Перевод Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной)

51. АВРЕЛИЙ ВИКТОР, СЕКСТ **(IV век н. э.)**

«Происхождение римского народа»

XIX. 1–7.

(1) Следующий за ним царь Альбанский Прока оставил после себя наследниками на равных правах двух сыновей, Нумитора и Амулия. (2) Тогда Амулий [разделил все наследство на такие две доли:] одну из частей составляла только сама царская власть, а другую — все остальное отцовское имущество и все, унаследованное от предков, и дал возможность брату Нумитору, который был старше по годам, сделать выбор, какую он пожелает взять себе долю. Нумитор предпочел царской власти все частное имущество и его доходы, Амулию же досталась царская власть. (3) Чтобы закрепить за собой обладание ею, он приказал убить на охоте сына брата своего Нумитора. (4) Затем он приказал также сделать весталкой сестру убитого, Рею Сильвию, под предлогом сновидения, в котором будто бы богиня Веста ему внушила, чтобы это было так сделано, в то время как на самом деле он принял такое решение, опасаясь, как бы от нее не родился кто-нибудь, кто стал бы мстить за обиды деда, как об этом пишет Валерий Анциат в книге I. (5) Однако Марк Октавий и Лициний Макр передают, что дядя весталки Реи Амулий, охваченный любовью к ней, устроил ей засаду в роще Марса, учинил над ней насилие, едва стало светать при облачном и мрачном небосклоне, когда она шла за водой для совершения священнодействия: по прошествии установленного времени она родила близнецов. (6) Когда он узнал об этом, чтобы скрыть этот случай преступного зачатия, он приказал убить весталку, а ее детей представить ему. (7) Тогда (будто бы) Нумитор в надежде на будущее и на то, что если эти младенцы вырастут, они явятся когда-нибудь мстителями за перенесенные ими обиды, заменил их другими, а тех, своих настоящих внуков, дал на воспитание старшему пастуху Фаустулу.

XX. 1–4.

(1) Однако Фабий Пиктор в книге I и Венноний пишут, что дева весталка по обычаю и как было положено пошла за водой для священнодействий к источнику, который был в роще Марса, но внезапно

среди дождя и грозы, потеряв свою спутницу, сочеталась с Марсом. Она была смущена, но вскоре успокоилась, утешенная богом, объявившим [ей] свое имя и предсказавшим, что рожденные ею будут достойны своего отца. (2) Когда царь Амулий узнал о том, что жрица Рея Сильвия родила близнецов, он прежде всего приказал отнести младенцев к реке и бросить их в ее текущие воды. (3) Однако те, кому это было приказано сделать, положили мальчиков в корыто и спустили у подножия Палатинского холма в Тибр, который в то время сильно разлился от обильных дождей. Но свинопас той местности, Фаустул, подсмотрел, как их (т. е. близнецов) спустили в реку, а потом, когда вода начала спадать, увидел, как корыто, в котором были дети, зацепилось за дерево фикус. Крики младенцев были услышаны неожиданно появившейся волчицей; сначала она принялась их лизать, а потом дала им свои соски, отягощенные наполнившим их молоком. Фаустул спустился вниз, взял корыто и передал младенцев на воспитание своей жене Акке Ларенции. Так об этом пишут Энний в книге I и Цезарь в книге II. (4) Некоторые добавляют, что когда Фаустул подглядывал, то заметил также и дятла, который прилетел к младенцам с полным клювом пищи, очевидно, поэтому волк и дятел пользуются покровительством Марса. Дерево, у которого были брошены младенцы, было названо Питательным, потому что в его тени обычно отдыхает в полдень скот и здесь пережевывает свою пищу.

XXL 1–2.

(1) Валерий между тем пишет, что мальчиков, родившихся у Реи Сильвии, сам царь Амулий передал для убийства их рабу Фаустулу; но он, упрощенный Нумитором не убивать младенцев, отдал их на прокормление знакомой ему женщине Ак-ке Ларенции, а женщину эту за то, что она торговала своим телом, звали волчицей. (2) Известно ведь, что так называются женщины, извлекающие выгоды из своего тела, поэтому и место, где они пребывают, называется лупанарием. Когда дети подросли и стали способны обучаться свободным искусствам, они благодаря тайным заботам обо всем деда Нумитора прожили некоторое время в Габиях, чтобы изучить греческие и латинские науки. Итак, когда они возмужали, Ромул, узнав от воспитателя своего Фаустула, кто его дед, кто его мать и как с ней поступили, сейчас же отправился с вооруженными пастухами в Альбу. Амулий был убит, а дед Нумитор восстановлен во власти. Ромул получил свое имя от большой физической силы, так как известно, что по-гречески *гота* значит «сила». Другой назван был Ремом, по-видимому, по причине своей медлительности, потому что людей с таким характером древние

называли *remores*.

XXII. 1–4.

(1) Итак, когда произошло все, рассказанное нами выше, и на том месте, которое теперь называется Луперкаль, было совершено жертвоприношение, [началась игра, в которой] все разбежались в разные стороны и, сталкиваясь, стали хлестать друг друга шкурами зверей. Было установлено, чтобы это осталось священной игрой при жертвоприношении у всего потомства; при этом Рем назвал своих людей Фабиями, Ромул — Квинтилиями. Оба имени до сих пор упоминаются в священнодействиях. (2) Однако во II книге Анналов понтификов говорится, что Амулием были посланы люди, чтобы привести к нему Рема, пасшего скот. Так как те не осмелились применить к нему насилие, они выбрали удобное время для засады, когда Ромул отсутствовал: они придумали род игры, участники которой с завязанными за спиной руками зубами берут каменную мерку, какой обычно отмеряют (отвешивают) шерсть, и затем относят ее как можно дальше. (3) И вот Рем, полагаясь на свою силу, поручился отнести ее почти до самого Авентина, но, когда он дал связать себе руки, был схвачен и приведен в Альбу. Когда Ромул узнал об этом, он, собрав отряд пастухов и разделив его на сотни, роздал каждому по шести с привязанными [к нему] пучками (манипулами) сена, которым придавал различные формы, чтобы по этим знакам каждый легко мог следовать за своим вождем. (4) Отсюда пошел обычай, согласно которому солдаты, имеющие одинаковые значки, стали называться манипулярами. Так он (Ромул) сверг Амулия, освободил брата из оков, восстановил на царство деда.

XXIII. 1–7.

(1) Итак, когда Ромул и Рем начали спорить по поводу основания города, в котором хотели царствовать на равных правах, Ромул выбрал показавшееся ему удобным место на Палатинском холме и хотел назвать город Римом, Рем же выбрал другой холм на расстоянии пяти миль от Палатина и хотел назвать это место по своему имени Ремурией, и спор между ними никак не разрешался; тогда в качестве судьи в этом деле привлекли деда Нумитора; он предложил обратиться за разрешением спора к бессмертным богам с таким условием, чтобы тот, кому боги первому пошлют благоприятные знамения, и был основателем города, дал ему свое имя и принял в нем полную власть. (2) Когда они начали гадания по птицам, Ромул — на Палатине, Рем же — на Авентине, то Рем первый увидел шесть одновременно летящих с левой стороны коршунов; тогда он

послал к Ромулу сказать, что он уже получил указания богов, приписывающие ему основать город, пусть поэтому тот поспешит к нему прийти. (3) Когда Ромул подошел к нему и спросил, какие именно указания он получил, и тот сказал, что к нему во время гадания прилетело сразу шесть коршунов, Ромул воскликнул: «А я тебе покажу сейчас двенадцать коршунов!» И действительно, сейчас же за этими словами появились при блеске молнии и раскатах грома двенадцать коршунов. (4) Тогда Ромул обратился к Рему с такими словами: «Ну что же, Рем, увидев, что произошло, будешь ли ты настаивать на прежнем?» Рем, поняв, что он проиграл спор о царстве, сказал: «Много смелых надежд этого города и дерзких его начинаний приведут к успешному их осуществлению». (5) Однако Лициний Макр в книге I пишет, что исход этого спора был губительный, ибо противящиеся Ромулу Рем и Фаустул были убиты. (6) Наоборот, Эгнаций в книге сообщает, что Рем не только не был убит в этом споре, но даже жил дольше Ромула. (7) Но с этими противоречивыми сообщениями писателей не согласна История Ливия, затмившая все в нашей памяти; в ней говорится, что после гадания по птицам Ромул назвал город по своему имени — Римом. Когда он укреплял его стеной, он издал приказ, чтобы никто не смел прыгать через вал; Рем же, насмехаясь над этим [распоряжением], перепрыгнул через него и, как передают, тут же был центурионом Цел ером убит заступом. Ромул (устроил) убежище для пришельцев...

(Перевод В. С. Соколова)

51а. АВРЕЛИЙ ВИКТОР «О знаменитых людях»

1. Прока, царь альбанцев.

(1) У царя альбанского Проки было два сына — Амулий и Нумитор; он оставил им царство, которым они должны были управлять по очереди, по одному году. Но Амулий не предоставил власти своему брату и, чтобы лишить его потомства, он сделал главной весталкой дочь его, Рею Сильвию и тем обрек ее на девственность до конца жизни; однако она сошлась с Марсом и родила Ромула и Рема. (2) Амулий заключил ее в темницу, а младенцев велел бросить в Тибр, но вода [не унесла их, и они] остались на сухом месте. (3) На их плач прибежала волчица и вскормила их своим молоком. Вскоре их подобрал пастух Фаустул и отдал на воспитание своей жене Акке Ларенции. (4) Они впоследствии, убив Амулия, восстановили

власть деда Нумитора, а сами, собрав пастухов, основали город, который Ромул, победив брата в соответствии с гаданием — он увидел 12 коршунов, а Рем — только 6, — назвал Римом. Чтобы укрепить его законами прежде даже, нежели стенами, он запретил кому-либо прыгать через вал; но Рем, насмехаясь над этим [распоряжением], перепрыгнул через него и, как передают, был центурионом Целером убит заступом.

II. Ромул — первый римский царь.

(1) Ромул устроил свободное убежище для пришельцев и набрал большое войско; когда он увидел, что среди них нет женатых, он через послов просил у соседей невест. (2) Так как ему в этом было отказано, он для вида устроил празднество в честь бога Конса; когда на праздник пришло много народа того и другого пола, он дал своим людям знак, и девушки были похищены. Когда, вызывая всеобщее удивление, уводили одну из них и притом прекраснейшую, на вопросы, куда ее ведут, отвечали «к Талассию». (3) Так как браки с ними оказались благополучными, было установлено, чтобы на всех свадьбах призывался бог Талассий. Когда римляне похитили силой женщин у соседей, первыми начали с ними воевать ценинцы. (4) Против них выступил Ромул и одержал победу над ними в единоборстве с их вождем Акроном. (5) Он посвятил [в честь этой победы] богатую добычу Юпитеру Феретрию на Капитолии. [В ответ на] похищение девушек взялись за оружие против римлян также [антемнаты, крустуминцы, фиденаты, вейенты] и сабиняне. (6) Когда они приближались к Риму, они повстречали девушку Тарпейю, которая спускалась по Капитолию за водой для священнодействия; Тит Таций предложил ей выбрать подарок за то, что она проведет его войско на Капитолий. Она попросила дать ей то, что они (сабиняне) носили на левых руках, именно — кольца и браслеты. Когда ей это было коварно обещано, она провела сабинян в крепость; там Таций велел задавить ее щитами, потому что и их они носили на левых руках. (7) Ромул выступил против Тация, который занимал Тарпейскую скалу, и завязал с ним сражение на том месте, где теперь находится римский Форум. Там пал, ожесточенно сражаясь, Гост Гостилий. Пораженные его гибелью, римляне обратились в бегство. (8) Тогда Ромул дал обет посвятить храм Юпитеру Статору, и войско его то ли случайно, то ли по воле богов, остановилось [, прекратив бегство]. (9) Тогда похищенные женщины бросились между воюющими и стали умолять с одной стороны — отцов, с другой — мужей прекратить бой; так они установили мир. (10) Ромул заключил с ними договор: принял сабинян в свой город и дал своему народу название квириды по имени сабинского

города Куры. (11) Ста сенаторам за их заботы о городе он дал имя отцов и учредил три центурии всадников, из которых одних назвал по своему имени рамнами, других по имени Тита Тация — тациями, а третьих по имени Лукумона — луцерами. (12) Народ он разделил на тридцать курий и дал им имена похищенных [девушек]. (13) Когда он делал смотр войску у Козьего болота, он исчез и больше не появлялся; поэтому между отцами и народом произошло столкновение. Тогда знатный муж Юлий Прокул выступил на собрании и клятвенно подтвердил, что видел Ромула на Квиринальском холме, когда он, преображенный, возносился к богам и дал завет, чтобы римляне воздерживались от столкновений и воспитывали в себе доблесть, ибо в будущем они станут господами всех народов. (14) Его авторитету было оказано доверие. На Квиринальском холме был воздвигнут храм Ромулу, самого его стали почитать как бога и назвали Квирином.

(Перевод В. С. Соколова)

52. СЕКСТ РУФ
(IV век н. э.)

«Бревиарий о победах и провинциях римского народа»

2

...Ромул царствовал тридцать семь лет...

(Перевод Т. И. Кузнецовой)

53. «НОЧНОЕ ПРАЗДНЕСТВО ВЕНЕРЫ»
(IV век н. э.)

68–70.

Вскоре Марсу даст из храма деву чистую она,
И сабинянок, и римлян ею был устроен брак;
От него квириты, рамны, внуки Ромула пошли...

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

54. ВЕГЕЦИЙ, ФЛАВИЙ ВЕГЕЦИЙ РЕНАТ
(IV–V века н. э.)

«Краткое изложение военного дела»

II. 7.

Трибуном он называется от трибы, так как он командует воинами, которых Ромул впервые стал выбирать из трибы.

(Перевод С. П. Кондратьева)

55. СЕРВИЙ, МАВР СЕРВИЙ ГОНОРАТ (IV–V века н. э.)

«Комментарии к «Энеиде»

I. 273. ...пока царевна и жрица.

История такова. Были братья Амулий и Нумитор. Амулий лишил брата власти и убил его сына, а дочь же его Илию сделал жрицей Весты, чтобы лишить надежды на потомство, которое, как он полагал, может ему отомстить. Как многие утверждают, ею овладел Марс. И от этого родились Рем и Ром, которых, вместе с матерью, Амулий приказал бросить в Тибр. Тогда, как говорят некоторые, Илию взял себе в жены Аниен. А другие, среди которых Гораций, — Тибр. Поэтому он и говорит: «Женин поток». Мальчики же были выброшены на соседний берег. Их нашел пастух Фавст, чьей женой была недавняя блудница Акка Лоренция, которая и вырастила найденных детей. А они впоследствии, убив Амулия, восстановили на царстве своего деда Нумитора. Когда им царство в Альбе стало казаться тесным, они покинули ее и, устроив птицегадание, основали город. Ром первый увидел шесть коршунов, Рем, уже после него, — двенадцать. Это и стало поводом для войны, в которой погиб Рем. А по имени Рома названы были Римляне. А причиной того, что Рома стали называть Ромул, было желание сказать приятное, потому что уменьшительные слова радуют. А то, что рассказывают, будто бы братья были вскормлены волчицей, это сказочный вымысел, придуманный для того, чтобы скрыть тайну позорного рождения основателей Рима. Но это было придумано весьма удачно. Ибо ведь мы называем блудниц «волчицами» (*lupaе*), отсюда и люпанарии. И к тому же известно, что этот зверь находится под покровительством Марса. Что же касается возникновения города и его основателя, то разными людьми об этом рассказывается по-разному. Клиний сообщает, что дочь Телемаха, по имени Роме, вышла замуж за Энея, и по ее имени город был назван Римом (*Roma*)....говорит, что Латин, рожденный от Улисса и Цирцеи, назвал город по имени своей умершей сестры Ромы. Атей утверждает, что Рим до прибытия Эвандра долго назывался Валенсией, но потом стал называться греческим именем Роме. Другие же говорят, что город был назван по имени прорицательницы, которая предсказала Эвандру, что он должен поселиться в этих местах. Гераклίδес говорит, что

Роме, знатная Троянская пленница, приплыла сюда и, измученная морским путешествием, выбрала себе место, и по ее имени был назван город. Эратосфен сообщает, что отец города Ромул был сыном Аскания, сына Энея. Невий и Энний передают, что основатель города Ромул был внуком Энея, сыном его дочери. А Сибиλλα говорит так, что Ромеи — это дети Рима.

I. 275. ...шкурой седой [рыжим покровом].

То есть шкурой волчицы, которую он [Ромул] носил по обычаю пастухов. Но многие его упрекают за то, что он носит шкуру своей кормилицы. Этот упрек отвергают двояко: либо объясняют это вымыслом легенды, либо ссылаются на пример Юпитера, который носил шкуру козы, вскормившей его.

I. 276. Ромул род свой создаст.

Рем погиб, и известно, что после его смерти начался мор. И тогда обратились к оракулу, а тот ответил, что следует умиловить манов погибшего брата; поэтому всякий раз, когда Ромул совершал какой-либо торжественный обряд, рядом с ним ставились курульное кресло, скипетр, корона и прочие знаки царского достоинства, чтобы было видно, что они равноправны во власти. Отсюда и сказано: «С братом Ремом Квирином... людям законы дадут».

I. 291. Век жестокий тогда.

[О храме Януса]... Называют же разные основания для открытия и закрытия этого храма. Одни говорят, что когда Ромул сражался с Сабинянами и был уже на грани поражения, на этом месте вдруг забил источник горячей воды, которая обратила в бегство войско Сабинян. Отсюда возник обычай, чтобы, отправляясь на битву, открывали бы двери храма, так как он был построен на этом самом месте, как бы в знак надежды на возможную будущую помощь. Другие же говорят, что Татий и Ромул, заключив договор между собой, построили этот храм. Поэтому и сам Янус имеет два лица, указывая как будто на союз двух царей.

II. 292. Седая Верность и Веста.

С братом Ремом Квирином... людям законы дадут.

Здесь он хочет скрыть братоубийство, поскольку объединяет их [братьев], и называет одного не Ромулом, а Квирином, потому что не может совершить братоубийство тот, кто удостоился сделаться богом. Многие

стремятся понять это так, как мы сказали выше, а именно: что для того, чтобы после мора умиловить манов брата, Ромул во всем пользовался двойными предметами... Кроме того, известно, что храм Януса был открыт при Ромуле, потому что он никогда не прекращал войн...

Ромул же назван Квирином потому, что он был всегда вооружен копьем, которое на языке Сабинян называется «курис». Ведь копье, то есть курис, это длинная заостренная палка... Отсюда и секурис [*securis*, лат.] как бы семикурис [*semi* — половина, лат.]; от слова койранос, которое по-гречески означает «царь». А ведь известно, что римляне были греками. Либо он называется так из-за знатности своего рода, ведь Марс, когда он в гневе, называется Градив, а когда он спокоен, называется Квирин. И, наконец, в городе существует два храма: один — храм Квирина, внутри города, как бы храм стража спокойствия, а другой — на Аппиевой дороге, вне города, возле ворот, как бы храм воителя, то есть Градива.

(Перевод Н. А. Федорова)

I. 651, 737; III, 46; IV. 458; V. 560; VI. 609, 777, 779, 859; VII. 187, 657, 709, 710; VIII. 90, 105, 343, 348, 361, 635, 636, 638, 640, 641; IX. 368; XI. 603; XII. 198.

См.: *Мавр Сервий Гонорат. Комментарии к «Энеиде» Вергилия (Избранные комментарии, посвященные истории и культуре Древнего Рима) / Пер. и коммент. М. Е. Бондаренко. [В печати.]*

56. АВГУСТИН, АВРЕЛИЙ АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ (354–430 н. э.)

«О граде Божием»

I. 34.

Рассказывают, что Ромул и Рем, стараясь увеличить население закладываемого ими города, учредили убежище, дабы каждый, прибежавший туда, освобождался от всякого наказания.

II. 14.

Лабеон полагал, что Платона следует считать полубогом, как Геркулеса и Ромула...

II. 15.

...своего Ромула поставили выше многих богов, хотя, по тайной доктрине, и его считают скорее полубогом, чем богом. Ибо ему установили даже и фламينا, каковой род жречества в культе римлян пользовался (как это показывает и шапка фламинов) таким превосходством, что фламинов было только три, установленных трем богам: фламмин юпитеровский — Юпитеру, марсовский — Марсу и квиринальский — Ромулу (ибо последнего, как бы по благосклонности граждан принятого в число небесных богов, они потом назвали Квирином). Таким образом, он предпочтен был Нептуну и Плутону, братьям Юпитера, и даже Сатурну, их отцу, так что тот самый род жречества, который усвоился Юпитеру, усвоен был и ему, а Марсу, вероятно, уже благодаря Ромулу, отцом которого тот считался.

II. 17.

В самом деле, что может быть справедливее и лучше, чем похищение силой чужих дочерей, заманенных в ловушку под предлогом зрелища? Ибо если несправедливо поступили сабиняне, не захотев выдать замуж дочерей, которых у них просили, то во сколько раз несправедливее было похитить тех, которых не выдали? Было бы справедливее воевать с народом, который не хотел выдавать соседям своих дочерей, когда их о том просили, чем воевать с народом, который требовал возвращения похищенных женщин.

Было бы лучше, если бы Марс помог своему сыну отомстить вооруженной рукою за нанесенную обиду, и таким образом предоставил бы ему возможность получить женщин, которых он искал. В таком случае он, пожалуй, по некоторому праву войны, справедливо отнял бы тех, в которых ему было отказано несправедливо; но он не имел никаких оснований и прав в мирное время похищать девиц и вести несправедливую войну с их справедливо разгневанными родителями. Последующее было полезнее и удачнее: хотя в память об этом обмане установлено было цирковое зрелище, однако сам поступок не был поставлен в пример для подражания ни народом, ни правительством; и римляне, зачислив Ромула после этой несправедливости в число богов, сделали более легкую ошибку, чем если бы дозволили подражать ему в похищении женщин каким-либо законом или обычаем.

III. 5.

Вопрос о том, могла ли Венера от совокупления с Анхизом родить Энея или Марс от совокупления с дочерью Нумитора родить Ромула, оставим открытым.

III. 6.

Несомненно, что брат Ромула был убит, и убит не врагами, не чужеземцами. Совершил ли, или только приказал это совершить Ромул, во всяком случае, он был в большей степени главою римлян, чем Парис — троянцев.

III. 13.

Дело дошло до осады Рима, и римляне защищались, затворив ворота. Когда последние с помощью обмана были отворены и враги проникли внутрь стен, между тестями и зятьями произошло преступное и крайне жестокое сражение на самой городской площади. И вот похитители эти начинали даже терпеть поражение, и, во множестве прячась по домам своим, покрывали еще большим позором свои вчерашние победы, и без того постыдные и достойные сожаления. В это время Ромул, не надеясь уже на храбрость своих, попросил Юпитера, чтобы они остановились: по этому случаю Юпитер и получил имя Статора. Но великому бедствию этому не было бы конца, если бы похищенные женщины не выскочили с распущенными волосами и, припав к ногам отцов, не смягчили их в высшей степени справедливый гнев не победным оружием, а умоляющей любовью. После этого Ромул, не выносивший совместного участия в

правлении родного брата, вынужден был принять в соправители царя сабинян, Тита Тация; но мог ли долго терпеть его тот, кто не пожелал терпеть брата и близнеца? Поэтому, умертвив и этого для вящего божеского достоинства, он стал царствовать один.

III. 15.

О Ромуле рассказывает баснословная лесть, будто он был взят на небо. Рассказывают (о его кончине) и некоторые из писателей, но они утверждают, что он был рассечен на части сенатом за жестокость, и что какому-то Юлию Прокулу было поручено распусть слух, будто он явился ему и велел через него римскому народу почитать его в качестве божества; и таким образом народ, начинавший было негодовать на сенат, был остановлен и успокоен. К тому же случилось солнечное затмение. Невежественная чернь, не зная, что оно имело определенную причину в солнечном течении, приписало его заслугам Ромула. Между тем, если бы это затмение было сетованием солнца, по поводу его следовало бы скорее прийти к убеждению, что Ромул убит и что факт злодеяния доказывается отвращением дневного светила. <...> Это принятие Ромула в число богов и Цицерон довольно ясно выставляет скорее как предполагаемое, чем как действительное, когда, давая в целом похвальный отзыв о Ромуле, говорит в книгах о республике устами Сципиона: «Он достиг столь много, что, когда после солнечного затмения его неожиданно не оказалось, пришли к заключению, что он перемещен в число богов: подобного мнения о себе никто из смертных никогда не мог внушить другим, если не украшался чрезвычайными добродетелями». В том месте, где Цицерон говорит, что его неожиданно не оказалось, разумеется, конечно, или неистовство бури, или тайное убийство, тайное злодеяние. Ибо другие из их писателей приурочивают к солнечному затмению и неожиданную бурю, которая, несомненно, или дала возможность совершить злодеяние, или сама погубила Ромула. <...> В обличительных же речах он (Цицерон. — М. Б.) говорит открыто: «Мы возвели Ромула в ранг бессмертных богов по благорасположению к нему и по доброму о нем мнению», чтобы показать этим, что этого не было в действительности, а рассказывалось и разглашалось так из благорасположения к нему и ради его доблести. В «Гортензии» же, говоря о подлежащих точным вычислениям затмениях, он замечает: «Темнота бывает такая же, какая произошла во время убийства Ромула, которое совершилось во время солнечного затмения». На этот раз он не побоялся говорить об убийстве потому, что занимался серьезным исследованием вопроса, а не похвалами.

IV. 5.

Не спрашиваю, каких людей набрал себе Ромул: этим людям принесло великую пользу то, что получив права гражданства после своей разбойничьей жизни, они перестали думать о тех наказаниях, страх перед которыми понукал их на еще большие злодеяния; так что они сделались более мирными в отношении к условиям человеческой жизни.

IV. 23.

Почему не воздвиг ей (богине Счастья. — М. Б.) храма прежде всего сам Ромул, желавший построить счастливый город? Ему не было нужды молиться о чем-либо прочим богам, когда при покровительстве этой богини у него было бы все. Ведь и сам он не сделался бы сперва царем, а потом, как верят они, богом, если бы не была милостивою к нему эта богиня. Зачем же установил он для римлян богов: Януса, Юпитера, Марса, Пика, Фавна, Тиберина, Геркулеса и многих других? Зачем Тит Таций присовокупил к этим еще Сатурна, Опу, Солнце, Луну, Вулкана, Свет и некоторых других, и между прочим — богиню Клоацину, пренебрегши Счастьем?

V. 17.

...известное ромуловское право убежища, собравшее во имя безнаказанности всякого рода преступлений массу народа, построившего Рим.

VI. 10.

[Слова Аннея Сенеки]: «Так что же? Ты находишь более истинными грезы Тита Тация, или Ромула, или Гостилия? Таций сделал богиней Клоацину, Ромул — Пика и Тиберина, Гостилий — Испуг и Бледность, эти отвратительнейшие аффекты человека, из коих один представляет собою движение уstraшенного ума, а другой — даже не болезнь, а цвет тела. Этим божествам ты предпочитаешь верить и им предоставляешь небо?»

XV. 5.

Именно так был основан Рим, судя по свидетельствам римской истории об убийстве Ромулом своего брата Рема. Различие состоит только в том, что оба они были гражданами земного града. Оба они добивались славы создать Римскую республику; но оба вместе не могли иметь такой славы, какую мог бы иметь каждый из них, если бы был один.

XVIII. 21.

После Энея, который был признан богом, Лациум имел одиннадцать царей, из которых ни один не был сделан богом. Но затем Авентин, бывший после Энея двенадцатым царем, когда был убит на войне и похоронен на той горе, которая и в настоящее время называется его именем, был причислен к таким богам, каких они себе делали. Другие, впрочем, не хотели говорить, что он был убит в сражении, и утверждали, что он попросту исчез, да и что гора получала свое название не от его имени, а от прилета птиц (*ex adventu avium*). После него в Лациуме никого уже не делали богом, кроме Ромула, основателя Рима. Между тем и другим было, однако же, два царя, из которых первым был, выражаясь словами Вергилия: «Прока, народа троянского слава». <...> Прока царствовал раньше Амулия. Этот Амулий посвятил в весталки дочь своего брата Нумитора Рею, мать Ромула, иначе называвшуюся Илиею. Утверждают, будто она своих близнецов зачала от Марса: этим хотят скрасить или извинить ее падение, и добавляют в доказательство, что выброшенных детей кормила волчица. Этот род зверей они считают принадлежащим Марсу; так что волчица потому-де и дала мальчикам свои сосцы, что признала в них детей своего господина Марса. Есть, впрочем, и такие, которые говорят, что когда дети лежали выброшенные и плакали, их сперва подобрала какая-то публичная женщина и дала им свою грудь (а публичных женщин называли они волчицами (*lupas*), отсюда и публичные дома в настоящее время называются лупанариями), а затем принесла их к пастуху Фавстулу, жена которого Акка их и воспитала. Хотя, что удивительного в том, если Бог для обличения царя, с такой жестокостью приказавшего бросить их в воду, захотел послать млекопитающего зверя на помощь к этим чудесно спасенным от воды детям, которые должны были основать столь великий город? После Амулия Лациумское царство наследовал брат его, дед Ромула Нумитор. В первый год царствования Нумитора основан был Fh1M, поэтому он царствовал одновременно со своим внуком, то есть Ромулом.

XXII. 4.

Заверив, что Геркулес и Ромул были из людей, хотя и считались богами, Цицерон говорит: «Тела их не были взяты на небо, ибо было бы нарушением природы, если бы сущее от земли не оставалось в земле».

(Перевод Киевской духовной академии)

57. ПАВЕЛ ОРОЗИЙ (IV–V века н. э.)

«История против язычников»

II. 2. 3.

Таким образом, царство Нина и Вавилона перешло к мидийцам в тот год, когда у латинян начал править Прока, отец Амулия и Нумитора, а равно дед Реи Сильвии, которая была матерью Ромула.

II. 4. 1–7.

1. В 414 г. по разрушении Трои, в шестую Олимпиаду — они обычно проводятся в пятый год, по истечении четырех, с организацией публичных соревнований и игр близ греческого города Элиды — в Италии близнецами-основателями Ромулом и Ремом был рожден город Рим. 2. Власть его Ромул тотчас же обогрил кровью брата, и с равной жестокостью «беззаконно захваченных сабинянок», связанных несправедливым браком, одарил приданым: кровью супругов и отцов. 3. Итак, Ромул, убив сначала деда Нумитора, затем брата Рема, захватил власть и возвел Город; освятил царство кровью деда, стены — кровью брата, храм — кровью тестя; он собрал шайку разбойников, пообещав им прощение [за преступления]. 4. При этом первым полем для войны стал форум Города, ставший провозвестием смешанных воедино внешних и гражданских войн, в которых никогда не было недостатка. 5. Насколько бесчестно Ромул отнял у сабинян, которых заманил союзом и состязаниями, женщин, настолько же нечестиво он защищал [добычу]. 6. Вождя их, Тита Тация, старика, поднявшегося [на войну] по причинам, достойным сострадания, прогоняемого долгое время [от стен города] с помощью оружия, он убил вскоре после того, как сам предложил ему совместное царствование. 7. С вейнами была затеяна война по весьма незначительному поводу, но с [привлечением] значительных сил. «Ценинов и пашни, и город в разрухе».

(Перевод В. М. Тюленева)

58. МАКРОБИЙ, АМВРОСИЙ ФЕОДОСИЙ (IV–V века н. э.)

«Сатурналии»

I. 6. 16.

[А] самые знающие древность [люди] сообщают, что при похищении сабинянок одна женщина по имени Херсилия, изо всех сил цеплявшаяся за дочь, [была] похищена вместе [с ней]. Ромул отдал ее в жены какому-то Госту из латинской земли, отмеченному добродетелью, который бежал под его покровительство, и от нее родился мальчик прежде, чем какая-либо другая из сабинянок произвела потомство. Потому, что он первым был рожден на чужбине (*in hostico*), мать нарекла его Гостом Гостилием, а Ромул удостоил его золотой буллы и отличия в виде претексты. Ведь сообщают, что он, когда созвал похищенных [сабинянок] для утешения, обещал дать значительный дар ребенку той [женщины], которая первой родила бы римского гражданина.

I. 9. 17–18.

(17) Когда в Сабинскую войну, которая была начата из-за похищенных девушек, римляне поспешили закрыть ворота, которые были у основания холма Виминала, позже названного Януалом вследствие исхода [боя], потому что враги устремились в [эти] самые [ворота]. После того как ворота были закрыты, они вскоре открылись сами собой. И когда это же [самое] случилось снова и в третий [раз], у порога встали многочисленные вооруженные стражи, потому что они не могли закрыть [ворота]. И когда с другой стороны [холма] разгорелась ожесточенная битва, вдруг разнеслась молва, что наши разбиты Татием. (18) По этой причине римляне, которые наблюдали за входом, испуганные, побежали. И когда сабиняне [уже] намеревались ворваться через открытые ворота, из храма Януса через эти ворота хлынуло великое множество горячих [потоков], бурлящих волнами, и многие отряды врагов погибли, или обожженные кипящим [потоком], или поглощенные быстрым водоворотом. Впоследствии [было] решено, чтобы двери [храма] отворялись во время войны, когда бог как бы выступает на помощь городу.

I. 10. 17.

Макр в первой книге Историй утверждает, что супруга Фаустула, Акка Ларентия, была кормилицей Ромула и Рема. В правление Ромула она [была] выдана замуж за какого-то богатого этруска Карутия и получила наследство [от] мужа. Потом она оставила его Ромулу, которого воспитала, и им из благочестия [были] установлены [для нее] паренталии и праздничный день.

I. 12. 3.

Неудивительно, что при таком разнообразии у римлян по совету Ромула тоже некогда был свой год, устроенный из десяти месяцев. Этот год начинался с марта и состоял [из] трехсот четырех дней: шесть месяцев, то есть апрель, июнь, секстилий, сентябрь, ноябрь, декабрь, были по тридцать дней, а четыре [месяца] — март, май, квинтилий, октябрь — по тридцати одному [дню].

I. 12. 5–6.

(5) Это упорядочение [года] принадлежало Ромулу, который первый месяц года посвятил своему родителю Марсу. [То], что этот месяц года был первым, доказывается и тем, что от [этого] самого [месяца] пятым (*quintus*) [месяцем] является квинтилий, и непосредственно [следующие за ним месяцы] именовались по [их порядковому] числу. (6) В первый день этого же [месяца] на жертвенниках Весты зажигали новый огонь, чтобы в начале года опять заботиться о сохранении обновленного огня.

I. 12. 8–9.

(8) Второй месяц он именовал апрелем (*Aprilem*), [произнося звук «п» в этом слове] с придыханием, как некоторые считают, [то есть] как бы «афрелем» (*Aphrilem*), от [слова] «пена», которую греки называют *afron*, откуда, думают, вышла Венера. И утверждают, что замысел Ромула был таков: первый месяц назвать [именем] своего отца Марса, [а] второй — [именем] матери Энея Венеры, [чтобы] они, от кого возник римский народ, — так как и сегодня в священных обрядах мы зовем Марса отцом, [а] Венеру — прародительницей — охраняли главным образом истоки года. (9) Другие думают, что Ромул, или вследствие очень глубокой мудрости, или вследствие попечения некоего божества, так расположил первые месяцы [года], чтобы за месяцем, посвященным Марсу, по большей части губителю людей, как [о нем] пишет знаток природы Гомер: «Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель», — следовал [месяц], посвященный Венере, чтобы она, подобно благодетельнице, смягчила его

ярость.

I. 12. 16.

Третьим [месяцем] Ромул расположил [месяц] май, о названии которого между знатоками существует большое разногласие. Ведь Фульвий Нобилиор говорит в перечнях знаменательных дней, которые он положил в храм Муз Геркулеса, что Ромул, после того как он разделил народ на старших (*majores*) и младших (*juniores*), чтобы одна часть [народа] оберегала государство [своим] советом, [а] другая — оружием, назвал в честь той и другой части этот [месяц] маем, [а] следующий месяц — июнем.

I. 12. 38.

Такая величина года была определена Ромулом, который, как выше мы уже сказали, установил, что год должен иметь десять месяцев, а дней — триста четыре, и так расположил месяцы, что четыре из них содержали по тридцати одному дню, а шесть — по тридцать.

I. 15. 5.

Так как Ромул упорядочивал устройство собственного государства благодаря только [своему] уму, острому [от природы], но не облагороженному учением, он избрал началом каждого месяца тот день, в который случалось бы показаться новой луне.

I. 15. 10.

...собрав народ на Капитолий возле курии Калабры, которая является ближайшей к домику Ромула, извещал...

I. 16. 32.

Некоторые приписывают их возникновение Ромулу, о котором, как утверждает Тудитан, упоминают, что он, разделив власть с Титом Татием, прибавил к установленным священнодействиям и [жреческим] товариществам также нундины.

(Перевод В. Т. Звиревича)

59. ПСЕВДО-АКРОН **(V век н. э.)**

«Комментарии к Горацию»

Эподы. 16. 14.

Большей частью утверждают, что у Ростр находилась могила Ромула, и в память об этом там было два льва, как и ныне мы видим это на погребениях, и поэтому возник обычай у Ростр произносить надгробные похвальные речи.

(Перевод Е. В. Федоровой)

60. СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ
(около 430–486 н. э.)

«Песни»

П. 119.

Сосцы подставила бесстрашному Квирину оценившаяся волчица.

(Перевод М. Е. Бондаренко)

61. «ДИГЕСТЫ ЮСТИНИАНА» (VI век н. э.)

I. 2. 2. 2.

...сам Ромул разделил народ на 30 частей и назвал эти части куриями из-за того, что в то время он осуществлял заботу о государстве через решения этих его подразделений. Таким образом, и сам (Ромул) внес (на обсуждение) народу некоторые куриатные законы...

(Перевод И. С. Перетерского, Л. Л. Кофанова)

I, 13. 1.

...Гракхан Юний сообщает в 7-й книге трактата «О властях», что даже сам Ромул и Нума Помпилий имели двух квесторов, назначенных не ими самими, а избранных народом. Но насколько сомнительно, существовали ли квесторы в правление Ромула и Нумы, настолько ясно, что они были при царе Тулле Гостилии.

(Перевод А. Л. Смышляева)

Приложение 2

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ЛИЧНЫХ ИМЕН

Аборигины (лат. *aborigines*, от. *ab origine* — [живущие] от начала) — древнейшие обитатели Лация. Именно от обозначения данного народа происходит известный термин «аборигены».

Авзония — древнее наименование Италии.

Аврора — древнеримская богиня утренней зари.

Аврунки — одно из местных племен, населявших Лаций.

Акций — мыс в Ионическом море, на северо-западном побережье Греции.

Аполлон — древнегреческий бог солнечного света, гармонии и духовной деятельности, музыки и пения, отвратитель бед и врачеватель.

Аргос — один из древнейших городов в Арголиде, на Пелопоннесском полуострове.

Арес — древнегреческий бог войны.

Аркадия — горная область в центральной части Пелопоннесского полуострова.

Атлант — титан, который в наказание за участие в бунте против богов должен был держать на своих плечах небесный свод.

Афродита — древнегреческая богиня любви и красоты.

Ахейцы — одно из древнейших греческих племен.

Булла — предохраняющий от злых духов амулет, который обычно носили римские мальчики.

Ведиовис (Вейовис) — древнеиталийский бог подземного мира.

Велабр — болотистая низина между Палатином и Капитолием; городской квартал в Риме, где располагался популярный рынок.

Венера — древнеримская богиня любви и плодородия, отождествлявшаяся с греческой Афродитой.

Вертумн — древнеиталийский бог превращений и времен года.

Веста — древнеиталийская богиня домашнего очага и очага

гражданской общины. Жрицы Весты — весталки — были обязаны поддерживать вечный огонь на алтаре в храме богини, который в Риме находился в роще на склоне Палатинского холма близ Форума.

Виктория — древнеримская богиня победы, отождествлявшаяся с греческой Никой.

Вольски — италийское племя, населявшее долину реки Ли-риса на юге Лация.

Вулкан — древнеримский бог огня, отождествлявшийся с греческим Гефестом.

Габии — город в древнем Лации, к востоку от Рима.

Галлия — римское наименование большой исторической области в Европе; территория современной Северной Италии, Франции, Бельгии, Люксембурга, части Нидерландов и части Швейцарии.

Геката — древнегреческая богиня лунного света, колдовства и подземного царства.

Гелиос — древнегреческий бог солнца.

Гелла — сестра Фрикса, сына фиванского царя Атаманта. Фрике вместе с Геллой бежал на золотом овне в Колхиду, но сестра упала в море и утонула.

Гермес — вестник богов, древнегреческий бог-покровитель скотоводства и странствий, торговли и рынков, воровства и красноречия, проводник душ умерших в подземное царство.

Гесперия — древнегреческое наименование Италии.

Гидра — ужасное чудовище, якобы обитавшее в окрестностях древнегреческого города Лерны в Аргосе.

Гименей — древнегреческий бог брака.

Данайцы — одно из древних наименований греков.

Дардан — царь, сын греческого бога Зевса и нимфы Электры, родоначальник троянцев, которые в честь него назывались дарданцами.

Деметра — древнегреческая богиня плодородия и земледелия.

Диана — древнеримская богиня животного и растительного мира, охоты, плодородия, отождествлялась с греческой богиней Артемидой.

Дионис — древнегреческий бог виноградарства и виноделия.

Долий — большой глиняный сосуд для хранения жидких и сыпучих продуктов.

Игры — культовые празднества, устраивавшиеся в определенные

сроки. В период игр граждане не работали, устраивали жертвоприношения богам, торжественные процессии, сценические представления, конные бега и гладиаторские бои.

Ида — гора в центральной части Крита, самая высокая точка острова.

Ида Фригийская — горная цепь на северо-западном побережье Малой Азии. Ныне Каздаг, Турция.

Идалийская — эпитет богини Венеры; *Идалий* (*Идалион*) — город и гора на острове Кипре, где некогда родилась богиня.

Иды — середина месяца в римском календаре. В марте, мае, июле и октябре иды приходились на 15-е число, а в остальных месяцах — на 13-е.

Ирида — древнегреческая богиня радуги, крылатая вестница богов, прислужница богини Геры (*Юноны*).

Календы — первый день каждого месяца в римском календаре.

Кампания — историческая область на западном побережье Италии.

Карфаген — крупнейший торговый и политический центр, располагавшийся в древности на территории современного государства Тунис. Вел долгую борьбу с сицилийскими греками, а позднее и с римлянами за господство в Западном Средиземноморье.

Квирин — древний бог сабинян; обожествленный Ромул.

Кибела — богиня фригийского происхождения, Великая мать, богиня плодородия и материнской силы.

Клер — земельный надел, полученный по жребию.

Клиенты (от лат. *cliens* — зависимый, послушный, подчиненный) — в Древнем Риме так называли людей, находившихся в социальной зависимости от патронов — богатых аристократов, бравших под свою опеку лиц более низкого достатка и положения.

Клоацина — «очистительница», эпитет богини Венеры.

Консул — высшее должностное лицо в Римской республике. Всего было два консула, которых избирало народное собрание сроком на один год. Консулы обладали высшей военной и гражданской властью (империем), имели право созывать сенат и народное собрание, председательствовали в них; в период войны командовали армиями.

Котилия — древний город, лежавший к востоку от Риети, Центральная Италия.

Крон (*Кронос*) — титан, сын Урана и Геи, отец Зевса и других олимпийских богов; отождествлялся с римским Сатурном.

Кумы — древнейшая греческая колония в Италии на побережье Тирренского моря, в Кампании.

Купидон — древнеримский бог любви, отождествлявшийся с греческим Эротом.

Курия — союз мужчин-воинов, а также место для их собраний.

Курульное кресло — один из знаков власти римских высших должностных лиц (магистратов). Представляло собой особое кресло без спинки, с загнутыми ножками, выполненное из слоновой кости, бронзы, золота и др.

Ларунда — древнеиталийская богиня, мать ларов.

Лары — духи умерших предков у римлян, боги-покровители семьи, дома (домашнего очага) и земли, на которой он стоит. Верховным жрецом культа ларов считался глава фамилии. Кроме того, ларов почитали в качестве покровителей соседской общины и добрососедских отношений, и поэтому сооружали для них особые святилища на перекрестках дорог, где соединялись владения нескольких общин или участки ряда усадеб.

Лигурия — историческая область на северо-западе Италии.

Лидия — историческая область на западе Малой Азии; наименование древнего государства.

Лукания — историческая область на юге Италии.

Луцина — древнеримская богиня брака, отождествлявшаяся с греческой Илифией; позднее так именовали Юнону и Диану.

Маворс — древнеиталийское имя бога Марса.

Магистраты — высшие должностные лица. В Римской республике избирались обычно на год и исполняли свои функции безвозмездно. Были курульные магистраты (консулы, преторы, цензоры, курульные эдилы) и некурульные (квесторы, трибуны, плебейские эдилы). Первые обладали большими полномочиями и имели право на особое курульное кресло (*лат. sella curulis*), являвшееся символом их власти. Кроме того, магистраты делились еще на старших (консулы, преторы, цензоры) и младших (эдилы, квесторы) в соответствии с объемом принадлежавшей им власти.

Маны — духи загробного мира у римлян, обожествленные души предков, хранители гробниц.

Марс — древнеримский бог войны, плодородия, сельского хозяйства, частично отождествлявшийся с греческим Аресом.

Марсы — италийское племя, обитавшее в Центральной Италии в районе Фуцинского озера (ныне Фучино, осушено в XIX веке).

Меркурий — древнеримский бог торговли и прибыли, вестник богов, отождествлявшийся с греческим Гермесом.

Мизен — северный мыс Неаполитанского залива.

Микены — укрепленный город на севере Арголиды на Пелопоннесском полуострове.

Миля — древнеримская мера длины, одна миля — около 1480 метров.

Минерва — древнеримская богиня мудрости, покровительница ремесел и искусства, отождествлявшаяся с греческой Афиной.

Музы — древнегреческие богини, покровительницы различных искусств и наук.

Натта — древнеиталийская богиня, спутница Юпитера.

Нептун — древнеримский бог морей, отождествлявшийся с греческим Посейдоном.

Ника — древнегреческая богиня победы.

Нимфы — низшие греческие божества, духи природы, девушки, олицетворявшие различные силы природы, природные объекты и явления.

Номент — древний город в Италии неподалеку от Рима (ныне Ментана).

Ноны — девятый день месяца до ид в римском календаре.

Олимп — горный массив в Греции, на вершине которого обитали боги.

Опе — древнеримская богиня урожая и богатства.

Оски — италийское племя, обитавшее в Южной Италии.

Паг — низшая общественно-территориальная организация.

Паллада — эпитет древнегреческой богини Афины.

Пан — древнегреческий бог дикой природы, лесов и пастбищ, защитник пастухов и скота, изображался как получеловек с козлиными ногами, рогами и длинной бородой.

Пелопоннес — полуостров, связанный с материковой Грецией Истмийским перешейком.

Пенаты — домашние боги у римлян, хранители домашнего очага и хозяйства, домашних припасов и кладовой.

Пицен — историческая область на восточном побережье Италии.

Портик — галерея с колоннадой, открытая с одной стороны.

Посейдон — древнегреческий бог морей и вод.

Прозерпина — латинское наименование Персефоны, древнегреческой богини подземного царства и плодородия.

Пунийцы — латинское наименование жителей Карфагена и других североафриканских городов, основанных финикийцами.

Пэан (пеан) — победная песня.

Реатинская земля — ныне регион Сабина, Центральная Италия.

Рея — богиня, сестра и супруга Кроноса, мать олимпийских богов, позднее отождествлялась с Кибелой.

Ростральная трибуна (ростры) — ораторская трибуна на римском форуме, украшенная носами (рострами) трофейных вражеских кораблей.

Селена — древнегреческая богиня луны.

Сивилла — ясновидящая, предсказательница. Самой известной была Сивилла из Кум.

Сильван — древнеиталийский бог лесов, полей, садов и усадеб, отождествлявшийся с греческим Паном.

Скилла (Сцилла) — мифическое морское чудовище, в которое якобы превратилась греческая царевна, предавшая своего отца, царя Мегар.

Смирна — крупный торговый город на западном побережье Малой Азии. Ныне Измир, Турция.

Стадий (римский) — мера длины, один стадий — 185 метров.

Стикс — мифическая река подземного царства.

Строфадские острова (Строфадес, Строфады) — два небольших острова в Ионическом море. Принадлежат Греции.

Сумман — древнеиталийский бог ночных молний.

Тавмант — древнегреческое морское божество.

Тартар — наименование подземного царства или его нижней части.

Тевкры — одно из наименований троянцев. Дочь Тевкра, первого царя Трои, стала женой Дардана, а их потомок Трос дал имя Трое.

Тенедос — остров в северной части Эгейского моря, близ пролива Дарданеллы. Ныне Бозджаада, Турция.

Термин — древнеримский бог границ и межевых знаков.

Термодонт — река в Малой Азии.

Тир — древний финикийский портовый город, располагавшийся на территории современного Ливана. Ныне Сур.

Тиринф — укрепленный город в Арголиде на Пелопоннесском полуострове.

Титаны — древнегреческие боги, дети Урана (неба) и Геи (земли), поднявшие бунт против богов-олимпийцев и в наказание за это низвергнутые в Тартар.

Тога — древнеримская мужская верхняя одежда (типа накидки) из

белой шерсти.

Триба — племенная, а также и территориальная единица римской общины.

Тритон — древнегреческое морское божество.

Троада — историческая область на северо-западе Малой Азии.

Фавн — древнеиталийский бог плодородия, лесов и полей, скотоводства и земледелия, часто отождествлялся с греческим Паном.

Фавны — низшие лесные божества у римлян, сходные с греческими сатирами.

Феб — один из эпитетов древнегреческого бога Аполлона.

Фебруй — древнеиталийский бог смерти, очищения и подземного царства.

Феней — древний город в Аркадии на Пелопоннесском полуострове.

Фессалия — историческая область на северо-востоке Греции.

Финей — жестокий фракийский царь, пораженный слепотой за свои преступления. Злобные гарпии воровали у него еду и не давали ему насытиться.

Фламин — жрец определенного бога в Древнем Риме.

Флора — древнеримская богиня растительности, цветов, весны и цветения.

Форум — главная площадь в Древнем Риме, лежащая в низине между Палатином и Капитолием.

Фракия — историческая область на юго-востоке Балканского полуострова.

Фригия — историческая область в западной части Малой Азии.

Фурии — древнеримские богини мщения, обитающие в подземном царстве.

Хариты — три древнегреческие богини красоты, изящества и женской прелести.

Химера — древнегреческое мифическое огнедышащее чудовище.

Хитон — древнегреческая мужская и женская нижняя одежда из шерсти или льна.

Церейская река — река Церетан близ этрусского города Цере.

Церера — древнеиталийская богиня плодородия, земледелия, полей и урожая, отождествлявшаяся с греческой Деметрой.

Эбалий — то есть «спартанец», так как сабиняне считали спартанцев своими предками.

Эвр — восточный ветер.

Эдил — одна из высших государственных должностей в Риме. Эдилы следили за городским хозяйством, строительством, устраивали различные общественные празднества и др. В соответствии с внутренней иерархией высших должностных лиц (магистратов), эдилы принадлежали к младшим из них.

Элида — историческая область на северо-западе Пелопоннеса.

Эниалий — прозвище древнегреческого бога войны Ареса.

Эпир — историческая область на северо-западе Греции.

Эридан — древнегреческое наименование реки По на севере Италии.

Этрурия — историческая область на северо-западе Италии. Ныне Тоскана, с некоторыми прилегающими территориями.

Югер — древнеримская мера площади, один югер составляет 2523,30 квадратного метра.

Юнона — древнеиталийская богиня брака, семьи, материнства и родов, супруга верховного бога Юпитера, отождествлявшаяся с греческой Герой.

Юпитер — верховный бог древних италийцев, бог неба, света и грозы, отец богов, отождествлявшийся с греческим Зевсом.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОМУЛА ^[2]

777, 24 марта — день появления на свет Ромула и его брата-близнеца Рема.

754 — Ромул и Рем свергают альбанского царя Амулия и передают престол своему деду Нумитору.

755, 21 апреля — Ромул проводит ритуал основания города Рима. Май — Ромул убивает своего брата Рема.

21 августа — первый праздник Консуалий, во время которого Ромул организовывает похищение девушек.

752, весна — война с соседним городом Цениной.

1 марта — триумфальное шествие в Риме, посвященное победе Ромула над царем ценинцев Акроном.

751–738 — в этот период произошли следующие события: война с жителями Антемны и Крустумерии; война с сабинянами; заключение мира с сабинянами; совместное пятилетнее правление Ромула и Тита Тация; первая война с жителями Камерии; смерть Тита Тация; война с жителями Фиден.

737 — вторая война с жителями Камерии.

Лето — триумфальное шествие в Риме в честь победы Ромула над Камерией.

736/726? — война с жителями этрусского города Вейи.

75 октября — триумфальное шествие в честь победы Ромула над Вейями.

776, 7 июля — смерть Ромула.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

Ромул и Рем. Скульптор К. Броджи. XIX в. Медальон на фасаде церкви монастыря Чертоза-ди-Павия. Италия. Провинция Павия

Венера и Анхиз. Художник Б. Р. Хейдон. 1826 г. США. Нью-Хейвен. Йельский центр британского искусства. Согласно легенде, от любви богини Венеры к троянскому царю Анхизу родился герой Эней, дед Ромула и Рема

Родословие Ромула и Рема. 1654 г.

Из книги Ф. де Росси «Портрет античного Рима». Лос-Анджелес.
Библиотека Исследовательского института Гетти

Гибель Лаокоона. Фреска. Помпеи. Дом Менандра

Троянский конь. Фреска. Помпеи

Бегство Энея из Трои. Художник Ф. Бароччи. 1598 г. Рим. Галерея Боргезе. На плечах героя — его отец Анхиз, слева — сын Асканий, справа — жена Креуса

*Смерть Дидоны. Художник Ж. Сталлаерт. Около 1872 г. Брюссель.
Бельгийские королевские музеи изобразительных искусств*

Богиня Юнона.

II в. н. э. Мрамор. Рим. Ватиканские музеи. Музей Пия-Климента

Прибытие Энея в Италию. Утро Римской империи. Художник К. Лоррен (Желле). XVII в. Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина

Эней приносит жертвы пенатам. Рим. Алтарь мира

Аллея алтарей близ Лавиния. Италия. Пратика-ди-Маре

Эней встречается с царем Эвандром. 1635 г. Гравюра

Эней побеждает Турна. Художник Л. Джордано. XVII в.

Могила культуры Вилланова с характерной биконической урной. IX–VIII вв. до н. э. Италия. Вольтерра. Музей Гуарначчи

*Погребальная глиняная урна в форме хижины. IX в. до н. э.
Археологическая культура Лация. Тарквиния. Национальный
археологический музей*

Виллановианская утварь. IX–VIII вв. до н. э. Париж. Лувр

*Сын Энея Асканий, основатель Альба-Лонги. 1553 г. Художник Г. Руйе.
Из сборника гравюр «Promptuarii Iconum Insigniorum». Лион*

Древнеримские руины в Альбано-Лациале — возможном месте нахождения легендарной Альба-Лонги. Италия. Провинция Лацио

Царь Альба-Лонги Амулий Сильвий.

1493 г. Ксилография из латинского издания «Нюрнбергской хроники» Х. Шеделя. По преданию, он завоевал власть, сместив старшего брата Нумитора силой

Нумитор Сильвий — царь Альба-Лонги, внук Энея, отец Реи Сильвии и дед близнецов Ромула и Рема. 1493 г. Ксилография из латинского издания «Нюрнбергской хроники» Х. Шеделя

Амулий посвящает свою племянницу Рею Сильвию (Илию) богине Весте. Художник Дж. Б. Фонтана. 1575 г. Из серии гравюр «История Ромула и Рема»

Марс и Рея Сильвия. Художник П. П. Рубенс. Около 1617–1620 гг. Вена. Лихтенштейнская картинная галерея. В римской мифологии весталка Рея Сильвия забеременела от бога Марса

*Рождение у Реи Сильвии близнецов Ромула и Рема. Около 1474 г.
Ксилография из книги Дж. Боккаччо «О знаменитых женщинах» («De
clans mulieribus»)*

Кормление Ромула и Рема волчицей. Художник А. Карраччи. 1589–1592 гг. Фреска. Болонья. Дворец Маньяни

Персонификация Тибра. II в. н. э. Мрамор. Тиволи. Музей Канопы

*Рельеф с изображением волчицы с Ромулом и Ремом. I–II в. н. э.
Швейцария. Аванш. Музей древностей*

Ромул, Рем и волчица. Около 510 г. Фрагмент мозаики. Сирия. Мааррат-эн-Нууман. Археологический музей

*Фаустул находит волчицу с близнецами Ромулом и Ремом. II в. н. э.
Декоративный рельеф (Кампанская плитка). Глина. Берлин.
Государственные музеи, Пергамский музей*

Пастух Фаустул приносит Ромула и Рема своей жене.

Художник Н. Миньяр. 1654 г. США. Даллас. Музей искусств

Акка Ларенция.

*Скульптор Я. делла Кверча. Середина XV в. Мрамор. Сиена. Палаццо
Публико*

«Domus Romuli».

Художник Дж. Вази. 1754 г. Из книги Дж. Вази «Дворцы и знаменитые улицы Рима»

Алтарь с изображением Руминальской смоковницы, волчицы, Ромула и Рема. Эпоха Августа. Ареццо. Археологический музей

*Братьев-близнецов Ромула и Рема представляют богине охоты Диане.
Художник А. П. Пику. 1882 г.*

Ромул, основатель и первый царь Рима.

Художник Т. Галле. 1675 г. Гравюра

Луперкалии.

Художник А. Камассей. Около 1635 г. Мадрид. Прадо

Нумитор после смерти Амулия восстанавливает свои права на трон Альбы. Художник Дж. Б. Фонтана. 1575 г. Из серии гравюр «История Ромула и Рема»

Группа холмов, место будущего Рима, в нижнем течении Тибра.

Макет. Рим. Музей Римской цивилизации

Птицегадание Ромула и Рема на Палатине.

Художник Дж. Б. Фонтана. 1575 г. Из серии гравюр «История Ромула и Рема»

Деревушка на Палатинском холме.

Макет. Рим. Музей Римской цивилизации

Основание Рима. Художник Л. Карраччи. 1589 — 1592 гг.

Фреска. Болонья. Дворец Маньяни

Ромул убивает своего брата Рема. XIX в. Гравюра

*«Дом Ромула» в Риме на Палатинском холме. VIII в. до н. э.
Археологические раскопки XX в.*

Похищение сабинянок.

Художник Ф. Прадилья. 1874 г. Мадрид. Университет Комплутенсе

Похищение сабинянок.

*Скульптор Джамболоньи. 1583 г. Мрамор. Копия. Флоренция. Лоджия
Ланци*

Ромул, победивший Акрона.

Художник Ж. О. Д. Энгр. 1812 г. Париж. Школа изящных искусств

*Первый римский храм Юпитера Феретрия, где хранились «тучные доспехи» поверженного царя Акрона. Реконструкция «Studio Inklinc».
Флоренция*

Сабинский воин Меттий Курций погружается в болото.

Рельеф. Конец I в. до н. э. Рим. Капитолийские музеи, Дворец консерваторов

Сабинянки, останавливающие сражение между римлянами и сабинянами. Художник Ж. Л. Давид. 1799 г. Париж. Лувр.

В центре композиции Герсилия, разнимающая Тита Тация и Ромула

Геркулес.

Конец II в. н. э. Позолоченная бронза. Рим. Ватиканские музеи. Музей Пия-Климента

Ромул возносит жертву Геркулесу.

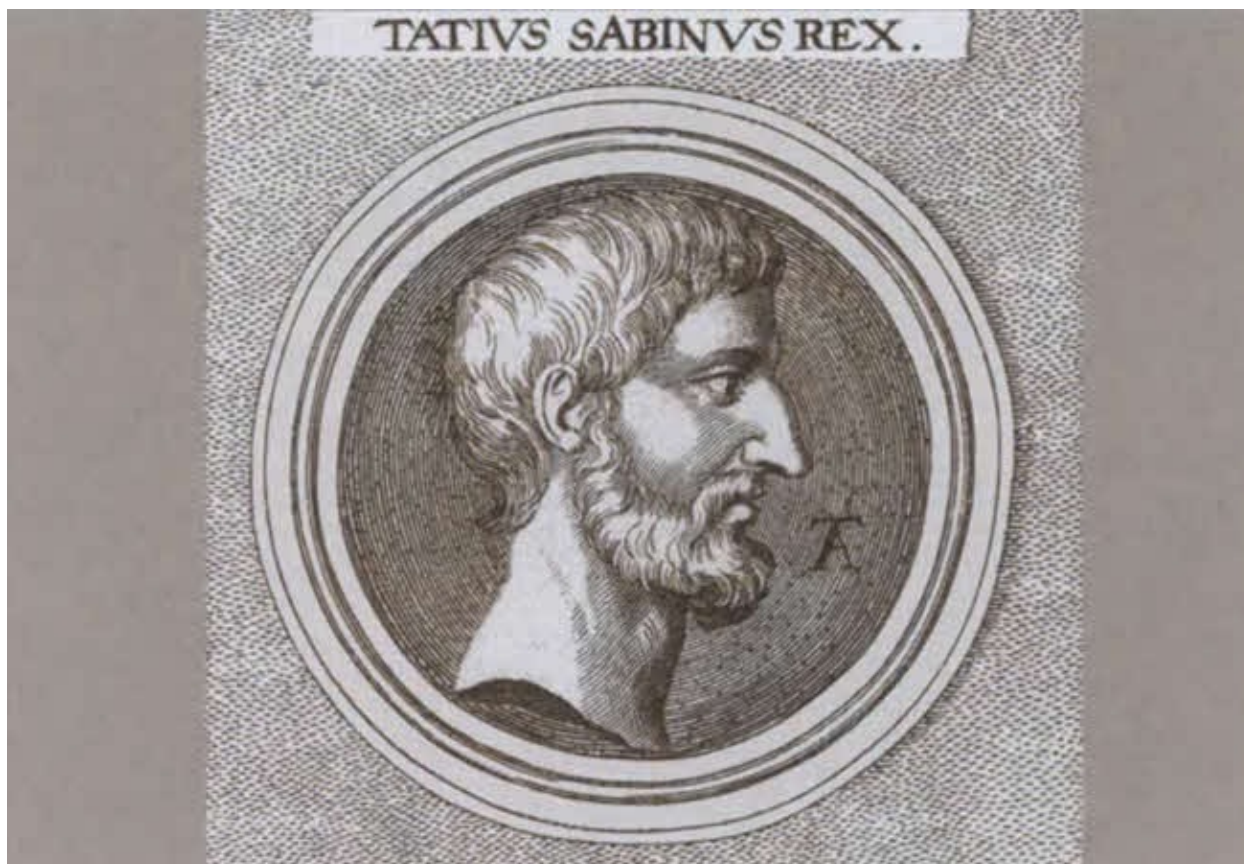
Художник Дж. Б. Фонтана. 1575 г. Из серии гравюр «История Ромула и Рема»

Денарий с изображениями головы сабинского царя Тита Тация (аверс) и Тарпеи, гибнущей под щитами сабинян (реверс). 89 г. до н. э. Рим

Тарпейская скала. Рим

Соправитель Ромула царь Тит Таций.

Художник Т. Галле. 1675 г. Гравюра

Смерть Тита Тация.

До 1833 г. Художник Ж. Реатту. Франция. Арль. Музей Реатту

Юпитер, сидящий на троне.

1 в. н. э. Бронза. США. Балтимор. Художественный музей Уолтерсов

Реконструкция Рима VIII века до н. э. Вид с юга. Справа — Капитолий с храмом Юпитера. Глубокая долина в центре — будущий Форум.

Макет. Рим. Музей Римской цивилизации

Изображение бога Квирина (аверс), под именем которого был обожествлен Ромул, и сидящей на троне богини Цереры (реверс). Денарий Гая Меммия.

56 г. до н. э. Лондон. Британский музей

Явление Ромула Прокулу Юлию.

*Художник П. П. Рубенс. XVII в. Великобритания. Кардифф.
Национальный музей*

Руины храма Юпитера Статора. Рим. Палатин

Раскопки на Палатинском холме. Рим

*Археологический комплекс «Черный камень» (Lapis Niger). VII в. до н. э.
Римский форум*

Стела с текстом на архаичной латыни, найденная в месте возможного захоронения Ромула и его приемного отца Фаустула («Черный камень»). VII в. до н. э. Рим. Национальный музей (Термы Диоклетиана)

Символ Рима — Капитолийская волчица. Фигура волчицы — XI–XII вв. Фигурки близнецов — конец XV в., скульптор А. дель Поллайоло. Бронза. Рим. Капитолийские музеи, Дворец консерваторов

Вечный город...

ЛИТЕРАТУРА

Источники

[*Валерий Максим*] Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять: Ч. 1–2 / Пер. с лат. И. А. Алексеева. СПб., 1772.

[*Сочинители истории Августов*] Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. с лат. С. П. Кондратьева. М., 1992.

Авл Геллий. Аттические ночи: Кн. I–X / Пер. с лат. колл. авт. СПб., 2007.

Авл Геллий. Аттические ночи: Кн. XI–XX / Пер. с лат. колл. авт. СПб., 2008.

Аврелий Августин. О граде Божием *Пер. Киевской духовной академии* / *Блаженный Августин*. Творения: В 4 т. СПб.; Киев, 1998. Т. 3–4.

Анней Флор. Две книги римских войн / Пер. с лат. А. Немировского, М. Дашковой *И* *Малые римские историки* / Пер. с лат. М., 1996.

Аппиан Александрийский. Римская история / Пер. с др. — греч. колл. авт. М., 1998.

Арнобий. Против язычников / Пер. с лат. Н. М. Дроздова. СПб., 2008.

Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Пер. с лат. С. Ю. Трохачева. СПб., 2007.

Варрон. Сельское хозяйство / Пер. с лат. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1963.

Веллей Патеркул. Римская история / Пер. с лат. А. И. Немировского *И* *Малые римские историки* / Пер. с лат. М., 1996.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С. В. Шервинского, С. А. Ошерова. М., 1979.

Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. с лат. Ф. А. Петровского. М., 2014.

Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

Гесиод. Полное собрание текстов / Пер. с др. — греч. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко. М., 2001.

Гигин. Мифы / Пер. с лат. Д. О. Торшилова. СПб., 2000.

- Дигесты Юстиниана*. Т. 1. Кн. I–IV / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2002.
- Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека. Греческая мифология: Кн. IV–VII / Пер. с др. — греч. О. П. Цыбенко. М., 2000.
- Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека. Кн. VIII–X: Фрагменты / Пер. с др. — греч. О. П. Цыбенко. СПб., 2012.
- Дионисий Галикарнасский*. Римские древности: В 3 т. / Пер. с др. — греч. колл. авт.; отв. ред. И. Л. Маяк. М., 2005.
- Евтропий*. Бrevиарий от основания Города / Пер. с лат. Д. В. Кареева, Л. А. Самуткиной. СПб., 2001.
- Иоанн Лаврентий Лид*. О должностях Римского государства: Кн. 1 Пер. М. М. Синицы / Классическая и византийская традиция. 2014 / Под ред. Н. Н. Болгова. Белгород, 2014.
- Иоанн Малала*. Хронография: Кн. VII–XII / Пер. Н. Н. Болгова И Мир поздней античности. 2016. Вып. 7.
- Кассий Дион Коккейан*. Римская история: Кн. LI–LXI11 / Пер. с др. — греч. под ред. А. В. Махлаюка. СПб., 2014.
- Квинт Гораций Флакк*. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1970.
- Квинтилиан, Марк Фабий*. Риторические наставления / Пер. с лат. А. Никольского. СПб., 1834. Ч. 1–2.
- Киприан Карфагенский*. О суете идолов // Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского / Пер. Киевской духовной академии. Киев, 1879. Ч. 2.
- Конон*. Повествования {Фотий. Мириобиблион. Кодекс 186} / Пер. Л. А. Фрейберг // Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969.
- Корнелий Непот*. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках/Пер. с лат. Н. Н. Трухиной. М., 1992.
- Лактанций*. Божественные установления: Кн. I–VII / Пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб., 2007.
- Лактанций*. Эпитомы Божественных установлений // *Лактанций*. О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений/Пер. с лат. В. М. Тюленева. М.; СПб., 2014.
- Ликофрон*. Александра Пер. с др. — греч. И. Е. Сурикова / Вестник древней истории. 2011. № 1–2.
- Лукан, Марк Анней*. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне / Пер. с лат. Л. Е. Остроумова. М., 1993.
- Луций Ампелий*. Памятная книжица / Пер. с лат. А. И. Немировского // Малые римские историки / Пер. с лат. М., 1996.

- Макробий Феодосий. Сатурналии* / Пер. В. Т. Звиревича. М., 2013.
- Марциал, Марк Валерий. Эпиграммы* / Пер. с лат. Ф. А. Петровского, М. Л. Гаспарова. СПб., 1994.
- Минуций Феликс. Октавий Пер. с лат. М. Е. Сергеенко* / Богословские труды. 1981. № 22.
- Ночное празднество Венеры Пер. Ю. Шульца* / Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат. М., 1982.
- Овидий Назон, Публий. Метаморфозы* / Пер. с лат. С. В. Шервинского. М., 1977.
- Овидий Назон, Публий. Элегии и малые поэмы* / Сост. и предисл. М. Гаспарова; коммент., ред. пер. М. Гаспарова, С. Ошерова. М., 1973.
- Павел Диакон. Эпитома сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов»* / Пер. с лат. А. А. Павлова. М.; СПб., 2018.
- Павел Орозий. История против язычников: Кн. I–VII* / Пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб., 2004.
- Павсаний. Описание Эллады: В 2 т.* / Пер. с др. — греч. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк. М., 2002. Т. 2.
- Первый Ватиканский мифограф* / Пер. с лат. В. Н. Ярхо. СПб., 2000.
- Плиний Старший. [Естественная история] Естествознание. Об искусстве: Кн. XXXIII–XXXVII* / Пер. с лат. Г. А. Тароняна. М., 1994.
- Плиний Старший. Естественная история (Кн. XIV–XV) Пер. с лат. М. Е. Сергеенко* / Ученые земледельцы древней Италии. М., 1970.
- Плиний Старший. Естественная история: Кн. III Пер. с лат. Б. А. Старостина* / Архив истории науки и техники. 2010. Вып. 4.
- Плиний Старший. Естественная история: Кн. IX Пер. с лат. Г. С. Литичевского* / Архив истории науки и техники. 1995. Вып. 1.
- Плиний Старший. Естественная история: Кн. XVII–XVIII // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. Катон. Земледелие. Рязань, 2009.*
- Плутарх. Морали: Собрание параллельных греческих и римских историй Пер. с др. — греч. Н. В. Васильевой* / Вестник древней истории. 1980. № 2.
- Плутарх. Об удаче римлян* / Пер. с др. — греч. Г. П. Чистякова, Э. Г. Юнца И Чистяков Г. П. Труды по античной истории. М.; СПб., 2016.
- Плутарх. Римские вопросы* / Пер. с др. — греч. Н. В. Брагинской // *Плутарх. Застольные беседы* / Пер. с др. — греч. колл. авт. Л., 1990.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т.* / Пер. с др. — греч. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и др.; изд. подг.: С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М., 1994.

Полибий. Всеобщая история: В 3 т. / Пер. с др. — греч. и предисл. Ф. Г. Мищенко. М., 1995–2005. Т. 2.

Полиэн. Стратегемы / Пер. с др. — греч. под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002.

Проперций. Элегии Пер. с лат. Л. Е. Остроумова / Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций / Пер. с лат.; предисл. и ред. Ф. А. Петровского. М., 1963.

Секст Аврелий Виктор. О знаменитых людях / Пер. с лат. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Пер. с лат. А. И. Донченко, В. С. Соколова; коммент. А. И. Донченко, М. Ф. Высокого, М. Л. Хорькова. М., 1997.

Секст Аврелий Виктор. Происхождение римского народа / Пер. с лат. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Пер. с лат. А. И. Донченко, В. С. Соколова; коммент. А. И. Донченко, М. Ф. Высокого, М. Л. Хорькова. М., 1997.

Секст Помпей Фест. О значении слов (с выдержками Павла Диакона) Пер. и коммент. А. Н. Грешных / Древний Восток и античный мир. 2005. Вып. 7.

Секст Руф. Бrevиарий о победах и провинциях римского народа Пер. с лат. Т. И. Кузнецовой / Памятники поздней античной научно-художественной литературы II — V веков / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 1964.

Сенека, Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Пер. с лат. С. А. Ошерова. М., 1977.

Сенека. О скоротечности жизни // Луций Анней Сенека. Философские трактаты / Пер. с лат. Т. Ю. Бородай. СПб., 2000.

Сервий. Комментарии к Энеиде (К книге I: Фрагменты) / Пер. с лат. Н. А. Федорова // Вергилий. Энеида. М., 2001.

Стаций, Публий Папиний. Сильвы / Пер. с лат. Т. Л. Александровой. СПб., 2019.

Страбон. География / Пер. с др. — греч. Г. А. Стратановского. М., 1994.

Тацит. Анналы Пер. с лат. А. С. Бобовича / Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Л., 1969. Т. 1: Анналы. Малые произведения.

Тацит. История Пер. с лат. Г. С. Кнабе / Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Л., 1969. Т. 2: История.

Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле / Пер. с лат. А. Ю. Братухина. СПб., 2005.

Тертуллиан. К язычникам / Пер. с лат. И. И. Маханькова // Тертуллиан.

Избранные сочинения / Пер. с лат.; ред. и сост. А. А. Столярова. М., 1994.

Тертуллиан. О зрелищах / Пер. с лат. Э. Г. Юнца // *Тертуллиан. Избранные сочинения* / Пер. с лат.; ред. и сост. А. А. Столярова. М., 1994.

Тибулл. Элегии Пер. с лат. Л. Е. Остроумова / Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций / Пер. с лат.; пред, и ред. Ф. А. Петровского. М., 1963.

Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. / Пер. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин; отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1989–1993. Т. 1.

Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела Пер. С. П. Кондратьева / Греческие полиоркеттики. Флавий Вегетий Ренат / Пер. с др. — греч. и лат. колл. авт. СПб., 1996.

Фронтин, Секст Юлий. Военные хитрости (Стратегемы) / Пер. с лат. А. Б. Рановича. СПб., 1996.

Цензорин. О дне рождения Пер. с лат. В. Л. Цымбурского / Вестник древней истории. 1986. № 2–3.

Цицерон, Марк Туллий. Об обязанностях Ц Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. с лат., коммент. В. О. Горенштейна; изд. подг. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко. М., 1993.

Цицерон, Марк Туллий. Об ораторе Пер. с лат. Ф. А. Петровского / *Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве* / Пер. с лат. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова; под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1972.

Цицерон, Марк Туллий. Речи: В 2 т. / Изд. подг. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек; пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1962. Т. 1.

Цицерон, Марк Туллий. Речь в защиту Л. Корнелия Бальба Пер. с лат. В. О. Горенштейна / Вестник древней истории. 1987. № 2.

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1966.

Цицерон. Тускуланские беседы / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова // *Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения* / Сост. и коммент. М. Л. Гаспарова, С. А. Ошерова, В. М. Смирин; вступ. ст. Г. С. Кнабе. М., 1975.

Цицерон. Философские трактаты. О природе богов. О дивинации. О судьбе / Пер. с лат. М. И. Рижского. М., 1997.

Элиан. Пестрые рассказы / Пер. с др. — греч. С. В. Поляковой. М., 1963.

Энний. Анналы / Пер. с лат. С. А. Ошерова // *Хрестоматия по ранней римской литературе* / Сост. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. М., 1984.

Ювенал. Сатиры / Пер. с лат. Д. Недовича и Ф. Петровского // *Римская*

сатира / Сост. М. Л. Гаспаров. М., 1989.

Юстин, Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» I Пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского. СПб., 2005.

Все остальные античные, а также средневековые авторы, что-либо писавшие о Ромуле и его эпохе, широко представлены в следующем издании:

La Leggenda di Roma / A siga di A. Carandini. Milano, 2006–2014. Vol. I–IV.

Исследования

Белкин М. В. Римский сенат в эпоху царей // Проблемы античной истории. СПб., 2003.

Гончаров В. А. Архаические черты в образе Пика // Норция. 2009. Вып. 6.

Грэхэм А. Дж. Колониальная экспансия Греции // Расширение греческого мира: VIII — VI вв. до н. э. М., 2007. (Кембриджская история древнего мира. Т. 3. Ч. 3.)

Гюнтер Р. К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме // Вестник древней истории. 1959. № 1.

Данилов Е. С. Romuli Asylum в античной нарративной традиции И Восточная Европа в древности и средневековье. 2011. Вып. XXIII.

Дементьева В. В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

Дюмезиль Ж. Религия Древнего Рима. СПб., 2018.

Ельницкий Л. А. Археологическая документация древнейшего периода истории Рима // Вестник древней истории. 1960. № 1.

Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III веках до н. э. М., 1964.

Ельницкий Л. А. У истоков древнеримской культуры и государственности И Вестник древней истории. 1958. № 3.

Ерофеева Н. Этррусское Ruma в контексте римской легенды // Этрруски и Средиземноморье: язык, археология, искусство. М., 1994.

Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / Л. Л. Кофанов, А. М. Сморгачев и др. М., 2001.

Игнатенко А. В. О начале государственности в Риме (К вопросу о возникновении политической власти) // Античная древность и Средние века: [Вып. 24]: Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988.

Ильинская Л. С. История и культура античной Италии и Рима в свете археологических открытий последнего десятилетия // Вестник древней истории. 1973. № 1.

Ильинская Л. С. Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М., 1988.

Ильинская Л. С. Находки в древнем Лации и их место в понимании традиции об Энее на Западе // Вестник древней истории. 1983. № 3.

Коннолли П. Греция и Рим: Энциклопедия военной истории. М., 2000.

Коптев А. В. XII таблиц и календарь архаического Рима: К вопросу об обществе и эпохе записи древнейших римских законов // Власть, личность, общество в античном мире. М., 1997.

Коптев А. В. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме // Вестник древней истории. 1992. № 3.

Коптев А. В. Архаический Рим: от царей к консулам // Вестник РГНФ. 1997. № 3.

Коптев А. В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме // Вестник древней истории. 1998. № 3.

Коптев А. В. От praepositus celerium к magister equitum: Целер, Брут и проблема наследования царской власти в архаическом Риме // Античность и Средневековье Европы. Пермь, 1998.

Коптев А. В. Правовой механизм передачи царской власти в архаическом Риме и сакральные функции трибуна целеров // Древнее право. 1997. № 1.

Коптев А. В. Рим и Альба: К проблеме наследования царской власти в архаическом Риме // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Вологда, 1997.

Коптев А. В. Царская власть, календарь и обряды Луперкалий в Раннем Риме // Мнемон. 2013. Вып. 13.

Кофанов Л. Л. Lex и Jus: Возникновение и развитие римского права в VIII–III веках до н. э. М., 2006.

Кофанов Л. Л. Атрибуты власти магистратов в архаическом Риме // Древнее право. 1998. № 1.

Кофанов Л. Л. Характер царской власти в Риме VIII–VI веков до н. э. // Антиковедение и медиевистика. 2001. Вып. 3.

- Кулаковский Ю. А. К вопросу о начале Рима. М., 2014.
- Луццатто Дж. Экономическая история Италии: Античность и Средние века. М., 1954.
- Маяк И. Л. Проблема генезиса римского полиса // Вестник древней истории. 1976. № 4.
- Маяк И. Л. Проблема населения древнейшего Рима // Вестник древней истории. 1979. № 1.
- Маяк И. Л. Рим первых царей (Генезис римского полиса). М., 1983.
- Маяк И. Л. Римские древности по Авлу Геллию: история, право. М., 2012.
- Модестов В. И. Введение в римскую историю: Ч. 1: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. СПб., 1902.
- Модестов В. И. Древнейший период Рима // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Июнь.
- Модестов В. И. Еще о памятниках царского периода и древнейшей латинской надписи на римском форуме // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ноябрь.
- Модестов В. И. О происхождении сиколов // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Ноябрь; Декабрь.
- Модестов В. И. О том, откуда пришли и кто были латиняне // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ноябрь; Декабрь.
- Модестов В. И. Памятники царского периода и древнейшая латинская надпись на римском форуме // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Март.
- Момильяно А. Древнейшая история Рима // Возвышение Рима: от основания до 220 года до н. э. М., 2015. (Кембриджская история древнего мира. Т. 7. Кн. 2.)
- Моммзен Т. История Рима: В 4 т. Ростов н/Д.; М., 1997. Т. 1.
- Мухина М. В. Власть римских царей в VIII–VII веках до н. э. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 2. Вып. 3.
- Немировский А. И. Идеология и культура Раннего Рима. Воронеж, 1964.
- Немировский А. И. История Раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962.
- Немировский А. И. Племена Италии во II тысячелетии до нашей эры // Вестник древней истории. 1957. № 1.
- Немировский А. И. Царская власть у этрусков // Норция. 1971. Вып. 1.
- Немировский А. И. Этруски в греческой литературе и историографии //

Вестник древней истории. 1976. № 3.

Немировский А. И. Этруски: От мифа к истории. М., 1983.

Нетушил И. В. Легенда о близнецах Ромуле и Реме. М., 2014.

Нетушил И, В. Нынешняя Капитолийская волчица // Филологическое обозрение. 1900. Т. 18.

Нетушил И. В. О типе Руминальской волчицы // Филологическое обозрение. 1900. Т. 19.

Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей: В 2 т. Харьков, 2014. Т. 1.

Нетушил И. В. Прототип Руминальской волчицы // Филологическое обозрение. 1901. Т. 20.

Нетушил И. В. Римские три трибы // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Декабрь.

Нетушил И. В. Руминальская смоковница и волчица братьев Огульниев//Филологическое обозрение. 1899. Т. 16.

Нечай Ф. М. Е. Гьертстэд о догородском периоде Рима в свете данных археологии и традиции // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1974.

Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972.

Огилви Р М., Драммонд Э. Источники по ранней истории Рима // Возвышение Рима: от основания до 220 года до н. э. М., 2015. (Кембриджская история древнего мира. Т. 7. Кн. 2.)

Религия и община в Древнем Риме / Под ред. Л. Л. Кофанова, Н. А. Чаплыгиной. М., 1994.

Риджуэй Д. Доисторическая Италия: От бронзового века к железному// Персия, Греция и западное Средиземноморье. М., 2011. (Кембриджская история древнего мира. Т. 4.)

Риджуэй Д. Этруски // Персия, Греция и западное Средиземноморье. М., 2011. (Кембриджская история древнего мира. Т. 4.)

Салмон Э. Т. Железный век: народы Италии // Персия, Греция и западное Средиземноморье. М., 2011. (Кембриджская история древнего мира. Т. 4.)

Сидорович О. В. Жреческая традиция в Древнем Риме: Культ, ритуал, история. М., 2018.

Сморчков А, М. Религия и власть в Римской республике: Магистраты, жрецы, храмы. М., 2012.

Стоффель Э. Плутарх, Ромул, 21, или как его интерпретировать // Древнее Средиземноморье: Религия, общество, культура / Ред. и сост. О. П. Смирнова, А. Л. Смышляев. М., 2005.

Токмаков В. Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. М., 2007.

Топоров В. Н. Эней — человек судьбы: К «средиземноморской» персонологии. М.» 1993. Ч. 1.

Торелли М. Архаический Рим между Лацием и Этрурией // Возвышение Рима: от основания до 220 года до н. э. М., 2015. (Кембриджская история древнего мира. Т. 7. Кн. 2.)

Федорова Е. В. Знаменитые города Италии: Рим, Флоренция, Венеция. Памятники истории и культуры. М., 1985.

Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969.

Федорова Е. В. Ранняя латинская письменность (VIII–II века до н. э.). М., 1991.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983.

Циркин Ю. Б. Мифы Древнего Рима. М., 2000.

Шайд Дж. Религия римлян. М., 2006.

Шилюк Н. Ф. Социальная структура раннеримского общества // Античная древность и Средние века [Вып. 22]: Проблемы социального развития. Свердловск, 1985.

Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.

Эббот Дж. Ромул: Основатель вечного города. М., 2004.

Энман А. Ф. Легенда о римских царях: Ее происхождение и развитие. СПб., 1896.

Энман А. Ф. Могила Ромула // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ноябрь; Декабрь; 1901. Февраль.

Эргон Ж. Повседневная жизнь этрусков. М., 2009.

Alfoldi A. Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965.

Bloch R. The Origins of Rome. New-York, 1960.

Briquet D. Le Regard des autres. Les origines de Rome vues par ses ennemis. Besançon, 1997.

Bruggisser Ph. Romulus Servianus. Bonn, 1987.

Camous T. Romulus. Le reve de Rome. Paris, 2010.

Carandini A. Il fuoco sacro di Roma: Vesta, Romolo, Enea. Roma — Bari, 2015.

Carandini A. La nascita di Roma. Ddi, Lari, eroi e uomini all'alba di una civiltá. Turin, 1997.

Carandini A. Remo e Romolo. Dai rioni dei Quiriti alia cittá dei Romani.

(775/750-700/675 a. C). Turin, 2006.

Carandini A., Cappelli R. Roma. Romolo, Remo e la fondazione della città. Milano, 2000.

Carandini A., Ippoliti M. Giove custode di Roma. Il dio che difende la città. Novara, 2016.

Cardinali G. Le origini di Roma. Roma, 1949.

Cornell T. J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000—264 BC). London — New York, 1995.

Dardenay A. Images des Fondateurs: D'Énée à Romulus. Bordeaux, 2012.

Dench E. Romulus' Asylum: Roman identities from the Age of Alexander to the Age of Hadrian. Oxford, 2004.

Dyer T. H. The History of the Kings of Rome. London, 1868.

Forsythe G. A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. London, 2005.

Fraschetti A. Romolo il fondatore. Roma — Bari, 2002.

Gabba E. Roma arcaica. Storia e storiografia. Roma, 2000.

Gjerstad E. Early Rome. Lund, 1953–1973. Vol. I–VI.

Grafton A., Swerdlow N. The Horoscope of the Foundation of Rome // *Classical Philology*. 1986. № 81/2.

Grandazzi A. La Fondation de Rome. Réflexion sur l'histoire. Paris, 2004.

Lewis G. C. An Inquiry into the credibility of the Early Roman History. London, 1855. Vol. 1.

MacMullen R. The Earliest Romans. Ann Arbor, 2011.

Martinez-Pinna Nieto J. La monarquía romana arcaica. Barcelona, 2009.

Mastrocinque A. Romolo (la fondazione di Roma tra storia e leggenda). Este, 1993.

Momigliano A. Roma arcaica. Florence, 1989.

Newman E. W. Regal Rome. London, 1852.

Pallottino M. Origini e storia primitiva di Roma. Milano, 1993.

Peruzzi E. Civile greca nel Lazio preromano. Florence, 1998.

Poucet J. Les Rois de Rome. Tradition et histoire. Bruxelles, 2000.

Rodriguez-Mayorgas A. Romulus, Aeneas and the Cultural Memory of the Roman Republic // *Athenaeum*. 2010. Vol. I.

Smith C. J. Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000 to 500 BC. Oxford, 1996.

Tennant P. M. W. The Lupercalia and the Romulus and Remus Legend // *Acta Classica*. 1988. Vol. XXXI.

Trump D. H. Central and Southern Italy before Rome. London, 1966.

Wiseman T. P. Remus. A Roman Myth. Cambridge, 1995.

Wiseman T. P. Unwritten Rome. Exeter, 2008.

INFO

Бондаренко М. Е.

Б 81 Ромул / Михаил Бондаренко. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 319[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1831).

ISBN 978-5-235-04371-8

УДК 94»652»(092)

ББК 63.3(0)323

знак информационной продукции 16 +

Бондаренко Михаил Евгеньевич
РОМУЛ

Редактор *Е. С. Писарева*

Художественный редактор *А. С. Козаченко*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 28.12.2019. Подписано в печать 27.01.2020.
Формат 84х 108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 16,8+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 2005010.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суцневская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato

BERTELSMANN

I Supply Cham Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО

«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия,
Ярославль, ул. Свободы, 97

Михаил Бондаренко — историк, специалист в области античной религии и культуры. Выпускник МГУ, там же защитивший кандидатскую диссертацию. Автор пяти научных монографий и большого количества статей. В серии «ЖЗЛ» ранее вышли его жизнеописания Вергилия и Мецената.

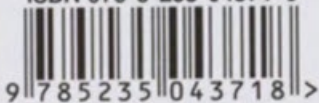
Вы держите в руках уникальную книгу, появление которой в нашей стране еще 20 лет назад было немыслимо. На протяжении XIX–XX веков ученые считали первого римского царя Ромула лишь персонажем красивых сказок, выдумкой античных прозаиков и поэтов, поэтому вопрос о составлении его биографии даже не ставился. Теперь же благодаря новым данным, полученным в последние годы итальянскими археологами в результате раскопок в Риме, можно не сомневаться, что Ромул — историческая личность. Учитывая это, автор не только реконструировал биографию первого римского царя, но и собрал воедино основные свидетельства о нем античных авторов, обретшие теперь иное звучание и позволившие по-новому взглянуть на Ромула — этого поистине замечательного человека, основавшего великий город, которым гордится ныне не одна только Италия, но и весь мир.

Михаил Бондаренко

Михаил Бондаренко — историк, специалист в области античной религии и культуры. Выпускник МГУ, там же защитивший кандидатскую диссертацию. Автор пяти научных монографий и большого количества статей. В серии «ЖЗЛ» ранее вышли его жизнеописания Вергилия и Мецената.

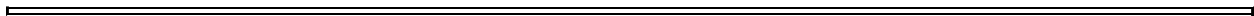
ISBN 978-5-235-04371-8

9 785235 043718 >

Вы держите в руках уникальную книгу, появление которой в нашей стране еще 20 лет назад было немыслимо. На протяжении XIX—XX веков ученые считали первого римского царя Ромула лишь персонажем красивых сказок, выдумкой античных прозаиков и поэтов, поэтому вопрос о составлении его биографии даже не ставился. Теперь же благодаря новым данным, полученным в последние годы итальянскими археологами в результате раскопок в Риме, можно не сомневаться, что Ромул — историческая личность. Учитывая это, автор не только реконструировал биографию первого римского царя, но и собрал воедино основные свидетельства о нем античных авторов, обретшие теперь иное звучание и позволившие по-новому взглянуть на Ромула — этого поистине замечательного человека, основавшего великий город, которым гордится ныне не одна только Италия, но и весь мир.

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я

notes

Примечания

1

Рядом с именем автора — номер, под которым он и его труды приводятся в нижеследующем перечне, составленном в хронологическом порядке.

2

Все даты — до н. э.

comments

Комментарии

Гомер. Илиада. II. 820; Гесиод. Теогония. 1008–1010; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 62. 1–2; Тит Ливий. I. 1.8. Здесь и далее даются ссылки на произведения античных авторов. Римская цифра обозначает номер книги (или песни, если это поэма), первая арабская цифра — номер главы внутри книги (или номер строчки в поэме, или номер стихотворения в книге), вторая арабская цифра (если она имеется) — номер параграфа внутри главы (или номер строчки в стихотворении). Ссылки в *Примечаниях* адресованы особо любознательным читателям, которые пожелают подробнее изучить биографию Ромула и захотят обратиться к первоисточникам. Чтобы облегчить им поиски, перед *Примечаниями* специально приведены «Основные свидетельства античных авторов о Ромуле» (*Приложение I*), в котором содержатся самые важные сведения о первом римском царе.

Аппиан. Римская история. I. 1.2; См. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 2.3. Здесь и далее античные авторы цитируются по публикациям, указанным в *Источниках* (см. *Литература*), за исключением специально оговоренных случаев. В цитатах сохранена орфография и пунктуация переводчиков.

Гомер. Илиада. XIII. 428–433; 463–467; Гомеровские гимны. IV. К Афродите. 257–258; 273–280.

Гомер. Илиада. XX. 89–96; 187–194.

Там же. V. 297–318; 432–448; XX. 79-352.

Там же. XX. 302–303; 307–308; *Гомеровские гимны*. IV. К Афродите. 196–199.

См., напр.: *Ликофрон*. Александра. 1226–1280; *Саллюстий*. О заговоре Катилины. 6. 1; *Варрон*. Сельское хозяйство. II. 4. 18; *Диодор Сицилийский*. VII. 5; *Тибулл*. Элегии. II. 5. 19–22; 39–50; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 45–64; *Тит Ливий*. I. 1. 1–2. 6; *Овидий*. Фасты. III. 523–656; IV. 879–900; VI. 419–436; *Метаморфозы*. XIV. 101–157; 441–458; 527–580; *Страбон*. N. 3. 2; *Плутарх*. Римские вопросы. 45; *Аппиан*. Римская история. I. 1.1; *Полиэн*. VIII. 25. 2; *Юстин*. XLIII. 1. 10–13; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. IX. 1—XIV. 4; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 259; 267; 273 и сл.; *Августин*. О граде Божиим. XVIII. 19; *Первый Ватиканский мифограф*. II. 100.

Гесиод. Теогония. 1011–1013; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 273; VII. 47; Иногда отцом Латина называют Телемаха, сына Одиссея. См.: *Плутарх*. Ромул. 2; *Гигин*. Мифы. 127.

Вергилий. Энеида. VII. 46–47; См. также: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 44. 3; Овидий. Метаморфозы. XIV. 449; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. IX. 1; Сервий. Комментарии к Энеиде. VII. 47.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. 1.43. 1; Фест. Palatium; Юстин. XLIII 1. 9; Другие версии см.: Аполлодор. Мифологическая библиотека. Эпитома. VII. 24; Иоанн Лид. О месяцах. I. 13.

Вергилий. Энеида. VIII. 314–327; Ср.: Вергилий. Энеида. VI. 793–794; О Сатурне см. также: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 36. 1; 38. 1; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. I. 1–4; III. 1–6; Ср.: Юстин. XLIII. 1. 3–4. Кроме того, существовал еще некий царь Итал, в честь которого якобы и была названа Италия: Аристотель. Политика. VII. 9. 2–3; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 12. 3; 35. 1.

Овидий. Фасты. I. 233–248; См. об этом же: *Вергилий*. Энеида. VIII. 355–358; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. I. 3–4; II. 1–4; III. 1; *Макробий*. Сатурналии. I. 7. 19–21.

Юстин. XLIII. 1. 3–5; См. также: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 34. 5; Ср.: Макробий. Сатурналии. I. 7. 27.

Варрон. О латинском языке. V. 42; Вергилий. Энеида. VIII. 355–358;
Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. III. 1; IV. 4.

Вергилий. Энеида. VII. 48–49; 171; Юстин. XLIII. 1. 6; Арнобий. II. 71; Лактанций. Божественные установления. I. 22. 9; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. IV. 3; Августин. О граде Божием. XVIII. 15; Ср.: Диодор Сицилийский. VI. 5; Плутарх. Нума. 15.

Овидий. *Метаморфозы*. XIV. 310–434; См. также: *Вергилий*. *Энеида*. VII. 187–191; Ср.: *Плутарх*. *Римские вопросы*. 21; *Сервий*. *Комментарии к Энеиде*. VII. 190.

Вергилий. Энеида. VII. 47–48; Тертуллиан. К язычникам. II. 9; Юстин. XLIII. 1. 6; Арнобий. II. 71; Лактанций. Божественные установления. I. 22. 9; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. IV. 4–6; Августин. О граде Божием. XVIII. 15; Сервий. Комментарии к Энеиде. VIII. 314; Ср.: Диодор Сицилийский. VI. 5.

Вергилий. Энеида. VIII. 333–336; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 31. 1–2; II. 1. 3; Тит Ливий. I. 7. 8; Овидий. Фасты. I. 467–542; Плутарх. Римские вопросы. 56; Павсаний. Описание Эллады. VIII. 43. 2; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. V. 1–2; Ср.: Варрон. О латинском языке. V. 21; Сервий. Комментарии к Энеиде. VIII. 51; Первый Ватиканский мифограф. I. 69.

Вергилий. Энеида. VIII. 97—101; 313; 337—358; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 31. 2—3; *Овидий*. Фасты. I. 467—542; *Страбон*. V. 3. 3; *Павсаний*. Описание Эллады. VIII. 43. 2; *Юстин*. XLIII. 1. 6; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. V. 3; Ср.: *Солин*. I. 14; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 273; VII. 678; VIII. 51; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 69. 2.

Полибий. Всеобщая история. VI. 2; *Вергилий*. Энеида. VIII. 51–54; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 31. 4; 32. 1; II. 1. 3; *Тит Ливий*. 1. 5. 1; *Павсаний*. Описание Эллады. VIII. 43. 2; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. V. 3; Ср.: *Варрон*. О латинском языке. V. 53; *Фест*. Palatium; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 51; *Исидор Севильский*. Этимологии. XV. 3. 5; *Первый Ватиканский мифограф*. 1. 69. 2.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 32. 3–5; 33. 1–4; 40. 2; *Тит Ливий*. I. 7. 8; *Овидий*. Фасты. V. 91 — 106; *Тацит*. Анналы. XI. 14; *Гигин*. Мифы. 277; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. V. 3–4.

Варрон. Сельское хозяйство. II. 4. 18; Ср.: Кассий Гемина (См.: Диомед. GL. I. 384) ошибочно связывает рассказ о свинье с историей Ромула и Рема.

См., напр.: *Гесиод*. Теогония. 280–294; 981–983; *Аполлдор*.
Мифологическая библиотека. II. 5. 10.

Вергилий. Энеида. VIII. 190–267; См. об этой же легенде: Проперций. Элегии. IV. 9. 1—20; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 39. 1–4; Тит Ливий. I. 7. 4—11; Овидий. Фасты. I. 543–584; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. VI–VII; Сервий. Комментарии к Энеиде. VIII. 190; Первый Ватиканский мифограф. I. 68.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 40. 2; Тит Ливий. I. 7. 3; 10–11; Проперций. Элегии. IV. 9. 67–68; Овидий. Фасты. I. 579–584; Страбон. N. 3. 3; Тацит. Анналы. XV. 41; Первый Ватиканский мифограф. I. 68. 1; См. также: Вергилий. Энеида. VIII. 268–272; Солин. I. 10; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. VI. 5–6.

Тит Ливий. I. 7. 12–15; См. также: *Диодор Сицилийский*. IV. 21. 1–3; *Вергилий*. Энеида. VIII. 268–272; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 40. 3–5; *Плутарх*. Римские вопросы. 60; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. VIII. 1–6; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 269–271; *Макробий*. Сатурналии. III. 6. 12–14; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 68. 2–3.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 38. 2–3; *Овидий*. Фасты. V. 623–634; *Плутарх*. Римские вопросы. 32; Ср.: *Макробий*. Сатурналии. I. 7. 31; 11. 47–48.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 42. 1–3; См. также:
Там же. I. 41; 43–44.

Там же. I. 34. 1–5; 44. 2.

Там же. I. 60. 2; Ср.: *Тит Ливий*. I. 1. 9.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 59. 2–3; 60. 1; См. также: *Варрон*. О латинском языке. V. 144; *Тит Ливий*. I. 1. 10–11; *Юстин*. XLIII. 1. 12; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XIII. 4.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 59. 4–5.

Там же. I. 64. 1; Ср.: *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XIII. 7.

Тит Ливий. I. 2. 2; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 43. 2; *Юстин*. XLIII. 1. 11; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XIII. 5; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 259.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Вергилий*. Энеида. I. 265–266; *Диодор Сицилийский*. *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 64. 3; *Аппиан*. Римская история. I. 1. 1; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b—84b; *Августин*. О граде Божием. XVIII. 19.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 64. 3–4; Тит Ливий. I. 2. 3–6; Фест. Indiges; Юстин. XLIII. 1. 13; Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 259; IV. 620; XII. 794; Августин. О граде Божию. XVIII. 19.

Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XIV. 2–4; См. также о храме Энея: *Фест*. Indiges; *Веронские схолии к Энеиде*. I. 259.

Овидий. Метаморфозы. XIV. 581–608; См. также: Тибулл. Элегии. II. 5. 43–44.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 64. 5.

О Пенатах см.: *Варрон*. О латинском языке. V. 144; *Сервий*.
Комментарии к Энеиде. I. 378.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 55. 1–2.

Там же. I. 53. 3; 56. 2; Ср.: *Фест.* Тгоia.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 65. 1–5; II. 5. 5; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XV. 1–5; *Плутарх*. Римские вопросы. 78; *Зонара*. VII. 1. 5; См. иную версию о начале правления Аскания: *Тит Ливий*. I. 3. 1–4.

Вергилий. Энеида. III. 390–393; VIII. 43–48; Ср.: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 55. 4–5; 56. 1–5; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XI. 2–3; XII. 5.

Диодор Сицилийский. VII. 5; См. также: *Варрон*. О латинском языке. V. 144; *Вергилий*. Энеида. I. 267–271; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 66. 1; *Тит Ливий*. I. 3. 3–4; *Овидий*. Метаморфозы. XIV. 609–610; *Страбон*. V. 3. 2; *Анней Флор*. I. 1.4; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Юстин*. XLIII. 1. 13; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XVII. 1; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 270; VI. 760; *Зонара*. VII. 1. 6.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 66. 2–3.

Там же. I. 67. 1–2; См. также: Там же. I. 67. 3–4; 68. 1–4; 69. 1–4; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XVII. 2–3; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 270.

Вергилий. Энеида. I. 378–379; III. 148–149; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 66. 5; Овидий. Фасты. VI. 419–436; Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 378.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 69. 2.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 70. 1; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b—84b; *Кассиодор*. Хроника. 49–50.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 70. 2–4; См. об этом же: *Диодор Сицилийский*. VII. 5; *Вергилий*. Энеида. VI. 756–766; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XVI. 1–5; XVII. 4; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 270; VI. 760; VII. 484; Ср.: *Овидий*. Фасты. IV. 39–42; *Авл Геллий*. II. 16. 3–8.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 1; *Тит Ливий*. I. 3. 6; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 609–622; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XVII. 4; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b—84b; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XVII. 5; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VI. 760; 763; *Августин*. О граде Божием. XVIII. 19–20; Ср.: *Тит Ливий*. I. 3. 8; *Авл Геллий*. XVII. 21. 3; *Фест*. Silvii.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Вергилий*. Энеида. VI. 768–770; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 1; *Тит Ливий*. I. 3. 6; *Аппиан*. Римская история. I. 1. 2; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b–84b; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VI. 770; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 1; *Тит Ливий*. I. 3. 6–7; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 609–622; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XVII. 6; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b — 84b; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 1; *Тит Ливий*. I. 3. 8; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 609–622; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b—84b; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 1; *Тит Ливий*. I. 3. 8; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 609–622; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b—84b; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Вергилий*. Энеида. VI. 768; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 1; *Тит Ливий*. I. 3. 8; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 609–622; *Аппиан*. Римская история. I. 1. 2; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b—84b; *Кассиодор*. Хроника. 51–70; См. также: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. X. 145; *Исидор Севильский*. Этимологии. XV. 1. 54.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 1; *Тит Ливий*. I. 3. 8; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 609–622; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b— 84b; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Диодор Сицилийский. VII. 5; См. также: *Варрон*. О латинском языке. V. 30; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 2; *Тит Ливий*. I. 3. 8; *Овидий*. Фасты. II. 389–390; IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 609–622; *Аппиан*. Римская история. 1.1.2; *Фест*. Albula; Tiberis; *Лактанций*. Божественные установления. I. 11. 59; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XVIII. 1; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b–84b; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. III. 500; VIII. 330; *Кассиодор*. Хроника. 51–70; *Исидор Севильский*. Этимологии. XIII. 21. 27; *Зонара*. VII. 1. 7; Ср.: *Вергилий*. Энеида. VIII. 330–332.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 2; *Тит Ливий*. I. 3. 9; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Солин*. XL. 16; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b–84b; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Диодор Сицилийский. VII. 5; См. также: *Диодор Сицилийский*. VII. 7; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. 1. 71. 3; *Тит Ливий*. I. 3.9; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 609–622; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XVIII. 2–4; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b—84b; *Павел Орозий*. I. 20. 5; *Кассиодор*. Хроника. 51–70; *Зонара*. VII. 1. 8.

Варрон. О латинском языке. V. 43; *Диодор Сицилийский*. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 4; *Тит Ливий*. I. 3. 9; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 609–622; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Фест*. Aventinus; *Лактанций*. Божественные установления. I. 11. 59; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XVIII. 4; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b–84b; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VII. 657; *Августин*. О граде Божиим. XVIII. 21; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 4; *Тит Ливий*. I. 3. 10; *Овидий*. Фасты. IV. 39–53; *Метаморфозы*. XIV. 622; *Аппиан*. Римская история. I. 1. 2; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XIX. 1; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b–84b; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Овидий. Фасты. VI. 131–168; О царе Проке см. также: *Вергилий*. Энеида. VI. 767; *Овидий*. Метаморфозы. XIV. 622–625; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VI. 767; IX. 387; *Августин*. О граде Божиим. XVIII. 21; *Павел Орозий*. II. 2. 3–5.

Диодор Сицилийский. VII. 5; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 71. 4; *Евсевий*. Хроника. I. 289–291 (11–12); *Иероним*. Хроника. I. 62b—84b; *Кассиодор*. Хроника. 51–70.

Феофраст. О растениях. V. 8. 3.

Страбон. V. 3. 5.

Диодор Сицилийский. N. 2. 1; 6. 1–4; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 9. 1–2; 16. 1; 4–5; 17. 1; 19. 3; 20. 2; 4–5; 21. 1–2; 4; 22. 1–2; 60. 3; II. 1. 1–2; *Варрон*. О латинском языке. V. 101; *Фест*. Sacranī; *Макробий*. Сатурналии. I. 7. 28; Ср.: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 22. 3–5; *Плиний Старший*. III. 5. 69; 14. 112; См. также о сиканах, которых иногда смешивают с сикулами: *Вергилий*. Энеида. V. 293; VII. 795; VIII. 328; XI. 317; *Авл Геллий*. I. 10. 1; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VII. 795; VIII. 328; XI. 317; *Макробий*. Сатурналии. I. 5. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. 1.40. 3; Фест. Sacranі.

Варрон. О латинском языке. V. 53; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 9. 1–3; 10. 1–3; 11. 1–4; 12. 1–3; 13. 1–4; 14. 1–6; 15. 1–2; 16. 1–5; Об аборигинах см. также: *Саллюстий*. О заговоре Катилины. 6. 1; *Цицерон*. О государстве. II. 3. 5; *Плиний Старший*. III. 5. 56; *Тацит*. *Анналы*. XI. 14; *Фест*. Aborigines; Sacrañi; *Юстин*. XLIII. 1. 3; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. IV. 1–2; *Сервий*. Комментарии к *Энеиде*. VIII. 51; 72.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 16. 1–4; Ср.: Фест. Sacraŋi; Ver sacrum; Вергилий. Энеида. VII. 796.

Фесm. Ver sacrum.

Фест. Ірпіні; Страбон. V. 4. 2.

Варрон. О латинском языке. V. 53; Ср.: Солин. I. 14.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 9. 3; 60. 2; *Тит Ливий*. I. 2. 4; *Страбон*. V. 3. 2; *Аппиан*. Римская история. I. 1. 1; Ср.: *Варрон*. О латинском языке. V. 32.

Вергилий. Энеида. VIII. 600–602; Плиний Старший. III. 5. 50; 56; 71; Силий Италик. Пуника. VIII. 443; Макробий. Сатурналии. I. 7. 28–30.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 19. 1–3; 20. 1–2; См. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 9. 2; 13. 2; 17. 1–3; 18. 1–5; 20. 4–5; 21. 1–4; 23. 1–5; 24. 1–4; 30. 5; *Макробий*. Сатурналии. I. 7. 28–30.

Гомер. Одиссея. XXIV. 307; См. также: Там же. XX. 383; XXIV. 211; 388.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 60. 3; Ср.: Там же. II. 1. 1–4; II. 2. 2.

Φεσν. Septimontium.

Диодор Сицилийский. V. 40. 1–5; Ср.: Страбон. N. 2. 2.

Геродот. История. I. 94. Пер. Г. А. Стратановского; См. об этом же: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 27. 1–4; Страбон. N. 2. 2; Веллей Патеркул. I. 1.4; Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 67.

Геродот. История. I. 94; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 30. 3; Страбон. N. 2. 2; Веллей Патеркул. I. 1.4; Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 67.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 28. 3.

Там же. I. 30. 1–2; См. также: Там же. I. 25–29.

Там же. III. 61. 1–3.

Тит Ливий. I. 3. 10; См. об этом же: *Диодор Сицилийский*. VII. 5. 12; VIII. 2. 3; *Овидий*. *Фасты*. IV. 52–53; *Анней Флор*. I. 1.4; *Аппиан*. *Римская история*. I. 1.2; *Полиэн*. VIII. 1; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 30. 1; Ср.: *Дионисий Галикарнасский*. *Римские древности*. I. 71. 4; 76. 1; *Конон*. *Повествования*. 48; *Плутарх*. *Собрание параллельных греческих и римских историй*. 36; *Иероним*. *Хроника*. 84b.

Плутарх. Ромул. 3; См. об этом же: Страбон. V. 3. 2; Юстин. XLIII. 2. 1–2; Аврелий Виктор. О знаменитых людях. I. 1; Зонара. VII. 1; Ср.: Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XIX. 1–2.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 76. 2–4; О судьбе детей Нумитора см. также: *Тит Ливий*. I. 3. 11; *Овидий*. Фасты. IV. 54–55; *Страбон*. N. 3. 2; *Конон*. Повествования. 48; *Плутарх*. Ромул. 3; Собрание параллельных греческих и римских историй. 36; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Полиэн*. VIII. 1; *Юстин*. XLIII. 2. 2; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XIX. 3–4; О знаменитых людях. I. 1; *Иероним*. Хроника. 85а; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 273; *Августин*. О граде Божиим. XVIII. 21; *Иоанн Лид*. О месяцах. IV. 150; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 30. 1; *Зонара*. VII. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 77. 1–2.

Цицерон. О государстве. II. 2; *Диодор Сицилийский*. IV. 21. 1; *Вергилий*. Энеида. I. 273–274; VI. 777–780; *Тибулл*. Элегии. II. 5. 51–56; *Тит Ливий*. 1.4. 2; *Овидий*. Любовные элегии. III. 4. 37–40; *Фасты*. III. 11–24; IV. 55–56; *Конон*. Повествования. 48; *Квинтилиан*. Риторические наставления. III. 7. 5; *Стаций*. Сильвы. I. 2. 242–243; *Плутарх*. Об удаче римлян. 8; *Ромул*. 4; *Собрание параллельных греческих и римских историй*. 36; *Анней Флор*. I. 1. 1; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Полиэн*. VIII. 2; *Элиан*. Пестрые рассказы. VII. 16; *Юстин*. XLIII. 2. 3; *Солин*. I. 17; *Евтропий*. I. 1. 1; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XX. 1; О знаменитых людях. I. 1; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 273; *Ночное празднество Венеры*. 68–70; *Августин*. О граде Божиим. III. 5; XVIII. 21; *Иоанн Лид*. О месяцах. IV. 150; *Палатинская антология*. III. 19. 1–2; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 30. 2; *Зонара*. VII. 1; См. также: *Supplementum epigraphicum Graecum*. XVI. 486

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 77. 4.

Овидий. Фасты. III. 11–48.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 77. 1; Плутарх. Ромул. 4; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XIX. 5.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 78. 1–5; Ср.: Иероним. Хроника. 85а.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 2; Об этом же см.: *Тит Ливий*. I. 4. 3; *Страбон*. N. 3. 2; *Конон*. Повествования. 48; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Юстин*. XLIII. 2. 4; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. I. 2; Ср.: *Плутарх*. Ромул. 3: «Лишь заступничество царской дочери Анто перед отцом спасло ее от казни, но преступницу держали взаперти, и никого к ней не допускали, дабы она не разрешилась от бремени неведомо для Амулия». См. также: *Плутарх*. Ромул. 7.

Гораций. Оды. I. 2. 13–20; Порфирион. Комментарии к Горацию. Оды. I. 2. 18; Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 273; Первый Ватиканский мифограф. I. 30. 2–3.

Тит Ливий. I. 4. 3; *Овидий*. *Фасты*. II. 383–386; *Страбон*. V. 3. 2; *Плутарх*. *Ромул*. 3; *Собрание параллельных греческих и римских историй*. 36; *Аппиан*. *Римская история*. I. 1.2; *Аврелий Виктор*. *Происхождение римского народа*. XIX. 6; XX. 2; *О знаменитых людях*. I. 2; *Иоанн Лид*. *О месяцах*. IV. 150; *Зонара*. VII. 1.

*Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XIX. 7; С^Λ.
Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 84. 2.*

Плутарх. Ромул. 12.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. 1. 79. 4.

Там же. I. 79. 5; См. также: *Плутарх*. Ромул. 3: «Итак, слуга положил новорожденных в лохань и спустился к реке, чтобы бросить их в воду, но, увидев, как стремительно и бурливо течение, не решился приблизиться и, оставив свою ношу у края обрыва, ушел. Между тем река разлилась, половодье подхватило лохань и бережно вынесло на тихое и ровное место, которое ныне зовут Кермал (Гермал, одна из вершин Палатинского холма. — М. Б.); Ср.: *Тит Ливий*. I. 4. 4–6: «Но Тибр как раз волей богов разлился, покрыв берега стоячими водами, — нигде нельзя было подойти к руслу реки, и тем, кто принес детей, оставалось надеяться, что младенцы утонут, хотя бы и в тихих водах. И вот, кое-как исполнив царское поручение, они оставляют детей в ближайшей заводи — там, где теперь Руминальская смоковница (раньше, говорят, она называлась Ромуловой). Пустынны и безлюдны были тогда эти места. Рассказывают, что, когда вода схлынула, оставив лоток с детьми на суше...».

Овидий. Фасты. II. 387–412.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 5–6; *Плутарх*. Ромул. 3–4; О спасении близнецов см. также: *Варрон*. О латинском языке. V. 54; *Цицерон*. О государстве. II. 2. 4; *Тит Ливий*. I. 4. 4–6; *Овидий*. Фасты. III. 49–52; *Конон*. Повествования. 48; *Плутарх*. Об удаче римлян. 8; *Анней Флор*. I. 1. 2–3; *Аппиан*. Римская история. I. 1.2; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XX. 3; О знаменитых людях. 1. 2; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 273; *Иоанн Лид*. О месяцах. IV. 150; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 30. 3; *Зонара*. VII. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 6; См. также: *Цицерон*. О государстве. II. 2. 4; *Вергилий*. Энеида. VIII. 630–634; *Тит Ливий*. I. 4. 6; *Овидий*. Фасты. III. 53–54; *Страбон*. V. 3. 2; *Конон*. Повествования. 48; *Плиний Старший*. XV. 20. 77; *Квинтилиан*. Риторические наставления. III. 7. 5; *Плутарх*. Ромул. 4; 7; Об удаче римлян. 8; Римские вопросы. 21; 57; Собрание параллельных греческих и римских историй. 36; *Анней Флор*. I. 1. 3; *Гигин*. Мифы. 252; *Фест*. Romulum; *Юстин*. XLIII. 2. 5; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XX. 3; О знаменитых людях. 1.3; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 273; IV. 458; *Августин*. О граде Божиим. XVIII. 21; *Сидоний Аполлинарий*. Песни. II. 119; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 30. 9; *Зонара*. VII. 1; Ср.: *Энний*. Анналы. I. Фр. 41. 65.

Овидий. Фасты. II. 413–422.

Там же. III. 37–38; 53–54; *Плутарх*. Ромул. 4; 7; Об удаче римлян. 8; Римские вопросы. 21; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XX. 4; *Зонара*. VII. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. 1.79.6–7; Ср.: *Энний*. *Анналы*. 1. Фр. 43. 66–68 (72–74); См. также: *Тит Ливий*. I. 4. 6; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XX. 3.

Цицерон. О государстве. II. 2. 4; Овидий. Фасты. III. 53–54; Страбон. V. 3. 2; Плутарх. Ромул. 4; Об удаче римлян. 8; Римские вопросы. Анней Флор. 1. 1. 3; Гигин. Мифы. 252; Юстин. XLII. 2. 5–6; Первый Ватиканский мифограф. I. 30. 9.

Вергилий. Энеида. VIII. 630–634; Ср.: Юстин. XLIII. 2. 7; Палатинская антология. III. 19. 3–4.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 8; См. также: Там же. I. 32. 3–5; Ср.: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 343: «Под палатинской горой находится некая пещера, в которой очищались козлом, то есть приносили его в жертву: некоторые полагают, что отсюда и Луперкал назван. Другие — так как там волчица вскормила Рема и Ромула; третьи, как и Вергилий, что это место посвящено Пану, богу Аркадии...» (Пер. А. М. Сморгочкова).

Тит Ливий. X. 23. 11–12.

Цицерон. О дивинации. I. 12. 19–20; См. также: Цицерон. Третья речь против Катилины. VIII. 19; О дивинации. II. 20.45; II. 21.47; Дион Кассий. XXXVII. 9. 1; Ср.: Плиний Старший. XV. 20. 77.

Плутарх. Ромул. 4; См. также: Варрон. О латинском языке. V. 54; Тит Ливий. I. 4. 5; Плутарх. Об удаче римлян. 8; Римские вопросы. 57; Фест. Ruminialis; Romulum; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XX. 4; Сервий. Комментарии к Энеиде. VIII. 90.

Плиний Старший. XV. 20. 77; Ср.: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. III. 71. 5.

Варрон. Сельское хозяйство. II. 11. 5.

Тацит. Анналы. XIII. 58.

Диодор Сицилийский. VIII. 4. 1–2; Плутарх. Ромул. 6–7.

Тит Ливий. 1. 4. 6–7; *Страбон*. N. 3. 2; *Конон*. Повествования. 48; *Плутарх*. Собрание параллельных греческих и римских историй. 36; *Анней Флор*. I. 1.3; *Юстин*. XLIII. 2. 6; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. 1. 3; *Зонара*. VII. 1; Ср.: *Августин*. О граде Божиим. XVIII. 21.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 9; Ср.: Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XX. 3.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 84. 2–3; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XIX. 7; Ср.: *Плутарх*. Ромул. 6; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XXI. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 9—10; *Тит Ливий*. I. 4. 7; *Овидий*. Фасты. III. 55—58; *Плиний Старший*. XVIII. 2. 6; *Авл Геллий*. VII. 7. 8; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XX. 3; *О знаменитых людях*. I. 3; *Макробий*. Сатурналии. I. 10. 17.

Макробий. Сатурналии. I. 10. 17.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 84. 4; Об этом же см.: *Тит Ливий*. I. 4. 7; *Плутарх*. Ромул. 4; *Тертуллиан*. К язычникам. II. 10; *Лактанций*. Божественные установления. I. 20. 1–2; Эпитома Божественных установлений. 15 (20). 2; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XXI. 1–2; *Иероним*. Хроника. 85а; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 273; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 30. 4; 9; *Зонара*. VII. 1; Ср.: *Августин*. О граде Божием. XVIII. 21; *Иоанн Малала*. VII. 7.

Плутарх. Ромул. 5. См. также: Плутарх. Римские вопросы. 35; Авл Геллий. VII. 7. 5–7; Тертуллиан. К язычникам. II. 10; Августин. О граде Божием. VI. 7; Макробий. Сатурналии. I. 10. 11–16.

Corpus Inscriptionum Latinarum. I². Fasti Praenestini. P. 238; Цицерон. Письма к Марку Бруту. I. 15. 8; Варрон. О латинском языке. VI. 23–24; Овидий. Фасты. III. 55–58; Плутарх. Римские вопросы. 34; Авл Геллий. VII. 7. 7; Фест. Larentalia; Лактанций. Эпитома Божественных установлений. 15 (20). 2; Макробий. Сатурналии. I. 10. 11; 15; Ср.: Плутарх. Ромул. 4; Римские вопросы. 35.

Плутарх. Ромул. 6; Ср.: Там же. 4.

Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XXI. 4; Ср.: Фест. Romulus et Remus.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 10; Ап-пиан. Римская история. I. 1.2.

Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 273; Ср.: Первый Ватиканский мифограф. I. 30. 8.

Овидий. Фасты. III. 60.

Цицерон. О государстве. II. 2. 4; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 11; Тит Ливий. I. 4. 8.

Диодор Сицилийский. VIII 4. 1–2.

Плутарх. Ромул. 6; См. также: Цицерон. О государстве. II. 2. 4; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 10; Овидий. Фасты. III. 59–64; Юстин. XLIII. 2. 8; Ср.: Энний. Анналы. I. Фр. 45. 69–70; Евтропий. I. 1.2; Зонара. VII. 2.

Тит Ливий. I. 4. 9; Ср.: Плутарх. Ромул. 7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 84. 5; *Плутарх*. Ромул. 6; Об удаче римлян. 8; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XXI. 3.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 12–13; См. также: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 84. 6; Зонара. VII. 2.

Плутарх. Ромул. 7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 13–14; См. также: Плутарх. Ромул. 7; Зонара. VII. 2; Ср.: Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XXII. 2–3.

Тит Ливий. I. 5. 1–2; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 32. 3–5; 80. 1; *Овидий*. Фасты. II. 267–282; *Плутарх*. Ромул. 21; *Юстин*. XLIII. 1. 7; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 343.

Валерий Максим. II. 2. 9; *Плутарх.* Ромул. 21; *Аврелий Виктор.* Происхождение римского народа. XXII. 1; *Сервий.* Комментарии к Энеиде. VIII. 343.

Овидий. Фасты. II. 359–380.

Плутарх. Ромул. 21; Ср.: *Овидий.* Фасты. II. 283–302; *Сервий.* Комментарии к Энеиде. VIII. 343.

Тит Ливий. I. 5. 2; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 32. 3–5; 80. 1; *Овидий*. Фасты. II. 267–282; 424; *Юстин*. XLIII. 1. 7; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 343; Ср.: *Арнобий*. IV. 3; Богом луперков считали также Марса (*Вергилий*. Энеида. VIII. 630), Февра (*Иоанн Лид*. О месяцах. IV. 25), Либера (*Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 343) и даже Юнону (*Овидий*. Фасты. II. 435–452).

Плутарх. Ромул. 21; Римские вопросы. 68; Ср.: Валерий Максим. II. 2. 9.

Плутарх. Ромул. 21.

Там же. 21; Ср.: *Овидий*. *Фасты*. II. 425–452; *Валерий Максим*. II. 2. 9.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 80. 1; *Плутарх*. Ромул. 21.

Варрон. О латинском языке. VI. 13; 34; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 80. 1; Плутарх. Ромул. 21; Нума. 19; Римские вопросы. 68.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 80. 1–2; Ср.: Тит Ливий. I. 5. 1–3.

Тит Ливий. I. 5. 3–4; Юстин. XLIII. 2. 9.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 80. 3.

Тит Ливий. I. 5. 5–6; Ср.: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 80. 3–4; *Плутарх*. Ромул. 8.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 81. 1; Ср.: *Тит Ливий*. I. 5. 7; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XXL 4; XXII. 3.

Плутарх. Ромул. 7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 81. 2; См. также: Плутарх. Ромул. 7; Ср.: Тит Ливий. I. 5. 3–4; Юстин. XLIII. 2. 9.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 81. 4; См. также: Тит Ливий. I. 5. 6; Юстин. XLIII. 2. 10; Ср.: Плутарх. Ромул. 7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 81. 4–6; 82. 1–2; Ср.: Тит Ливий. I. 5. 6; Плутарх. Ромул. 7; Юстин. XLIII. 2. 10.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 82. 3–5; См. также: Плутарх. Ромул. 8.

Там же. I. 82. 6; 83. 1–2; Ср.: *Плутарх*. Ромул. 8.

Там же. I. 83. 2–3; Ср.: *Плутарх*. Ромул. 8.

Там же. I. 83. 3; Об этом же см.: *Диодор Сицилийский*. VIII. 2. 3; *Юстин*. XLIII. 2. 10; Ср.: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 84. 7–8.

Тит Ливий. I. 5. 7; Ср.: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 81. 1.

Тит Ливий. I. 6. 1–2; Ср.: Полиэн. VIII. 2.

Плутарх. Ромул. 8; Ср.: Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XXII. 3–4.

Цицерон. О государстве. II. 2. 4; Овидий. Фасты. 111. 67–68; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XXI. 4; XXII. 3–4; Ср.: Конон. Повествования. 48; Анней Флор. I. 1.5; Евсевий. Хроника. I. 295.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 71. 5; Тит Ливий. I. 6. 2; Овидий. Метаморфозы. XIV. 772–774; Фасты. III. 67–68; Страбон. V. 3. 2; Плутарх. Ромул. 9; Анней Флор. I. 1. 5; Юстин. XLIII. 3.1; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XXI. 4; XXII. 4; О знаменитых людях. I. 4; Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 273; VI. 777; Первый Ватиканский мифограф. I. 30. 5.

Плутарх. Ромул. 21; См. также: Валерий Максим. II. 2. 9; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. XXII. 1.

Тит Ливий. I. 6. 3.

Плутарх. Ромул. 9; См. также: Страбон. V. 3. 2; Анней Флор. I. 1. 5–6; Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 273; Первый Ватиканский мифограф. I. 30.6; Зонара. VII. 3; Ср.: Аврелий Виктор. О знаменитых людях. 1.4; Иоанн Лид. О должностях. 1.3; О месяцах. IV. 150; Впрочем, Сервий пишет, что близнецы все же царствовали вместе с дедом около года: Сервий. Комментарии к Энеиде. VI. 777; См. также: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 71. 5.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 85. 1–3; Ср.: Валерий Максим. II. 2. 9.

Тит Ливий. I. 6.4; См. также: *Овидий*. *Фасты*. IV. 809–815.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 85. 4–6.

Плутарх. Ромул. 9; С\$. \ Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 65. 3; Солин. I. 17–18; Фест. Quadrata Roma.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 85. *Аврелий Виктор.* Происхождение римского народа. XXIII. 1; Ср.: *Плутарх.* Ромул. 9; *Фест.* Remurinus ager.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 86. 1.

Там же. I. 86. 2–4; 87. 1; О птицегадании Ромула и Рема см. также: *Энний*. *Анналы*. I. Фр. 47. 72–91 (80—100); *Цицерон*. О природе богов. III. 2. 5; О дивинации. I. 48. 107–108; *Диодор Сицилийский*. VIII. 5; *Проперций*. *Элегии*. IV. 6. 43–44; *Тит Ливий*. I. 6. 4; 7. 1; *Овидий*. *Фасты*. IV. 809–818; V. 147–154; *Сенека*. О скоротечности жизни. 13. 8; *Плутарх*. *Ромул*. 9; *Римские вопросы*. 93; *Светоний*. *Божественный Август*. 95; *Анней Флор*. I. 1. 6–7; *Авл Геллий*. XIII. 14. 5–6; *Элиан*. О природе животных. X. 22; *Цензорин*. О дне рождения. 17; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XXIII. 1–4; О знаменитых людях. 1.4; *Сервий*. *Комментарии к Энеиде*. I. 273; VI. 779; *Иоанн Лид*. О должностях. I. 8. 1; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 30. 7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 87. 2–3; См. также: *Тит Ливий*. I. 7. 1–2; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XXIII. 5; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 273; VI. 779; Ср.: *Плутарх*. Ромул. 10 (автор смешивает несколько событий сразу).

Цицерон. О государстве. II. 3. 5; 5. 10; 6. 11.

Тибулл. Элегии. II. 5. 23–38.

Corpus Inscriptionum Latinarum. I². Fasti Caeretani. P. 213; Fasti Philocali. P. 262; Fasti Polemii Silvii. P. 263; *Солин*. I. 17–18; *Плиний Старший*. XVIII. 66. 247; *Плутарх*. Ромул. 12; Нума. 3; *Евтропий*. I. 1.2; *Иоанн Лид*. О месяцах. I. 14; IV. 50; Ср.: *Цицерон*. О дивинации. II. 47. 98; Следует отметить, что античные авторы нередко приводят иные даты основания Рима, а также называют других основателей города, от которых он якобы и получил свое имя. Например, см. об этом: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 72–75; 71.5; *Плутарх*. Ромул. 1–2; *Фест*. Romam (F.); *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 273.

Варрон. Сельское хозяйство. II. 1. 9; Цицерон. О дивинации. II. 47. 98; Проперций. Элегии. IV. 4. 73–80; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 88. 3; Овидий. Метаморфозы. XIV. 774–775; Фасты. IV. 820; Веллей Патеркул. I. 8. 4–5; Плиний Старший. XVIII. 66. 247; Плутарх. Ромул. 12; Фест. Parilibus; Дион Кассий. XLIII. 42. 3; Цензорин. О дне рождения. 21; Иероним. Хроника. 88а.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 88. 3; Овидий. Фасты. IV. 747–776; О празднике Парилий см. также: Солин. I. 19; Схолии к Персию. I. 72.

Овидий. Фасты. IV. 721–746.

Там же. IV. 801–806.

Тит Ливий. I. 7. 3; *Цицерон*. О государстве. II. 3. 5; 9. 16; О дивинации. I. 2. 3; 1.47. 105; 1.48. 107–108; II. 33. 70; II. 38. 80; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 88. 1.

Цицерон. О дивинации. I. 17. 30; См. об этом же: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. XIV. 2. 2 (5); Плутарх. Ромул. 22; Камилл. 32; Валерий Максим. I. 8. 11; Сервий. Комментарии к Энеиде. VII. 187; Иоанн Лид. О месяцах. IV. 50; Ср.: Corpus Inscriptiōnum Latinarum. I². Fasti Praenestini. P. 234.

Плутарх. Ромул. 11; Фест. Rituales libri; См. также: Варрон. О латинском языке. V. 143.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 88. 1–3; См. об этом же: Овидий. Фасты. IV. 817–836; Плутарх. Ромул. 12.

Плутарх. Ромул. 11; Ср.: Варрон. Сельское хозяйство. II. 1. 10; Плутарх. Римские вопросы. 27; Иоанн Лид. О месяцах. IV. 50; Зонара. VII. 3.

Плиний Старший. III. 5. 66; См. также: *Варрон*. О латинском языке. V. 164–165; *Фест*. Romana porta; Mugionia porta; Romanam portam.

Овидий. Фасты. IV. 819–834.

Тацит. Анналы. XII. 24; См. также: Авл Геллий. XIII. 14. 2.

Цицерон. О государстве. II. 7. 12; Варрон. О латинском языке. V. 33; VIII. 18; IX. 50, Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 2. 3; Тит Ливий. I. 7. 3; Фест. Ротам; Евтропий. I. 2. 1; Ср.: Вергилий. Энеида. I. 275–277.

Тит Ливий. I. 7. 2–3; См. об убийстве Рема также: *Энний*. *Анналы*. I. Фр. 50. 94–95 (102–103); *Цицерон*. *Об обязанностях*. III. 10.41; *Гораций*. *Эподы*. 7. 17–20; *Страбон*. V. 3. 2; *Лукан*. *Фарсалия*. I. 95; *Плутарх*. *Римские вопросы*. 27; *Ромул*. 10; *Тертуллиан*. *К язычникам*. II. 9; *Минуций Феликс*. *Октавий*. 25. 2; *Юстин*. XXVIII. 2. 10; *Киприан Карфагенский*. *О суете идолов*. 5; *Сервий*. *Комментарии к Энеиде*. 1. 276; 292; VI. 779; *Августин*. *О граде Божием*. II. 14; III. 6; XV. 5; *Павел Орозий*. II. 4. 2–3; *Иоанн Лид*. *О должностях*. I. 5. 1; *Иоанн Малала*. VII. 1; *Зонара*. VII. 3.

Плутарх. Римские вопросы. 27.

Цицерон. Об обязанностях. III. 10. 41.

Диодор Сицилийский. VIII. 6. 1–3; См. об этом же: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 87. 4; *Плутарх*. Ромул. 10; *Фест*. *Celeres*; *Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XXIII. 7; О знаменитых людях. I. 4; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. XI. 603; Ср.: *Проперций*. Элегии. III. 9. 49–51; IV. 1. 49–51; *Овидий*. Фасты. III. 69–70; *Анней Флор*. I. 1.8; Существует также версия, согласно которой Рема убил мотыгой некий Фабий, один из приближенных Ромула (*Иероним*. Хроника. 152).

Плутарх. Ромул. 10; Ср.: Иоанн Цеца. История. IX. 900–908.

Ср.: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 292.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 13. 2–3; 29. 1; *Тит Ливий*. I. 15. 8; *Плиний Старший*. XXXIII. 9. 35; *Плутарх*. Ромул. 26; Нума. 7; *Фест*. Celeres; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. XI. 603; *Иоанн Лид*. О должностях. I. 9. 3–4; 38. 5; *Зонара*. VII. 4–5.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 64. 3.

Овидий. Фасты. IV. 835–858.

Там же. V. 451–484.

Там же. V. 429–444.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 87. 3; Плутарх. Ромул. 11.

Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 276; Ср.: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VI. 779; *Иоанн Малала*. VII. 2; По мнению же Эгнация, Рем не только не был убит, но даже прожил дольше Ромула (*Аврелий Виктор*. Происхождение римского народа. XXIII. 6).

Овидий. Фасты. II. 679–682; Страбон. V. 3. 2.

Страбон. V. 3. 2.

Плутарх. Нума. 16; См. также: Плутарх. Римские вопросы. 15.

Плутарх. Ромул. 20; См. также: Овидий. Метаморфозы. XV. 560–564; Сервий. Комментарии к Энеиде. III. 46; Ср.: Арнобий. IV. 3.

Овидий. Фасты. 1.199–200; III. 183–186; *Плутарх*. Ромул. 20; *Валерий Максим*. IV. 4. 11; *Дион Кассий*. LIII. 16. 5; См. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. XIV. 2. 2 (5); *Солин*. 1.18.

Дион Кассий. XLVIII. 43. 4; LIV. 29. 8.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 79. 11.

Витрувий. Об архитектуре. II. 1. 5; О хижине Ромула на Капитолии см. также: *Тит Ливий*. V. 53. 8; *Макробий*. Сатурналии. I. 15. 10.

Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 275.

Ср.: *Проперций*. Элегии. IV. 1. 1 — 10; *Овидий*. Наука любви. III. 115–120.

*Варрон. Сельское хозяйство. II. 1. 9—10. Порции от *porcus* — поросенок, свинья, Овинии от *ovis* — овца, Каприлии от *capra* — коза, Эквитии от *equus* — лошадь, Таврии от *taurus* — бык, Азинии от *asinus* — осел, Витулы от *vitulus* — теленок.*

Цицерон. О государстве. II. 9. 16.

Страбон. V. 3. 1; Фест. Salaria via.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 55. 5; *Плутарх*. Ромул. 25.

Плутарх. Нума. 17.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 28. 1.

Там же. II. 15. 4.

Витрувий. Об архитектуре. IV. 8. 4; Авл Геллий. V. 12. 2.

Овидий. Фасты. III. 429–434.

Тит Ливий. I. 8. 5–6.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 15. 4; Об убежище Ромула см. также: *Цицерон*. О дивинации. II. 17.40; *Вергилий*. Энеида. VIII. 342–343; *Тит Ливий*. II. 1. 4; *Страбон*. V. 3. 2; *Веллей Патеркул*. I. 8. 5; *Плутарх*. Ромул. 9; 20; *Тацит*. История. III. 71; *Анней Флор*. I. 1.9; *Дион Кассий*. XLVII. 19. 2–3; *Лактанций*. Божественные установления. II. 6. 13; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 1; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 635; *Августин*. О граде Божиим. I. 34; V. 17; *Первый Ватиканский мифограф*. I. 60. 2–3.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 89. 1; *Лукан*. Фарсалия. VII. 437–439; *Плутарх*. Ромул. 9; *Анней Флор*. I. 1. 9; *Минуций Феликс*. Октавий. 25. 2; *Августин*. О граде Божию. IV. 5; *Павел Орозий*. II. 4. 3.

Ювенал. Сатиры. III. 8. 272–275.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 30. 2; 31. 1;
Плутарх. Ромул. 14.

Тит Ливий. I. 9. 1; *Плутарх*. Ромул. 14; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 635.

Овидий. Фасты. III. 179–196.

Тит Ливий. I. 9. 2–5; См. также: *Юстин*. XLIII. 3. 2; *Аврелий Виктор*.
О знаменитых людях. II. 1–2.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 30. 2; См. также: Плутарх. Ромул. 9; 14; Анней Флор. I. 1. 10.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 30. 2–3; 31.2; *Тит Ливий*. I. 9. 6; *Страбон*. V. 3. 2; *Валерий Максим*. II. 4. 4; *Плутарх*. Ромул. 14; *Полиэн*. VIII. 3. 1; *Тертуллиан*. О зрелищах. 5; *Киприан Карфагенский*. О суете идолов. 4; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 2; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 635–636; *Зонара*. VII. 3.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 30. 3; См. также: Тит Ливий. I. 9. 7; Евтропий. 1. 2. 2.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 31. 2; *Плутарх*. Римские вопросы. 48; *Тертуллиан*. О зрелищах. 5; Ср.: *Варрон*. О латинском языке. VI. 20.

Плутарх. Ромул. 14; Ср.: Зонара. VII. 3.

Плутарх. Ромул. 14; Плутарх далее пишет: «Похищение состоялось восемнадцатого числа тогдашнего месяца секстилия, нынешнего августа; в этот день справляют праздник Консуалии» (Ромул. 15).

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 31. 1.

Тит Ливий. I. 9. 8–9; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 30. 4; Плутарх. Ромул. 14; Сервий. Комментарии к Энеиде. VIII. 638.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 49. 2–3; См. также о сабинянах: Страбон. V. 3. 1.

Плутарх. Ромул. 14; См. также: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 30. 4–5; Тит Ливий. I. 9. 9—11.

Тит Ливий. I. 9. 11–13; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 30. 5.

Овидий. Наука любви. I. 101–130; О похищении девушек см. также: *Цицерон*. О государстве. II. 7. 12; *Варрон*. О латинском языке. VI. 20; *Вергилий*. Энеида. VIII. 635–637; *Проперций*. Элегии. II. 6. 19–22; *Овидий*. Фасты. II. 139; 429–448; *Страбон*. V. 3. 2; *Веллей Патеркул*. I. 8. 6; *Валерий Максим*. II. 4. 4; *Плиний Старший*. XVI. 30. 75; *Плутарх*. Ромул. 9; *Анней Флор*. I. 1. 10; *Полиэн*. VIII. 3. 1; *Фест*. *Bellicrepat saltationem*; *Rari*; *Минуций Феликс*. Октавий. 25. 3; *Юстин*. XXVIII. 2. 9; *Киприан Карфагенский*. О суете идолов. 5; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 2; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 635–636; *Августин*. О граде Божиим. II. 17; *Павел Орозий*. II. 4. 2; 4. 5; *Макробий*. Сатурналии. I. 6. 16; *Иоанн Малала*. VII. 6; *Зонара*. VII. 3.

Плутарх. Ромул. 15; Об этом же см.: Тит Ливий. I. 9. 12; Плутарх. Римские вопросы. 31; Помпей. 4; Аврелий Виктор. О знаменитых людях. II. 2–3; Иероним. Хроника. 88а; Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 651.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 30. 4.

Плутарх. Ромул. 14.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 56. 7; III. 1.4; Элий Спартиан. Север. XXI. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. III. 1. 2; *Макробий*. Сатурналии. I. 6. 16; О Герсии см. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 45. 2; *Тит Ливий*. I. 12. 2; *Плутарх*. Ромул. 14; 18; *Силий Италик*. Пуника. XIII. 811–815.

Тит Ливий. I. 9. 14–16; См. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 30. 4–6.

Плутарх. Ромул. 14; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 30. 6.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 32. 1; Тит Ливий. I. 10. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 32. 2–3; 33. 1; Тит Ливий. I. 10. 1–2; Ср.: Сервий. Комментарии к Энеиде. VIII. 638.

Плутарх. Ромул. 16; Ср.: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 33. 1; Зонара. VII. 3.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 33. 2.

Тит Ливий. I. 10. 4.

Плутарх. Ромул. 16.

Там же. 16; См. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 34. 2–3 (у Дионисия Ромул едет на колеснице во время триумфа); *Тит Ливий*. I. 10. 5.

Corpus Inscriptionum Latinarum. I². *Fasti Triumphales*. Строка 1: «Ромул, сын Марса, царь (справил триумф по случаю победы) над ценинцами, в год..., в календы марта [1 марта]». Пер. Е. В. Федоровой.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 34. 4.

Проперций. Элегии. IV. 10. 1—22.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 34. 4; Об этом храме см. также: Тит Ливий. I. 10. 5–7; IV. 20. 7; Корнелий Непот. О знаменитых людях. XXV. Аттик. 20. 3; Бернские схолии к Георгикам Вергилия. II. 384.

Тертуллиан. О зрелищах. 5; Ср.: Тит Ливий. V. 50. 4; Плутарх. Камилл.
5.

Плутарх. Ромул. 16; Ср.: Тут Ливий. I. 10. 6–7; О посвящении доспехов царя Акрона см. также: Corpus Inscriptionum Latinarum. X. 809; Валерий Максим. III. 2. 3; Анней Флор. I. 1. 11; Фест. Optima spolia; Луций Ампелий. 21; Солин. I. 20; Аврелий Виктор. О знаменитых людях. II. 3–5; Сервий. Комментарии к Энеиде. VI. 859.

Тит Ливий. I. 11. 1–2; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 34. 1; Плутарх. Ромул. 17; Солин. I. 20.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 35. 5–6; См. также: *Тит Ливий*. I. 11. 2; *Плутарх*. Ромул. 16–17; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 35. 1–4.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 36. 1–2; III. 1. 2; *Тит Ливий*. I. 11. 3–4; *Плутарх*. Ромул. 17; См. также: *Дион Кассий*. I. Фр. 5.4; *Евтропий*. I. 2. 2; *Иероним*. Хроника. 89а; *Павел Орозий*. II. 4. 7; Ср.: *Минуций Феликс*. Октавий. 25. 4.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 36. 3; См. также: Плутарх. Ромул. 17.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 37. 1–2; Проперций. Элегии. IV. 2. 49–52; Сервий. Комментарии к Энеиде. V. 560.

Варрон. О латинском языке. V. 46; Ср.: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 36. 2; Фест. Caelius mons; См.: также: Тацит. Анналы. IV. 65.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 37. 3–4.

Там же. II. 37. 4–5.

Там же. II. 38. 1–2; Ср.: *Страбон*. V. 3. 7.

Там же. II. 38. 2–3; *Тит Ливий*. I. 11. 6; *Валерий Максим*. IX. 6. 1; *Плутарх*. Ромул. 17; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 6; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 348; *Первый Ватиканский мифограф*. II. 53. 2; *Зонара*. VII. 3.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 38. 4–5.

Плутарх. Ромул. 17; См. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 39. 2–3; 40. 2; *Тит Ливий*. I. 11. 7–8; *Валерий Максим*. IX. 6. 1; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 6; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 348; *Первый Ватиканский мифограф*. II. 53. 3; *Зонара*. VII. 3; Ср.: *Овидий*. Фасты. I. 259–262; *Метаморфозы*. XIV. 775–777; *Силий Италик*. Пуника. XIII. 839–850; *Плутарх*. Собрание параллельных греческих и римских историй. 15; *Линей Флор*. I. 1. 12; *Аппиан*. Римская история. I. 3–4; *Фест*. Tarpeiae.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 39. 1.

Там же. II. 40. 1; См. также: Там же. II. 38. 3; 40. 2–3; *Тит Ливий*. I. 11.9.

Проперций. Элегии. IV. 4.

Плутарх. Ромул. 18; Ср.: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 40. 3; См. также: Варрон. О латинском языке. V. 41; Фест. Saxum Tarpeium; Арнобий. IV. 3; Иероним. Хроника. 90а; Сервий. Комментарии к Энеиде. VIII. 348.

Овидий. Фасты. 1.259–276; См. немного иную версию: *Овидий*. Метаморфозы. XIV. 778–799; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. 291; VIII. 361; XII. 198; *Макробий*. Сатурналии. I. 9. 17–18.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 41. 1; Ср.: Тит Ливий. I. 12. 1; Плутарх. Ромул. 18.

По версии Тита Ливия, римлянами в этой битве командовал Гостий Гостилий, который погиб в схватке: *Тит Ливий*. I. 12. 2–3; См. также: *Плутарх*. Ромул. 18; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 42. 2–6; См. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 41. 2–3; 42. 1; О подвиге *Меттия Курция* см. также: *Варрон*. О латинском языке. V. 149; *Тит Ливий*. I. 12. 8—10; 13. 5; *Плутарх*. Ромул. 18; Ср.: *Тит Ливий*. VII. 6. 5.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 43. 1–4.

Плутарх. Ромул. 18; Об этом же см.: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 50. 3; *Тит Ливий*. I. 12. 3–7; *Анней Флор*. I. 1. 13; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 8; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 635; 640; *Августин*. О граде Божиим. III. 13.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 43. 5; 44. 1–3; 45. 1–6; 46. 1; См. об этом же: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. III. 1. 2; *Аппиан*. Римская история. I. 5; *Авл Геллий*. XIII. 23. 13–14.

Плутарх. Ромул. 19; О вмешательстве похищенных женщин см. также: *Тит Ливий*. I. 13. 1–4; XXXIV. 5. 7–8; *Анней Флор*. I. 1. 14; *Луций Ампелий*. 28. 1; 39. 1; *Дион Кассий*. I. Фр. 5. 5; LVI. 5.4—*Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 9; *Августин*. О граде Божиим. III. 13; *Зонара*. VII. 4; Ср.: *Плиний Старший*. XV. 36. 119.

Тит Ливий. I. 13. 3; Ср.: Плутарх. Ромул. 19.

Овидий. Фасты. III. 201–228.

Плутарх. Ромул. 19; См. также: Дион Кассий. I. Фр. 5. 5; Зонара. VII. 4.

О происхождении названия «квириты» от города Куры см.: *Варрон*. О латинском языке. VI. 68; *Тит Ливий*. I. 13. 5; *Страбон*. V. 3. 1; *Плутарх*. Ромул. 19; Нума. 3; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 10; Ср.: *Фест*. Curis; Quirites; *Сервий*. Комментарии Энеиде. VII. 710; VIII. 635; *Исидор Севильский*. Этимологии. IX. 2. 84.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 46. 2; Об этом же см.: *Цицерон*. О государстве. II. 7. 13; Речь в защиту Баль-ба. XIII. 31; *Вергилий*. Энеида. VII. 709; VIII. 637–641; *Гораций*. Послания. II. 1. 24–25; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 62. 1–2; *Тит Ливий*. I. 13. 4–5; *Овидий*. Метаморфозы. XIV. 799–804; *Фасты*. VI. 93–96; *Страбон*. V. 3. 2; *Плутарх*. Ромул. 19; Нума. 2; *Тацит*. Анналы. XI. 24; *Анней Флор*. I. 1. 14; *Аппиан*. Римская история. I. 5; *Фест*. Altellus; Quirinalis collis; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 10; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VII. 709–710; VIII. 635; *Августин*. О граде Божиим. III. 13; *Иоанн Лид*. О должностях. I. 19. 1; *Зонара*. VII. 4.

Плутарх. Римские вопросы. 85; См. также: Плутарх. Ромул. 15; 19.

Плутарх. Ромул. 15; Римские вопросы. 87.

Вергилий. Энеида. VIII. 637–641; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 46. 3; Аппиан. Римская история. I. 5; Фест. Sacra via; См. также: Сервий. Комментарии к Энеиде. VIII. 641.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 46. 3; Плутарх. Ромул. 20; Солин. I. 21; Ср.: Светоний. Тиберий. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 50. 1–2; См. также: *Варрон*. О латинском языке. V. 159; *Тит Ливий*. I. 33. 2; *Фест*. Quirinalis collis; Ср.: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VII. 657.

Варрон. О латинском языке. V. 51; Фест. Quirinalis collis.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 47. 1; Плутарх. Ромул. 20.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 50. 3; *Цицерон*. Первая речь против Катилины. XIII. 33; *Овидий*. Фасты. VI. 793–794; См. также: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 635; 640.

Тит Ливий. X. 37. 15–16.

Тацит. Анналы. XV. 41.

Варрон. О латинском языке. V. 74; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 50. 3; *Августин*. О граде Божием. IV. 23; VI. 10; См. также: *Тит Ливий*. I. 55. 2; *Минуций Феликс*. Октавий. 25. 8; *Киприан Карфагенский*. О суете идолов. 4; *Лактанций*. Эпитома Божественных установлений. 15 (20). 4.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 50. 3; *Варрон*. О латинском языке. V. 85; *Тацит*. Анналы. I. 54; Ср.: *Тацит*. История. II. 95.

Плутарх. Ромул. 21.

Овидий. Фасты. III. 179–258.

Плутарх. Ромул. 21.

Плутарх. Римские вопросы. 56.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 50. 4–5.

Там же. II. 50. 4; 52. 5; *Плутарх*. Ромул. 23; *Зонара*. VII. 4.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 51. 1–3; 52. 1–3; Об убийстве Тита Тация см. также: *Цицерон*. О государстве. II. 8. 14; *Тит Ливий*. I. 14. 1–4; *Страбон*. V. 3. 2; *Плутарх*. Ромул. 23; Нума. 5; *Фест*. Tatium; *Солин*. I. 21; *Зонара*. VII. 4.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 52. 4.

Тит Ливий. I. 14. 1–4; Плутарх. Ромул. 23.

Варрон. О латинском языке. V. 152; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 52. 5; Плутарх. Ромул. 23; Фест. Tatium.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 53. 1; Плутарх. Ромул. 23; Ср.: Плутарх. Ромул. 24.

Августин. О граде Божием. III. 13; Павел Орозий. II. 4. 6; Ср.: Плутарх. Нума. 5.

Тит Ливий. I. 14. 3.

Плутарх. Ромул. 23; См. также: Плутарх. Нума. 2.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 53. 2.

Тит Ливий. I. 14. 4–5; См. также: Плутарх. Ромул. 23.

Тит Ливий. I. 14. 6—11; О взятии Фиден см. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 53. 3; *Плутарх*. Ромул. 23; *Плиний Старший*. XVI. 5. 11; *Фронтин*. Стратегемы. II. 5. 1; *По-лиэн*. VIII. 3. 2.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 53. 4; *Плутарх*.
Ромул. 23.

Плутарх. Ромул. 24.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 54. 1–2; Плутарх. Ромул. 24.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 54. 3–4; 55. 1–6; Ср.: *Тит Ливий*. I. 15. 1–5 (По мнению Тита Ливия, состоялось всего одно сражение, после чего Ромул преследовал бегущих вейян до самых стен их города); О войне с Вейями см. также: *Плутарх*. Ромул. 25; *Фест*. Romulia tribus; *Солин*. I. 20; *Евтропий*. I. 2. 2; *Зонара*. VII. 4.

Плутарх. Ромул. 25.

Там же. 25; См. также: *Плутарх*. Римские вопросы. 53.

*Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 8. 1–3; 9. 1;
Плутарх. Ромул. 13; Ср.: Луций Ампелий. 49. 1.*

Тит Ливий. I. 8. 7; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 12. 1; *Проперций*. Элегии. IV. 1. 14; *Овидий*. Фасты. III. 127–128; *Веллей Патеркул*. I. 8. 6; *Плутарх*. Ромул. 13; *Юстин*. XLIII. 3. 2; *Евтропий*. I. 2. 1; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 11; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 105; *Иоанн Лид*. О должностях. I. 16. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 47. 1; 57. 1;
Плутарх. Ромул. 20.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 21. 2.

Плутарх. Ромул. 23.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 8. 1.

Цицерон. О государстве. II. 12. 23; Тит Ливий. I. 8. 7; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 8. 3.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 8. 3–4; Ср.: *Плутарх*. Ромул. 13: «Советников звали патрициями либо потому, что они были отцами [patres] законнорожденных детей, либо, вернее, потому, что сами могли указать своих отцов: среди тех, что стекались в город в первое время, сделать это удалось лишь немногим». См. также: *Плутарх*. Римские вопросы. 58.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 9. 1.

Там же. II. 8. 1–4; См. о простолюдинах также: *Тит Ливий*. I. 9. 11; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 9. 1; *Плутарх*. Ромул. 13.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 83. 3.

Там же. II. 10; См. также: Там же. II. 9. 2–3.

Плутарх. Ромул. 13.

Decm. Patres.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 46. 3; 51. 1.

Цицерон. О государстве. II. 9. 16.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 8.1; II. 9.2–3.

Плутарх. Римские вопросы. 31.

Тит Ливий. I. 8. 6; Плутарх. Ромул. 9.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 28. 1; См. о рабах также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 85. 3; II. 16. 1; 28. 3; *Тит Ливий*. I. 5. 6; *Плутарх*. Ромул. 22.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 7. 2–4

Варрон. О латинском языке. V. 55; Цицерон. О государстве. II. 8. 14; Проперций. Элегии. IV. 1. 29–32; Фест. Lucomedi; Titiensis; Схолии к Персию. I. 20; Сервий. Комментарии к Энеиде. V. 560; Ср.: Плутарх. Ромул. 20; См. о трех трибах также: Варрон. О латинском языке. V. 81; 89; 91; Тит Ливий. I. 13. 8; 36. 2; X. 6. 7; Овидий. Фасты. III. 131–132; Анней Флор. II. 6. 18; Фест. Sex Vestae; Луций Ампелий. 49. 1; Дион Кассий. I. Фр. 5. 8; Исидор Севильский. Этимологии. IX. 4. 7.

Варрон. О латинском языке. V. 55.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 37. 2–5; 42. 2; 43. 2.

Цицерон. О государстве. II. 8. 14; Варрон. О латинском языке. V. 55; Проперций. Элегии. IV. 1. 29–32; Фест. Lucomedī; Аврелий Виктор. О знаменитых людях. II. 11; Сервий. Комментарии к Энеиде. V. 560; Схолии к Персию. I. 20; Ср.: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 37. 2.

Φεσπ. Lucereses et Luceres.

Плутарх. Ромул. 20.

Тит Ливий. I. 13. 8.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 55. 6.

Фест. Curia; Novae curiae; См. о создании куриий: *Цицерон.* О государстве. II. 8. 14; *Тит Ливий.* I. 13. 6–7; *Плутарх.* Ромул. 14; 20; *Фест.* Titia; *Дион Кассий.* I. Фр. 5. 8; *Аврелий Виктор.* О знаменитых людях. II. 12; *Сервий.* Комментарии к Энеиде. VIII. 638; *Юстиниан.* Дигесты. I. 2. 2. 2.

Фесм. Curia.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 47. 3–4; Ср.: *Цицерон*. О государстве. II. 8. 14; *Плутарх*. Ромул. 14; 20; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 638.

Тит Ливий. I. 13. 6–7; Ср.: Фест. Curia.

Тит Ливий. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 64. 1; 65. 4; Фест. Сурга; Иоанн Лид. О должностях. I. 9. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 21.2—23.2.

Там же. II. 47. 4.

Варрон. О латинском языке. V. 55. При этом ученые полагают, что при Ромуле земельные владения трех указанных триб уже охватывали Палатин с Велией, Целий, Эсквилин, Квиринал, Капитолий и часть долины Форума.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 7. 4.

370

Там же. II. 55. 6.

Варрон. Сельское хозяйство. I. 10. 2; См. также: Плиний Старший. XIX. 19. 50; Фест. Centuriatus.

Плиний Старший. XVIII. 2. 7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. III. 1. 4

Фесm. Romulia tribus.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 28. 2–3.

Макробий. Сатурналии. I. 12. 16; Анней Флор. I. 1. 15; Ср.: Евсевий. Хроника (армянская версия). 82; Иероним. Хроника. 90b.

Овидий. Фасты. VI. 83–86.

Варрон. О латинском языке. V. 81; 89; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 2. 3; 14. 4; 16. 2; Плутарх. Ромул. 13; Дион Кассий. I. Фр. 5. 8; Вегеций. II. 7; Иоанн Лид. О должностях. I. 9.1–2; 14.1; Зонара. VII. 3; Ср.: Иоанн Лид. О месяцах. IV. 72; Исидор Севильский. Этимологии. IX. 3. 32.

Овидий. Фасты. III. 128–132.

Плутарх. Ромул. 21.

Варрон. О латинском языке. V. 91; *Тит Ливий*. I. 13. 8; 36. 2–3; 43. 8–9; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 2. 3; *Овидий*. Фасты. III. 128–132; *Плутарх*. Ромул. 13; *Фест*. Тштпа; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 11; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. IX. 368; *Иоанн Лид*. О должностях. I. 9. 3–4; 14. 1; *Иоанн Антиохийский*. Фр. 31; *Зонара*. VII. 3.

Варрон. О латинском языке. V. 91; Фест. Турма.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 34. 2.

Тертуллиан. О зрелищах. 9.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 30. 3; 31. 2; *Плутарх*. Римские вопросы. 48; *Ромул*. 14; *Страбон*. V. 3. 2; *Валерий Максим*. II. 4. 4; *Тертуллиан*. О зрелищах. 5; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 2; Ср.: *Тит Ливий*. I. 9. 6; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 33. 2.

Варрон. О латинском языке. VI. 13; Овидий. Фасты. II. 857–860; III. 517–522; Фест. Equigria; Тертуллиан. О зрелищах. 5; Существовал еще праздник Октябрьского коня, но не все ученые относят его учреждение к эпохе Ромула.

Тертуллиан. О зрелищах. 5.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 13. 1–3; См. также о целерах: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 29. 1; 64. 3; *Тит Ливий*. I. 15. 8; *Плутарх*. Ромул. 26; Нума. 7; *Зонара*. VII. 4–5; Подругой версии целеры представляли собой кавалерию: *Плиний Старший*. XXXIII. 9. 35; *Фест*. Celeres; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. XI. 603; *Иоанн Лид*. О должностях. I. 9. 3–4; 38. 5.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 14. 4.

Плутарх. Ромул. 20; Иоанн Лид. О должностях. I. 16. 2.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 16. 2.

Там же. II. 14. 3; См. также: *Аппиан*. Римская история. VIII. 17. 112.

Тит Ливий. I. 43. 10.

См., напр.: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 6. 1; Ср.: *Юстиниан*. Дигесты. I. 2. 2.

Тит Ливий. I. 8. 1.

Овидий. Фасты. V. 57–78.

Тит Ливий. I. 8. 7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 12. 1–2; Ср.: *Овидий*. Фасты. III. 127–128; О создании сената см. также: *Цицерон*. О государстве. II. 8. 14; 9. 15; 12. 23; *Тит Ливий*. I. 8. 7; *Овидий*. Фасты. VI. 83–86; *Веллей Патеркул*. I. 8. 6; *Плутарх*. Ромул. 13; Римские вопросы. 58; *Тацит*. История. I. 84; *Анней Флор*. I. 1. 15; *Фест*. Patres; Senatores; *Луций Ампелий*. 49. 1; *Юстин*. XLIII. 3. 2; *Лактанций*. Божественные установления. II. 6. 14; *Евтропий*. I. 2. 1; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 11; *Евсевий*. Хроника (армянская версия). 82; *Иероним*. Хроника. 90b; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VIII. 105; *Макробий*. Сатурналии. I. 12. 16; *Иоанн Лид*. О должностях. I. 16. 1; *Исидор Севильский*. Этимологии. IX. 4. 11; *Зонара*. VII. 3.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 14. 2.

Там же. II. 14. 1–3.

Проперций. Элегии. IV. 1. 11–14.

Φεσν. Pedarium senatorem.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 47. 1; См. также: Там же. II. 57. 1; Плутарх. Ромул. 20; Зонара. VII. 4.

Плутарх. Ромул. 20.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 5. 1–2; 6. 1; 7. 1.

Плутарх. Ромул. 26; *Плиний Старший.* IX. 63. 136; *Сервий.* Комментарии к Энеиде. I. 276; 506; VII. 187; 612; *Иоанн Лид.* О должностях. I. 7. 1–7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 14. 1.

Там же. III. 3. 1; II. 37.2.

Плутарх. Ромул. 27.

Тацит. Анналы. VI. 11; См. также: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 12. 1.

Тит Ливий. I. 8. 2; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 29. 1; *Плутарх*. Ромул. 26; Римские вопросы. 67; *Элиан*. О природе животных. X. 22; *Иоанн Лид*. О должностях. I. 8. 1.

Плутарх. Ромул. 26.

Тит Ливий. I. 8. 3; Ср.: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. III. 61. 1–3.

Юстиниан. Дигесты. I. 13. 1.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 15. 2.

Там же. II. 25. 1–6.

Плиний Старший. XIV. 14. 89; Об этом же см.: Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 25. 6; Валерий Максим. VI. 3. 9; Авл Геллий. X. 23; Тертуллиан. Апологетик. VI. 4; Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 737.

Плутарх. Ромул. 22.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 26. 4; 27. 1–2.

Плутарх. Ромул. 22.

421

Фесm. Plorare.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 10. 3; Ср.: Сервий. Комментарии к Энеиде. VI. 609.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 16. 1.

Тит Ливий. I. 8. 1; Ср.: Юстиниан. Дигесты. I. 2. 2. 2.

Юстиниан. Дигесты. I. 2. 2. 2.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 14. 1.

427

Там же. 11.29. 1.

Там же. II. 29. 1; Об этом же см.: *Плутарх*. Ромул. 26.

Августин. О граде Божием. IV. 23; VI. 10.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 18. 2.

431

Там же. II. 34. 4; 50. 2–3.

Плутарх. Римские вопросы. 47.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 50. 3; Тит Ливий. X. 37. 15–16.

Плиний Старший. XIV. 14. 88.

Авл Геллий. XI. 14. 1–2.

Цицерон. О государстве. II. 9. 16; Ср.: Цицерон. О природе богов. III. 2. 5; Тускуланские беседы. IV. 1. 1; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 6. 1; Тит Ливий. IV. 4. 2; X. 6. 7.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 6. 1.

Плиний Старший. XVIII. 2. 6; См. также: Авл Геллий. VII. 7. 8; Фульгенций. Выдержки из речей древних. 9.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 22. 3. Впрочем, некоторые ученые считают, что Дионисий здесь ошибся и упомянул гаруспиков вместо авгуров.

*Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 65. 1–4; Ср.:
Плутарх. Ромул. 22.*

Макробий. Сатурналии. I. 12. 3; 5–6; 8–9; 16. Ср.: Плутарх. Нума. 18: «При Ромуле в исчислении и чередовании месяцев не соблюдалось никакого порядка: в некоторых месяцах не было и двадцати дней, зато в других — целых тридцать пять, а в иных — и того более. Римляне понятия не имели о различии в обращении луны и солнца, и следили только за тем, чтобы год неизменно состоял из трехсот шестидесяти дней».

Овидий. Фасты. I. 27–42; О календаре Ромула см. также: *Овидий*. Фасты. III. 72–78; 97–122; 133–134; IV. 19–80; V. 57–78; VI. 83–88; *Плутарх*. Нума. 18–19; Римские вопросы. 19; *Авл Геллий*. III. 16. 16; *Солин*. I. 35–36; *Цензорин*. О дне рождения. 22; *Макробий*. Сатурналии. I. 12. 38; *Иоанн Лид*. О месяцах. I. 16; *Иоанн Малала*. VII. 3.

Макробий. Сатурналии. I. 15. 5.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 28. 3.

Макробий. Сатурналии. I. 16. 32.

Плутарх. Ромул. 27; См. также: *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 56. 3; *Плутарх*. Ромул. 26; Тесей — Ромул. Сопоставление. 31 (2); *Тацит*. Анналы. III. 26, *Дион Кассий*. I. Фр. 5. 11; Фр. 6. 1; *Зонара*. VII. 4; Ср.: *Тит Ливий*. I. 15. 8; О мудрости Ромула см.: *Цицерон*. Об ораторе. I. 9. 37; О государстве. II. 11.21.

Тит Ливий. I. 16. 1–3; *Плутарх*. Ромул. 27; См. также: *Цицерон*. О государстве. I. 16. 25; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 56. 2; 6; *Плутарх*. Камилл. 33; *Анней Флор*. I. 1. 16–17; *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию. CVIII. 31; *Тертуллиан*. Апологетик. XXI. 23; *Солин*. I. 20; *Евтропий*. I. 2. 2; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 13; *Августин*. О граде Божием. III. 15; *Зонара*. VII. 4; Ср.: *Дион Кассий*. I. Фр. 6. 1.

Плутарх. Ромул. 27; См. также: Плутарх. Нума. 2.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 56. 4; *Валерий Максим*. V. 3. 1; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 114; *Дион Кассий*. I. Фр. 6. 1; Об убийстве Ромула сенаторами см. также: *Тит Ливий*. I. 16. 4; *Анней Флор*. I. 1. 17; *Арнобий*. I. 41; *Августин*. О граде Божием. III. 15; Ср.: *Corpus Inscriptionum Latinarum*. I². Fasti Polemii Silvii. P. 259.

Плутарх. Ромул. 27; Ср.: Плутарх. Собрание параллельных греческих и римских историй. 32.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 56. 5.

Плутарх. Ромул. 29; См. также: *Варрон.* О латинском языке. VI. 18;
Плутарх. Нума. 2; Камилл. 33; Об удаче римлян. 8; Ср.: *Макробий.*
Сатурналии. I. 11. 36–40; III. 2. 14.

Плутарх. Ромул. 28; Об этом же см.: *Цицерон*. О государстве. II. 10. 20; О законах. I. 1. У, *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. II. 63. 3–4; *Тит Ливий*. I. 16. 5–8; *Плутарх*. Нума. 2; Собрание параллельных греческих и римских историй. 32; *Анней Флор*. I. 1. 18; *Дион Кассий*. I. Фр. 6. 1; LVI. 46. 2; *Минуций Феликс*. Октавий. 24. 1; *Киприан Карфагенский*. О суете идолов. 4; *Лактанций*. Божественные установления. I. 15. 32–33; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. II. 13; *Иероним*. Хроника. 91a; *Августин*. О граде Божиим. III. 15; *Зонара*. VII. 4.

Цицерон. О государстве. I. 16. 25; II. 10. 17; *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. I. 75. 1; II. 56. 7; *Тит Ливий*. I. 21. 6; *Плутарх*. Ромул. 27; 29; Нума. 2 (ошибочно указано 5 июля); *Солин*. I. 19; *Элий Лампридий*. Коммод Антонин. II. 2; *Секст Руф*. Бревиарий о победах и провинциях римского народа. 2; Ср.: *Corpus Inscriptionum Latinarum*. X. 809 (*Inscriptiones Latinae Selectae*. № 64): «Ромул, сын Марса, основал город Рим и правил 38 лет...» (Пер. Е. В. Федоровой). Цифра 38 встречается у Плутарха, который пишет, что Ромул исчез «на тридцать восьмом году своего царствования» (Ромул. 29), а не правил 38 лет. Очевидно, что это же подразумевается и в указанной надписи.

Порфирион. Комментарии к Горацию. Эподы. 16. 13; Гораций. Эподы. 16. 13.

Псевдо-Акрон. Комментарии к Горацию. Эподы. 16. 14.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. 87. 2; Ср.: Там же. III. 1. 2.

458

Фесm. Niger lapis.

Энний. *Анналы*. Фр. 61. 105–111 (114–115, 117–121); *Цицерон*. *О государстве*. I. 16. 25; II. 10. 17; 10. 20; VI. 22. 24; *О природе богов*. II. 24. 62; III. 15. 39; *Третья речь против Катилины*. I. 2; *Тускуланские беседы*. I. 12. 28; *Гораций*. *Оды*. III. 3. 15–36; *Послания*. II. 1. 5–6; *Дионисий Галикарнасский*. *Римские древности*. II. 63. 3–4; *Тит Ливий*. I. 7. 15; 49. 1; *Овидий*. *Фасты*. II. 144; *Плиний Старший*. XV. 36. 120; *Квинтилиан*. *Риторические наставления*. III. 7. 5; *Марциал*. *Эпиграммы*. XIII. 16; *Плутарх*. *Ромул*. 29; *Нума*. 5; *Тацит*. *Анналы*. IV. 38; *Тертуллиан*. *К язычникам*. II. 9; *Минуций Феликс*. *Октавий*. 25. 8; *Арнобий*. I. 41; III. 39; *Лактанций*. *Божественные установления*. I. 15.29–33; I. 21. 22–23; *Евтропий*. I. 2. 2; *Аврелий Виктор*. *О знаменитых людях*. II. 14; *Сервий*. *Комментарии к Энеиде*. I. 292; VI. 777; *Августин*. *О граде Божиим*. II. 14; 15; III. 15; XVIII. 21; XXII. 4; *Зонара*. VII. 4; См. также: *Corpus Inscriptionum Latinarum*. X. 809; IV. 3135; 7353; 8568; 8995.

Овидий. Фасты. II. 475–512; Ср.: *Овидий*. Метаморфозы. XIV. 805–828.

Овидий. *Метаморфозы*. XIV. 829–851; См. также: *Плутарх*. *Римские вопросы*. 46; *Авл Геллий*. XIII. 23. 2.

Варрон. О латинском языке. VI. 13; Овидий. Фасты. II. 513–532; Плутарх. Римские вопросы. 89; Фест. Quirinalia dies; Stultorum feriae; Fomacalia.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 48. 1–4; См. также: Варрон. О латинском языке. V. 74; Фест. Сигис.

Варрон. О латинском языке. V. 74; Фест. Ordo sacerdotum.

*Варрон. О латинском языке. V. 51; Фест. Quirinalis collis; Ср.:
Плутарх. Ромул. 29.*

Плутарх. Ромул. 29; См. также: *Овидий*. Фасты. II. 477–480; *Фест*. Curis; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. 1.292; *Макробий*. Сатурналии. I. 9. 16; *Исидор Севильский*. Этимологии. IX. 2. 84.

Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 292; Ср.: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. III. 35; VI. 859.

Светоний. Божественный Август. 22; Ср.: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VII. 610.

Фест. Persillum; Ср.: Стаций. Сильвы. V. 2. 128–129.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 70. 1–5; III. 32.4;
Тит Ливий. 1.20.4; 27. 7; V. 52. 7; См. также: *Сервий*. Комментарии к
Энеиде. VIII. 663.

Тит Ливий. 1.20.2; *Плутарх*. Нума. 7; *Фест*. Ordosacerdotum;
Августин. О граде Божием. II. 15; См. также: *Тит Ливий*. III. 32. 3; V. 40. 7–
8.

Овидий. Фасты. IV. 901–942; *Лея Геллий*. VII. 7. 7; *Тертуллиан*. О зрелищах. 5.

Овидий. Фасты. IV. 901–942.

Плиний Старший. XV. 36. 120–121.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. 63. 3; Тит Ливий. IV. 21. 9. (435 до н. э.); VIII. 20. 8. (329 до н. э.).

Тит Ливий. X. 46. 7; Плиний Старший. VII. 60. 213.

Овидий. Фасты. VI. 795–796; *Дион Кассий*. LIV. 19. 4–5; О храме Квирина см. также: *Овидий*. Любовные элегии. III. 8. 49–52; *Плиний Старший*. XV. 36. 120; *Плутарх*. Ромул. 29; *Фест*. Quirinalis porta. Ср.: *Варрон*. О латинском языке. V. 54.

Плиний Старший. XXXIII. 4. 9; XXXIV. 11. 23; Плутарх. Ромул. 16.

Corpus Inscriptionum Latinarum. X. 809 (Inscriptiones Latinae Selectae. № 64). Пер. Е. В. Федоровой.